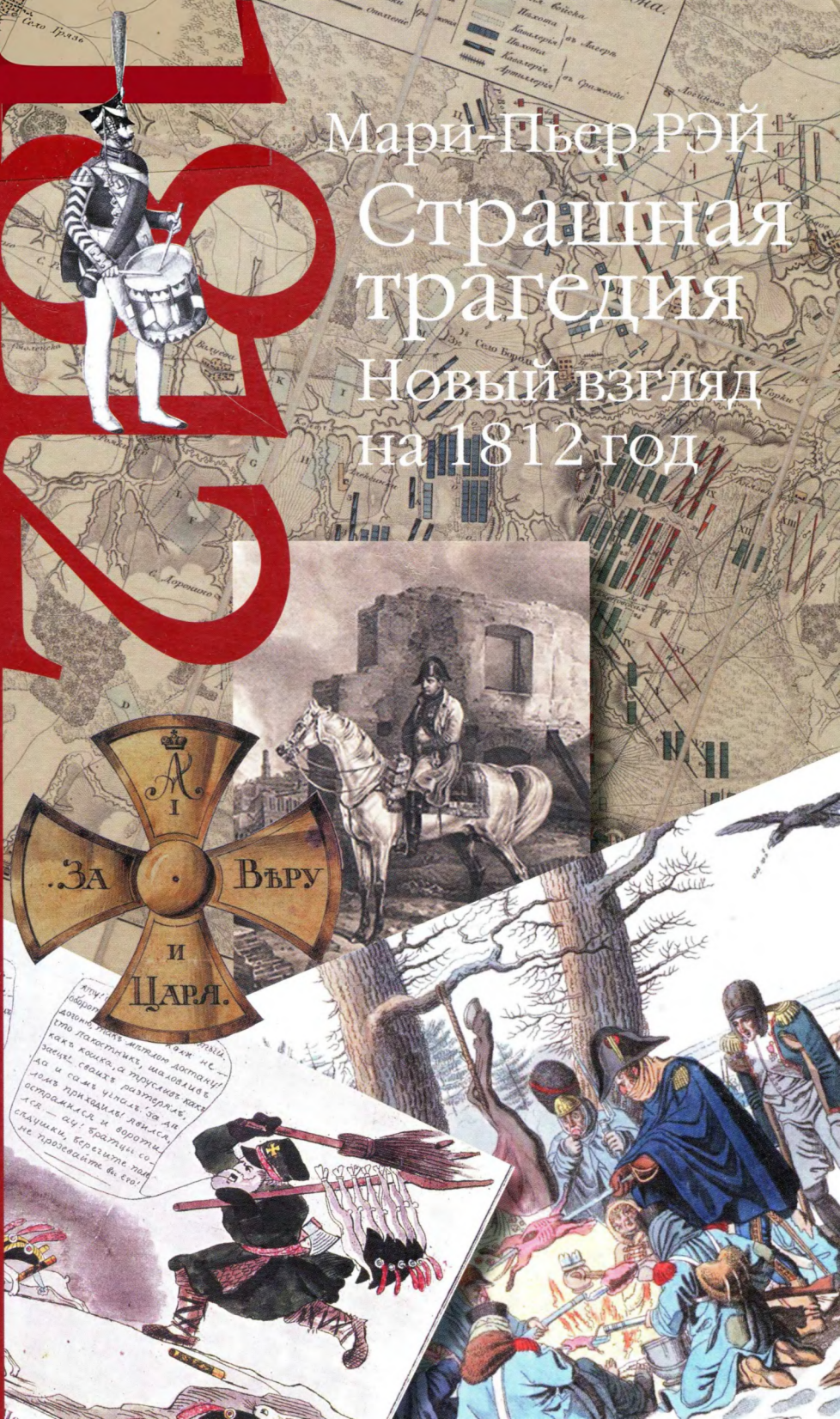

Страшная трагедия

Мари-Пьер РЭЙ

Э П О Х А

Мари-Пьер РЭЙ Страшная трагедия Новый взгляд на 1812 год

Marie-Pierre
Rey

L'Efroyable tragédie

Une nouvelle
histoire
de la campagne
de Russie

Flammarion
2012

Мари-Пьер
Рэй

Страшная трагедия

Новый взгляд
на 1812 год

РОССПЭН
Москва
2015

УДК 94(4+47)
ББК 63.3(2)47
Р96

*Издание осуществлено в рамках программы
содействия издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Французского института*

Scan - anatoli
Red - waleriy

Рэй М.-П.

Р96 Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год / Мари-Пьер Рэй ; [пер. с франц. А. Ю. Терещенко]. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 312 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-8243-1928-6

Эта книга – попытка по-новому взглянуть на, казалось бы, уже вдоль и поперек изученный сюжет наполеоновского нашествия на Россию. Мари-Пьер Рэй, одна из лучших французских специалистов по истории России, рассказала про войну 1812 года, в равной степени опираясь на французские и русские источники. Основной акцент сделан не на военные действия, а на страдания простых людей, оказавшихся участниками этой страшной трагедии – французских и русских солдат и мирных жителей. По словам автора, «человеческое измерение не получило достаточного внимания историков, которые, жонглируя людьми, войсковыми подразделениями и полками, как оловянными солдатиками, не всегда пытались отдать себе отчет в их чувствах». Мари-Пьер Рэй старается исправить это упущение.

УДК 94(4+47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-8243-1928-6

© Éditions Flammarion, 2012
© Терещенко А. Ю., перевод на русский язык, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

К ФРАНЦУЗСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

В XIX веке Российская империя жила по юлианскому календарю, который на двенадцать дней отставал от григорианского, принятого в остальной Европе. Чтобы не проставлять двойную датировку, что для многих неудобно, я решила как в тексте, так и в примечаниях использовать григорианский календарь, в большей степени привычный для западного читателя.

Чтобы облегчить чтение моей книги, я офранцузила имена и фамилии упоминающихся в тексте персонажей, вместе с тем оставив написание, фигурирующее в цитируемых мною произведениях. В примечаниях и библиографии эти имена предстают в транслитерации. Чтобы избежать не слишком удобного использования диакритических знаков, я выбрала транслитерацию согласно норме ГОСТ 1971.

Географические названия (городов, деревень, регионов и т. д.) приводятся в современной форме, что облегчит задачу читателя, желающего найти их на карте. Но в тех случаях, когда название изменилось за последние два века, в примечании или прямо в тексте указывается их название в 1812 году.

Вместе с тем в словаре географических названий фигурирует небольшая таблица переименований.

Наконец, я уточняю, что, за вычетом тех случаев, когда это особо отмечено в примечании, я сама переводила на французский язык все цитаты из российских архивов или исторических трудов. То же самое относится к документам англосаксонского происхождения.

ПРЕДИСЛОВИЕ. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА 1812 ГОД

Немногие события современной европейской истории вызывали такую бурю страстей, как «российский поход», который русские называют «Отечественная война». Во Франции за минувшие два века было создано великое множество поэм, романов, гравюр и картин, отражающих грандиозную и трагичную эпопею. Из поколения в поколение дети Французской республики учили наизусть и декламировали величественные стихи Виктора Гюго:

Шел снег. Стал гибелью недавний путь победный.
Впервые голову орёл понурил медный.
Рок! Император брёл и грезил наяву,
Покинув позади горящую Москву.
Шел снег. Зима на мир обрушилась лавиной:
Равнина белая за белою равниной.
Ни командиров там не видно, ни знамен¹.

Бальзак тоже посвятил этой исключительной истории немало волнующих страниц как в новелле «Прощай!», опубликованной в 1830 году, так и в нескольких романах. В «Сельском враче» майор Женеста говорит: «Дело было во время отступления из Москвы. Какая уж там великая армия! Мы скорее смахивали на стадо замороженных быков». В современной литературе упоминания о походе стали более редкими²; но по-прежнему в ходу выражение «это Березина», означающее провал или катастрофу и представляющее собой нечто вроде отклика на трагедию 1812 года; наконец, к эпопее обратились создатели компьютерных игр.

Для России война 1812 года значит ещё больше. Гений Толстого в романе «Война и мир» превратил её в предмет литературы и философии, если не в миф. Ей посвящены мемориалы: уже при Николае I Бородинское поле стало местом коллективной памяти, а в 1912 году войне был посвящён музей. Она послужила основанием для современного русского патриотизма. Наконец, празднование двухсотлетия кампании в России подчёркнуло её важность для национальной идентичности.

Война 1812 года – не только предмет литературы, искусства и философии, не только краеугольный камень современного русского па-

триотизма, это ещё и предмет истории. Ей посвящено головокружительное количество трудов. С 1812 по 1912 год на русском языке вышло не менее пяти тысяч книг и десяти тысяч статей про эту войну³ и почти столько же на остальных европейских языках! И хотя в XX веке советские историки, казалось, не сдвинулись с места, отвлекшись от этой темы⁴, эстафету перенял Запад в лице исследовательских центров или обществ изучения наполеоновской эпохи. С приближением двухсотлетия появилось множество новых книг и альбомов, которые в очередной раз пленяют умы.

По какой же причине и я, вслед за другими, взялась за столь хорошо изученную тему, о которой, казалось бы, написано уже всё? На самом деле мне захотелось показать читателю 1812 год с новой стороны, в глобальной перспективе (выходящей за рамки собственно военных аспектов), объединив французскую и русскую точки зрения и учитывая при этом всё то, что прочувствовали и пережили военные и гражданские лица, прошедшие это испытание.

Безусловно, современная историография привнесла структурирующие элементы, фундаментально важные для изучения российского похода. Но, с моей точки зрения, она уделяет чрезмерное внимание военным и стратегическим вопросам в узком смысле. Она детально рисует ход военных операций, позволяет с точностью установить число потерь с одной и с другой стороны в крупных битвах (Бородино или Москворецкое сражение, как говорят французы, Малоярославец, Березина...) или даже в незначительных стычках – «мелких делах», как их называли бойцы в письмах домой. Среди важнейших трудов по военной истории нужно в первую очередь упомянуть недавно вышедшую книгу Доминика Ливена «Россия против Наполеона, или Битва за Европу, 1807–1814»⁵, яркий труд с многочисленными ссылками на архивные материалы. Тем не менее, хотя изложенные в этих трудах факты и приведенные данные внушают доверие⁶, мне кажется, что они не смогли в полной мере передать накал, жестокость и исключительность войны 1812 года, которая со многих точек зрения была если не первой, то уж точно одной из первых войн в европейской истории, приближающихся по своему масштабу к «тотальным». Географический охват, численность армий (более 500 тысяч человек со стороны Великой армии, немногим меньше с русской стороны), масштабы потерь как боевых⁷, так и среди гражданского населения, что было вызвано бесчинствами Великой армии при её наступлении⁸, – всё это указывает на то, что российский поход был чем-то большим, чем просто военное приключение.

Кроме того, историография 1812 года в большинстве случаев односторонняя: оказывая предпочтение позиции одной из двух главных действующих сторон, Франции или России, историки редко пытались

сравнивать зачастую противоположные взгляды на одни и те же события⁹, что приводит к написанию ангажированных, а то и тенденциозных трудов.

Использование этой войны в политических целях особенно заметно в России, куда в большей степени, чем во Франции. Уже в середине XIX века царистская историография сделала из этой трагедии основу для создания национальной идентичности¹⁰. Александра I описывали как харизматичного царя, сумевшего скрепить союз различных социальных классов, а Кутузова – как воплощение квинтэссенции русского героя, простого и мудрого человека¹¹, полную противоположность Наполеона, которого рассматривали как жертву мегаломании и эгоистичного властолюбия. Именно такая точка зрения свойственна трудам А. И. Михайловского-Данилевского (в 1839 году он первым назвал франко-русский конфликт «Отечественная война»¹²) и фреске Толстого, который ошибся в своём стремлении сделать из Кутузова единственного настоящего героя этой войны.

Советские историки отличались контрастирующими взглядами на войну 1812 года. В первые два десятилетия после Октябрьской революции 1917 года они сомневались в патриотизме русских крестьян. По их мнению, реакционный царский режим не мог способствовать мобилизации народных масс, и воинственный дух крестьян объясняется не острым чувством патриотизма, а глубокой привязанностью к личному имуществу (скот, урожай), которое нужно было защищать от пришельцев¹³. Начиная с 1936–1937 годов под влиянием Сталина и перед лицом назревавшей опасности со стороны нацистской Германии в войне 1812 года пытались найти истоки массового патриотизма. Кутузов был возведён в ранг спасителя «Отечества»; фельдмаршала всё больше уподобляли Сталину, а сразу после вторжения в СССР нацистских войск в июне 1941 года вспомнили и старую терминологию: войну с Гитлером называли «Великая Отечественная война», что напоминало об Отечественной войне 1812 года. После десталинизации появились более глубокие труды, но в 1960–1970-е годы родились и новые мифы: численность вторгнувшихся в Россию войск неприятеля систематически росла¹⁴, чтобы повысить престиж русской армии, а Кутузов стал приобретать облик сдержанного, сурового крестьянина... Более глубокие академические труды появились вместе с перестройкой: их авторами были В. Сироткин¹⁵ и Н. Троицкий¹⁶. Но и эти работы по-прежнему оказывали предпочтение лишь одной точке зрения – в данном случае русской, а также ставили во главу угла военные вопросы.

Многие французские историки, делая упор на срыв франко-русских переговоров, который, по их мнению, «вынудил» Наполеона напасть на Россию, имели тенденцию приуменьшать империалисти-

ческую природу этого нападения, восхищаться военным гением Наполеона и храбростью французских солдат на территории России. Их труды изобилуют описаниями героических военных операций, и по справедливости их львиная доля приходится на Бородинское сражение и переправу через р. Березину. Эти операции часто использовались, чтобы представить Великую армию в выгодном свете. По мнению этих историков, она так и осталась непобедимой в военном плане, её одолел лишь знаменитый «генерал Мороз» – суровый климат и исключительная отвага русских солдат, ставших непобедимыми не из любви к родной земле, а благодаря выпивке, которой маршал Кутузов щедро наделял их перед боем. А вот об ошибках Наполеона в оценке дипломатических и военных сведений речь идёт гораздо реже. Кроме того, французская историография часто приуменьшала бесчинства Великой армии и предпочитала хранить молчание по поводу запретных тем, например случаев антропофагии, хотя о них рассказывают многие источники. Наконец, как будто с целью приуменьшить успехи русской армии французские историки часто изображали её руководство безликим, нерешительным и слабовольным, уверенно утверждая (даже не заглянув в русские архивы), что стратегия отступления Барклай-де-Толли и Кутузова была обусловлена лишь обстоятельствами, но ни в коем случае не была результатом взвешенного и обдуманного решения. На мой взгляд, всё это делает необходимым изложить такую историческую концепцию, которая примет во внимание и русскую, и французскую точки зрения.

Наконец, до настоящего времени историки не особо интересовались людьми – мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, бойцами и гражданскими лицами, участниками и свидетелями этой трагической эпопеи, несмотря на то что прямые источники (письма, дневники, мемуары) позволяют проследить многие из этих сломанных судеб. Насилие, физические страдания от холода и голода, психические травмы солдат и гражданских лиц – всё это свидетельствует, до какой степени война 1812 года была тяжким испытанием для тел, душ и сердец. Мне кажется, что человеческому измерению войны историки не уделили достаточного внимания, когда они, описывая действия людей, войсковых подразделений и полков, уподобляли их оловянному солдатику и не всегда отдавали себе отчёт о чувствах участников и свидетелей событий, в том, что пережили и что чувствовали военные и штатские.

Хотя несколько авторов предприняли такую попытку, и использование прямых источников позволило сделать им это талантливо¹⁷, а порой лирично и пафосно передать страдания солдат, но они часто отождествляли себя со своими героями, и их история похода стано-

вилась эмпатической¹⁸. Кроме того, когда историки интересовались людьми, они часто забывали о героях безымянных, выбирая главных героев похода и рассуждая о том, действительно ли насморк Наполеона или рожистое воспаление Александра сыграли решающую роль в Бородинском сражении, либо когда описывали импульсивность Мюрата или Багратиона, стоическую мудрость Барклая-де-Толли или Нея, «безумие» Жюно или Ростопчина. Я не отрицаю важной роли этих персонажей (к ним я ещё вернусь в этой книге), но мне кажется целесообразным выслушать свидетельства и маленьких людей – врачей и их помощников, унтер-офицеров, простых солдат, священников, горожан, крестьян, московских детей, которым пришлось уходить из своего города, и просто безымянных людей, не по своей воле оказавшихся героями истории, часто поворачивавшейся к ним жестокостью стороной.

Чтобы написать эту глобальную историю российского похода, я прибегла к использованию очень разных источников, как русских, так и французских, польских и немецких.

Что касается французских источников, я опиралась на публикации Министерства иностранных дел и Министерства обороны (Историческая служба штаба сухопутной армии в Венсене). Русские источники я изучала по материалам национального архива (ГА РФ), военно-исторического архива (РГВИА), с которыми я познакомилась по микрофильмам Русского центра Иллинойского университета в Урбана-Шампейне¹⁹ и Отдела рукописей Императорской библиотеки Санкт-Петербурга.

Чтобы оценить природу и масштабы военной пропаганды, я ознакомилась с Бюллетенями Великой армии, которые были главным инструментом влияния, помогавшим создать официальную версию конфликта, и их русским аналогом – царскими прокламациями. Я также изучила «афиши», то есть пасквилы, которые генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин²⁰ составлял и расклеивал на улицах своего города, чтобы взбудоражить общественное мнение и восстановить жителей против захватчиков.

К этим письменным источникам добавились иконографические: на протяжении всей войны пропаганда с обеих сторон (особенно русская) использовала самые различные методы – лубки, рисунки, картины и карикатуры, чтобы попытаться выковать если не национальное самосознание (что было сложной задачей в многоэтничной имперской структуре)²¹, то по крайней мере патриотизм, который сделал бы борьбу с врагом более эффективной.

Кроме источников, исходивших от властных структур, были изучены и частные: переписка, дневники²² и мемуары²³. Конечно, воспоминания, созданные постфактум, порой спустя долгие годы после

самих событий, часто содержат ошибки, шаблонные суждения, мифы; с ними нужно обращаться осторожно²⁴, но, несмотря на их ограниченность, эти непосредственные источники представляют огромный интерес, они демонстрируют «человеческую кожу, куда более чувствительную, чем бумага»²⁵. Я почерпнула захватывающие свидетельства из переписки и мемуаров членов русского и французского генеральных штабов, офицеров, унтер-офицеров, солдат, а также гражданских лиц, взрослых и детей. Наконец, чтобы сгладить пристрастность и неполноту этих источников, потому что крестьяне, неграмотные бойцы, редко оставляли письменные свидетельства (в наши дни известны лишь два рассказа, написанных крестьянами, рекрутированными в царскую армию²⁶), я работала с песнями, гражданскими и полковыми, народными стихами и баснями, сложенными во время войны вооружённым народом²⁷.

Я надеюсь, что сопоставление и сравнение этих источников поможет читателю XXI века как можно больше приблизиться к страшной реальности войны 1812 года, чтобы он понял слова выжившего младшего лейтенанта Дюка, который, вернувшись из русского ада, высказался лаконично и вместе с тем очень сильно: «Мы на собственном опыте узнали самое бедственное положение, какое только может пережить человеческое существо»²⁸.

ПРОЛОГ

Утром 14 сентября, проведя ночь в Дорогомиловском предместье, в 7 км от Москвы, лёгкая кавалерия 2-го корпуса Великой армии готовилась войти в Москву. Для 45-летнего Иохима Мюрата, блистательного короля Неаполитанского, выделявшегося «своим поистине театральным нарядом»¹, «своей золотой шляпой с перьями»² и зелёной венгеркой с золочёными шнурами, наступила торжественная минута. Вход в священный город должен был подтвердить психологическую победу над врагом и предоставить заслуженный отдых людям, изнурённым после недельных марш-бросков сначала под проливными дождями, а затем при сильной жаре. Ощущалось волнение солдат, безмолвно следовавших за Мюратом: они почти ничего не знали об этом городе, о котором мечтали долгие недели, но, увидев золотые купола церквей, красочные башни, заметные с Поклонной горы, и выбеленные известью фасады пышных дворцов, мимо которых они ехали, приближаясь к центру города по широким и свободным улицам, они чувствовали, что их ждут изысканные интерьеры, удобные постели и полные погреба. Москва, думали они, возместит страдания, длившиеся более чем два месяца.

Осторожно вступая в город (возможность ловушки была вполне реальна), Мюрат надеялся, что не встретит русскую армию и недавние стычки между его людьми и русским арьергардом не повторятся. На заре 14 сентября его посетил Фёдор Владимирович Акинфов, адъютант и посланник генерала от инфантерии Михаила Андреевича Милорадовича³, командующего русским арьергардом. От имени генерала он потребовал у Мюрата несколько часов перемирия, чтобы организовать мирное отступление армии. Не обошлось и без угроз: если соглашение не будет заключено, за Москву будут драться, защищая каждую пядь земли, до последнего солдата, и при необходимости подожгут город. В течение короткого мига Мюрат, не получивший от Наполеона никаких инструкций на этот счёт, колебался, но затем согласился на это предложение, заявив Акинфову, что он желает, чтобы Великая армия произвела на москвичей хорошее впечатление и чтобы остались в живых раненые и больные, находящиеся в госпиталях. Ещё в большей степени он не желал повторения катастрофического вступления в Смоленск, город, который месяцем раньше превратился в пепел, а также хотел обеспечить своим солда-

там комфортабельное жильё. Акинфов просил перемирия до полуночи; Мюрат проявил великодушие, продлив его до 7 утра 15-го сентября⁴. Таким образом, авангард Великой армии, входя в город вскоре после полудня 14-го, шёл по пятам за русскими полками, ещё не успевшими покинуть Москву, и офицеры двух армий нередко раскланивались, а то и разговаривали: «Офицеры и солдаты подходили друг к другу, жали друг другу руки, одалживали фляги с водкой и общались, как могли»⁵, – вспоминал Генрих фон Роос, врач Великой армии.

Эта любезность русских была обусловлена сложившейся ситуацией. Армия была вынуждена сдать город без боя. Чувства военных, мучившихся тем, что они бросают мирное население на произвол судьбы, колебались между яростью, стыдом и смятением. «Мне хотелось верить, что всё, что я вижу, – уныние, боязнь, растерянность жителей – только снится мне, что меня окружают только видения. Древние башни Москвы, гробницы моих предков, священный храм, где короновался наш государь, – всё зывало ко мне, всё требовало мести»⁶, – написал в дневнике молодой Александр Чичерин, лейтенант гвардии Семёновского полка. «Москва взята. Есть вещи необъяснимые»⁷, – напишет двумя днями позже великая княгиня Екатерина своему брату царю Александру I.

Тем временем войска короля Неаполитанского были восхищены. Город, в котором они расположились к 7 часам вечера 14-го, покорила их своим великолепием, как можно видеть из рассказа младшего лейтенанта Дюка, в то время конного стрелка 12-м полка:

Было яркое-яркое солнце, и мы изумлённо смотрели, как оно отражается от сиявших вдали золотых и серебряных куполов. Это блистательное зрелище вселяло удивительный энтузиазм в наших солдат, повторявших друг другу сказочное слово «Москва». Это была Москва, где мы надеялись найти радости и изобилие древней Капуи или настоящей Палестины, Москва, которая должна была положить конец нашим мучениям и невзгодам⁸.

Большая часть Великой армии, расположившаяся на Поклонной горе и ожидавшая вступления в город, восхищалась не меньше, «на фоне прекрасной погоды любясь тысячей золотых округлых колоколен, которые, отражая лучи солнца, казались издали светящимися шарами»:

Один из этих шаров, располагавшихся на вершине колонны или обелиска, имел форму аэростата, висящего в небе. Мы были вне себя от изумления, видя столь удивительную красоту, которая особенно привлекала после воспоминаний о грустных вещах, которым мы были свидетелями... и, захваченные стихийным порывом

вом, мы все кричали: «Москва, Москва!» Слыша это столь желанное имя, мы толпой побежали на холм и каждый что-то говорил, в каждый миг открывая новое чудо. Кто-то восхищался великолепным замком слева от нас, с изящной архитектурой, напоминавшей нам восточную; кто-то другой обращал внимание на дворец или храм; все мы были потрясены удивительной картиной этого великого города... Стены, раскрашенные в разные цвета, купола, золотые или покрытые свинцом и шифером, дарили пейзажу сильнейшее разнообразие, а террасы дворцов, обелиски городских ворот и особенно колокольни, построенные в форме минаретов, дарили нам реальность одного из знаменитых городов Азии, которые, как нам казалось до тех пор, существовали лишь в богатом воображении арабских поэтов⁹.

Вместе с тем очень быстро, уже в момент вступления в город, солдатам стало не по себе. Они медленно растянулись цепочкой по Арбату, одной из самых известных улиц центра Москвы. Внезапно «один крестьянин выстрелил в короля Неаполитанского и ранил полковника, стоявшего рядом с ним»¹⁰. За вычетом этого инцидента в городе царило странное безмолвие. Казалось, что Москва покинута своими жителями, как если бы вслед за отступающей армией ушло и население, оставив врагу свои дворцы, жилища, магазины и еду.

Первые полки Великой армии, польские гусары, в течение дня не раз попадая под огонь одиноких стрелков, часто пьяных, вечером достигли стен Кремля. В 9 часов вечера они расположились здесь, не встретив ни малейшего сопротивления, а генерал Дюронель и капитан¹¹ Гурго, отправленные в разведку, вскоре озадаченно сообщили, что чиновники, полицейские, дворяне и купцы покинули город. Безмолвный город порождал очень тревожное впечатление:

Вступая вслед за пехотой, я проходил через громадные площади и улицы. Я заглядывал в окна каждого дома и, не находя ни одной живой души, цепенел от ужаса. Изредка мы встречали наши кавалерийские полки, мчавшиеся во весь опор по улицам и также никого не находившие¹².

Некоторые, пытаясь рационально объяснить эту ситуацию, ждали засады, предательского удара; капитан Лефрансе безапелляционно заявил: «Большие города так просто не покидают. Эти каналы попрятались, мы их разыщем, и они будут перед нами стоять на коленях!»¹³.

Но в окрестностях Кремля, кроме раненых при Бородино, находилось лишь несколько сотен иностранцев (в том числе множество французов, радостно приветствовавших своих соотечественников) и чуть больше 6 тысяч русских. Это были чиновники и священники, в

большинстве своём люди больные, старые или увечные, слишком бедные, чтобы бежать, слуги, которым хозяева поручили следить за своим добром, а также купцы и ремесленники, решившие защищать свои лавки от вражеских солдат; примерно 2 % довоенного населения Москвы¹⁴. Жители начали покидать город уже на следующий день после Бородинского сражения, но когда было объявлено, что Москву сдадут, они стали уходить тысячами: кто в карете, кто пешком, вслед за отступающей армией. По словам князя Голицына, «армия и народ двигались вперёд, подобно морским волнам, а город потихоньку пустел»¹⁵. «Это уже был не ход армии, а перемещение целых народов с одного конца света в другой»¹⁶, – позднее напишет генерал Сергей Иванович Маевский.

Фёдор Васильевич Ростопчин, генерал-губернатор Москвы, описал в своих «Мемуарах» весь размах паники и толкотни, царившей у ворот города:

В городе всё находилось в смятении; наш отъезд удвоил всеобщую тревогу, и улицы были загромождены экипажами. Но самая трогательная сцена ждала нас за границей города: большая Троицкая дорога, по которой мы должны были ехать в Ярославль, была заполнена массой бедных пешеходов, плача покидавших город, с которым их связывали столь тесные узы. Они уносили с собой всё своё имущество. Коровы, собаки, лошади следовали за телегами, где можно было увидеть кухонную утварь, кур, детей, стариков, не способных идти... Нам пришлось двигаться со скоростью пешеходов, чтобы не вызвать несчастного случая, и лишь после первой почтовой станции дорогу перестали загромождать два ряда экипажей, как это было после Москвы¹⁷.

Наполеон, готовившийся во второй половине дня вступить в Москву со своей гвардией через Дорогомиловские ворота, не мог поверить в то, что город пуст. Он уже терял терпение, раздражённый тем, что его не встретила ни одна городская депутация. Император потребовал от государственного секретаря Пьера Дарю, чтобы тот привёл к нему бояр, от которых он ожидал вручения ключей от города, но Дарю никого не нашёл и привёл к императору пять-шесть бродяг: «По первому же ответу этих несчастных Наполеон понял, что перед ним лишь жалкие подёнщики»¹⁸.

Сбитый с толку, ошеломлённый французский император решил не отправляться этим же вечером в Кремль, а провести ночь у Дорогомиловских ворот. Для Наполеона не могло быть и речи о том, чтобы въехать в Москву незаметно: его триумфальное вступление в священный город должно было происходить при свете дня, но настроение императора заметно ухудшилось¹⁹, праздник был испорчен.

Ночью стало ещё хуже: адъютанты и интендантские офицеры сообщили Наполеону, что во многих местах Москвы, удалённых друг от друга, начались пожары. Решив вначале, что эти пожары случайно возникли по вине пьяных солдат, уже занятых грабежом в городе, Наполеон вызвал маршала Эдуара Мортье, герцога Тревизского, командующего гвардейской пехотой, которого он только что назначил военным губернатором Москвы, и приказал ему восстановить порядок и безопасность. Но между 11 часами вечера и полночью начался пожар на государственном складе спиртных напитков, а затем другой – на гигантском оружейном складе в нескольких километрах к востоку от Кремля. К 3 часам утра загорелись склады в торговом квартале Китай-город, где было изобилие индийских и персидских тканей, а за ними рынок Гостиного двора. «Магазины, в которых хранилось масло, жир или другие воспламеняющиеся товары, превратились в неугасимые очаги»²⁰. Северо-западный ветер, поднявшийся утром, разжёг пламя, перебрасывая огонь со склада на амбар, с амбара на дом, с дома на церковь, который неумолимо усиливался, и наполеоновские солдаты не могли с ним справиться, поскольку уже 13-го сентября граф Ростопчин «позаботился» о том, чтобы вывезти из города все средства тушения пожара:

После того, как я отправил Вашему Императорскому Величеству письмо от 1-го²¹, сообщив Вам, что город Москва будет предан врагу, я всю ночь занимался тем, что топил порох, разбивал бочки с вином, отправлял епископа и чудотворные иконы в Ярославль, а полицию, служащих и *пожарные трубы* во Владимир, под эскортом двух драгунских эскадронов²².

Пожар разросся настолько, что Иван Акинфиевич Туголмин, директор Воспитательного дома, в своём докладе царю от 19 сентября писал, что неспособен «достаточно описать... жестокости и ужасов пожара». 16 сентября «вся Москва была объята пламенем при самом сильном ветре, который еще более распространял огонь, и к тому весьма разорен город»²³. Аббат Сюррюг, французский священник католического прихода Святого Людовика, высказался в своём письме ещё ярче:

Огонь... распространялся столь активно, что казалось, мы видим огромный вулкан, кратер которого извергает потоки пламени и дыма; это был огненный потоп...²⁴

До 20 сентября священный город постепенно выгорал, пока четыре из пяти его зданий не превратились в обугленные руины. Перед лицом этой катастрофы русские растерялись, потому что никто не мог понять, а тем более объяснить, почему это произошло. Но когда беда

достигла апогея, некоторые дальновидные люди смутно почувствовали, что в дымящихся развалинах Москвы зарождается спасение России. Историк и юрист Александр Иванович Тургенев писал: «Её развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу. Это не пустые слова, но я в этом совершенно уверен, и события оправдают мою надежду»²⁵.

В самом деле пожар Москвы во многих отношениях стал поворотным моментом войны, ускорил крушение Великой армии, уже находившейся не в лучшем состоянии, в то время как русские были спаяны общей бедой.

А ведь в июне 1812 года, накануне вторжения, великая наполеоновская империя, достигшая своего «географического апогея»²⁶, представлялась очень прочной; казалось, никто и ничто не может остановить её расширения. Империя состояла из 134 департаментов²⁷, а также Иллирийских провинций, насчитывала более 44 миллионов жителей и покрывала 750 тыс. км²; кроме того, в неё входили вассальные государства: королевство Италии, Рейнская конфедерация, Швейцарская конфедерация, Великое герцогство Варшавское, королевство Неаполитанское, королевство Вестфалия с населением около 40 миллионов жителей. Наконец, эта европейская империя, многонациональная и многоконфессиональная, основанная на административной централизации, руководимая из Парижа, поддерживала тесные связи, порой не лишённые двусмысленности, со многими европейскими государствами: Австрией, ставшей союзницей Французской империи после того, как в 1810 году юная эрцгерцогиня Мария-Луиза вышла замуж за Наполеона, с Пруссией. Также, несмотря на осложнения в Испании, где французские войска столкнулись с отчаянным и беспощадным сопротивлением, масштабы политического, административного и территориального строительства, осуществлённого за десять лет волей, разумом и дальновидностью Наполеона, породили у него головокружительное чувство всемогущества. В марте 1811 года с рождением маленького короля Римского это чувство окрепло: теперь будущее было обеспеченно. Наполеоновская империя казалась непобедимой.

Империя Александра I выглядела несколько иначе. Конечно, все-российская держава тоже была многонациональной, многоэтничной – в 1810 году славяне составляли лишь половину её населения – и многоконфессиональной; но на этом сходство империй и прекращалось. В отличие от наполеоновской империи, российская строилась долго, на протяжении трёх столетий непрерывной экспансии, в результате которой она раскинулась от Балтийского моря до Дальнего Востока²⁸. Её легитимность и древность были практически неоспори-

мы: если империя была провозглашена Петром I лишь в 1721 году, то династия Романовых, к которой принадлежал Александр I, правила Россией с 1613 года, причем самодержавно: подобный режим установил в конце XV века царь Иван III, который именем Бога ввел абсолютную власть, простиравшуюся на всех подданных, численность которых на момент восшествия Александра I на престол в 1801 году составляла 40 миллионов человек.

Если наполеоновская Франция, страна урбанизированная (каждый пятый француз в 1800 году жил в городе), с высоким уровнем культуры воплощала современность в экономическом, социальном и технологическом планах, то империя, унаследованная Александром I, казалось, застыла в архаике. Она оставалась страной деревень: в 1801 году в городах жило менее 5 % населения страны, и только два города, Москва и Петербург, являлись большими центрами с населением по 250 тысяч жителей каждый. Более 85 % населения были неграмотны. В России отсутствовал полноценный предпринимательский и коммерческий класс, а значит, не было и динамичного развития торговли (доля России в торговле мировой не превышала 3,7 %²⁹). Страна опиралась на социально-экономическую систему, основанную на крепостном праве, что было выгодно в первую очередь дворянству. Крепостное право, распространившееся в конце XVI столетия, привело к порабощению 20 миллионов крестьян, которые были обязаны отрабатывать барщину, выполнять любую волю землевладельцев, представлявших менее 5 % населения. Даже сам Александр I считал крепостное право чудовищным с точки зрения морали³⁰. К тому же оно было неэффективным и малорентабельным, и российское сельское хозяйство оставалось экстенсивным. Наконец, империя страдала от явного недостатка инфраструктуры и транспорта, что способствовало ещё большему её отставанию.

Столкнувшись с подобными структурными издержками, Пётр I в начале XVIII века приступил к реформам, дав стране более современное управление. Вслед за ним часть дворянской элиты, разделявшая его взгляды, убедилась в необходимости открыть Россию Европе, модернизировав и европеизировав страну³¹; но это движение к модернизации так и не стало всеобщим, столкнувшись как с внутренним сопротивлением, так и со скептицизмом дипломатов и государственных деятелей Европы (и это продолжается и поныне). Хотя Александр I, подобно своей бабушке Екатерине II, утверждал, что его империя – европейское государство, Наполеон (и не только он) упорно видел в Российской империи не слишком цивилизованную страну, которую нужно во что бы ни стало оттеснить к востоку, на периферию европейского континента...

Из всего вышесказанного можно понять, до какой степени в июне 1812 года Российская империя казалась неспособной противостоять наполеоновским амбициям. А если к этому добавить, что Александр I считал Наполеона «военным гением», а себя обыкновенным человеком, неравенство сил становится ещё более очевидным. Однако в сентябре 1812 года именно Великая армия победоносной державы, «армия двенадцати языков», считавшаяся непобедимой, оказалась в трудном положении, запертая в московской ловушке. Как и почему случилось подобное? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придётся обратиться к истокам франко-русского конфликта.

1. НАКАНУНЕ СХВАТКИ

В июне 1807 года, спустя полтора года после сокрушительного поражения при Аустерлице и через несколько дней после унижительного разгрома при Фридланде, Александр I понял, что пришло время вести переговоры с французским императором о почётном мире. Война, которую Россия вела с 1805 года против наполеоновской Франции сначала в составе Третьей, затем в составе Четвёртой коалиции, оказалась дорогостоящей как с точки зрения людских потерь, так и с в экономическом и финансовом отношении. Россия не получила от неё никакой выгоды. В то время как обескровленная русская армия залечивала раны, царь пытался найти выход из кризиса.

Тильзитский мирный договор, заключённый во второй половине июня во время встреч Наполеона и Александра I, подписанный в начале июля, казался залогом прочного мира, основанного на общих интересах. На самом же деле примирение победителя и побеждённого было лишь видимостью. В 1807–1812 годах франко-русские отношения медленно, но неуклонно ухудшались, предвещая военное, геополитическое и мессианское противостояние двух глав государств, во всём противоположных, придерживавшихся абсолютно несовместимых ценностей.

Постепенное расхождение между Францией и Россией

Александр I явился в Тильзит побеждённым, но Наполеон, желавший объединиться с русским царём в борьбе против Англии, предложил ему щедрые условия мира. С точки зрения императора французов, врагом была Англия; а вот для франко-русского конфликта никаких оснований не было, и его можно было бы избежать. 30 ноября 1805 года, накануне сражения при Аустерлице, Наполеон писал Талейрану, на тот момент исполнявшему обязанности министра иностранных дел: «Завтра, возможно, будет очень серьёзная битва с русскими; я много сделал, чтобы избежать её, поскольку эта кровь будет пролита напрасно. Я переписывался с императором России; всё моё впечатление состоит в том, что это храбрый и достойный человек, но его водит за нос его окружение, продавшееся англичанам»¹.

Со своей стороны Александр I воспринимал Наполеона куда более критично. Молодой царь, взошедший на престол в марте 1801 го-

да, получил воспитание в духе эпохи Просвещения (его гувернёром был Фредерик-Сезар де Лагарп, швейцарский республиканец) и вначале занял по отношению к событиям в наполеоновской Франции выжидательную позицию. Но ему было неприятно провозглашение Наполеона сначала пожизненным консулом, а затем и императором, а также растущий интерес наполеоновской державы к Османской империи, которая, с точки зрения России, находилась в её зоне влияния. Затем, в марте 1804 года, произошло похищение герцога Энгинского. Он был схвачен в Бадене, нейтральном княжестве Германской империи, имевшем особое значение для царской семьи. Елизавета, жена Александра I, урождённая принцесса Луиза Баденская, сумела убедить Александра I, что Наполеон опасен и его нужно остановить применением военной силы, но война не принесла успехов, тяжёлые поражения, следовавшие одно за другим, вынудили царя выбрать тильзитский путь.

По итогам переговоров Российская империя не потеряла ни пяди своей земли. Единственная уступка, на которую пришлось пойти России, ведшей войну с французской союзницей Турцией, – вывести русские войска из Молдавии и Валахии. Кроме того, хотя Прусское королевство по итогам войны потеряло значительную часть своей территории, Александр I сумел спасти само существование Пруссии, союзницы России с 1802 года. Наконец, он получил от императора французов карт-бланш на отторжение Финляндии от Швеции с последующим присоединением её к России.

Но соглашение 1807 года было вынужденным, принятым под давлением обстоятельств, и отношение царя к Наполеону не изменилось: он его по-прежнему считал узурпатором (в частной переписке он называет его «Бонапартом» или «корсиканцем»), а также тираном, ставящим под угрозу европейское равновесие. Кроме того, Тильзитский мирный договор дорого обошёлся Российской империи. Александр должен был признать геополитические изменения в Германии, а именно создание Рейнского союза и королевства Вестфалия. Ему пришлось отказаться от своей гегемонии на Балканах, предоставив Франции право на вмешательство в дела этого региона, хотя Россия стремилась к Константинополю и проливам на протяжении уже многих десятилетий. Он был вынужден дать добро на создание Великого герцогства Варшавского – эмбриона польского государства, находящегося под французским покровительством и расположенного у самых его границ. Наконец, ему пришлось вступить в двусторонний союз против Лондона и присоединиться к континентальной блокаде, хотя главным внешнеторговым партнёром Российской империи была как раз Англия.

На встрече двух императоров в Эрфурте в сентябре 1808 года эти спорные вопросы были вновь затронуты, но так и не нашли решения. Наполеон, всё в большей степени поглощённый испанскими делами, рассчитывал на более активную помощь России в его схватке с Австрией и Англией, но Александр, действовавший в том числе и по наущению игравшего двойную игру Талейрана², отказался выполнить большинство требований французского императора. Конечно, царь признал законность французских завоеваний в Италии и Испании и подтвердил свою верность континентальной блокаде. Но он не пожелал выступить заодно с Наполеоном, потребовав разоружения Австрии, и удовольствовался обещанием, что в случае, если Австрия вновь начнёт войну, он выставит против неё 150-тысячную армию. Александр не мог и допустить мысли о том, чтобы участвовать в уничтожении Австрии, что было несовместимо с идеей европейского равновесия (в его глазах основополагающей) и могло привести к тому, что польские территории Австрийской империи получили бы свободу, тем самым усилив Великое герцогство Варшавское. Наполеон пытался добиться от царя, чтобы тот принял участие в предстоящей войне с Англией, но получил от него лишь самые общие обещания... В свою очередь Александр не сумел добиться от Наполеона вывода войск из Пруссии и не смог получить каких-либо гарантий по поводу раздела Османской империи и будущего статуса Константинополя. Восемнадцать дней красивых и пустых слов не привели ни к чему «И государи, и министры, и оба двора начали скучать и уставать от всех парадных приёмов, а в особенности от бесплодных дискуссий»³, – сообщает в своих «Мемуарах» Коленкур, герцог Виченцкий, посол Наполеона при петербургском дворе.

Семь месяцев спустя, в апреле 1809 года, война между Францией и Австрией возобновилась, и Наполеон потребовал от царя, чтобы тот выполнил принятые на себя в Эрфурте обязательства и поддержал его военной силой. Александр и в самом деле сосредоточил на австрийской границе 70-тысячное войско, но искусно затянул его выдвижение: он обещал дать солдатам приказ выступать в поход 27 апреля, но дал его лишь 18 мая, а когда русские войска, наконец, начали своё движение, они шли чрезвычайно медленно и пересекли границу лишь 3 июня. Казалось, они делают всё, чтобы избежать встречи с неприятелем. Наполеон не замедлил сделать выводы из такого «предательского» поведения. В июне 1809 года Шампаньи, французский министр иностранных дел, написал Коленкуру, что Наполеон «задет за живое» и «больше не ценит союз с Россией»⁴, но уточнил, что это должно оставаться в тайне: все в Европе, и даже царь, должны продолжать верить в прочность франко-русского союза.

Прошло несколько месяцев, и в декабре, то ли делая вид, что альянс с Россией для него по-прежнему важен, то ли действительно пытаясь спасти этот союз⁵, Наполеон предпринял последнюю попытку сближения, предложив России заключить династический брак.

Эта мысль приходила ему в голову и раньше. Осенью 1808 года император французов сообщил Талейрану, что намерен развестись с Жозефиной и сделать предложение одной из сестёр царя, чтобы укрепить франко-русский союз и дать империи наследника. Талейран отнёсся к проекту отрицательно, и в Эрфурте сообщил о нём Александру. Царь, сам не горевший желанием породниться с Наполеоном, уже в апреле 1809 года поспешно выдал сестру Екатерину за Георга Ольденбургского, младшего сына герцога Петра Ольденбургского. Он считал союз с Францией ситуативным и не желал укреплять его семейными узами, которые могли бы помешать его дальнейшей европейской политике.

28 декабря 1809 года Наполеон через Коленкура сделал предложение Анне, самой младшей из сестёр Александра, которой на тот момент было 14 лет. Мария Фёдоровна отнеслась к этому предложению отрицательно, а Александр был полон сомнений: они считали, что нельзя выдавать юную Анну за нелегитимного Бонапарта, тем самым ставя под угрозу её будущее. Романовы долго уклонялись от ответа, но 2 февраля 1810 года сообщили французскому императору, что из-за юного возраста девушки этот брак не может быть заключён ранее чем через два года. Но Наполеон не стал ждать окончательного ответа из России и без ведома Коленкура договорился об австрийском браке, получив руку эрцгерцогини Марии-Луизы. Последняя попытка франко-русского сближения провалилась.

В октябре 1809 года был заключён Венский мирный договор, по которому проигравшая Австрия понесла территориальные потери в Галиции⁶, часть этих земель была присоединена к Великому герцогству Варшавском, что, по мнению Александра I, предвещало воссоздание официально независимого Польского государства, но фактически находящегося под французским протекторатом; подобная перспектива не устраивала русского императора. Царь потребовал, чтобы Наполеон подписал обязательство не восстанавливать Польшу. 4 января 1810 года в Петербурге российский министр иностранных дел Румянцев и посол Коленкур составили и подписали конвенцию, которая в статье I гарантировала, что «Польское королевство не будет восстановлено», а в статье V запрещало какое-либо дальнейшее расширение Великого герцогства Варшавского. Но, хотя конвенция была подписана, Наполеон решительно отверг её, предложив взамен подписать другой текст: «Император Наполеон обязуется никогда не оказывать какой-либо помощи или поддержки государству

либо внутреннему восстанию, которое будет иметь целью восстановление королевства Польского»⁷. Александр I отверг эту формулировку, сочтя её слишком общей и расплывчатой. Франко-русские отношения зашли в тупик.

К польской проблеме добавился вопрос континентальной блокады и её цены для российской экономики.

До присоединения России к континентальной блокаде Англия была главным покупателем российского сырья – железа, пеньки, леса, льна, пшеницы, поташа и воска. На неё одну приходилось более половины внешней торговли России. Кроме того, большая часть российского экспорта, в том числе пшеница, отправлялась в Западную Европу на судах под британским флагом. Континентальная блокада, вступившая в действие в России весной 1808 года, прервала эти потоки, не дав русским купцам и промышленникам найти других судовладельцев. Последствия не заставили себя ждать: уже в конце 1808 года объём экспорта русских товаров через порты Балтийского моря упал втрое по сравнению с 1806 годом⁸, приведя к экономическому и финансовому кризису. Всего за несколько месяцев рубль потерял 50 % своей стоимости, отсутствие сбыта продуктов сельского хозяйства привело к беспрецедентному застою, а царская казна столкнулась с растущим дефицитом: в 1808 году задолженность выросла до 126 миллионов рублей, в 1809 – до 157 миллионов. Александр I попытался выступить перед своим союзником в защиту нейтральных кораблей, в первую очередь американских, и подчеркнуть трудности, с которыми он столкнулся, но Наполеон ничего не хотел слушать. Тогда царь указом от 31 декабря открыл российские порты для нейтральных судов и обложил большими пошлинами французские предметы роскоши, доставлявшиеся по суше. Вслед за политическим союзом перестал действовать и экономический.

Напряжение достигло предела из-за ещё одного конфликта, причиной которого стало герцогство Ольденбург.

В середине декабря 1810 года Наполеон принял решение аннексировать его, заявив, что оно превратилось в склад контрабандных английских товаров, что делает блокаду неэффективной. Но сын герцога Ольденбургского, Георг, приходился Александру зятем, и поэтому решение Наполеона (как и дело герцога Энгийенского за шесть лет до этого) вызвало гнев Александра. Чтобы успокоить царя, Наполеон предложил компенсировать герцогу его потерю, отдав ему Эрфурт, но эта сделка, отвратительная как герцогу, так и царю, была отвергнута. 13 марта 1811 года в своём письме к Наполеону Александр I сдержанно, но весьма откровенно выразил свою горечь и разочарование в связи с ухудшением франко-русских отношений⁹. Он сделал тот же вывод, что и Наполеон за несколько месяцев до

этого, – война неизбежна. В январе, полный тревоги, он писал своей сестре Екатерине: «Я пишу Вам эти строки, а сердце моё сжимается... Всё оборачивается мрачной стороной. Георг¹⁰ покажет Вам моё письмо. Кажется, что должна вновь пролиться кровь. По меньшей мере я сделал всё, что было по-человечески возможно, чтобы избежать этого»¹¹.

Военные приготовления

Весной 1811 года обе державы, отказавшись от последних надежд на мир, начали открытую подготовку к столкновению, геополитическую, стратегическую и военную. Но некоторые мероприятия для «слежки» за ненадёжным союзником были введены в действие задолго до этого.

С самого начала своего правления Наполеон придавал особое значение шпионажу и разведке – важнейшим инструментам для осуществления его стратегических планов. С 1808 года в рабочем кабинете Наполеона скапливалась самая различная информация, почерпнутая из общих полицейских сводок, сообщений парижского префекта полиции, перехваченных писем, иностранных газет¹². Кроме того, при Генеральном штабе, который с 1796 года возглавлял маршал Бертье, существовал 5-й отдел, известный также как «топографический» или «инженерно-географический», задачей которого в начале военного похода было добыть точную информацию о рельефе местности, где будут проходить бои, реках, расположении вражеских складов, деревнях и городах. Руководил 5-м отделом генерал Луи-Альбер Баклер д'Альб, «который был инженером-географом при генерале Бонапарте в Италии»¹³. В высшей степени одарённый картограф и к тому же художник, д'Альб мог создать самые трудные карты, что позволяло Наполеону легко представлять себе театр предстоящих боёв. Они абсолютно доверяли друг другу, как свидетельствуют в своих мемуарах барон Фен:

Д'Альба звали в тех случаях, когда император, читая депеши, хотел представить, где что находится на карте; при помощи булавок с красными и чёрными головками он указывал, где находятся наши войска, а где неприятель; затем, при помощи оттенков цвета, он отмечал самые главные в данном случае реки, горы и границы; наконец, он подсчитывал расстояния, указывал масштаб и открывал рядом с картой циркуль.

Депеши тоже отображались на карте, так император с ними и знакомился. Д'Альб делал общий доклад по ним; император следовал за ним при помощи пальца, пересекая линии булавок при помощи компаса; карты часто были столь велики, что императору приходилось во всю длину вытягиваться на столе, куда залезал и

д'Альб, чтобы продолжать контролировать территорию; я не раз видел их обоих на этом громадном столе, в разгар работы, прерываемой лишь резкими восклицаниями, когда голова одного из них слишком сильно стучалась о голову другого¹⁴.

И тем не менее результаты работы топографического отдела не всегда оправдывали ожидания императора. 9 августа 1809 года, находясь в Шёнбруннском лагере, Наполеон, весьма недовольный тем, как его инженеры провели разведывательную работу в войне с Австрией, издал следующий указ:

Лишь точная методика достойна императора. Необходимо сообщать о длине дорог и их ширине, о других их качествах; они должны быть начертаны с точностью, ведь их контуры часто могут быть объяснены лишь причудливостью местности. Реки тоже должны быть начерчены и измерены с точностью, а все мосты и броды указаны. Число домов и жителей необходимо указать. По мере возможного нужно отмечать высоту холмов и гор, чтобы можно было с лёгкостью выявить доминирующую высоту; достаточно, если будет приведено соотношение высот друг с другом. В этом случае, как и во многих других, мы не можем всё изложить в самых мелких подробностях; но всегда нужно как можно проще объяснить, как то или иное выглядит для наблюдателя... Должен быть постоянный масштаб для всех чертежей¹⁵.

Когда войны стала реальной, важность разведки ещё больше возросла. Весной 1810 года Наполеон увеличил её финансирование на четверть¹⁶; все важные дипломатические миссии, не только в Петербурге, но и Варшаве и Стокгольме получили задание участвовать в сборе военной информации и посылать её в Париж, в Отдел внешней статистики; директор этого отдела, Лелорнь д'Идевиль, служащий Государственного совета и переводчик-полиглот, компилировал её, каждый день составляя сводки для императора. Годом позже, в марте 1811 года, дипломат Луи Биньон стал резидентом в Варшаве и администратором Великого герцогства. Помимо своих официальных обязанностей, он получил приказ составить топографические карты региона и создать прочную сеть военного шпионажа. 20 декабря 1811 года Юг Бернар Маре, герцог Бассанский и министр иностранных дел, получил приказ Наполеона написать Биньону и сообщить ему, что

...если война начнётся, я намереваюсь держать его при своём генеральном штабе и поставить во главе тайной полиции, которая будет заниматься шпионажем в неприятельской армии, переводом перехваченных писем и документов, показаниями пленников и т. д.; следовательно, необходимо, чтобы он хорошо организовал

тайную полицию уже сейчас. Нужно, чтобы в ней были два поляка, хорошо говорящие по-русски. Они должны быть военными, с опытом военных действий, умными и такими, чтобы на них можно было положиться. Один из них должен знать Литву, другой – Вольтынь, Подолию и Украину, третий же должен говорить по-немецки и хорошо знать Ливонию и Курляндию. Этим трём офицерам будет поручено допрашивать пленников. Они должны прекрасно говорить по-польски, по-русски и по-немецки. Им будет подчиняться примерно дюжина хорошо выбранных агентов, которые будут получать плату в соответствии с теми сведениями, какие предоставят. Кроме того, они должны быть в состоянии рассказать про те места, по которым будет следовать армия... При создании этой организации у трёх агентов должны быть свои агенты на дорогах из Петербурга в Вильну, из Петербурга в Ригу, из Риги в Мемель, на дорогах, ведущих в Киев, и на трех дорогах, ведущих из Бухареста в Петербург, в Москву и в Гродно; агентов нужно послать в Ригу, в Динабург, в Пинск на болотах, в Гродно, чтобы они каждый день докладывали о состоянии фортификаций. Если сведения меня удовлетворяют, я не пожалеем потратить 12 тысяч франков в месяц. Во время войны величина вознаграждений для тех, кто будет вовремя сообщать ценные сведения, не будет фиксированной. Среди поляков есть люди, которые знают фортификацию и смогут, находясь в различных вышеуказанных точках, верно указать, в каком состоянии находятся укрепления¹⁷.

Но Биньону не хватило времени создать такую сеть, поэтому собранные им данные, а также топографические карты, составленные им для облегчения продвижения Великой армии, оказались неточными, что явилось весьма большим упущением при подготовке похода на Россию.

Одновременно, чтобы дезорганизовать и ослабить российскую экономику, руководство тайной полицией, возглавляемое сначала министром Фуше, затем его наследником Савари, принялось печатать фальшивые рубли, причём в большом количестве – было задействовано 24 печатных прессы! Производство фальшивых денег началось в 1811 году под двойным руководством Лелорня д'Идевиля и де Фена, главного печатника, приходившегося братом секретарю Наполеона. Путешественники и коммерсанты, отправлявшиеся в Россию, сбывали эти деньги с рук, не подозревая, что имеют дело с фальшивками¹⁸, а часть денег направлялась в военное интендантство, чтоб оплачивать покупки армии, когда она будет находиться в России. Как мы видим, подготовка похода французами включала сферы, далеко выходящие за военные рамки.

В России разведка и шпионаж тоже были поставлены на широкую ногу, но по характеру отличались от французских. В 1808–1809 годы царь, всё менее доверявший Наполеону, поручил Михаилу Сперанскому, государственному секретарю и товарищу министра юстиции, создать в Париже, втайне от дипломатического корпуса (без ведома министра иностранных дел и посла Куракина) два центра разведки и влияния, политический и военный. В центре политического центра оказался 27-летний граф Нессельроде. Находясь в Париже и собирая всю информацию, поступавшую от его осведомителей, дипломат тайно посылал её прямо в Россию Сперанскому; в числе его французских корреспондентов, а то и осведомителей, естественным образом оказался Талейран, который, в обмен на денежные суммы, регулярно посылал Нессельроде тайные отчёты о состоянии дел во Франции. Эти письма¹⁹, на первый взгляд банальные (все имена были замаскированы безобидными прозвищами), не таили в себе какой-либо военной или логистической ценности, но позволяли Александру почувствовать настроение страны и лучше понять существующее в ней равновесие сил. Кроме того, Нессельроде, подкупая высокопоставленных французов, сумел получить тайные военно-дипломатические документы, в том числе ценный отчёт о военных ресурсах Великого герцогства Варшавского²⁰.

Эту политическую сеть шпионажа дублировала другая, имевшая скорее военный характер. Она действовала с начала 1809 по февраль 1812 года, когда были разоблачены её руководитель, Мишель, чиновник транспортной службы военного министерства, и три его сообщника. Он попал под суд, был приговорён к казни и 3 мая 1812 года гильотинирован. На протяжении трёх лет Мишель передавал полковнику Александру Чернышёву – адъютанту Александра, блестящему офицеру, обаятельному придворному, завсегдатаю всех парижских салонов – копии «текущего журнала», который составлялся дважды в месяц специально для военного министра и содержал все данные по ресурсам, составу и местонахождению Великой армии. И, хотя за несколько месяцев до начала войны шпионская сеть Чернышёва перестала существовать, через нее Россия смогла получить бесценную информацию.

Кроме этих двух разведывательных центров, расположенных в Париже, под эгидой военного министра Барклая-де-Толли действовала сеть, состоявшая из военных атташе, находившихся в различных европейских государствах. Уже в 1810 году «группа молодых и хорошо подготовленных офицеров»²¹ стала военными атташе в русских миссиях при немецких дворах. Они должны были собирать сведения как об общем положении в этих странах, так и об организации и передвижении их войск, принудительно включённых в армию им-

ператора французов. Самой успешной оказалась русская миссия в Берлине, которой с января 1810 года руководил Христофор Ливен²².

Из документов, собранных этими разведывательными сетями, Александру и его ближайшим советникам уже летом 1810 года стало очевидно, что войны не избежать²³. Военные структуры, безусловно, нуждались в реорганизации, и было решено прибегнуть к помощи опытного человека, Михаила Барклая-де-Толли²⁴, ставшего в январе 1810 года военным министром.

Барклай родился в 1761 году в Ливонии, в лютеранской семье шотландского происхождения, и стал унтер-офицером в возрасте 15 лет. Вступив в 1790 году в С.-Петербургский гвардейский полк, спустя четыре года он стал полковником. За 33 года карьеры он показал себя прямым и честным человеком, а также выказал исключительную храбрость под огнём и безукоризненную преданность Российской империи. Отвага, проявленная им в битве при Прейсиш-Эйлау, способствовала его повышению до генерал-лейтенанта; в 1808–1809 годы он успешно командовал русской армией, действовавшей против Швеции и завоевавшей Финляндию. За свои успехи Барклай был в мае 1809 года произведён в ранг генерала от инфантерии, получил пост генерал-губернатора Финляндии и оставался на этом посту вплоть до назначения военным министром.

Став военным министром, Барклай-де-Толли начал действовать в трёх направлениях. В первую очередь, он задался вопросом, какие средства задействовать для наилучшей обороны российской территории. В своей первой записке на имя царя, поданной 2 марта 1810 под сдержанным названием «О защите западных границ России»²⁵, он подчёркивает, что эти границы защищать очень трудно: они длинные, лишены каких-либо естественных препятствий и не имеют особых укреплений. Он считает, что перед лицом неизбежной французской угрозы следует усилить существующие крепости и поскорее построить новые. Вместе с тем Барклай-де-Толли заявляет, что если времени для противостояния врагу окажется недостаточно, придётся отказаться от обороны литовских и белорусских земель, бросить их, выведя оттуда все ресурсы, которые неприятель мог бы использовать, и сделать основной линией обороны Двину и Днепр. Эта записка чрезвычайно интересна: она показывает, что уже в начале 1810 года Барклай-де-Толли предполагал возможность не просто оборонительной войны, а войны, основывающейся на отступлении в восточном направлении, с возможным оставлением Литвы и Белоруссии.

Параллельно с этим, опираясь на тревожный доклад, составленный в октябре 1810 года генералом Алексеем Андреевичем Аракчеевым²⁶, бывшим военным министром²⁷ и генеральным инспектором

пехоты и артиллерии с 1803 года, в котором указывалась, что численность резервных войск недостаточно велика, а заметное число солдат не пригодны к военной службе (по оценке Аракчеева, 10 % солдат были не способны действовать в военном темпе), Барклай провёл новые рекрутские наборы, заметно увеличив долю рекрутов от общего числа жителей империи. По императорскому указу 1810 года 700 человек должны были выставить одного рекрута. В 1811 году одного рекрута требовали с 500 человек, а в марте 1812 года 500 человек должны были выставить уже двух рекрутов²⁸. Это позволило быстро нарастить численную мощь русской армии: если в 1811 году в распоряжении Александра I были 225 тысяч вооружённых и снаряжённых солдат, разделённых на небольшие группировки и стоящих между Двиной и Днепром, то годом позже, не считая казаков, вооружённые силы России состояли из трёх армий, разделённых на двенадцать пехотных и пять кавалерийских корпусов (всего 380 тысяч пехотинцев и 80 тысяч кавалеристов).

Уже во время рекрутского набора сентября 1810 года Барклай принял меры и для повышения уровня подготовки солдат. Он увеличил число маршей, тренирующих выносливость пехотинцев, а также частоту упражнений в стрельбе. В июне 1811 года министр приказал, чтобы солдаты упражнялись, не отцепляя штыки от ружей, как на настоящей войне²⁹, отказавшись от формулы Суворова, в 1797 году прославившего штык известным изречением «пуля дура, штык молодец»; министр также написал несколько директив инструкторам, подчёркивая необходимость обучения солдат точной стрельбе³⁰.

Барклай озаботился и общим состоянием русской армии. Поражённый плохим состоянием здоровья солдат (доклад главного врача императорской армии шотландца Якова Виллие³¹ указал на недостаток мяса в их рационе), он позволил пехотинцам в мирное время «посвятить три дня в неделю подработкам, чтобы иметь возможность купить себе на три-четыре рубля мяса»³². Кроме того, чтобы усилить командный дух, объединяющий солдат и офицеров, министр предписал, вопреки традициям русской армии, уменьшить число телесных наказаний.

Наконец, сделав выводы из поражений 1805–1807 годов и ясно указав на слабости русской армии и в первую очередь на недостаток координации между различными её частями³³, Барклай занялся реорганизацией вооружённых сил. Сначала он реорганизовал генеральный штаб и военное министерство. Летом 1810 года он создал систему шпионажа, действовавшую, как мы видели, через военных атташе при русских посольствах за границей, а также службу контрразведки. Он составил законы и предписания, регулирующие отношения между военной властью и гражданской администрацией в случае

войны: в начале 1812 года было издано предписание, согласно которому все чиновники тех регионов страны, где вводилось военное положение, должны были подчиняться генеральному интенданту армии, получавшему полную свободу реквизировать провизию, фураж и транспортные средства³⁴.

С конца 1810 года Барклай занялся изменением структуры вооружённых сил, сделав её более однородной. «В конце 1810 года каждый пехотный полк состоял из трёх батальонов, каждый батальон из трёх рот»; кроме того, «батальон стал базовой тактической единицей»³⁵; наконец, пехотные дивизии, делившиеся теперь на «четыре пехотных и два стрелковых полка, с одной походной артиллерийской бригадой» тоже стали более чётко организованы. Он занялся и вопросом резерва, слабого места императорской армии, создав резервную армию из расчёта десять пехотных дивизий на четыре кавалерийские и семь артиллерийских бригад³⁶. Наконец, во второй половине 1811 года он создал запасы продовольствия и фуража в Новгороде и Соснице³⁷ и построил склады в Риге, Динабурге (Двинск, Даугавпилс), Бобруйске, Киеве и Вильне.

Кроме того, в 1811 году русский штаб и военные советники Александра I начали размышлять, какой стратегии следует придерживаться в грядущей войне с Наполеоном, оборонительной или наступательной. В течение почти двух лет этот вопрос приводил к страстным и противоречивым дискуссиям между царём, его штабом, военным министром и советниками³⁸.

В начале 1810 года Барклай-де-Толли выступил за оборонительную стратегию войны с Наполеоном. Его взгляды в большей степени разделял генерал-лейтенант Карл фон Пфуль, бывший прусский офицер, поступивший на службу в русскую армию в 1806 году и ставший личным советником Александра по военным вопросам. Но спустя несколько месяцев, в конце 1810 года, Александр склонялся уже в пользу наступательной войны, которая проходила бы в немецких и польских землях. По его мнению, наступательная война имела двойное преимущество: она пощадила бы земли Российской империи и лишила бы Наполеона возможности использовать Германию и Польшу в качестве тыловых баз для продвижения на восток. Но для царя этот проект имел смысл лишь в том случае, если бы польские патриоты оказали ему поддержку, проявили бы лояльность; чтобы добиться этого, он был готов пообещать им проведение совместных операций против Франции с восстановлением единого Польского королевства. В двух письмах от 6 января и 12 февраля 1811 года он поделился своим проектом с другом и советником, польским князем Адамом Чарторыйским; Александр выступил за «воссоединение всех бывших частей Польши, включая области, отошедшие к России, кроме Бело-

руссии», предложил, чтобы это государство «навсегда присоединилось к России и российский император с этого момента начал именоваться также и королем польским», и попросил Чарторыйского осторожно прозондировать, каковы намерения польской элиты и армии. «Пока я не уверен в польском содействии, я твёрдо намерен не начинать войну с Францией», – заявил царь, а затем уточнил:

Если поляки помогут мне, успех несомненен; ведь причиной ему будет не надежда превзойти Наполеона талантами, но лишь недостаток его сил в сочетании с ожесточением против него, которое начинается по всей Германии³⁹.

Но ответы Чарторыйского были полны сомнений, и он дважды указал царю, что поляки связали свои надежды с Наполеоном и продолжают на него надеяться. Александр понял тщетность дальнейших усилий в этом направлении. Теперь, весной 1811 года, он направил всю свою энергию на подготовку оборонительной войны⁴⁰, о чём и сообщил послу Коленкуру, покидавшему Россию в мае:

Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов.

А затем он заявил ему с удивительным предвидением:

Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима⁴¹.

Речь шла об обороне, и летом 1811 года ускорилось обновление старых крепостей (Киева на юге, Риги на севере). Стремительно выросли новые крепости – на юге Бобруйск, введённый в строй весной 1812 года; на севере крепость в Двинске (Динабург, Даугавпилс), которая так и не будет завершена к лету, что поставит под угрозу весь центральный сектор русской оборонительной линии⁴². Наконец, весной 1812 года началось строительство укрепленного лагеря в Дриссе, в верховьях Двины – единственной фортификации между Ригой и Бобруйском.

Но время шло быстро, тучи сгущались, и многие в штабе полагали, что эта оборонительная линия не сможет сдержать самую могучую армию в мире, что война, возможно, будет протекать в центральной России и что надо избегать какого бы то ни было фронтального столкновения. В апрельской записке на имя царя Пётр Чуйкевич,

офицер разведывательной службы, заявил о «необходимости предпринять и провести такую войну, которая не соответствовала бы привычкам врага», то есть войну без генерального сражения. Вслед за Барклаем (но куда более чётко) он объясняет, что все победы Наполеона всегда достигались быстрыми сражениями, а значит, нужно любой ценой избегать прямого столкновения армий, которое, при отсутствии у императора резервных войск, может оказаться катастрофическим для России⁴³. Таким образом, в русском генеральном штабе достаточно рано появилось убеждение, что нужно вести «скифскую войну», обращая во благо российские просторы и климат.

Некоторые гражданские лица тоже разделяли это мнение. 9 июня 1812 года князь С. Р. Воронцов писал из Лондона своему сыну Михаилу:

Мы одержим полную победу, придерживаясь обороны и проделывая войну отступлением. Если неприятель последует за нами, он пропал; чем дальше он будет отходить от своих складов, от своих arsenalov, чем глубже он влезет в страну без удобных дорог и без провизии, которой его можно лишить, окружив армией казаков, тем в более плачевном состоянии он окажется, и в конечном счёте будет истреблён нашей зимой, нашим всегдашним верным союзником. Зима восьмого-девятого года в прошлом веке нам очень помогла на Украине, вполнину сократив армию, с которой туда вошёл Карл XII⁴⁴.

Вскоре после начала войны, 5 июля, Фёдор Васильевич Ростопчин, генерал-губернатор Москвы, высказался в подобном же ключе. В письме к царю он признал, что неприятель могуч, а силы его велики, но «Ваша империя имеет двух могущественных защитников в её обширности и климате», и вдохновенно заключил, что «император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске». Вместе с тем мысль о том, что придётся отступать, была распространена лишь в самых узких кругах, слишком болезненной она являлась для гордости русских; кроме того, точного плана действий не было, на чем впоследствии и будут основываться размышления о нерешительности военных властей России. «Судя по расположению наших войск и по первоначальным движениям их, скорее показалось бы, что настоящего плана не было никакого. Инерция и нерешимость руководствовали нами, когда Наполеон 11-го числа июня неожиданно перешёл Неман в Ковно с большими силами»⁴⁵, – свидетельствовал в своих воспоминаниях Николай Николаевич Муравьёв-Карский, будущий генерал от инфантерии, которому на тот момент было 18 лет⁴⁶.

Франция тоже начала ускоренно готовиться к войне. Начиная с лета 1811 года Наполеон в своей переписке всё более открыто заявляет о «готовящейся войне»⁴⁷. Два успешных набора солдат, проведённых по сенатус-консультам, от 9 февраля 1811 года, когда было призвано 40 тысяч человек, и от 20 декабря, когда под ружьё встало 120 тысяч человек, позволили заметно увеличить численность армии. В последующие месяцы вышли новые декреты, в которых указывалось, какое число рекрутов должны выставить недавно аннексированные департаменты. Но этих людей нужно было ещё и прокормить, снарядить и транспортировать. Поэтому уже в 1811 году Наполеон задумался о местах сбора войск и путях, которыми они будут следовать на восток. Кроме того, он приказал заготовить военное снаряжение во многих гарнизонных городах – Ла Фере, Меце, Майнце, Везеле, Маастрихте, а зимой 1811/1812 годов занялся интендантскими вопросами. 31 декабря 1811 года он писал своему пасынку Евгению Богарне, находившемуся в Милане, что «без средств транспортировки всё бесполезно. В каждом обозном батальоне должны быть 771 человек, 1227 лошадей и 252 повозки»⁴⁸. Затем император требует, чтоб солдаты вице-короля Италии как можно быстрее отправились в направлении Польши, имея с собой провизии на 30 дней. Две тысячи километров отделяют Северную Италию от Немана. Для этих людей поход в Россию начался с горных серпантинов и холода.

Первые месяцы 1812 года во Франции и России ознаменовались лихорадочной деятельностью как на дипломатическом, так и на военном поприще.

Для обеих стран настало время последних политических приготовлений. Наполеон должен был найти оправдание начинающейся войне и заставить замолчать всех тех из своего окружения, кто был против неё. В их числе был Фуше, написавший в апреле очерк о походе на Россию, в котором он подчёркивал опасность новой войны, в то время как «разгоралась» война в Испании, и пытался отговорить императора от похода во имя разума:

Каких бы успехов Вы ни достигли, русские будут драть шаг за шагом, защищая эти труднопроходимые страны, где Вы не найдёте ничего, что питает войну. Вам придётся всё тащить за собой на расстояние 200 лье. Вам придётся сражаться; возможно, Вам придётся дать тридцать сражений, а половина Вашей армии будет занята тем, что будет защищать слабые линии связи, которым будут угрожать, которые будут разрывать и перерезать толпы казаков... Сир, я заклинаю Вас, во имя Франции, во имя славы, во имя Вашей и нашей безопасности, уберите меч в ножны: подумайте о Карле XII⁴⁹.

Другие близкие к императору люди тоже непрестанно предостерегали его от проекта, который они считали безрассудным и непродуманным. Архиканцлер Камбасерес, король Жером Бонапарт, обершталмейстер Арман де Коленкур пытались отговорить Наполеона от похода, который представлялся им рискованным и необоснованным. Но Наполеон не слушал их доводы; он заявлял, что в России он будет вести «политическую войну», которая позволит ему покончить с Александром, а значит, и с Англией, и осуществить свою главную мечту – создание единой Европы:

Испания падет, как только я уничтожу английское влияние в Петербурге; мне нужно было 800 тысяч человек, и они у меня есть; я веду за собой всю Европу... Через шесть-восемь месяцев Вы увидите, что можно сделать при помощи больших объединений, скреплённых силой того, кто умеет привести их в действие... Не волнуйтесь; Вы должны увидеть, что война с Россией – это война во имя здравого смысла, война ради истинных интересов, война ради всеобщего спокойствия и безопасности... Моя судьба ещё не свершилась; я хочу закончить то, что успел лишь наметить. Нам нужен европейский кодекс, европейский кассационный суд, единая валюта, единые меры и весы, единые законы; нужно, чтобы я все народы Европы соединил в один народ, а Париж сделал столицей мира. Вот, господин герцог, единственный исход дела, который меня устраивает⁵⁰.

Окружение императора не понимало, о чём он говорит. Предстоящая война казалась им лишь проявлением его властолюбия:

На какую высоту ни вознес бы Наполеон свой трон на западе и на юге Европы, он все равно видел перед собой северный трон Александра, всегда готовый господствовать над ним благодаря своему вечно угрожающему положению. На этих обледенелых вершинах, откуда в былые времена на Европу обрушивалось столько варварских нашествий, Наполеон замечал, как складываются все элементы нового вторжения. До этого времени Австрия и Пруссия являлись достаточной преградой, но он сам их опрокинул или ослабил. Таким образом, он остался один, и только он являлся защитником цивилизации, богатства и владений народов юга от невежественной грубости, алчных вожделений неимущих народов севера и честолюбия их императора и его дворянства.

Было очевидно, что только война могла разрешить этот великий спор, эту вечную борьбу бедного с богатым. С нашей стороны, однако же, эта война не была ни европейской, ни даже национальной. Европа против своего желания участвовала в ней, ведь целью этого похода было усиление её завоевателя. Франция же, истощен-

ная, жаждала покоя. Сановники, составлявшие двор Наполеона, пугались этого усиления войны, рассеивания наших армий от Кадиса до Москвы. Сознывая необходимость, вытекающую из этого великого спора, они все же не считали доказанной безотлагательность этой войны⁵¹.

И генерал Филипп Поль де Сегюр настойчиво повторял:

В то время как русские защищали свою родину и национальную независимость, французы сражались лишь ради вящей славы⁵².

Наполеоновские сподвижники не считали, что война вполне обоснована, и начинали её без энтузиазма, а французское общество, как верно заметил Т. Ленц, тем более не было настроено воинственно. Франция устала, тем более что экономические трудности углублялись: дороговизна хлеба привела в марте 1812 года даже к бунту в Кане. Впоследствии королева Гортензия⁵³ напишет, что «вся Франция... была недовольна войной, которой она не желала»⁵⁴. Но переубедить Наполеона не представлялось возможным.

Со своей стороны, Александр I занялся подготовкой элиты и общественного мнения к трудному испытанию, пытаясь сплотить их при помощи раздувания антифранцузских настроений с помощью пропаганды и цензуры.

В начале марта, желая примириться с франкофобами, царь назначил генерал-губернатором Москвы Фёдора Васильевича Ростопчина. Генерал-лейтенант, министр иностранных дел при Павле I, человек, близкий к великой княжне Екатерине и императрице-матери, граф за несколько лет до назначения написал несколько ядовитых антифранцузских памфлетов; таким образом, его назначение было в высшей степени символично. Через несколько дней Александр I решил принести в жертву на алтарь патриотизма своего министра Михаила Михайловича Сперанского. Верный и преданный сотрудник Александра I, получивший от него в начале января орден Александра Невского, был 29 марта вызван к царю, после двухчасового разговора наедине Сперанский почувствовал себя уничтоженным. Просвещённый человек, известный своими французскими симпатиями и либеральными идеями, он был обвинён в измене, в работе на наполеоновскую Францию и арестован. Тем же вечером он покинул Петербург и под конвоем отправился в ссылку в Пермь. В дружном хоре национального антифранцузского единства не осталось диссонансирующих звуков.

Параллельно с этим организовывалась националистическая пропаганда в газетах и журналах, в том числе «Сыне Отечества». Её за-

дачей было подарить русским чувство достоинства и величия. Чтобы предотвратить всяческое сотрудничество между вражеской армией и населением, была усилена цензура: иностранные и русские газеты в России попали под наблюдение, театры и кафе оказались под строгим контролем губернаторов и генерал-губернаторов; личную переписку проверяли настолько тщательно, что спустя несколько недель после начала войны помощник директора Московского почтамта радовался тому, как профессионально работает его служба:

Освидетельствование корреспонденции и наблюдение за оною производилось всегда чрез один только почтамт посредством особых чиновников, при перлюстрации употребляемых, и сие делалось так тайно и с толикою осторожностью, что самые экспедиции разбора и отправления почт не ведали того, чья именно корреспонденция наблюдается и какие письма перлюстрации подвергаются... В доказательство того, что операция сия весьма скрытно производилась, представить можно то, что в течение многих лет самые перлюстрированные письма получавшим оные не подавали малейшего повода к сомнению или подозрению, и правительство чрез внушенную в публике доверенность к почтовому департаменту имело всегда в руках своих средства к таким открытиям, которые при самых усерднейших исследованиях оставались иногда скрытыми⁵⁵.

Дипломаты обеих стран стремились выяснить, на чью помощь или благожелательный нейтралитет можно будет рассчитывать. Франция получила активную поддержку аннексированных государств, предоставивших ей свои войска, но Наполеон дополнительно желал обеспечить себе поддержку Пруссии и Австрии. 24 февраля 1812 года, после долгих проволочек с прусской стороны, был, наконец, подписан двусторонний мирный договор. Официально Франция и Пруссия заключили оборонительный союз; на деле его тайные и дополнительные статьи гласили, что союз будет и наступательным. В случае войны между Францией и Россией Пруссия обязалась поставить 20-тысячное войско, а также 60 артиллерийских орудий и обозы для перевозки провизии; в обмен на это Франция гарантировала целостность Пруссии и обязалась в случае победы возместить затраты, передав ей часть земель Российской империи. Через три недели, 14 марта 1812 года, был заключён договор между Францией и Австрией. Они гарантировали друг другу территориальную целостность, а также целостность Османской империи и обязались предоставить военную помощь в случае нападения третьей стороны на одну из них. Кроме того, тайная и дополнительная статья договора содержала обязательство Австрии предоставить своему союзнику

30-тысячный контингент (24 тысячи пехотинцев и 6 тысяч всадников), собрав его к 1 мая в Лемберге. В обмен на военное участие, если по окончании войны будет восстановлено Польское королевство, Франция гарантировала Австрии владение Галицией.

Эти соглашения в сочетании с требованиями Наполеона к аннексированным регионам и зависимым государствам демонстрируют размах «франко-европейской коалиции»⁵⁶ против России, которую Наполеон сумел организовать всего за несколько месяцев. Началось формирование Великой армии двенадцати языков, с самого начала весьма впечатляющей: к 200 тысячам солдат, расквартированных в Германии и Великом герцогстве Варшавском, вскоре добавились девять армейских корпусов, состоявших из 400 тысяч французов, голландцев, бельгийцев, немцев, итальянцев, швейцарцев, иллирийцев, датчан и испанцев, двигавшихся к российской границе – реке Неман.

Вместе с тем Наполеон не во всём сумел достичь дипломатического успеха.

Невзирая на заключение франко-австрийского договора, 7 апреля Александр I предоставил аудиенцию графу де Сен-Жюльену, послу австрийского императора в Петербурге, по итогам которой получил письменное и устное заверение Меттерниха в том, что Австрия примет лишь самое пассивное и формальное участие в войне на стороне Франции. Таким образом, франко-австрийский договор, по сути, оказался фикцией. Кроме того, французский император рассчитывал на нейтралитет Швеции, которую возглавлял маршал Жан-Батист Бернадот, усыновлённый королём Карлом XIII и ставший принцем Карлом Юханом, но из этого ничего не вышло – слишком сильной была напряжённость в отношениях двух стран. В январе 1812 года под предлогом того, что Швеция не соблюдает континентальную блокаду, войска маршала Даву вторглись в Померанию и заняли её. Уязвлённый Карл Юхан сблизился с Россией, заключив с ней 5 апреля в Петербурге союзный договор. В случае франко-русской войны Швеция обязалась нанести отвлекающий удар в Германии силами 30 тысяч солдат; в обмен на это Россия обещала дипломатическую поддержку и 40 тысяч солдат в помощь для захвата Норвегии, бывшей в то время датским владением; наконец, Финляндия окончательно признавалась частью Российской империи. Этот документ имел важнейшее значение для Александра I: теперь уверенный, что шведы не попытаются отвоевать Финляндию, аннексированную Россией после войны 1808–1809 годов, царь мог ослабить армейскую группировку в Финляндии и на шведской границе, переведя войска на центральные театры военных действий. Таким образом, договор, заключённый в апреле 1812 года, был блестящим успехом российской дипломатии. Спустя

несколько недель, желая освободить себе руки, насколько это только возможно, Александр I при поддержке Англии ускорил переговоры, имевшие целью закончить войну с Османской империей, которую он вёл с марта 1809 года. И поскольку в декабре 1811 года войска великого визиря капитулировали, Турция была склонна откликнуться на российские предложения. Переговоры имели успех: 28 мая 1812 года по Бухарестскому мирному договору Россия вернула Османской империи княжества Молдавию и Валахию, но получила в обмен богатую провинцию Бессарабию, право свободной навигации через Босфор и Дарданеллы и, что было особенно важным на тот момент, мир, освободивший войска, стоявшие на Балканах. Наконец, в то же самое время начались переговоры с Англией; другими словами, дипломатическая активность достигла точки кипения.

30 апреля князь Александр Борисович Куракин, посол Александра в Париже, вручил Маре, герцогу Бассанскому и французскому министру иностранных дел, письмо, основанное на ноте царя, полученной Куракиным за четыре дня до этого. Во имя своего императора посол снова требовал в последней попытке «примирения» вывода французских войск из Пруссии, Данцига и Померании в обмен на начало переговоров о внешнеторговом указе декабря 1810 года и герцогстве Ольденбург. Письмо осталось без ответа. 7 мая Куракин адресовал Маре новую ноту. Он повторил аргументы предыдущего письма и потребовал ответа. Но для Наполеона эти предложения были не приемлемы; они звучали подобно ультиматуму, ускорявшему его собственные действия. 9 мая герцог Бассанский наконец согласился принять Куракина, но сообщил ему, что Наполеон этим утром покинул Париж и направился в Дрезден. О переговорах больше не могло быть и речи. Отныне голос подавало лишь оружие.

2. СИЛЫ ДВУХ СТОРОН

В начале мая 1812 года Куракин, русский посол в Париже, и Лористон, французский посол в Петербурге (он сменил Коленкура, отозванного в мае 1811 года), покинули свои посты. Наступило время столкновения. Собираясь на фронт, Наполеон озаботился организацией государственного управления. Текущие дела он поручил архиканцлеру Камбасересу. Помогать ему должен был совет министров, которому предстояло собираться под председательством архиканцлера раз в неделю. Савари, министр полиции, должен был отправлять императору еженедельные депеши, сообщая ему обо всём, что имело отношение к общественному порядку и общественному духу. Важные решения по-прежнему принимал Наполеон, который управлял страной и на расстоянии. В любом случае это всё было ненадолго: война ожидалась быстрая, и императору предстояло скорое возвращение в Париж. «Я укрошу Александра; я выиграю две битвы и явлюсь в Москву или в Санкт-Петербург: там я продиктую условия мира. Я буду отсутствовать только три-четыре месяца», – заявил Наполеон в начале мая¹, председательствуя на последней сессии Государственного совета перед началом похода на Восток.

Непобедимая Великая армия

Отправившись из Парижа 9 мая в 5 часов утра вместе с Марией-Луизой, 11 мая Наполеон прибыл в Майнц, где он встретил князей Августа-Христиана Ангальт-Котенского и Людвига Гессен-Дармштадтского; 13 мая в Вюрцбурге он встретился с королём Фридрихом Вюртембергским и великим герцогом Баденским; 14 мая в Байрейте он был принят сыновьями короля Баварии; двумя днями позже он торжественно въехал в Дрезден и встретился с королём и королевой Саксонии. Как и за четыре года до этого в Эрфурте, везде царило великолепие: роскошные ужины, приёмы, спектакли, богослужения и выезды на охоту сменяли друг друга, подчёркивая величие Наполеона в обществе, куда входили немецкие князья Рейнского союза, австрийский император с супругой, канцлер Меттерних, король Пруссии и его сын, наследный принц Фридрих-Вильгельм. Празднества усиливали головокружительное ощущение могущества у французского императора. Но самым главным для него было сплю-

тить ряды союзников и убедиться, что они выполняют свои обязательства по поставке воинских контингентов.

В тот же самый момент произошли последние контакты между Францией и Россией. Наполеон наконец ответил на ноты, которые ему направлял Александр через Куракина: он послал к царю своего адъютанта графа де Нарбона с письмом, которое было написано 2 мая, но датировано 25 апреля. Нарбону было поручено «изучить расположение русских в окрестностях Вильны и усыпить бдительность царя, убедив его, что Наполеон готов вести переговоры на более умеренных условиях, не предъявляя ультиматума»². Но Нарбон сообщил императору (находившемуся в тот момент в Торне), что русские настроены решительно:

По его словам, русские не были подавлены и не бахвалились. Из всего, что ему ответил их император, следовало, что они предпочтут войну постыдному миру; что они будут избегать сражений против слишком опасного врага; наконец, что они решатся на любые жертвы, чтобы затянуть войну и одолеть Наполеона³.

Важнейшие слова, фактически подтверждающие российскую стратегию: отказ от каких-либо прямых военных столкновений и затягивание войны любой ценой... Наполеон планировал не слишком масштабный поход; находясь в Дрездене, он поделился своими планами с Меттернихом:

Я начну поход, форсировав Неман. Он закончится в Смоленске или в Минске... На следующий год я продвинусь до самого центра империи и буду столь же терпелив в 1813 году, как и в 1812-м⁴.

29 мая Наполеон покинул столицу Саксонии, посетив Познань, Торн, Данциг, Мариенбург, Кёнигсберг, Инстербург и Гумбиннен, где проинспектировал войска. В Кёнигсберге, расположившись во дворце королей Пруссии, он 13–16 июня произвёл смотр французских, голландских и вестфальских полков, посетил склады оружия и артиллерии, а также портовые сооружения⁵. Эти действия дополнялись политическими беседами. Наполеон подчёркивал свою решимость по отношению к царю и готовность сражаться против него во имя интересов империи и её союзников, в первую очередь поляков. И всё же его послание было недостаточно ясным, его декларации казались если не противоречивыми, то по крайней мере путанными, отражавшими его собственные колебания. Наполеон то заявлял, что собирается вести политическую войну с целью ослабить Россию и с новыми силами ударить по Англии, то говорил о «войне цивилизации» против варварства. В таких речах вновь звучали революционные нотки

1792 года и битвы при Вальми, казалось, несли с собой двойное обещание: даровать свободу порабождённым крестьянам Российской империи и вернуть полякам столь несправедливо отнятое у них национальное государство. Но если Наполеон и давал обещания полякам, то они были весьма расплывчатыми. Для него приоритетом оставался тесный союз с австрийским императором, опасавшимся восстановления независимого польского государства под французской опекой, поскольку это могло бы поставить под вопрос легитимность его собственных польских владений. Поэтому послание императора оставалось неясным, что не способствовало популярности проектов Наполеона в армии, включавшая представителей двадцати народов.

Великая армия, состоявшая из двенадцати армейских корпусов⁶, гвардии и резервных пехотных и кавалерийских войск, насчитывала 644 тысячи человек⁷, в том числе 350 тысяч французов. Из общего числа чуть более 440 тысяч человек⁸, половина из которых были французами, готовились форсировать Неман в июне 1812 года; в этом войске было примерно 330 тысяч пехотинцев, 70 тысяч кавалеристов, 30 тысяч артиллеристов⁹ и 1393 пушки; ими командовали 18 маршалов империи, 10 генеральных инспекторов и 370 бригадных генералов.

В этой многонациональной армии были солдаты из старых департаментов Франции, рекруты из новых департаментов Империи, присоединённых после 1805 года, и иностранные контингенты, предоставленные союзниками Наполеона¹⁰. Италия прислала 27 тысяч человек, Неаполитанское королевство, Австрия и Бавария по 30 тысяч, Пруссия – 29 тысяч, Саксония – 20 тысяч, Вестфалия – 25 тысяч, Вюртемберг – 12 тысяч, Баден – 8 тысяч, остальные государства Рейнского союза – 20 тысяч, великое герцогство Варшавское – 50 тысяч; и к этому числу нужно добавить «несколько тысяч испанцев, португальцев, швейцарцев и других подданных Французской империи»¹¹.

Новшеством кампании 1812 года стало разделение Великой армии на три «группы армий» или «великих массы»¹². Каждая из этих групп объединила несколько армейских корпусов (каждый из которых в свою очередь был большим общевойсковым объединением) и имела своего главнокомандующего.

Первая группа армий, под руководством Наполеона, включала в себя императорскую гвардию (*la garde impériale*), 1-й, 2-й и 3-й корпуса, а также 1-й и 2-й корпуса кавалерийского резерва. Императорская гвардия, подразделявшаяся на старую и молодую, насчитывала 49 тысяч человек. Пехотой командовал Эдуар Мортье, кавалерией Жан-Батист Бессьер, герцог Истрийский. 1-й армейский корпус (74 тысячи человек и 11 тысяч лошадей) находился под командова-

нием маршала Луи-Никола Даву, князя Экмюльского, и состоял из пяти пехотных дивизий. 2-й корпус, под руководством маршала Никола Шарля Удино, герцога Реджо, состоял из трёх пехотных дивизий (38 тысяч человек); поскольку ему было поручено прикрывать Великую армию с севера, он не дошёл до Москвы и присоединился к Великой армии при отступлении. 3-й корпус вёл маршал Мишель Ней, сын бондаря, ставший благодаря своей отваге в бою герцогом Эльхингенским. Его корпус тоже состоял из трёх пехотных дивизий, насчитывал 39 тысяч человек и представлял собой арьергард Великой армии. К этим трём главным корпусам примыкал кавалерийский резерв (примерно 38 тысяч человек) под командованием Мюрата, состоявший из 1-го и 2-го корпуса, которыми руководили соответственно генералы Нансути и Монбрэн.

Второй армейской группой командовал Евгений Богарне, вице-король Италии, заместителем которого был генерал Жан-Андош Жюно, герцог Абрантес. В неё входили 4-й и 6-й армейские корпуса, а также 3-й корпус кавалерийского резерва. Из 48 тысяч человек, входивших в 4-й корпус, половину составляли итальянцы, в том числе войска королевской гвардии. 6-й корпус, состоявший главным образом из баварцев (24 800 человек), подразделялся на две пехотных дивизии и одну дивизию лёгкой кавалерии; им руководил генерал Лоран де Гувьон Сен-Сир¹³. 3-й корпус кавалерийского резерва (6800 человек) возглавлял генерал Груши.

Третья армейская группа под командованием Жерома Бонапарта, короля Вестфалии, состояла из 5-го, 7-го и 8-го корпусов, а также 4-го корпуса кавалерийского резерва. 5-й корпус был польским, происходил из Великого герцогства Варшавского и насчитывал 34 600 солдат под руководством князя Юзефа Понятовского. 7-й корпус состоял из саксонского контингента (18 500 тысяч человек) и находился под командованием генерала Жан-Луи-Эбенезера Ренье. 13 700 вестфальцами, входившими в 8-й корпус, руководил генерал Доминик-Жозеф Вандам, граф Унсбургский, который отличился, сражаясь против русских войск под Аустерлицем. Наконец, 4-м корпусом кавалерийского резерва (7300 человек) командовал генерал Виктор де Латур-Мобур. Кроме этих трёх главных частей армии на севере действовал 10-й корпус под руководством маршала Этьена Макдональда, герцога Тарентского. Он состоял из 29 100 пруссаков генерала Людвига Йорка и 11 400 поляков, а также включал в себя испанский и португальский легионы. Его задачей было обеспечение левого фланга Великой армии. Во второй эшелон, оставшийся в июне 1812 года в Пруссии, входил 9-й корпус маршала Клода-Виктора Перрена (известного как Виктор, герцог Беллунский) из 25 200 французов, немцев и поляков, а также 11-й корпус

маршала Шарля-Пьера Ожеро, герцога Кастильоне, насчитывавший 28 тысяч человек. 9-й и 11-й корпуса составляли резервную армию, задачей которой было защищать тылы Великой армии. На юге находился 12-й корпус, австрийский, под руководством князя Карла Филиппа фон Шварценберга. Наконец, к этому числу следует добавить 80 тысяч национальных гвардейцев, защищавших границы Великого герцогства Варшавского.

Французские войска, а также солдаты из аннексированных территорий были призваны по закону Журдана-Дельбреля от 5 сентября 1798 года о воинской повинности, который предусматривал, что все французы в возрасте от 20 до 25 лет должны служить в армии, но не указывал, сколько времени будет длиться служба. Указ императора от 29 декабря 1804 года упорядочил призыв на воинскую службу: он предусматривал, что распределение рекрутского набора будет подчиняться указам Сената, что мэры коммун должны будут составить списки потенциальных рекрутов, а также создал рекрутские советы в столицах кантонов, которые должны были после выбора рекрутов при помощи жеребьёвки проверить их здоровье и установить их пригодность к военной службе. Некоторые категории населения в принципе освобождались от военной службы, например «лауреаты Римской премии, семинаристы, профессиональные моряки, гравёры военного департамента, рабочие оружейных мануфактур, курсанты военных школ, женатые, сыновья беженцев-колонистов, продолжающих получать помощь от правительства¹⁴». Были введены правила, освобождавшие от службы по физическим недостаткам: например, освобождались от призыва те, чей рост был ниже 148,8 см. Наконец, внутри одного и того же кантона и класса одного рекрута мог подменить другой, но финансовые условия подобных подмен оставались частным делом. Эта система очевидным образом влияла на общественный состав Великой армии: в поход ушли те, кто не смогли заплатить, чтобы их заменили, и те, кто заменил выбранных по жребью, – люди без земель и имущества, по большей части происходившие из народных низов и записавшиеся в армию по необходимости¹⁵.

Натали Петито в своих работах подчеркнула, каким моральным, психологическим и физическим потрясением была для этих молодых людей служба в армии. Рекруты, которых случайный выбор жребия в одночасье вырвал из семей и привычного мира, оказались в подразделениях, где их подвергали самой настоящей «дрессировке»¹⁶ и где они должны были научиться всему: шагать в ногу, носить униформу, подчиняться приказам, обращаться с оружием как огнестрельным, так и холодным, совершать длительные форсированные марши, тяжело переносившиеся «молодыми горожанами, не столь

привычными к ходьбе на далёкие дистанции, как их деревенские товарищи»¹⁷, а в походе привыкнуть к неудобству биваков и бессонным ночам накануне битвы и пугающему испытанию огнём. Конечно, наполеоновские солдаты, закалившись в прошлых походах, побеждали свой страх перед болью и смертью, но молодых иногда убивал непреодолимый страх:

В нашем батальоне был молодой солдат, которого ужасал грохот пушек. Уже в ходе предыдущих битв его начальники заметили, что при первом же пушечном выстреле он бледнел, покрывался холодным потом, отставал от своего строя и вновь появлялся в нём только после битвы. В этот день, как и обычно, как только загремела артиллерия, он покинул свой отряд и спрятался в лесу... Его лейтенант, желавший закалить его, приказал четверым солдатам схватить его и вынести на линию огня. Ещё до линии огня он весь задрожал, уронил голову на грудь и умер от страха на их руках¹⁸.

Иностранные войска Великой армии, включённые в неё в рамках классических военно-политических союзов, оставались под командованием собственных начальников: так было в случае 33-тысячного австрийского корпуса генерала Шварценберга и прусского войска под командованием генерала фон Граверта. Если же речь шла о военных соглашениях в строгом смысле слова¹⁹, то союзные подразделения оказывались под французским командованием.

Надёжность этих войск, оказавшихся в рядах армии императора благодаря союзным отношениям, была сомнительной – опасность, которую Наполеон, видимо, недооценил. Император охотно выставлял напоказ многонациональный характер своей армии, подчёркивая, что его империя распространяет своё влияние на всю Европу, но он не слишком заботился об универсальной идее, которая сплотила бы столь разнородные войска. Ни на одном этапе похода он не попытался использовать европейскую риторику с идеологическими или политическими целями. С его точки зрения, воинские контингенты из аннексированных или союзных стран являлись лишь данью, которую покорённые монархи были обязаны платить Франции. Как следствие, из иностранных контингентов лишь 45 тысяч польских солдат из Великого герцогства Варшавского, составлявшие три кавалерийских полка (1-й уланский гвардейский, 7-й и 8-й лёгкой кавалерии)²⁰, а также с конца июня 40 тысяч литовцев стали служить империи с энтузиазмом, рассчитывая, что империя поддержит восстановление старинного польско-литовского государства. А вот для других иностранных контингентов, низведённых до уровня пушечного мяса, война не имела никаких жизненно важных смыслов, поэтому они не

могли проявлять особой стойкости в бою, и именно среди них, как мы увидим далее, было немало отставших от своих частей и дезертиров.

В начале весны полки отправлялись в путь в хорошем настроении. 22 апреля, как вспоминал гренадёр Оноре Бёлэ из 2-й роты 4-го батальона 36-го линейного полка,

нас отправили в Кале, чтобы завершить наше снабжение, а на заре следующего дня мы начали наш долгий поход на Россию. Мы были беззаботны и веселы, как птички, которые праздновали весну в кустах на нашем пути²¹.

Эта беспечность главным образом объяснялась абсолютным доверием, которое молодые рекруты испытывали к Наполеону; другой её причиной было неведение относительно цели похода, в котором пребывали солдаты и некоторые лица в окружении французского императора на протяжении многих недель. В письме домой, отправленном в марте 1812 года, артиллерийский полковник Антуан Пион де Лош признался, что он не знает, против какого врага он отправляется воевать²². Доминик Ларрей, главный хирург императорской гвардии, выражал те же сомнения:

10 мая мы прибыли в Позен. Мы всё ещё не знали цели нашего похода: однако армия росла, отовсюду прибывала могучая артиллерия и бесчисленные повозки²³.

Эта странная ситуация, впрочем, не замедлила привести к распространению среди солдат самых нелепых слухов.

Майнц, 28 марта 1812 г. В Меце говорили, что мы будем сражаться против союза пруссаков и русских... Император Александр в опасности и зовёт нас на помощь, чтобы мы напугали его народ... Политики утверждают, что мы идём на Швецию... Есть люди, достаточно безумные (sic), чтобы говорить, что мы отправляемся в Индию воевать с английской торговлей²⁴.

Подобными же вопросами задавались и иностранные солдаты Великой армии, тоже питавшиеся самыми фантастическими слухами, но и там, по-видимому, царило хорошее настроение. Вюртембергский пехотинец Якоб Вальтер, призванный в январе в гарнизон Шорндорфа, свидетельствовал:

В то время распространился слух, согласно которому мы отправляемся на Балтику, а оттуда поплывём в Испанию. Хотя перспектива не была радостной, все солдаты были веселы, пели и танцевали. Я участвовал в общем веселии вместе с остальными²⁵.

Это веселье продолжалось недолго: уже в мае, до пересечения Немана, начались физические страдания и лишения, расстройство снабжения. Целые фургоны Великой армии везли армейскую казну, но солдаты получили лишь деньги за начало похода, а жалование некоторых из них было даже задержано: в июле 1813 года солдат-бельгиец пожалуется, что «с мая 1812 года до настоящего времени мы ещё не получили ни единого лиарда из нашего жалования»²⁶. У некоторых деньги были: активы, или «массы», каждого солдата помещались в полковые кассы, каждый имел доступ к своему счёту и мог получить деньги. Но в реальности многие оказались без единого су и начали изымать у местного населения то, что не могли купить. На немецкой земле отношение к подобному поведению было ещё сравнительно мягким, а еда легко доступной:

Пока длился марш, крестьяне предоставляли нам еду. На столе всегда была водка, пиво и добрая еда. Им приходилось всё предоставлять нам бесплатно, потому что жалования мы не получали²⁷.

Но на польской территории ситуация ухудшилась. Якоб Вальтер так описывает своё прибытие в Польшу в середине мая:

Каждому пришлось самому добывать себе еду и готовить ее, а... реквизиции были запрещены! Впрочем, мы ещё были в хорошей форме и не испытывали недостатка храбрости. Но каждый день лишения и голод возрастали. Несмотря на запреты, полк был обязан прибегнуть к реквизициям и убою скота, чтобы люди могли получить немножко мяса и улучшить свой каждодневный рацион из картошки, сдобренной песком и подобранной там или здесь. Хлеб был редок, а купить было нечего²⁸.

Эти реквизиции, о которых не говорили вслух, напоминавшие грабёж, быстро вызвали жалобы. Как писал Сегюр, в Торне поляки жаловались, что «союзники» грабят и оскорбляют их. Но, несмотря на упрёки Наполеона, король Вестфалии не мог справиться с этим злом, потому что в свои права вступила нужда: «От Одера до Вислы и вплоть до Немана еда была в достаточном количестве и легкодоступна, а вот кормов не хватало. Нашим всадникам уже пришлось срезать незрелую рожь и снимать с домов соломенные крыши, чтобы накормить своих лошадей»²⁹.

Как мы видим, всего через несколько недель после начала похода материальные условия в войсках резко ухудшились.

Армия, гордость Российской империи

Весной 1812 года Александр I не располагал надёжными данными о численности Великой армии: шпионская сеть, созданная Чернышёвым, в феврале была уничтожена, и к царю перестала поступать свежая информация. Поэтому он несколько недооценил число солдат, получивших приказ форсировать Неман; но Александр знал, что армия противника многочисленна и война будет ожесточённой, а значит, нужно к ней подготовиться.

20 марта Комитет министров специально рассмотрел проект текста под названием «Об учреждении Комитета Министров, с особою властью, по случаю Высочайшего отбытия из столицы». 26 марта была принята его окончательная версия: в случае отправления императора на фронт возглавить Комитет министров предстояло 76-летнему фельдмаршалу графу Николаю Ивановичу Салтыкову, который в своё время был воспитателем маленького царевича Александра, а в 1791–1802 годах исполнял обязанности президента Военной коллегии.

13 апреля 1812 года Александр I в письме своему другу Чарто-рыйскому выражал уверенность, что русские в преддверии войны настроены решительно:

Я удовольствуюсь лишь напоминанием, что русская армия имеет за собой бесконечное пространство для отступления с тем, чтобы не дать себя разбить. Для Наполеона же затруднения будут возрастать, по мере его удаления от источников своих средств и сил. Если война начнётся, здесь решено не складывать более оружия. Собранные военные силы очень велики; общественное настроение прекрасно и совершенно не походит на то, какое Вы наблюдали первые два раза. Нет более того чванства, порождавшего презрение к врагу. Напротив, все хорошо сознают всю силу врага, считают весьма возможным всякие для нас несчастья, но, несмотря на это, все твёрдо настроены до последней возможности подерживать честь империи³⁰.

В тот же день на обеде в Зимнем дворце в присутствии многих генералов царь заявил:

Мы участвовали в двух войнах против французов как союзники и, кажется, долг свой исполнили, как следовало; теперь пришло время защищать свои собственные права, а не посторонние, и потому, уповая на Бога, надеюсь, что всякий из нас исполнит свою обязанность, и мы не помрачим военную славу, нами приобретённую!³¹

Во второй половине дня 21 апреля Александр, в последний раз отстояв службу в Казанском соборе и поговорив с петербургским митрополитом Амвросием, киевским митрополитом Серапионом и многими членами Священного Синода, покинул северную столицу и направился в генеральный штаб армии. Народ вдохновенно провожал царя. По словам петербуржца А. Я. Булгакова, он видел, как «какой-то мужик в тряпице подал ему на дорогу сайку» и что «с восхищением отец принял дар сей от верноподданного»³².

Пятью днями позже Александр прибыл в Вильну, на литовскую землю; там он встретился с Барклаем-де-Толли и его солдатами. Момент был серьезным, тем более что Российская империя оказалась в небывалом для себя положении.

С самого начала 1812 года все думали о войне. В письме от 20 февраля 1812 года, написанном в Петербурге, П. Л. Давыдов сообщал своему другу А. Н. Самойлову о просьбе, с которой он обратился к царю: в связи с нависшей над страной угрозой он хочет вернуться на службу:

По слухам здешним и всем приуготовлениям, война с французами неизбежна. О главнокомандующем нашими армиями еще не известно, уверяют только, что сам император имеет намерение скоро ехать осматривать оную... Других вестей здесь теперь более нет, война слишком всех занимает³³.

Российская элита, уже более ста лет говорившая по-французски и в большой степени настроенная франкофильски, и в 1812 году не утратила связи с французской культурой, а то и французской «цивилизацией». Война 1805 года и франко-русский союз, возникший в 1807 году в Тильзите, создали внутри Российской империи линию противостояния между сторонниками и противниками Наполеона, но не подорвали русскую тягу ко всему французскому. Угроза войны нарастала, а элита продолжала колебаться между традиционной любовью к французской культуре и страхом, если не враждебностью, по отношению к наполеоновским устремлениям. Казалось, дворяне не верили, что будет война, и пребывали в растерянности, тем более что мотивы, побуждавшие Наполеона вести войну, казались им расплывчатыми и неубедительными. Вместе с тем они испытывали беспокойство, которое парадоксальным образом было скорее идеологическим, чем военным. В самом деле значительная часть дворянства опасалась подрывного воздействия наполеоновской пропаганды, которая могла именем Просвещения и 1789 года призвать к освобождению крепостных и тем самым свергнуть самодержавие и разрушить существующие порядки.

А вот в русской армии господствовала уверенность, даже некоторая беспечность: «В момент надвигания бесспорно грозных для России событий, русская военная молодежь... живет... веселою жизнью, перенесенною из петербургских гостиных и будуаров в фольварки и поместья витебских или виленских панов»³⁴. Эта беспечность нашла своё отражение в многочисленных частных письмах. В апреле 1812 года Давыдов писал Самойлову:

У нас здесь никаких интересных известий теперь нету, из армии пишут только, что в лагере очень весело живут и подтверждают, что никаких недостатков не терпят; в скором времени ожидают большого сражения. Армия наша числом превосходнее французской³⁵, которой уже часть переправилась чрез Вислу³⁶.

Петербурженка Варвара Бакунина, чей дневник частично сохранился до наших дней, тоже подчёркивает царившее в войсках воодушевление:

Все письма из армии наполнены желаньями войны... уверяют, что и солдаты нетерпеливо хотят приблизиться к неприятелю, чтобы отмстить прошедшие неудачи³⁷.

Вместе с тем она сокрушалась, что эта самоуверенность и беспечность граничат с некоторой безответственностью:

Молодые офицеры пьют, играют и прочее... вседневные orgies... Все в бездействии, которое можно почти назвать столбняком, когда подумаешь, что неприятель, самый хитрый, самый счастливый, искуснейший полководец в свете, исполинскими шагами приближается к пределам нашим, 300 000 воинов под его предводительством; уверяют, что войска у нас не менее, но неизвестный, неопытный, не заслуживший доверенности войск Барклай ими начальствует... О разуме его, о свойствах, о благородных чувствах, о возвышении духа никто не слышивал, а ему вверен жребий России. О, бедное моё отечество!³⁸

Это безапелляционное суждение было несправедливым по отношению к Барклаю-де-Толли, который уже не был ни неизвестным, ни неопытным. Но нельзя отрицать, что этот сдержанный и не слишком яркий человек не казался достойным соперником военному гению и славе императора французов.

На начало 1812 года русская армия насчитывала 622 тысячи солдат, в том числе 380 тысяч пехотинцев, 80 тысяч кавалеристов, 52 тысячи артиллеристов, а также в нее входили инженерные батальоны и 110 тысяч солдат нерегулярных войск. Но в июне 1812 года на польской границе находилось лишь немногим больше 200 тысяч солдат.

В состав тяжёлой пехоты входили 96 пехотных полков, 4 гвардейских, 14 гренадёрских, 4 морских, а также Каспийский морской батальон. Лёгкая пехота включала в себя 2 гвардейских полка и 50 егерских, к которым нужно добавить 12 запасных полков. Регулярная кавалерия состояла из 6 гвардейских батальонов, 8 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских; её усиливала иррегулярная кавалерия, в которую входили донские, черноморские, уральские, терские, сибирские и оренбургские казаки.

Выходцы из степей Южной России и Украины, казаки с XVI века составляли сообщества свободных людей (у них не существовало крепостного права) и наёмников. С последней трети XVIII века они постепенно входили в состав русской императорской армии, но они сумели сохранить некоторые привилегии и составили особые «иррегулярные» полки.

Регулярные войска были разделены на три отдельных армии.

Одна из них, называвшаяся 1-я Западная армия, располагалась в районе Вильны и находилась под прямым командованием Барклая-де-Толли. Она состояла из шести пехотных и трёх кавалерийских корпусов³⁹, а также восемнадцати казачьих полков, в общей сложности 120 тысяч человек⁴⁰; в её распоряжении находилось 580 больших артиллерийских орудий⁴¹. Шестью пехотными корпусами командовали генерал-лейтенант Пётр Христианович Витгенштейн, генерал-лейтенант Карл Фёдорович Багговут, генерал-майор Александр Алексеевич Тучков, генерал-лейтенант граф Павел Андреевич Шувалов, великий князь Константин Павлович, брат царя, и Дмитрий Сергеевич Дохтуров, генерал от инфантерии. Во главе трёх кавалерийских корпусов стояли генерал-лейтенант Фёдор Петрович Уваров, генерал-майор барон Фёдор Карлович Корф и генерал-майор граф Павел Петрович Пален; впоследствии третий кавалерийский корпус сольётся с шестым пехотным. Шесть пехотных корпусов в основном состояли из пехотных полков, но и в них были кавалеристы (1-я кавалерийская дивизия была частью 1-го пехотного корпуса), гренадёры и кирасиры, приписанные к 5-му корпусу великого князя Константина. Наконец, наряду с регулярными войсками в 1-ю Западную армию входил летучий казачий корпус во главе с генералом от кавалерии Матвеем Ивановичем Платовым.

Штаб 2-й Западной армии, находившейся под командованием 43-летнего генерала грузинского князя Петра Ивановича Багратиона, располагался в Луцке, куда армия была отправлена за несколько недель до вторжения⁴². Она состояла из трёх корпусов, а именно 7-го пехотного корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский, 8-го корпуса, объединявшего гренадёров, кирасиров и пехотинцев, под началом генерал-лейтенанта Ми-

хаила Михайловича Бородина и, наконец, 4-го кавалерийского корпуса, которым руководил генерал-майор Карл Густав фон Сиверс. Кроме этих корпусов в армию входили девять полков донских казаков. Общая численность 2-й Западной армии достигала 48 тысяч человек⁴³, в распоряжении которых было 180 артиллерийских орудий⁴⁴.

Наконец, в состав Обсервационной армии, подчинявшейся генералу Александру Петровичу Тормасову, входили три пехотных корпуса под началом генерала от инфантерии Сергея Михайловича Каменского, генерал-лейтенанта Евгения Ивановича Маркова и генерала-лейтенанта Фабиана Вильгельмовича Остен-Сакена, а также резервный кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Карла Осиповича Ламберта (Шарля де Ламбера), и иррегулярные полки башкир, калмыков и татар. В целом 3-я армия насчитывала 45 тысяч солдат⁴⁵ и располагала 168 орудиями⁴⁶. В ходе войны, получив подкрепление из полков Дунайской армии под командованием адмирала Павла Васильевича Чичагова (33 тысячи человек) и финляндского корпуса Фаддея Фёдоровича Штенгеля (15 тысяч человек), Обсервационная армия превратилась в 3-ю армию – мы к этому ещё вернёмся.

Кроме этих трёх армий две находились в резерве – одна насчитывала 65 тысяч человек, другая – всего 47 тысяч. На июнь 1812 года это было слабое место русской армии.

Численностью русская армия уступала наполеоновской. По поводу её огневой мощи источники расходятся. Жак-Оливье Будон считал, что русская армия располагала большим числом артиллерийских орудий: 1600 против 1393 у Великой армии⁴⁷. По мнению русского историка Николая Троицкого, преимущество было у Наполеона: в русской армии было всего 1100 орудий⁴⁸. Что касается ружей, то не было времени произвести их в достаточном количестве, и Россия закупила около 50 тысяч ружей в Англии⁴⁹, но их по-прежнему не хватало, и многим пехотинцам пришлось сражаться холодным оружием.

Русская регулярная армия опиралась на рекрутский набор, зависевший от царских указов. Его размах мог изменяться в зависимости от обстоятельств, но срок службы был фиксированным: солдаты, которых набирали из крепостных крестьян, служили двадцать пять лет. Таким образом, солдатская служба была фактически пожизненной. Крестьянин, уходивший в солдаты, мог забыть про гражданскую жизнь и безвозвратно покидал родных: разрыв с прошлой жизнью был в России более болезненным и более радикальным, чем в наполеоновской Европе. Однако, если крестьянину удавалось отслужить эти двадцать пять лет службы, он автоматически освобождался из

крепостного состояния и возвращался к гражданской жизни уже свободным человеком.

Почти не осталось свидетельств солдат, переживших эти 25 лет службы в годы войн с Наполеоном. До нас дошли только два текста воспоминаний, довольно короткие, примерно по сорок страниц: эти солдаты, счастливо пережившие четверть века в царской армии, так хорошо научились там читать и писать, что, вернувшись к гражданской жизни, смогли оставить воспоминания о войнах с Наполеоном, искренние, простые и лаконичные. В кампании 1812 года участвовал лишь Памфил Назаров⁵⁰, следовательно, нужно обратить внимание именно на его свидетельство⁵¹.

Уроженец маленькой деревушки в Тверской губернии, Назаров был призван в армию в сентябре 1812 года в возрасте 20 лет. В годы своей службы он активно участвовал в войне с Наполеоном, сначала в России, затем в Германии и Франции. В сентябре 1816 года он начал самостоятельно учиться читать и писать⁵². Благодаря своей храбрости – в эти годы он неоднократно был ранен – Назаров, обретя в 1836 году свободу, получил пенсию от царя Николая I, что было большой редкостью. Он начал записывать свои воспоминания. Вскоре он открыл в себе страстную веру в Бога, и в 1839 году стал монахом под именем брата Митрофана. На этой дате его воспоминания обрываются – приняв духовный сан, Митрофан перестал писать. Его воспоминания, рассказывающие о детстве, призыве в армию и военных походах, охватывают период с его рождения в 1792 году до пострижения в монахи. И если военным походам 1812–1835 годов он уделяет всего шесть страниц, то, как его забирали в солдаты, он подробно и трогательно рассказывает на пяти страницах. Он описывает свою душевную боль при расставании с семьей; свой стыд, когда его в голом виде, при всех, осматривал *военный приёмщик*, то есть глава призывного пункта его губернии; своё смятение, когда ему пришлось сбрить бороду и снять крестьянскую одежду, чтобы надеть солдатский мундир; трудности привыкания к военной жизни. В первые месяцы своей службы он часто болел и терял сознание от тяжести физических испытаний, к которым его принуждали⁵³.

В 1812 году произошло три рекрутских набора. Забирали мужчин от 20 до 40 лет; в общей сложности из каждых 500 мужчин забрали 20⁵⁴, что показывает, сколько людей требовалось на войны с Наполеоном. Как и в Великой армии, существовали физические нормы: русский солдат 1812 года не мог быть ниже 1,55 м ростом⁵⁵ или душевнобольным. Как и во Франции, можно было, по крайней мере теоретически, найти себе замену. Но в реальности из-за нехватки денег ни один *мужик* не мог этим воспользоваться. От воинской службы ухо-

дили сыновья купцов и зажиточных лавочников. Царская армия была крестьянской армией.

Пройдя начальное военное обучение в рекрутском депо, новый солдат направлялся в полк, в котором ему предстояло оставаться до самой смерти или, что случалось реже, до окончания 25-летнего срока службы. В этом полку солдата кормили и одевали и – что особенно важно – давали бесценную овчинную *шубу*⁵⁶, предмет одежды, которого будет так не хватать наполеоновским солдатам. Согласно действующему Полевому уголовному уложению, с солдатом не должны были плохо обращаться. Но реальное положение дел заметно отличалось в разных полках и у разных офицеров, выходцев из дворянства.

В правление Петра I дворянство стало служилым, оно было обязано служить в гражданской администрации или в армии. Пётр III освободил дворян от этого обязательства, оставив при этом в силе Табель о рангах⁵⁷, позволявшую дворянам продвигаться по карьерной лестнице, а некоторым достигать наследственного дворянства. В 1812 году дворяне составляли примерно 4 % от населения, общая численность которого оценивалась в 40 миллионов, и офицеры императорской армии набирались исключительно из дворянства. Кто-то выбирал военную карьеру по душевной склонности, кто-то из патриотизма, а другие – потому что видели в ней пусть и более рискованный, чем гражданская служба, но вместе с тем и более быстрый способ продвижения вверх по карьерной лестнице.

Русский солдат, навсегда оторванный от родных, неграмотный⁵⁸, грубоватый и обездоленный, не имел другого выбора, кроме как всей душой прилепиться к своему полку и своим собратьям по несчастью, которые теперь заменяли ему семью. Это было очень важно: в час боя солдат сражался не только и не столько за свою Родину, сколько за свой полк. В каждом воинском соединении была *артель*, в мирное время занимавшаяся выращиванием хлеба, разведением скота, изготовлением одежды, сапог, инструментов, в общем всем, что было нужно солдату для улучшения быта. Этот способ организации может показаться архаичным на фоне Великой армии, но он обеспечивал каждому подразделению некоторую самостоятельность и самодостаточность – два весьма ценных фактора в ходе военных действий.

Интендантская служба и система снабжения

Весной 1812 года две армии очень различались как своим снаряжением, системой снабжения, так и организацией санитарной службы.

В походе униформа наполеоновского солдата состояла из кюлотов или длинных штанов без подкладки, рубахи и жилета или фрака с эполетами. Пехотинцы также носили белые, чёрные или серые гетры, защищавшие нижнюю часть ноги и отчасти прикрывали башмаки. От холода их защищала шинель (или плащ): они заворачивались в неё, отходя ко сну. Шинель была из сукна, достаточно тёплой для стран с умеренным климатом, но не защищавшей от дождя или влажности. В распоряжении пехотинца было ружьё образца 1777 года, модифицированное в IX году Республики, длиной 1529 мм и весом 4,4 кг, с пулей калибра 17,5. Точно бившее в цель на расстоянии 150 метров, ружьё было достаточно эффективным для стрельбы на 200–250 метров⁵⁹. Но сам выстрел «превращался в целый ритуал: во-первых, нужно было надкусить бумажный патрон (для чего требовались хорошие зубы, поскольку бумага была тонкая, но прочная); затем поместить пыж, содержащий пулю и 12-граммовый заряд пороха, в дуло; затем засыпать этот порох, смесь селитры, серы и угля, на затравочную полку замка и в ствол, и набить его шомполом. Наконец, стрелок должен был взвести курок. Таким образом, чтобы перезарядить ружьё, нужно было выполнить двенадцать операций! Четыре выстрела за три минуты были вполне достойной скоростью стрельбы»⁶⁰.

Кроме оружия, ключевой деталью обмундирования солдата была обувь, в данном случае башмаки. Они были не слишком высокими, из телячьей замши, завязывались сверху. Шнурки фиксировались сапожными гвоздями. Предусмотренные правилами башмаки были одинаковыми на правую и левую ногу и могли быть только трёх размеров: маленькие (20–23 см), средние (23–27 см) и большие (более 27 см); таким образом, они редко приходились солдату по ноге. Их шнурки не всегда отличались высоким качеством: «Одна пара башмаков должна была выдержать три года или пройти тысячу километров. Увы, некоторые бессовестные поставщики делали обувь из кожи настолько плохого качества, что некоторые башмаки были не прочнее картона»⁶¹.

Кожаные сапоги, более прочные, более тёплые и более высокие, чем солдатские башмаки, хорошо защищающие от грязи, снега и холода, стоили дорого и за пределами кавалерии оставались прерогативой офицеров и унтер-офицеров.

Каждый солдат нёс ранец, весивший до 30 кг, в котором лежала сменная одежда и обувь, одеяло, еда и табак. Во время переправы через Неман в ранце должны были лежать «три пары сменной обуви, три рубахи, хорошо сложенная униформа и десять килограммов продовольствия (мука, рис и сухари)⁶², согласно регламенту, разработанному лично Наполеоном. Все командиры корпусов получили приказ

забрать из гигантского склада в Кёнигсберге, снабжавшего Данциг, запас муки, риса и сухарей на три недели на каждого солдата⁶³; этого количества в принципе должно было хватить, чтобы дойти до Вильны или до Дриссы при необходимости, если бы вдруг русские покинули Вильнюс без боя, что Наполеону представлялось маловероятным. Также его план предусматривал снабжение всеми необходимыми припасами (продуктами сельского хозяйства, патронами, сапожными гвоздями, подковами...) отчасти за счёт местных ресурсов, отчасти за счёт армейских складов, расположенных на завоёванной территории. С этих складов, первый из которых разместится в Вильне, припасы и продовольствие будут везти повозками и фургонами; движение на дорогах станет весьма активным:

Император рассчитывал на множество лёгких повозок и на большие фургоны... Эти транспортные средства были организованы в батальоны и эскадроны. Батальон лёгких повозок, называемых *контуаз*, состоял из 600 повозок и мог перевозить 6000 квинталов муки; батальон тяжёлых повозок, влекаемых быками, перевозил 4800 квинталов. Кроме того, было 36 эскадронов повозок, нагруженных военными припасами, множество повозок со всевозможными инструментами, а также тысячи медицинских и артиллерийских подвод, шесть понтонных парков и один осадный⁶⁴.

Этих съестных припасов должно было хватить на 450 тысяч человек, поэтому их выделяли весьма щедро; тем не менее (и это очень важно) Великая армия могла оставаться на самообеспечении не дольше двадцати пяти дней. Кроме того, Наполеон не подготовил свою армию к холодам: как линейные, так и гвардейские полки получили обычные мундиры.

В русской армии всё было иначе.

Как мы уже сказали, она в основном состояла из крестьян, которые были привычны к русским просторам и русскому климату; естественно, пехотинцы не сильно отличались от крестьян, которыми они прежде были.

Каждый год офицеры и солдаты получали по две пары кожаных сапог, три пары портянок, шапку, длинную *шинель* очень толстого сукна, которую они носили с октября по май, пару штанов и каждые два года плащ. Швейные фабрики были обязаны продавать солдатскую одежду по низким ценам. Но товаров российского производства не доставало, и русские покупали обмундирование в Англии. В полковых артелях солдаты сами шили кожаные перчатки, меховые шапки и овчинные тулупы, которые они поддевали под плащи, когда были сильные холода. Кроме того, в мороз солдаты, прежде чем надеть сапог, обматывали ноги поверх портянок льняной или шерстяной

тканью. Таким образом, они были гораздо лучше защищены от холода, чем бойцы Великой армии. Они сами чинили и стирали своё бельё: в русской армии не было маркитанток. Крестьяне из ополчения, которые приняли участие в войне во время отступления наполеоновской армии, редко носили форму – её не успели сшить – и одевались в привычную для себя одежду: блузы из толстого полотна и овчинные тулупы. На ногах они носили *валенки*, войлочные сапоги, которые они сами делали из овечьей шерсти по своему размеру. Это обмундирование, весьма простое и грубое, было в действительности очень хорошо приспособлено к русскому климату, и когда морозы стали по-настоящему суровыми, наличие такой одежды превратилось в решающий фактор.

На вооружении у русских пехотинцев было два типа ружей: ружьё модели 1805 года весом 5,16 кг и более распространённое ружьё модели 1808 года, оно было легче (4,46 кг), длиной 1458 мм (со штыком 1830 или 1860 мм) и калибром 17,78 мм. Каждый год заводы в Туле и Сестрорецке выпускали 170 тысяч таких ружей, но потребность в них была столь велика, что и здесь русским пришлось прибегнуть к импорту (в 1812 году Англия поставила 60 тысяч ружей), что объясняет разнообразие огнестрельного оружия в царской армии: в ней встречались ружья 28 разных калибров.

Важнейшую роль в войне играли лошади, выполнявшие самые различные функции: они принимали непосредственное участие в боях лёгкой кавалерии и кирасиров; перевозили артиллерийские орудия и увозили с поля боя раненых; они облегчали разведывательные операции. А в промежутке между двумя атаками опять же лошади, а также мулы, запряжённые в интендантские повозки, доставляли необходимые припасы и позволяли маркитанткам, занимавшимся стиркой белья и продажей еды и напитков, сопровождать воюющую армию.

Число лошадей, мулов и ослов, форсировавших Неман весной 1812 года вместе с Великой армией, оценивается в 160 тысяч⁶⁵. Только на обслуживание Императорского дома, то есть лично Наполеона было выделено не менее 600 человек, 52 повозки и 630 лошадей и мулов, что обеспечило императору удивительно комфортную, если не роскошную жизнь:

Когда в 1812 году императорские фургоны покидали Париж, в них было не менее 3464 бутылок с винами и крепкими напитками, 155 килограммов сыра грюйер, девять больших мешков с кофе, 230 литров уксуса, 36 килограммов шоколада, 227 килограммов сала и даже 50 килограммов горчицы. В числе тысяч винных бутылок было 422 бутылки шамбертена и 257 бутылок французской водки⁶⁶.

Подражая императору, многие офицеры стали тоже передвигаться в сопровождении многочисленных повозок, потребовавших тысяч лошадей, что заметно осложнило логистику в самый разгар зимы. Напротив, по указу Александра I русские офицеры имели право на ограниченное число повозок: командующему армией – Барклаю-де-Толли, Багратиону или Кутузову – выделялось четыре повозки, генерал-аншефу – три, генерал-лейтенанту – две, главе полка – одна. Младшим офицерам было запрещено иметь повозку – кавалерийские офицеры имели право только на дорожный чемодан, а пехотные – на ранец. Комфорта в русской армии было меньше, зато она была более мобильной и манёвренной.

Таким образом, лошадь – активный участник военных походов, но её нужно кормить и хорошо подковывать. И чем больше лошадей, тем больше нужно фуража: считается, что одна лошадь съедает как минимум 6 килограммов сена в день. Таким образом, Великая армия должна была каждый день добывать на неприятельской территории 900 тонн сена. Конечно, лошади могли на остановках и бивуаках питаться свежей травой. Но она была менее калорийна, чем сено, и её становилось всё меньше и меньше по мере приближения зимы. А солома, хотя и даёт лошади чувство сытости, на самом деле её не питает; таким образом, сено заменить было нечем, а трудности с его складированием и транспортировкой возрастали с каждым днём войны. Кроме того, хотя во французской армии был сделан запас подков, гвоздей и ее сопровождали передвижные кузницы, форсированные марши по всё ухудшающимся дорогам привели к тому, что подковы снашивались быстрее, чем это было предусмотрено. Когда же наступили русские холода и дороги обледенели, лошади с подковами, не приспособленными к таким дорогам, ужасно страдали.

В русской армии лошадь играла ещё более важную роль. В предисловии к своему монументальному труду «Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814» Доминик Ливен даже пишет: «Во многих смыслах величайшим героем российской военной кампании 1812–1814 гг. был не человек, а лошадь... Лошадь была важным, а возможно, и решающим фактором победы России над Наполеоном»⁶⁷.

Формулировка Д. Ливена, несмотря на провокационность, указывает на важнейший фактор: русская армия была не только способна выставить столько же лошадей, сколько Великая армия, но, что ещё важнее, её лошади, прославившие царскую лёгкую кавалерию, оказались более стойкими в военных условиях, чем лошади наполеоновской армии. Донские кони, которых французы, искажив русское слово, стали называть *коня*, были «совершенно уродливыми», по словам некоторых французских бойцов, и «такими маленькими, что ноги их

всадников порой волочились по земле»⁶⁸, но они оказались выносливее, чем лошади Великой армии. Донские лошади получились в результате скрещивания нескольких пород, в том числе диких монгольских лошадок, на которых ездили гунны Аттилы. Эти степные лошади не только быстро скакали, отличались выносливостью и могли раскапывать замёрзшую почву в поисках травы, но у них к тому же были очень крепкие копыта, не нуждавшиеся в подковах, что было принципиально важно при продвижении по обледеневшим дорогам.

Накануне войны штабы двух армий озаботились и необходимостью улучшить организацию и функционирование военно-медицинских служб.

В 1802 году Российская империя насчитывала девять военных госпиталей с 422 врачами (четверть от общего числа врачей в стране) на армию в 400 тысяч солдат, что говорит о неразвитости медицинской службы русской армии. Уже в первые годы своего правления Александр I обратил на это внимание, но реально занялся этим вопросом только в 1812 году.

Царским указом 27 января 1812 года в военном министерстве был создан медицинский департамент⁶⁹, общее руководство которым было поручено Якову Виллие, личному врачу царя и главному военно-медицинскому инспектору по армии. Этот департамент, которым руководили Яков Виллие и два его помощника, главный хирург и главный аптекарь, имел широкие полномочия: он принимал решение о распределении врачей и аптекарей по всей территории страны, размещении постоянных и временных госпиталей; он имел право принимать любые меры, направленные на профилактику потенциальных эпидемий; вместе с тем до августа 1812 года ему не подчинялись санитарные службы трёх действующих армий, которые оставались в подчинении врачей начальников штабов этих армий⁷⁰.

Заняв пост руководителя медицинского департамента, Яков Виллие создал чёткие правила. Он указал, сколько в каждом полку должно быть докторов, лекарей, цирюльников и фельдшеров и уровень их квалификации. Он предусмотрел, что в каждой роте для эвакуации раненых и их транспортировки в военные госпитали будут зарезервированы один фургон (для солдат) и одна-две повозки модели 1797 года (для офицеров). Но времени на выполнение этого плана было недостаточно: весной 1812 года в царской армии было лишь четыре военно-медицинских инспектора, четыре генерал-штаб-доктора (*докторами* называли только дипломированных медиков), пять генерал-штаб-лекарей, шесть штаб-докторов (дипломированных) и семь штаб-лекарей⁷¹, под руководством которых находились 800–850 лекарей и 1000–1200 цирюльников и фельдшеров⁷², а также 52 постоянных госпиталя на 36 320 коек – небольшое число, учиты-

вая численность армии. Одновременно Виллие начал размышлять о структуре и организации передвижных госпиталей, но они стали действовать уже после начала войны. Таким образом, врачей в царской армии было немного, но у них были качественные медицинские инструменты, в большинстве своём английского производства, недавно ввезённые в Россию. Их число и способ использования были регламентированы Виллие, который снабдил каждый полк аптечкой, насчитывавшей более 150 медицинских и хирургических инструментов, и обязал каждого врача обзавестись личным операционным набором из 18 хирургических инструментов⁷³.

Наконец, хотя организация российской военной-медицинской службы находилась в ведении государства и правительства, уже в мае местные и общенациональные газеты стали призывать граждан страны принять участие в снабжении военных госпиталей. 31 мая «Ведомости» писали:

Для военных госпиталей, имеющих быть при первой Западной армии в границах и за границами, потребны к продовольствию воинского чина больных припасы, и именно: булки пшеничные, крупы овсяные, гречневые, мука овсяная, говядина свежая, мёд сырой красной, масло конопляное, капуста полубелая квашеная, свёкла квашеная крошёная, соль, квас яичный, пиво русское... и так далее, вплоть до уксуса рейнского и пивного; и для мытья больничного белья прачки⁷⁴.

Объявление уточняло, что сбор необходимых припасов начнётся 18 июня.

Наряду с этим в ходе войны 1812 года в результате инициативы частных лиц появились и частные госпитали. Генерал М. С. Воронцов открыл в своей усадьбе во Владимирской губернии госпиталь на 350 коек – 300 для солдат и унтер-офицеров и 50 для офицеров.

В Великой армии в 1806 году произошла коренная реформа военно-медицинской службы. Начиная с этого момента ею руководили 6 генеральных инспекторов: три хирурга (Перси, Ларрей и Эртлу), два врача (Деженетт и Кост) и один аптекарь (Пармантье). В 1812 году помимо врачей иностранных полков военно-медицинский персонал – хирурги, медики, аптекари и санитары – насчитывал 5100 человек, в том числе более 2000 хирургов; таким образом, французская военно-медицинская служба намного превосходила по численности русскую.

12 февраля 1812 года Ларрей указом Наполеона был назначен главным хирургом императорской гвардии, а также получил приказ об отъезде. Явившись в Берлин в апреле, он разработал и организовал военно-медицинскую службу, которая впоследствии действовала в России. В своих «Мемуарах» он пишет: «Я организовал шесть лету-

чих хирургических отрядов, каждый из которых состоял из восьми врачей»⁷⁵.

Эти подразделения, каждое из которых состояло из двенадцати двух- или четырёхколёсных карет, предназначались для эвакуации раненых с поля боя и их транспортировки в полевые госпитали в непосредственной близости от фронта, где оказывалась первая помощь и осуществлялись срочные ампутации⁷⁶. Перси, в свою очередь, создал «вурц», очень лёгкие повозки, в которые запрягались шесть лошадей и которые позволяли привозить прямо на поле боя всё необходимое хирургу для срочных операций. Ларрей и Перси считали, что для повышения качества санитарной службы главное – действовать быстро. По словам самого Ларрея, «член тела, оторванный пулей, осколком снаряда или бомбой, требует как можно более быстрой ампутации: самая короткая задержка подвергает опасности жизнь раненого»⁷⁷. Увы, в разгар войны всё это не срабатывало: свирепость и ожесточённость боёв быстро превзошли самые пессимистические прогнозы.

3. ВТОРЖЕНИЕ

Наполеон тщательно готовил вторжение, русские ждали его: с самых первых докладов полковника Чернышёва можно было не сомневаться в неотвратимости грядущей войны. И всё же вторжение, начавшееся в июне 1812 года, стало страшным потрясением и для русского населения, и для русской армии. Но и Великая армия столкнулась с тем, что военные действия идут совсем не так, как планировалось. Одним словом (и этот парадокс немаловажен), уже в первые недели войны обе стороны конфликта были обескуражены и задавались вопросом, что именно идёт не так.

Великая армия на марше

Наполеон вступил в Россию с намерением быстро закончить войну, одержав одну из тех решающих побед, которые и создали его репутацию и славу полководца; он не сомневался, что всё пройдет по сценарию Аустерлица, Иены и Фридланда.

В середине июня Великая армия, приближавшаяся к реке Неман, растянулась по оси север – юг на 650 км. На севере, на линии Кёнигсберг – Мемель, расположился корпус Макдональда. В центре находились Наполеон и его императорская гвардия, корпуса Даву, Удино и Нея, а также кавалерия Мюрата, следовавшие вдоль реки Прегель (Преголя). К югу действовал вице-король Евгений, двигавшийся вдоль Немана к Мариенполю (Марьямполе). Жером Бонапарт, прибывший из Варшавы, получил задание форсированным маршем идти к Гродно, где ему предстояло переправиться через реку. Австрийский корпус Шварценберга должен был развернуться за Вислой и вторгнуться на территорию Российской империи через южную Литву¹.

Еще до начала вторжения, желая сделать всё быстро, Наполеон принял решение сконцентрировать силы в направлении русской 1-й Западной армии, расположившейся вдоль границы с Восточной Пруссией и северной границы Великого герцогства Варшавского. Победа над Барклаем-де-Толли дала бы французскому императору важное символическое и психологическое преимущество: 1-я Западная армия превосходила своей мощью все остальные, царь находился рядом с Барклаем-де-Толли, и после подобной победы можно было

рассчитывать на капитуляцию Александра. Чтобы легче покончить с этой армией, нужно было изолировать её от двух других. В краткосрочной перспективе план Наполеона был следующим: в то время как он сам и большая часть его армии направятся на Ковно, а затем на Вильну², нацелившись на войска Барклая-де-Толли, король Жером и Понятовский должны атаковать и сбить с пути Багратиона, а Евгений Богарне вклинится между двумя западными армиями. На севере будет действовать Макдональд, наступая на Митаву (Елгаву) и Ригу и противодействуя корпусу Эссена; на юге – Ренье и Шварценберг, задачей которых будет нейтрализовать армию Тормасова.

Основные силы Наполеон решил переправить через Неман не перед Вильной, где находился царский генеральный штаб, а вблизи деревни Понеман, на месте слияния Немана и Вилии (Нярис), чуть ниже Ковно³. Место переправы выбиралось с учётом общей стратегии: оно должно было позволить Наполеону быстро направиться в Литву, отрезав первую русскую армию от второй. Император считал, что в этой ситуации у русских будет только три варианта действий: попытаться прикрыть Петербург и Москву, объединив обе армии в Вильнюсе; передвинуть войска к югу, сосредоточив их за Гродно, но рискуя упереться в болота Припяти, в результате чего путь к отступлению будет отрезан, или же пойти в контрнаступление в Польшу⁴.

В воскресенье 21 июня Наполеон произвёл смотр пяти отборных дивизий 1-го корпуса Даву, выстроившихся по оси восток – северо-восток; на следующий день, находясь в маленьком городе Вилковишки (Вилкавишкис), он составил торжественную прокламацию, которая была зачитана войскам утром 23 июня:

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией; ныне она нарушает свои клятвы! Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол.

Россия увлечена роком. Судьба ее должна свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, внесем войну в ее пределы.

Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая; но мир, который мы заключим, принесет с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы⁵.

В этой декларации Наполеон заявляет, что цель войны – изгнание России из Европы, что принесет полную выгоду Франции. Император отдаёт должное славе французских войск, но не тем двадцати нациям, которые составляют Великую армию; он считает Литву частью российской территории, не упомянув ни словом старинное польско-литовское королевство; и он ничего не говорит о восстановлении Польского государства. Таким образом, в час громадного потрясения, которое обещала российская кампания, Наполеон показал, что заботится исключительно о Франции, чем, конечно же, удивил и разочаровал своих союзников. Впрочем, в краткосрочной перспективе эта прокламация, лиричная и вместе с тем воинственная, достигла своей цели: солдаты Великой армии пылали от восторга.

В этот день, 23 июня, Наполеон ходил по берегам Немана. В 18 часов он проинспектировал понтонёров генерала Эбле; спустя два часа пехотинцы сели в лодки и переплыли реку на вёслах в полной тишине, чтобы захватить первый плацдарм на русском берегу. Примерно в 22 часа Наполеон утвердил расположение трёх понтонных мостов, которые следовало построить в дополнение к существующему старому мосту, и, поскольку ночь была особенно светлой, он запретил 100 тысячам солдат, ждавшим в лесу Пильвишки, зажигать костры. Понтонёры Эбле закончили постройку мостов к часу ночи, и пехота получила приказ форсировать реку. В тот же час лёгкая кавалерия генерала Пажоля вошла в Ковно, рассеяв несколько сот казаков. Когда плацдарм был надёжно закреплён, зазвучали трубы, барабаны и фанфары. Теперь задача была не проникнуть тайком на русскую территорию, а восславить всемогущество Великой армии.

За четыре ночи и четыре дня с 24 по 27 июня через Неман в окрестностях Ковно переправилось 200–240 тысяч человек, 100 тысяч лошадей и 20 тысяч повозок⁶. Это были три первых корпуса, а также 1-й и 2-й резервные кавалерийские корпуса. Бесконечное французское войско замыкали полки гвардии.

Вице-король Евгений с 4-м корпусом, а также с 6-м и 3-м резервными кавалерийскими корпусами проехал через Марьямполе и форсировал Неман в Пилонах (Пилиуон). Король Жером с 5-м и 8-м корпусами, а также 4-м кавалерийским корпусом переправился через реку в Гродно, а 7-й корпус прошёл через Белосток. На правом фланге Великой армии действовал 12-й корпус, направлявшийся через Лемберг (Львов) и Люблин в южную Литву, а на левом фланге – 10-й корпус, двигавшийся через Тильзит. В сентябре 9-й корпус маршала Виктора в свою очередь вступил на территорию России⁷.

Немало источников описывают, как пересекали границу эти «подвижные массы, облачённые в сверкающие доспехи»⁸. Многие, по-

добно генералу Лежёну, ударяются в лирику, описывая величественность этого зрелища:

Наша армия включала в себя пятьсот тысяч человек из практически всех европейских наций... Здесь были все самые красивые и роскошно одетые мужчины Европы, все самые красивые лошади Европы, они все были перед нашими глазами, вокруг вершины, на которой мы стояли. На солнце блистала бронза тысячи двухсот орудий, готовых уничтожить всё на своём пути; сверкали кирасы наших великолепных карабинеров в золотых шлемах с ярко-красными гребнями; сияли золото, серебро, потемневшая сталь шлемов, кирас, солдатского и офицерского оружия, и их богато украшенные мундиры⁹.

Некоторые рассказы посвящены в первую очередь забавным эпизодам. Анатоль де Монтескью рассказывает:

В Польше и в России западный берег всех рек, текущих с юга на север или в обратном направлении, высок и крут..., а выступающий обрыв не всегда находится рядом с берегом реки... Берег Немана тоже обрывист, но в высоту составляет всего несколько футов, и его возделывают. Благодаря этому получилось редкостное и притом смешное зрелище. Все пехотинцы, сидя, скользили по обрыву вниз, причём каждый солдат тормозил скорость своего спуска, хватаясь за пучки пшеничной соломы, справа и слева... Это был шумный водопад, каскад из живых людей¹⁰.

Другие, удивлённые отсутствием русских на театре военных действий, отсутствием какого-либо сопротивления, указывают на то, как легко было пересечь реку:

Изумленные, они пристали к русскому берегу и высадились на него без всяких препятствий. Там они нашли мир, война же была только на их стороне. Все было тихо и спокойно в этой чужой стране, которую им рисовали такими мрачными красками!¹¹

23-летний лейтенант Шерон, адъютант генерала де Ла Усе, тоже подчёркивает, что со стороны русских не было никакого сопротивления. Но в первую очередь он описывает исключительное зрелище, которое представляло собой шествие людей, лошадей и обозов, закончившееся лишь ночью 27 июня:

Мы переправились через Неман вечером 25 июня 1812 года... Моих глаз едва хватало на живую картину, развернувшуюся передо мной. Всё двигалось – пехота, кавалерия, артиллерия, самые различные экипажи, стада коров, овец, всё это попеременно переходило реку по мостам, непрерывно заполненным от края до края,

и эту картину освещали лишь бивуачные огни, что придавало ей полное сходство с китайским театром теней. Мы собирались разбить лагерь на другом берегу. Это была первая моя ночь под открытым небом... 26-го мы пребывали на тех же позициях. Оставшаяся часть армии прошла мосты, которых еле-еле хватило, чтобы за три дня переправить великое число повозок, следовавших за армией¹².

Наполеон, пересекший реку 24 июня вместе с основной частью армии, говорил, что доволен тем, как прошли первые часы наступления. В письме к молодой жене он признал, что возникла одна непредвиденная трудность – жара, обрушившаяся на его солдат:

Мой друг, я перешел через Неман 24-го числа в два часа утра. Вечером я перешел через Вилию. Я овладел городом Ковно. Никакого серьезного дела не завязалось. Мое здоровье хорошо, но жара стоит ужасная¹³.

Но на самом деле, по словам обер-шталмейстера Коленкура, Наполеон был удивлён тем, что не встретил на своём пути никаких препятствий:

Император переправился через Неман утром 24 июня, как только 1-я дивизия обосновалась на другом берегу, и он, казалось, был очень удивлён, когда узнал, что русская армия уже три дня как начала отход. Он поверил в эту новость, лишь когда ему об этом много раз доложили, а люди, сообщавшие об этом, были доставлены к нему. В течение двух часов Наполеон находился в авангарде, торопил всю армию, расспрашивал всех местных, кого только мог встретить, но не узнал ничего определённого¹⁴.

Отсутствие сопротивления со стороны русских позволило Великой армии войти в Ковно и занять его уже на следующий день в 6 часов утра¹⁵. Но взятие города отнюдь не было триумфальным:

Это был первый русский город на нашем пути. Мы были удивлены, обнаружив его пустым; там не оставалось никого, кроме евреев, дождавшихся нас, чтобы попытаться начать с нами торговлю. Они рассказали нам, что жители города получили приказ бежать при нашем приближении, увозя с собой жён, детей, стариков на окрестные хутора; все главы семейств подчинились без возражений. Эти бедные люди ушли, уведя с собой свой скот и унеся всю провизию, которая могла бы дать нам столь нужное утешение. Самые бедные, для кого не нашлось места на хуторах, поселились под открытым небом, в глубине лесов, устроившись там плохо или хорошо, но в основном всё-таки плохо¹⁶.

В действительности, несмотря на этот кажущийся успех, уже на этом этапе стало ясно, что не всё идёт гладко.

Жара, в сочетании с форсированными маршами, которыми с самого начала должны были двигаться войска, оказала пагубное воздействие на Великую армию: уже до переправы через Неман в её составе было около 60 тысяч больных¹⁷.

Также еще до переправы во многих частях армии не хватало припасов. Капитан Раймонд Эймерик Монтеस्कью де Фезенсак, подобно многим другим, сообщает, насколько трудно было Великой армии прокормиться и прокормить своих лошадей: продовольственные обозы двигались медленнее, чем войска, и солдатам приходилось добывать необходимые припасы на местах. А в этих относительно бедных областях припасы, «сами по себе незначительные, были ещё менее значительными накануне жатвы»¹⁸.

В своих воспоминаниях, написанных в 1813 году в плену, д'Опиа, начальник штаба 3-й кирасирской дивизии 2-го корпуса, с горечью сообщает, какой беспорядок и расстройство царили в армии:

Мы были справедливо удивлены, увидев на Висле полки, не располагавшие ни лошадьми для транспортировки артиллерии, ни самыми простыми средствами для разбития лагеря, ни санитарными службами. У многих корпусов не было повозок ни для военного снаряжения, ни для перевозки провизии, раненых или боеприпасов. Военно-медицинская служба была обеспечена хуже некуда: целое скопление молодых хирургов, сбежавших из школ и поступивших на медицинские факультеты, чтобы увильнуть от призыва в армию, заступило место мудрых и благоразумных людей, столь необходимых при войске как для предупреждения болезней, так и для лечения тех, что неизбежно связаны с военной карьерой.

Армейские корпуса жили в нужде, и нигде не было видно средств для подготовки и транспортировки со складов вслед за армией необходимых припасов. Ощущалась столь жестокая нехватка фуража, что часть кавалерии уже сильно пострадала и должна была отправиться на тридцать-сорок лье назад, чтобы выжить. Чин и протекция позволяли офицерам добыть фураж для своих лошадей в областях, где могущественные люди создавали для них и их людей особые склады, из-за чего страдало ежедневное распределение фуража¹⁹.

Рассказ польского графа Солтыка ещё более нелицеприятен. Он без прикрас сообщает о масштабах грабежа со стороны голодных и безденежных солдат, тревоге местного населения, повышенной смертности лошадей. Столкнувшись с опустошениями, причинёнными армией.

Напуганные крестьяне со своими семьями и скотом бежали в леса, отчаянно крича и призывая на помощь Божье милосердие.

С самого начала армии отчасти не хватало провизии и фуража, что было неизбежным следствием беспорядка, мешающего их регулярному распределению и ставящего под угрозу форсированные марши. Солдаты были вынуждены кормить лошадей зелёной пшеницей, от которой лошади часто околевали²⁰.

Климатические условия отнюдь не способствовали продвижению войск. Если в первые две недели июня погода была довольно мягкой, то затем началась «удушающая жара, за которой последовали проливные дожди»²¹. В сочетании с «трудностями в добытии фуража, они вызвали высокую смертность среди войсковых лошадей; дурная погода окончательно испортила дороги, которые часто состояли лишь из длинных досок, переброшенных через болота»²², что ещё больше затруднило продвижение обозов. Повозки, не привычные к передвижению по таким плохим дорогам с множеством рытвин, начали увязать в грязи:

Дождь лил беспрерывно в течение тридцати шести часов. Крайняя жара внезапно сменилась сильным похолоданием. Несколько тысяч лошадей погибло в результате такой неожиданной перемены погоды. Артиллерийские обозы вязнут в грязи. Эта ужасная буря, утомившая людей и лошадей, неизбежно замедлила наше продвижение²³.

Обычно пехотинцы, делая 76 шагов в минуту, проходили за день 20–25 км, двигаясь двойными рядами с обеих сторон дороги, по которой ехали обозы; день марша прерывался регламентированными паузами: пятиминутный «перекур» каждый час, одночасовой обеденный перерыв²⁴. Таким образом, в среднем, принимая во внимание паузы, солдаты шли не дольше семи часов в день. Но с момента вступления в Польшу и тем более в Российской империи этот порядок сбился. Из-за климатических трудностей и плохих дорог солдаты шли медленнее, а значит, им приходилось идти дольше. Усталость нарастала.

Стремясь избежать повторения беспорядков и грабежей местного населения, случившихся в Польше, Наполеон издал строгие инструкции и предусмотрел создание военных трибуналов для нарушителей. Генералу Луи Сонье из первого корпуса Даву он приказал отправиться в Ковно с 50 жандармами для поддержания порядка. Но эти силы, смехотворно малые, не могли никого утратить. Солдаты Великой армии, презрев приказы, начали грабить едва занятый город.

Находясь в Ковно и будучи уверен, что генеральное сражение состоится в ближайшее время под Вильной, Наполеон приказал Удино

форсировать Вилию с двумя пехотными дивизиями и сопутствующей им кавалерией, «чтобы противостоять русским подкреплениям, которые могут прийти с севера»²⁵; кавалерии Мюрата и другим дивизиям пехоты Даву он приказал направиться на Вильну, примерно в ста километрах от Ковно, где находился генеральный штаб Александра I. Но лошади Мюрата, голодные, вынужденные питаться зелёной рожью и пшеницей, которая не питала их как следует, были неспособны достигнуть Вильны за три дня. А пехотинцы Нея, тоже голодные и изнурённые недавними форсированными маршами (чтобы переправиться через Неман в назначенном для них месте, им пришлось за два дня пройти 60–80 км), уже замедлили ход. Выполнение плана Наполеона запаздывало...

Посмотрим на события с русской точки зрения – из города Ковно. Утром 24 июня «в первом часу пополудни за рекой Неманом можно было слышать постоянный и необычайный шум и движение. Весь город слышал это, и, несомненно, все догадывались, что такое движение производил марш большого войска; был слышен бой барабанов и несколько ружейных выстрелов выше Ковно»²⁶. Началось вторжение на территорию империи. Русским пришлось лицом к лицу столкнуться с агрессией.

Реакция русских

Когда в приграничной зоне уже слышали Великую армию, Александр I ещё ничего не знал о начале вторжения: ему об этом сообщили лишь вечером 24 июня.

Александр I находился в Закрете, великолепной усадьбе Беннигсенов в 3 лье от Вильны²⁷, совсем неподалёку от поместья, которое он сам недавно купил, чтобы продемонстрировать свою привязанность к этому региону, на бале, данном в его честь. Присутствовало 1400 человек²⁸, которые были в восторге от императора; в их числе юная графиня Тизенгауз, которая позже, будучи графиней де Шуазэль-Гуффье, расскажет о том, как всех очаровал царь:

Вечер был прекрасен. На небе было немного облаков, как будто чтобы сохранить нас от лучей солнца. Толпа людей, явившихся из города, рассеялась группами по всему саду и по берегу реки, представляя собой приятное и разнообразное зрелище, а общество людей, находившихся на балу, с новейшими нарядами дам и блестящими униформами офицеров, достойно с ними сочеталось. Наконец, в восемь часов прибыл император. Он был очень красив в своей униформе Семёновского полка, с голубыми обшлагами и маленькими галунами, подчёркивавшими свежесть его лица, которой могла бы позавидовать и женщина²⁹.

Когда гости танцевали кадрили, а Александр ужинал в саду, к нему внезапно подошёл генерал Александр Дмитриевич Балашов, министр полиции, и шёпотом сообщил, что рано утром Великая армия форсировала Неман. Нота от 22 июня, адресованная послом Лористоном председателю Комитета министров графу Салтыкову, в которой он сообщал, что его миссия закончена, прозвучала самым настоящим объявлением войны³⁰, но Александру I об этом ещё не сообщили, и известие Балашова стало для него неожиданностью. Царь выглядел очень взволнованным, даже растерявшимся. Он обратился к карлику Платона Зубова³¹, которому на бале было поручено наблюдать за детьми князя, и попросил его указать ему комнату в стороне: царь почувствовал необходимость остаться одному, чтобы прийти в себя. Но он был по-прежнему так взволнован, что, когда обо всём узнали его приближённые, Аракчеев и Беннигсен, они заклинали его не проявлять своих чувств публично³². Вскоре Александр попрощался с гостями и отправился в штаб. Там он хотел прийти в себя.

Утром 25 июня царь призвал к себе Александра Семёновича Шишкова, государственного секретаря, которого он назначил на место Сперанского. Вице-адмирал³³ Шишков был вместе с тем филологом и писателем; именно ему император поручил написать два важнейших рескрипта.

Отмеченные торжественностью и достоинством, эти тексты предназначались войскам и графу Салтыкову. Призвав на помощь «свидетеля и заступника правды Всемогущего Творца небес», документ, адресованный «вождям, полководцам и воинам нашим», заканчивался краткой и сильной формулой: «Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!»³⁴. Второй же документ призывал к единству страны и беспощадной борьбе с неприятелем и указывал на личную готовность царя не складывать оружие, «доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве»³⁵. В поединке двух императоров слово будет играть важнейшую роль; как мы видим, уже в первые дни войны царь прибег к патриотической и религиозной риторике, чтобы сплотить страну, единство которой отнюдь не было само собой разумеющимся делом.

У мирных жителей вторжение Великой армии вызывало самые разные чувства. На белорусской земле продвижение наполеоновской армии к Вильнюсу пробуждало воодушевление и надежду на свободу. Солдат принимали с восторгом:

Я сразу же вошёл в соседнюю деревню, жители которой находились на пороге своих домов, воздевая руки к небу и благословляя нас: они видели в нас своих освободителей. Они поспешили броситься к ногам наших солдат и обнимали их колени, проливая слёзы радости³⁶.

Напротив, на русской земле царило беспокойство:

Мы дожили до такой минуты, когда, исключая детей, никто не знает радости, даже самые весёлые люди... страх весьма основателен... я не слышу другого разговора, как о войне³⁷.

Дворянские элиты боялись, что вторжение Великой армии может вызвать бунт. Уже в мае Варвара Бакунина, говоря о Наполеоне, писала в своём дневнике:

Боятся также, что когда он приблизится к русским губерниям и объявит крестьян вольными, то может легко сделаться возмущение³⁸.

Подобные смутные опасения начали превращаться в реальную опасность. Через две недели после начала войны генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский, волнуясь за свою семью, писал жене:

Если мы наделаем ещё глупостей или если Тормасов будет разбит, вы должны ехать через Кременчуг на Каширу³⁹ на своих лошадях. Я боюсь не врага, но прокламаций и вольности, которую Наполеон может обещать крестьянам⁴⁰.

В тот же день он ещё более откровенно писал своему другу Самойлову:

Государь пишет, что все силы и сам Бонапарт устремлен на нас. Я сему не верю, и мы не боимся. Если это так, то что ж делает первая армия? Я боюсь прокламаций, чтоб не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств. Матушка, жена, будучи одни, не будут знать, что делать⁴¹.

Таким образом, в июне 1812 года никто не мог сказать с уверенностью, насколько верными и надёжными окажутся 30 миллионов эксплуатируемых крестьян империи перед лицом захватчика...

Напротив, в центральных областях империи, удалённых от театра военных действий, война по-прежнему воспринималась отвлечённо: весть о вторжении пришла лишь в самом конце июня, и местное население отнюдь не было готово к трагедии, как свидетельствует в своих воспоминаниях тульский помещик Михаил Павлович Леонтьев:

При наступлении лета я теперь не только занялся парниками, но и устройством цветника, который я хотя и перед прежней своей избушкой имел, но самый маленький, а теперь получил возможность следовать сей моей страсти в лучшем уже виде. Любя цветы всякого рода, я сам ходил за ними, поливая и очищая оные, и сим

приятнейшим занятием имел весьма большое удовольствие видеть цветы мои в прекрасном виде. Но среди сих мирных занятий в исходе июня я поражён был известием о вторжении армии Наполеоновой в пределы нашего отечества.

Весть о вторжении Леонтьев встретил патриотично: «Первое чувство моё было броситься к оружию и лететь на знакомые поля брани». У него было немного денег, чтобы купить форму и снаряжение, но он потратил их полностью, а экипировка была не завершена. Тогда Леонтьев попытался одолжить денег у брата, который был богаче его, но тщетно: брат не только ничего ему не дал, но «сей недостойный сын отечества... собрался бежать в Тамбовскую покойной матери нашей деревню». Леонтьев умолял его; но увы, «далёк будучи сих благородных чувств, он с грубостью отказал мне в 200 рублях и не теряя времени пустился в бегство, явно обнаружив тем слабость своего характера и величайший эгоизм»⁴², чем и покончил со стремлением Леонтьева участвовать в защите родины.

Эта история интересна: она свидетельствует (как и другие источники), что в первые часы войны русские дворяне не всегда были тверды в своём патриотизме...

В 10 часов вечера 25 июня по совету канцлера и министра иностранных дел Николая Петровича Румянцева Александр I призвал к себе Балашова и приказал ему отвезти французскому императору письмо. В этом письме царь сказал, что согласится на переговоры при условии, что Наполеон выведет свои войска за пределы России⁴³. Царь не ожидал, что эта миссия окончится успехом; но с точки зрения политической и символической ему было необходимо продемонстрировать, что в развязывании войны виноват только Наполеон и перед лицом своей элиты и своего народа указать на Наполеона как на агрессора. В 2 часа утра 26 июня Балашов в сопровождении лейтенанта Михаила Фёдоровича Орлова, молодого офицера разведки, будущего генерал-майора и декабриста, пустился в путь; когда он прибыл к французским аванпостам, его препроводили к маршалу Даву. Тот удерживал его в течение четырёх дней и лишь 30 июня позволил ему встретиться с главой генерального штаба маршалом Бертье, а затем и с самим Наполеоном⁴⁴. Две встречи Балашова с императором французов, одна после обеда, другая за ужином, состоялись в Вильнюсе, покинутом русской армией ночью 26 июня и занятом наполеоновскими войсками 28 июня. (Насмешка судьбы состояла в том, что они произошли в той же самой зале бывшего епископского дворца, где за 5 дней до этого Балашов получил инструкции царя⁴⁵.) Оба раза Балашова ждал вежливый отказ: жребий был брошен. Тем не менее миссия Балашова оказалась не напрасной: вернувшись к ца-

рю, молодой Орлов смог предоставить ему точную информацию о тяжёлых людских потерях и массовой гибели лошадей в армии противника...⁴⁶

На заре 24 июня 1-я Западная армия под командованием Барклая-де-Толли, которому помогали Фёдор Петрович Уваров, барон Фёдор Карлович Корф (Фридрих фон Корф) и генерал-майор граф Пален, возглавлявшие 1-й, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса соответственно, была в хорошем состоянии. Сытые люди и накормленные лошади уже много недель отдыхали⁴⁷. Самым щекотливым вопросом в русской армии стал вопрос верховного командования. В первые дни войны в армейской верхушке наблюдались колебания, и одни краткосрочные назначения сменяли другие: первый начальник Главного штаба, назначенный Барклаем-де-Толли, генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров оставался на посту всего девять дней, первый генерал-квартирмейстер генерал-майор Семён Александрович Мухин – всего семнадцать дней!⁴⁸ Но в первых числах июля положение стабилизировалось: Главный штаб возглавил молодой⁴⁹ и харизматичный генерал Алексей Петрович Ермолов, Мухина сменил Карл Фёдорович Толь, а важнейший пост генерал-интенданта занял Егор Францевич Канкрин.

Эти колебания дополнялись двойственностью, усложнявшей функционирование русской армии: поскольку Александр I не решился взять на себя верховное командование армиями или назначить единого главнокомандующего, никто не имел власти над всеми войсками. Хотя на иерархической лестнице Барклай, будучи военным министром, стоял выше Багратиона и Тормасова, на деле всё было иначе. Авторитет, которым пользовался Багратион, его опыт, военные способности и взрывной характер грузинского князя, а также связи с царской семьёй (он прежде был любовником великой княжны Екатерины) позволяли ему иногда оспаривать приказы, которые он получал, и поступать по своему желанию, создавая неудобства министру. Барклай писал Александру:

Сир, до крайности неприятно, что князь Багратион, вместо того чтобы немедленно выполнять приказы Вашего Величества, теряет время в бесплодных дискуссиях и даже посвятил в них Платова, задузив голову этому бедному генералу, который и так не очень умен и к тому же совершенно необразован⁵⁰.

Также Барклаю-де-Толли пришлось находить общий язык с военными советниками, окружавшими Александра I; каждый из них стремился высказать своё мнение. Подобную ситуацию Балашову иронично описал Наполеон: «Пока Пфуль предлагает, Армфельд ему противоречит, а Беннигсен рассматривает вопрос, Барклай, от кото-

рого зависит исполнение, не знает, что делать»⁵¹. Добавим, что Ермолов, хотя и был начальником Главного штаба Барклая, с первых дней июля непрерывно выражал недовольство отступлением и писал об этом пылкому Багратиону, который и сам очень критично относился к оборонительной стратегии, и мы поймём, каким суровым испытаниям подвергался авторитет Барклая в армии.

Уже 26 июня, когда стал ясен масштаб наполеоновского вторжения, в присутствии Александра I состоялась конференция штабов, высказавшаяся за отступление. Чтобы оно осуществлялось в порядке и без паники, были отправлены депеши пяти военачальникам 1-й Западной армии, где им было приказано направиться к укрепленному лагерю в Дриссе, расположенному на Двине, на пересечении Московской и Петербургской дорог. Эти депеши были отпечатаны до 26 июня, поэтому понятно, что возможность отступления перед численно превосходящим неприятелем рассматривалась до вторжения французов, и решение отнюдь не было импровизацией⁵².

В краткосрочной перспективе отступление 1-й армии к Дриссе являлось приговором Вильне: было сочтено, что соединённых сил корпуса бригадного генерала Тучкова, находившихся к востоку от города, и императорской гвардии великого князя Константина, находившихся между Вильной и Свенцями, для защиты города недостаточно, и ночью 26 июня Вильна была покинута. Александр I покинул город в 3 часа утра, направившись в Петербург; Барклай задержался там ещё ненадолго. 27 июня он отправил гонца к Багратиону, приказывая ему отступать к Минску, чтобы действовать соединёнными силами двух армий. В то же время он приказал упаковать городские архивы и погрузить их на повозки вместе с мукой, фуражем и амуницией. Но из-за недостатка повозок пришлось отказаться от большей части провизии, лежавшей на «хлебных складах» Вильны и окрестностей. Чтобы эти припасы не попали в руки врага, Барклай приказал сжечь их, о чём в своих воспоминаниях сообщает генерал-майор Павел Алексеевич Тучков:

При вступлении нашем приказано было мне сжечь вновь выстроенные в Колтынях⁵³ провиантские магазины, наполненные провиантом, что мною и было сделано: более чем на миллион рублей хлеба истреблено огнём в несколько часов⁵⁴.

И эта сцена была не единственной: по словам Тучкова, в дни, следовавшие за оставлением Вильны и отступлением на Витебск, многие склады муки было уничтожены, поскольку «для перепечения оной и изготовления для армии сухарей никаких предварительных мер взято не было»⁵⁵ (сухари легче поддавались транспортировке).

Утром 28 июня Барклай покинул город, разрушив мельницы, склады и единственный мост через Двину. Через час после его отбытия в старинную столицу Ягеллонов вступил наполеоновский авангард, во главе которого император из символических побуждений поставил полк польских улан под командованием князя Доминика Радзивилла.

Оставление города и отход армии вызвали у жителей разную реакцию. Русские и пророссийски настроенные жители в панике бросились вон из Вильны. Некоторые повели себя сдержанно, явно не желая торопиться с выражением своих чувств; Наполеон, удивлённый подобным безразличием, сказал: «Здесьние поляки не похожи на варшавских»⁵⁶. Другие же, в душе польско-литовские патриоты, были счастливы, в том числе и графиня Тизенгауз, которая, являясь подданной Российской империи, по национальности была полькой:

Улицы были запружены повозками, наполненными самым различным скarbом: постельными принадлежностями, колыбелями, клетками с напуганными птицами. Всю ночь был слышен шум этого бегства. А на следующий день шума колёс было не больше, чем в Венеции. Казалось, царит спокойствие, но по городу ходили самые разные пугающие слухи: что сожгут пригороды; что пережгут горожан; что город будут оборонять; что под стенами города состоится сражение; что нужно прятаться в погребах, в горах...

Русские войска шагали всю ночь и, перейдя реку, подожгли деревянный мост. С другой стороны в Вильну вошли французы⁵⁷. Полк князя Радзивилла шёл нашей улицей, польские уланы в чарующих мундирах, с перевязями польских цветов. Я стояла на балконе особняка. Они, смеясь, приветствовали меня. Впервые в жизни я увидела поляков! Из глаз моих потекли слёзы восторга и радости; я чувствовала себя полькой! Как чудесен был этот миг!⁵⁸

Отступление русской армии осуществлялось организованно, но всё равно стало тяжелым испытанием, во-первых, для мирных жителей: отходя, русские войска опустошали или поджигали склады, разоряли тот край, который они покидали; во-вторых, и для самих солдат: внезапное отступление, заставившее людей, уже много недель не имевших отпуска, совершать форсированные марши по 10–12 часов в день в условиях, когда жара сменялась ливнями, привело к тяжёлым потерям. 30 июня Павел Пущин, капитан Семёновского полка, с грустью отметил в своём дневнике, что в результате 11-часового марша под проливным дождём сорок гвардейцев заболело, а один из них умер⁵⁹. Ещё большими были потери в 4-тысячном отряде под командованием генерал-лейтенанта Ивана Семёновича Дорохова. Отряд, оторвавшийся от 1-й армии в самом начале нашествия, находившийся

ся под угрозой, что его догонит авангард Великой армии, уцелел лишь благодаря дневным и ночным форсированным маршам, но для солдат эти марши стали суровым испытанием. Отступление русских войск было затруднено ещё и тем фактом, что казачьи полки атамана Матвея Ивановича Платова оказались изолированы из-за быстрого наступления наполеоновских войск, вынужденно отступали на юг, чтобы присоединиться к Багратиону, и не могли препятствовать продвижению Великой армии. Поэтому Барклаю, чтобы задержать неприятеля, пришлось прибегнуть к регулярным полкам лёгкой кавалерии.

Покидая Вильну на произвол судьбы, русские войска за две недели оказались недалеко от лагеря в Дриссе, укрепление которого началось в апреле под влиянием прусского генерала Карла Людвиг фон Пфуля, который, прослужив в России 6 лет, не знал ни одного слова по-русски⁶⁰, но имел доступ к царю. С его точки зрения, 1-я армия должна была занять Дрисский лагерь и превратить его в неприступную крепость. Эта крепость ослабила бы Великую армию, в тыл которой ударил бы Багратион, и наполеоновские войска изнурили бы себя, а затем подверглись бы воздействию морозов. Далеко не все в генеральном штабе поддержали этот план; многие сомневались возможности его реализации, особенно Барклай-де-Толли. Но план очаровал царя, а значит, его нужно было выполнять.

4. В ОЖИДАНИИ ВРАГА

Через две недели после вступления французских войск в Вильну обе стороны заняли отчасти выжидательную позицию. Дрисский лагерь должен был стать неприступным, но русские войска быстро покинули его, предпочтя отступить к Витебску. Тем временем Великая армия задержалась в Вильне, где Наполеон дал волю своим организаторским талантам. Но сражений в открытом поле пока не было.

Дрисса, потерянная надежда

23 июня по приказу Александра I в Дрисский лагерь прибыл 32-летний прусский майор Карл фон Клаузевиц, который, будучи противником прусско-французского сближения 1810 года, перешёл на службу к царю. Его задачей было изучить, насколько продвинулись фортификационные работы, которые велись по плану генерала Пфуля.

С первых часов наполеоновского вторжения Пфуль сделал Дриссу главным пунктом своей стратегии в России. Он считал, что казацьи отряды и подразделения регулярной кавалерии будут тревожить Великую армию, замедляя её продвижение, а основная масса русских войск тем временем отступит к этому лагерю. Здесь, в этой крепости, армии царя объединятся, перейдут в наступление и дадут врагу генеральное сражение, которого до этого момента следует избегать. На бумаге план Пфуля казался хитроумным. Но, прибыв на место, Клаузевиц, который ещё не имел той славы великого стратега, которую он заслужит впоследствии, выразил сомнения по поводу фортификационных работ да и самого расположения лагеря. Он не был уверен, что план осуществим:

Наружный пояс состоял из ряда окопов для стрелков; шагах в пятидесяти или ста позади находился ряд укреплений, попеременно открытых и сомкнутых; первые предназначались для батарей, вторые для отдельных батальонов, которые должны были прикрывать эти батареи. Позади этого полукруга, в пятистах или шестистах шагах, находился второй ряд сплошь сомкнутых укреплений, которые должны были играть роль резервной позиции; наконец, в центре, в третьей линии, помещалось укрепление несколько большего размера, своего рода редюит, предназначенный для прикрытия отступления.

Хотя эта система была, очевидно, чересчур искусственна, число отдельных укреплений слишком велико и вся система в целом, казалось, была придумана без достаточно практического смысла, тем не менее оборона этого укрепленного лагеря значительной массой войск при хорошо известной храбрости русского солдата позволяла ожидать очень упорного сопротивления. Более того, можно с уверенностью утверждать, что если бы французы вздумали непременно овладеть лагерем с фронта, то они разбились бы об него, не достигнув своей цели¹.

Но мало того, что грунт был песчаный, а многочисленные болота предоставляли неприятелю прекрасную точку обзора, недостатком лагеря было «полное отсутствие каких-либо укреплений на правом берегу Двины»². Клаузевиц объяснил, что

городок Дрисса лежал против крайнего левофлангового опорного пункта, но как поселок, состоящий из деревянных домов, не обнесенный стеною, не обладал ни малейшей обороноспособностью³.

28 июня, вернувшись в царю, находившемуся в Свенцянах, Клаузевиц вручил ему свой доклад в присутствии Пфуля; высказанные им сомнения погрузили царя в «самые мрачные раздумья»⁴; но молодой пруссак не решился открыто критиковать место, выбранное для лагеря, и организацию его обороны, не имея ни смелости, ни достаточного авторитета, чтобы пойти против своего соотечественника.

Однако стратегия, которую избрал Наполеон, находясь в Вильне, очень быстро сделала план Пфуля невозможным.

В конце июня Наполеон подводил итоги первых дней войны, они были неоднозначными. Прошло меньше недели, а он уже прошёл сотню километров по земле неприятеля. Вместе с тем ему не удалось окончательно разделить две русские армии, так, чтобы они уже не могли соединиться. Поэтому в Вильне был разработан новый план. Наполеон решил выслать против отступающего в Дриссу Барклая-де-Толли кавалерийские корпуса генералов Нансuti и Монбрена, пехотные корпуса Удино и Нея и две дивизии из корпуса Даву. Сам Даву с остальными тремя пехотными дивизиями, а также кавалерийским корпусом Груши (в целом 40 тысяч человек) должны были направиться к Минску, чтобы преградить дорогу Багратиону с севера, отрезав его от Барклая. Тем временем Жером Бонапарт (и его 16 тысяч вестфальцев, ещё не переправившиеся через Неман) при поддержке корпусов Понятовского, Рене и Вандама (всего 70 тысяч человек) должны были ударить по Багратиону с юга, преградить ему путь и окружить вблизи города Несвиж. Таким образом, 2-я армия русских должна была попасть в клещи.

Армия Багратиона, насчитывавшая не более 35 тысяч солдат, действительно вскоре оказалась в трудном положении: к Минску подходили 40 тысяч пехотинцев Даву. Багратион, считая, что перед ним весь корпус Даву (он не знал, что две дивизии из этого корпуса были направлены против Барклая), предпочёл уклониться от столкновения; чтобы избежать окружения в болотистых лесах к западу от Минска, он решил направиться на юго-восток, к Несвижу. Его целью было достичь Слуцка, а затем – Бобруйской крепости, куда он и вступил 7 июля. Там он получил приказ как можно быстрее двигаться на север, в направлении Могилёва, чтобы приблизиться к 1-й армии.

8 июля Даву завладел Минском. Этот подвиг был плодом быстрых форсированных маршей⁵ солдат Даву сразу после пересечения ими русской границы 29 июня. Условия были суровыми: по свидетельству капитана Гардье, заместителя командира батальона 3-го стрелкового полка, «измученные дождём и ветром, которым они подверглись, будучи ослаблены чрезмерной жарой... и лошади, и люди еле держались на ногах»⁶. Таким образом, Даву выполнил свою миссию, но это дорого обошлось его солдатам. А вот Жером не смог выполнить приказ Наполеона. Хотя император потребовал, чтобы брат действовал как можно быстрее, Жером переправился через Неман лишь 4 июля и на четыре дня задержался в Гродно, чем вызвал гнев Наполеона:

Невозможно маневрировать более неуклюже. Вы будете причиной того, что Багратион успеет уйти; из-за Вас я потерял плоды удачнейших комбинаций и самую лучшую возможность, какая только могла представиться на этой войне⁷.

Император потребовал, чтобы брат как можно быстрее возобновил преследование Багратиона. Хотя Жером, казалось, повиновался приказам своего великого брата, но сделал это без особой убежденности в его правоте и направился в сторону Несвижа медленно, тем самым сорвав манёвр, запланированный Наполеоном. Багратион не только не попался в клещи, но и вообще смог ускользнуть от 2-й армии.

Эта неудача привела Наполеона в ярость. Но в оправдание короля Вестфалии надо сказать, что его задача была непростой: если солдаты Багратиона, отступая под проливным дождём, приходили в ещё не тронутые области, где они могли воспользоваться своими складами с провизией, то Жером, следуя за ними, находил опустошённые и сожжённые отступающими русскими склады. Кроме того, он подвергался атакам их арьергарда; регулярные полки лёгкой кавалерии генерал-майора Николая Васильевича Васильчикова, объединившись с нерегулярными казачьими частями атамана Платова, 8, 9 и

10 июля непрерывно донимали войска короля Вестфалии, уничтожив 10 июля в окрестностях небольшой деревни Мир несколько эскадронов польских улан⁸.

Узнав об этих неудачах, император французов решил, что его брат не способен возглавлять войска, и 13 июля принял решение подчинить Жерома маршалу Даву, которому приказал как можно быстрее двигаться к Могилёву, чтобы опередить Багратиона. И действительно, уже 20 июля авангард «железного маршала» под предводительством генерала Бордесуля завладел городом, а отряд генерал-лейтенанта Александра Ивановича Грессера, стоявший гарнизоном в Могилёве, был вынужден уйти. Но усердие Даву дорого ему обошлось: ещё до прибытия к цели маршал потерял 30 тысяч из тех 100 тысяч человек, что переправились с ним через Неман⁹.

Тем временем, Багратион, узнав от разведчиков-казаков, что корпус Даву, преграждающий ему путь, находится не в полном составе, решил его атаковать. Пылкий генерал задумал отеснить Даву на другой берег Днепра и как можно дольше удерживать его в Могилёве, а затем отступить к Смоленску и дать 1-й армии время присоединиться к нему. 22 июля в письме к царю он писал:

Не остается мне ничего более, как, собрав силы вверенной мне армии и призвав на помощь Всевышнего, атаковать их и непременно вытеснить из Могилева¹⁰.

23 июля в 7 часов утра авангард 7-го корпуса Раевского, находившийся под командованием генерала от кавалерии Дмитрия Васильевича Васильчикова, перешёл к нападению на высотах Салтановки, в 12 км к югу от Могилёва. Его быстро поддержал остальной 7-й корпус (17 тысяч человек)¹¹. Пять пехотных дивизий Даву по численности превосходили войско Раевского, но он решил оказать ему отпор исключительно силами дивизий Компана, Дессэ и Клапареда и эскадронов тяжёлой кавалерии генералов Бордесуля и Валанса. Таким образом, он выдвинул 20 тысяч штыков и 60 артиллерийских орудий против 16,5 тысяч штыков и 108 орудий Раевского. Бой был ожесточённым. Раевский, которого сопровождали двое сыновей, 17 и 11 лет, убеждал своих людей смело идти вперёд, несмотря на сопротивление Великой армии. Поскольку русским войскам не удавалось пробиться к Могилёву, Багратион приказал Раевскому продолжить бой всего с одной дивизией. Отделившаяся от 7-го корпуса дивизия должна была держаться, пока все остальные бойцы 2-й армии не переправятся через Днепр. Бой длился почти десять часов и привёл к большим потерям: русские потеряли около 2500 человек убитыми и ранеными, Великая армия – 1000–1200 убитыми и ранеными и около сотни солдат 108-го линейного полка попали в плен. Со стратегической точки

зрения исход сражения был неоднозначным. С одной стороны, Даву удержал Могилёв, тем самым снова помешав двум русским армиям соединиться, и заставил Багратиона отступить к Смоленску. Но он не сумел ни догнать 2-ю армию, ни тем более разгромить её: утром 24 июля 30 тысяч бойцов Багратиона сумели переправиться через Днепр на уровне Нового Быхова... 2-я армия в очередной раз ускользнула от своих преследователей, что ещё больше раздосадовало Наполеона и усилило его гнев на брата.

Однако через 8 дней, 16 июля, Жером, взбешённый тем, что ему приказали подчиниться Даву и сообщили это через самого маршала, обиженный упрёками, которые он считал несправедливыми, внезапно решил покинуть свой штаб и отправиться обратно в Кассель, заявив, что он нужен своему королевству, которому может угрожать высадка британских войск. Наполеон согласился отпустить Жерома и позже объявил, что король Вестфалии вынужден вернуться домой по причине нездоровья. Отъезд Жерома стал первой брешью в единстве Великой армии.

Тем временем 1-я русская армия продолжала двигаться в сторону Дрисского укрепленного лагеря. 10 июля войска Баркляя-де-Толли (примерно 100 тысяч солдат) вошли в Дриссу и встретили царя и его советников, прибывших за день до этого. Армии был зачитан царский манифест, изданный 9 июля и предназначенный «русским воинам». В манифесте смешались воедино религиозные и патриотические мотивы, а также мифологизированные исторические воспоминания. Он призывал солдат к храбрости:

Русские Воины!.. Нынешний день¹², ознаменованный Полтавской победой, да послужит вам примером! Память победоносных предков ваших да возбудит к славнейшим подвигам! Они мощной рукой разили врагов своих; вы, следуя по стезям их, стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на веру, честь, Отечество и семейства ваши. Правду нашу видит Бог и ниспошлёт на вас Свое благословение¹³.

Однако доходившие новости внушали опасения. В самой царской армии некоторые военные критиковали отступление. Примерно 10 июля¹⁴ генерал Арсений Андреевич Закревский писал фельдмаршалу Воронцову:

Мы бродили быстро и отступали еще быстрее к несчастной Дриссенской позиции, которая, кажется, нас приведет к гибели. По сих пор не могут одуматься, что предпринять; кажется, берут намерение к худому¹⁵.

Штатские люди начинали сомневаться в армии. 11 июля саратовский протопресвитер¹⁶ И. Г. Скопин написал в своём дневнике:

Из армии ничего не получалось утешительного. Помилуй господи!¹⁷

А жена генерала Петра Петровича Коновницына очень волновалась:

Не знаю, что с тобою. Да сохранит тебя Всевышний Бог, да защитит наше любезное отечество, о котором крепко крушусь — больно, что все отдают... Мужики все в унынии, все боятся французов. Сегодня многие приходили, о тебе спрашивают, я, сколь могу, ободряю, что ты там [французов] не допустишь. Тем их успокоила... Я за себя не трушу, Бог нас не оставит, лишь ты бы жив был... Прощай, Христос с тобою¹⁸.

В Дрисском лагере царь должен был не только вдохновить солдат, но и решить, какой стратегии следует придерживаться. Существующие планы подверглись критике со всех сторон. Наиболее горячо выступал против выбранной стратегии подполковник Александр Мишо де Боретур¹⁹, по образованию инженер, чьи военные познания царь знал и ценил. С его точки зрения, упорная защита Дриссы стала бы самоубийством, позиция, в конечном счёте, невыгодна, в этом месте вообще не следует задерживаться. Генерал Беннигсен согласился с этими доводами. Да и Барклай не был убеждён в неприступности Дриссы. Кроме того, прибыв на место, он узнал, что удары Даву вынудили Багратиона отойти ещё немного к югу, что делало план прусского генерала неосуществимым.

Подобная дружная критика со всех сторон, наконец, сломила сопротивление царя:

Итак, император увидел, что тот план кампании, который он первоначально поддерживал, являлся уже наполовину развалившимся; он увидел, что его армия в Дриссе на одну шестую слабее, чем он надеялся; со всех сторон раздавались сомнительные отзывы о Дрисском лагере; он потерял доверие к своему первоначальному плану и к его инициатору и начал сознавать трудность подобного руководства военными действиями; генерал Барклай в своих докладах самым энергичным образом возражал против сражения под Дриссой²⁰.

Чтобы принять решение, 13 июля Александр созвал военный совет, участники которого единодушно (впрочем, Пфуля на совет не позвали) высказались за оставление лагеря и отступление к Витебску, в 160 км к юго-востоку от Дриссы. По словам Александра Вюртембергского, дяди царя и губернатора Витебска, город с 20 тысячами жителей и окружающим его глубоким оврагом было легко оборонять, и там, наконец, могло состояться объединение двух армий:

В Витебске рассчитывали уже во всяком случае соединиться с Багратионом, притом дорога на Витебск продолжалась дальше на Смоленск, где выходила на большой московский тракт; она представляла вполне естественную линию отступления для соединения как с Багратионом, так и с подкреплениями, двигавшимися из центральных областей²¹.

Поэтому 14 июля 1-я армии тронулась в путь. Однако прежде чем покинуть Дриссу, Александр создал походную типографию под руководством профессоров Дерптского университета Андрея Кайсарова и Фридриха Эберхарда Рамбаха²². Профессорам было поручено не только печатать прокламации и официальные сообщения, но и издавать на немецком языке призывы к дезертирству немецких солдат Великой армии (которые казались слабым звеном), потенциально способными прислушаться к ним²³.

18 июля русские войска прибыли в Полоцк, где царь издал два манифеста: один назывался «Манифест с объявлением о вшествии неприятеля в пределы России и о всеобщем противу него ополчении», другой – «Первопрестольной столице нашей Москве».

Первый документ стремился объединить все социальные классы в патриотическом порыве:

Неприятель вступил в пределы наши и продолжает вести оружие своё внутрь России, надеясь силою и соблазнами²⁴ потрясти спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своём злобное намерение разрушить славу её и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несёт он вечные для неё цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска наши, кипящие мужеством поправить, опрокинуть его, и то, что останется не истреблённого, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твёрдую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнороджавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против неё бодрствования. Сего ради, при всей твёрдой надежде на храброе наше воинство, полагаем мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жён и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему – Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единоклубным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встре-

тит он в каждом дворянине Пожарского²⁵, в каждом духовном Палицына²⁶, в каждом гражданине Минина²⁷. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда тёплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют²⁸.

Второй манифест подчёркивал необходимость «собрать новые внутренние силы» и сообщал: «Мы не уедем сами стать посреди народа своего в сей столице». Александр надеялся собрать в Москве частные средства на финансирование военных действий, набрать новые войска и создать ополчение.

Решение покинуть театр военных действий и отправиться в Москву далось царю нелегко: он не хотел создавать впечатление, что покидает свои войска в столь трудную минуту. Но Александр решился на это, прочитав два письма. Первое из них, подписанное Балашовым, Аракчеевым и Шишковым, находившимися вместе с ним в Полоцке, было адресовано ему накануне; оно потребовало у трёх помощников императора столько усилий и такта, что «черновик их письма занимает четыре страницы большого формата, мелко исписанные»²⁹; и хотя оно было написано с глубочайшим уважением, в нем всё же решительно утверждается, что царская власть, будучи священной, не должна подвергаться превратностям военных столкновений и пора назначить профессионального военного, который будет главнокомандующим. Второе письмо (от его сестры Екатерины) тоже призывало его отказаться от верховного командования войсками:

Конечно, я считаю Вас таким же способным, как Ваши генералы, но Вам нужно играть роль не только полководца, но и правителя. Если кто-нибудь из них дурно будет делать свое дело, его ждут наказание и порицание, а если Вы сделаете ошибку, всё обрушится на Вас, будет уничтожена вера в того, кто, являясь единственным распорядителем судеб империи, должен быть опорой³⁰.

Убеждённый этими аргументами, Александр решил покинуть лагерь в ночь с 18 на 19 июля, приказав своему брату великому князю Константину отправиться в Петербург, чтобы принять в его отсутствие полки, возвращающиеся из Финляндии.

В час отъезда Александр передал командование армией Барклаю. Это был торжественный миг: «Прощайте, генерал, ещё раз прощайте; надеюсь, до свиданья. Поручаю Вам свою армию; не забудьте, что у

меня второй нет: эта мысль не должна покидать Вас»³¹. Эти слова позволяют понять весь масштаб ответственности, который лёг на плечи нового главнокомандующего, готовившегося двигаться в Витебск.

Великая армия в Вильне

В полдень 28 июня Наполеон и императорская гвардия вступили в Вильну вслед за польскими уланами, вошедшими в город первыми.

Наполеон и его элитные подразделения были встречены с радостью. Жители Вильны, поляки по происхождению или поляки в душе, украшали улицы города, чтобы приветствовать своих освободителей. Царила эйфория, отразившаяся в воспоминаниях графини де Шуазель-Гуффье:

Люди радовались на улицах, на площадях, кричали «виват» и бежали к реке, чтобы выловить оружие, брошенное в неё отступающими русскими. Городской магистрат с поднятыми знамёнами вышел к императору Наполеону вручить ему ключи от города...

Наполеон сразу же направился к зелёному мосту, чтобы потушить пожар и устранить причинённые им разрушения. Он уселся на балку, велел принести пива рабочим и сам выпил стакан, сказав по-польски: «dobro piwa». Теперь все эти люди были готовы броситься ради него хоть в огонь³².

Вечером Наполеон расположился в епископском дворце, из которого совсем недавно выехал Александр I. Здесь в течение 18 дней он продолжал руководить текущими делами в Империи (каждое утро в Париж отбывал гонец), вместе с тем наблюдая за своими войсками. Он занялся перегруппировкой армии, восстановлением запаса провизии и припасов, привезённых по Неману и Вилии, и улучшением медицинского обслуживания раненых и больных – император приказал открыть четыре новых госпиталя на 6 тысяч мест. Одновременно с этим он реорганизовал литовскую администрацию, опираясь на местную элиту, полностью вставшую на сторону французов.

1 июля было создано временное правительство во главе с Исполнительной комиссией под председательством графа Солтана; в комиссию вошли знаменитые фигуры – Карл Прозор, Юзеф Сераковский, князь Александр Сапега и граф Франциск Тельский³³; была официально провозглашена автономия Комиссии, но в реальности она оказалась под непосредственным контролем французских властей. Литву разделили на 11 субпрефектур (или дистриктов), к которым по мере продвижения Великой армии были присоединены три новых дистрикта – Гродненский, Минский и Белостокский; также

была создана военная администрация, продержавшаяся до декабря 1812 года³⁴. Одним словом, Наполеон не сидел в Вильне без дела. Но его обер-шталмейстер считал, что император тосковал, выбитый из равновесия тем, что русские просто покинули город:

Он был удивлен тем, что они сдали Вильно без боя и успели вовремя принять решение и ускользнуть от него.

Потерять надежду на большое сражение перед Вильно было для него всё равно, что нож в сердце. Он компенсировал это тем, что возмущался трусостью своих противников. Русские, как он говорил, играли свою игру, обесчестив себя в глазах храбрых поляков, чью страну и чьи судьбы они вручали ему, не сделав полякам чести драться за них³⁵.

Наполеон справлялся о безопасности жителей города и его окрестностей: требовалось навести общественный порядок, расстроившийся из-за отъезда русских властей, и защитить население Литвы от злоупотреблений его армии. 1 июля Наполеон принял решение о создании Литовской Национальной гвардии, состоявшей из 2 пехотных батальонов, в каждом по 6 рот, общей численностью 1450 человек. Кроме того, он создал жандармские полки, задачей которых было способствовать французским властям в аресте виновных в преступлениях, и «жандармскую комиссию»³⁶ для суда над грабителями и мародёрами; наконец, в сельской местности были размещены три мобильных колонны по сто человек, задачей которых было выслеживание мародёров и дезертиров.

5 июля, стремясь подчеркнуть возрождение Литвы и хотя бы символически представить её независимой, Наполеон создал национальную литовскую армию, которая должна была состоять из 3 стрелковых батальонов, 6 пехотных полков (12 тысяч человек) и 5 полков кавалерийских (5 тысяч человек). Чтобы побудить население записываться в эту новую армию, Комиссия опубликовала прокламацию, обратившись к их патриотическим чувствам:

Поляки! Вы находитесь под русскими знамёнами: эта служба была дозволена вам, покуда у вас не было Отечества, но теперь всё изменилось. Польша воспрянула; ныне следует сражаться за её полное восстановление, за то, чтобы вынудить русских признать наши права, которых мы были лишены несправедливой узурпацией. Общий союз Польши и Литвы вызывает ко всем полякам, находящимся на российской службе. Польские генералы, офицеры, солдаты! Услышьте голос Отечества; покиньте знамёна ваших угнетателей; сбирайтесь все к нам, чтобы пойти за орлом Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Отечество требует этого от вас; честь и религия вам это велят³⁷.

Однако новая армия столкнулась с нехваткой людей и лошадей, вызванной сборами и рекрутским набором царской империи: в Литве за минувшие два года было призвано в армию 100 тысяч человек. Кроме того, она столкнулась и с финансовыми трудностями: поскольку у французских властей и у Литовской военной комиссии не было никаких ресурсов, дворянам пришлось оплачивать свою экипировку из собственных средств.

Создание этого эмбриона автономии было для элиты важным залогом грядущей независимости. Но в этом вопросе, как и в других, их ждало разочарование. Два важнейших фактора нанесли ущерб престижу Великой армии и вызвали ярость населения.

Во-первых, безопасность.

Конечно, Наполеон постарался успокоить население, уверяя, что стремится к сохранению общественного порядка и мира. Но он не мог помешать грабежам, насилиям и мародёрству Великой армии, которая и сама столкнулась с немалыми трудностями.

Ночью 27 июня могучая буря с градом обрушилась на тысячи солдат, стоявших лагерем вокруг Вильны; как сообщает капитан Куанье, лошади были в панике, а люди растерялись:

Нас оглушали потоки льда; мы оказались в темноте посреди бела дня... Буря была столь сильна градом и снегом, что мы еле были способны удерживать наших лошадей. Пришлось привязать их к колёсам... Утром на рассвете... я увидел, что из моих лошадей три околели. Я сразу же запряг тех двадцать трёх лошадей, что у меня оставались, в четыре моих фургона. Несчастные лошади так дрожали, что они ломали всё вокруг, если не были запряжены. Они бы выкорчевали дерево. Они сошли с ума. Бедные животные в ярости совершали прыжки³⁸.

В результате этого бедствия погибло несколько сот человек, и, по словам генерала Бельяра, начальника штаба Мюрата, более 8 тысяч лошадей из артиллерийских частей. Среди выживших многие дезертировали; случаев дизентерии стало больше, хлеба не хватало, солдаты не получали жалованья, а число мародёров достигло примерно 30 тысяч человек³⁹.

Наполеон знал об этих трудностях благодаря ходатайствам князя Понятовского. Но он остался к ним глух, упрекая поляков, что они не показывают той же доблести, что французские солдаты: «европейской» Великая армия оказалась только на словах. В своём письме к Бертье, князю Невшательскому, Наполеон велел:

Мой кузен, сообщите князю Понятовскому, что Вы показали его письмо императору; что Его Величество очень недоволен тем, что князь говорит об усталости, о деньгах, о хлебе и о фураже, ког-

да нужно преследовать врага; что Его Величество был тем более удивлён подобными жалобами, что князь один, вокруг него немного людей, что в то время, как императорская гвардия, явившаяся из Парижа в Вильну форсированными маршами, вместо половинного рациона провизии вообще не имеет достаточно хлеба и при этом не ропщет, императору тягостно видеть, что поляки настолько плохие солдаты и настолько дурно настроенные, что могут выражать недовольство подобными лишениями; одним словом, Его Величество выражает надежду, что больше никогда не услышит подобных разговоров⁴⁰.

Однако эти лишения стали приводить к всё более и более предосудительным действиям в отношении местного населения. Жители доброжелательно встретили Великую армию, но очень скоро разочаровались в ней, как свидетельствует юная София фон Тизенгауз, которой тогда было 19 лет и чья семья занимала важное положение в Вильне:

Все грабили. За пределами города и в сельской местности совершались дела неслыханные. Грабились церкви, осквернялись священные сосуды, даже к кладбищам относились без почтения и бесчестили несчастных женщин! Рассказы были всё более удручающими. Надо признать: Наполеон выслушивал все жалобы и возмещал убытки всегда, когда можно было их возместить. Он кричал громовым голосом, сотрясавшим стены дворца, на командиров своей армии, которые опускали головы и даже низко сгибали спины перед яростью Юпитера-громовержца: «Господа, вы меня бесчестите! Вы меня губите».

И кто был виноват?.. Солдаты считали, что они на вражеской земле, и вели себя соответственно. Грабителей расстреливали. Они шли на казнь с удивительной беспечностью, покуривая трубочку. Разве была для них разница умереть чуть раньше или позже? Армия уже три дня сидела без хлеба.

Повсюду на своём пути русские жгли склады и мельницы...

Александрю предложили превратить Литву в пустыню. Солдатам в Вильне давали плохо замешанный и плохо испечённый хлеб, что-то вроде лепёшки, которая, если бросить её в стену, приклеивалась...

Кавалерии не хватало фуража, и лошадей кормили пшеницей, срезанной на поле в конце июня! Бедные животные дохли как мухи, а их трупы бросали в реку. Повар моего отца отказывался подавать нам рыбу и крабов, питавшихся этой гнилью. Наконец, уныние охватило все классы общества. Мой отец был встревожен; у него было впечатление, что это поход молодого и неопытного полководца⁴¹.

Сомнениям отца графини вторили многие представители местной элиты. Их воодушевление угасло, что вызвало горечь у Наполеона; они не понимали друг друга.

Кроме того, Наполеон обманул надежды сторонников независимости. За восемнадцать дней, проведённых в Вильне, император ни разу официально не выступил за восстановление польско-литовского королевства. 14 июля в Вильну торжественно прибыла «большая депутация от всех провинций бывшей Польши»⁴² во главе с сенатором Выбицким, чтобы попросить «у императора восстановления польской нации и её бывшего ранга среди народов Европы»⁴³.

Любопытным зрелищем было шествие в иерархическом порядке этих знатных паладинов в живописных костюмах, с их прекрасными лошадьми и многочисленной свитой⁴⁴.

Но Наполеон не прислушался к этим мольбам. Отказавшись уступить тем, кто убеждал его выступить за независимость Литвы, он выдвинул геополитические соображения: на данный момент для него особенно важен был союз с Австрией, и он не мог поставить его под угрозу, обещая поддержать восстановление Польско-Литовского королевства. Этот призыв к терпению не мог быть понят польскими и литовскими патриотами, не склонными к выжидательной тактике, особенно в тот момент, когда обстоятельства – отступление русских – казалось, благоприятствовали им. По словам аббата де Прадта, посла Наполеона в Варшаве, «двусмысленный, уклончивый ответ Наполеона всё испортил и привёл поляков в уныние: отправляясь к нему, они пылали огнём, вернулись они ледяными»⁴⁵. Прошло всего несколько дней, и надежды обеих сторон сменились недоверием.

В ожидании битвы

Покинув в ночь с 18 на 19 июля Баркляя, царь отправился в Москву. Он поставил себе целью набрать людей в ополчение, которое станет второй линией обороны против врага, и сплотить народ вокруг своей особы, вокруг веры и Отечества, которому угрожала опасность.

Александр опасался, что Наполеон, духовный сын Французской революции, может принести искушения в Россию, подобно тому, как он уже принёс их в Пруссию и Великое герцогство Варшавское, и что он может вывести империю из равновесия. Чтобы противодействовать этому, Александр должен был умело соединить религиозные мотивы с национальными и убедить население, что наполеоновское нашествие вызвано не ошибками царя, а ненасытной жадой власти тирана, пренебрегающего народным счастьем.

На пути в Москву Александр I остановился в Смоленске, где городское дворянство набрало и экипировало в его честь 20 тысяч ополченцев. Подобно 230 тысячам ополченцев, которые будут набраны за время войны 1812 года, эти люди, предоставленные помещиками для участия в военных действиях, все были из крепостных крестьян. Они не носили формы; будучи призваны лишь на время войны, а не на 25 лет, подобно солдатам регулярной армии, они получили символическое право сохранить свои бороды и крестьянские одежды; их хозяева должны были предоставить им кафтан, овчинный полушубок, две пары сапог и головной убор. Государство обязалось вооружить их огнестрельным оружием; но с конца июля мушкетов не хватало и, поскольку их российское производство было недостаточным, чтобы покрыть все нужды, многим ополченцам пришлось драться пиками и вилами⁴⁶. В Смоленске Александра охватило доселе не знакомое ему чувство. Отныне он воплощал собой национальный порыв, и зарождающееся общественное мнение, которое уже не раз с начала войны роптало на Александра и даже откровенно ругало его, редко относясь к нему с пониманием, наконец, сплотилось вокруг «своего» царя, глубоко тронутого этой метаморфозой.

23 июля в 17 часов Александр вошёл в Москву, где его встретил генерал-губернатор Ростопчин. Император добрался до Кремля лишь поздно ночью: на каждом шагу его кортеж останавливали представители местного духовенства, теснившиеся перед ним с зажжёнными свечами. На следующее утро в стенах Кремля царь присутствовал на молебне в Успенском соборе. Собралась толпа, стремившаяся поприветствовать царя, коснуться его. Присутствовавший при этом генерал Евграф Федотович Комаровский впоследствии вспоминал, что «никогда не видывал такого энтузиазма в народе»⁴⁷.

25 июля Александр встретился с депутациями московского дворянства и купечества, которые, проявляя патриотизм, предложили ему три и десять миллионов рублей соответственно и позволили ему в течение не более чем недели записать в ополчение почти 80 тысяч новых рекрутов: царь был взволнован. «Я никогда не забуду этот день»⁴⁸, — неоднократно повторял он. Тогда же, 25 июля, он долго говорил с Ростопчиным, который гарантировал лояльность горожан царю и самодержавию: с точки зрения генерал-губернатора, Москва, за которой он наблюдал и которую твёрдо контролировал при помощи полицейских служб, не была склонна поддаться наполеоновскому соблазну. 26 июля, когда Александр посетил Троице-Сергиев монастырь, находящийся за пределами Москвы, Платон, семидесятипятилетний митрополит Московский и Коломенский, прислал ему икону Сергия Радонежского и письмо:

Всемилоостивейший государы!

Древний город Москва, этот новый Иерусалим, принимая, словно мать, среди своих сынов помазанника Господа и предвидя в грядущем, сквозь поднявшиеся тучи, великую славу самодержавия, в радости своей поёт: «Осанна! Да будет благословен тот, кто приходит именем Бога! Пусть надменный Голиаф сеет повсюду угрозы и несёт ужас и смерть от пределов Франции в русские провинции; святая вера, эта праща русского Давида, внезапно сразит голову упоённого кровью гордеца». Я посылаю Вашему Императорскому Величеству образ святого Сергия, старинного защитника счастья нашего Отечества⁴⁹.

27 июля Святейший Синод издал манифест, во имя Бога призывавший к укреплению национального единства. Так был скреплён союз царя, церкви и народа, более прочный, чем когда-либо.

В то же самое время были подняты ополчения трёх главных военных округов страны. Военный округ, включавший Московскую, Смоленскую, Тульскую, Ярославскую, Тверскую, Владимирскую, Рязанскую и Калужскую губернии, на котором лежала ответственность за оборону Москвы, предоставил всего за несколько недель 125 тысяч человек; округ, включавший Петербургскую и Новгородскую губернии, ответственный за оборону Петербурга, мобилизовал 25 тысяч человек; резервный округ (Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Казанская губернии) выставил 41 тысячу человек. Крепостные эту мобилизацию встретили с пониманием.

Царь убедился, что не зря верил в свой народ, и поверил в его решимость драться до конца. Также он убедился и в компетентности Ростопчина: перед отъездом царь выразил ему полнейшее доверие, предоставив полномочия действовать по обстоятельствам, исходя из собственного суждения⁵⁰. Теперь он мог покинуть Москву и направиться в Петербург. Но в пути, в тревоге за столицу, он написал Салтыкову письмо: «Нужно вывозить из Петербурга: Совет. – Сенат. – Синод. – Департаменты министерские. – Банки. – Монетный Двор... Арсенал», «лучшие картины Эрмитажа», обе статуи Петра I, «богатства Александро-Невской Лавры»; он также попросил подготовить императорскую фамилию к эвакуации в Казань⁵¹. Мария Фёдоровна в панике перед французской опасностью чуть было не собралась в путь; но императрица Елизавета проявила редкое хладнокровие и твёрдость: она считала, что не может быть и речи о том, чтобы покинуть подданных.

Узнав, что Барклай ушёл из Дрисского лагеря и продолжает двигаться на восток, Наполеон приказал своему авангарду вновь начать преследование 1-й Западной армии. Он поручил Мюрату и принцу Евгению Богарне опередить русского полководца в Витебске и за-

нять город, чтобы помешать соединению двух неприятельских армий. Со своей стороны, Барклай-де-Толли, осознавая угрозу, сосредоточился и сумел обеспечить регулярные поставки припасов в свою армию, несмотря на мздоимство некоторых интендантов и разрушение множества складов с провизией, вызванное быстротой, с которой осуществлялось отступление. Изнурённые жарой, его люди, подобно солдатам Багратиона, страдали от нехватки воды. Фуража тоже часто недоставало. Так было и в Поречье, куда Барклай прибыл в конце июля. Хотя военные власти в ожидании прохода армии через город заказали и оплатили тысячи центнеров овса и муки, никаких ресурсов не было: провиантский комиссар заявил, что сжёг все запасы, чтобы они не были захвачены Великой армией. Генерал Ермолов провёл расследование на месте: на самом деле комиссар, ничего не купивший и не привезший, поджёг пустые склады и довольствовался тем, что внёс в свою счётную книгу стоимость «купленных»⁵² запасов...

Несмотря на известные случаи взяточничества, солдаты 1-й армии не страдали от серьёзной нехватки провианта, в отличие от 2-й армии, более изолированной и уязвимой. Багратион уже 30 июля жаловался: «Пехота и кавалерия без воды и продовольствия, что хуже всякого сражения»⁵³.

Чтобы быть уверенным, что солдаты не займутся ни грабежом, ни мародёрством, Барклай требовал железной дисциплины в обеих армиях. В одной из своих прокламаций он угрожал «расстрелять каждого, у кого в лагере найдутся незаконно присвоенные вещи»⁵⁴. Но он всегда был рядом со своими солдатами и следил за их здоровьем. 20 июля, когда жара была особенно сильна, он предписал растегнуть мундиры, не слишком стискивать грудь и позволить людям нести фляги с водой⁵⁵. Вместе с тем он не мог ничего сделать с вопиющей нехваткой медицинских средств, о чём Яков Виллие писал царю 29 июля:

Большая часть раненых офицеров и солдат остается после первой перевязки без подания дальнейшей помощи⁵⁶.

Затем медицинская и санитарная ситуация ещё ухудшилась: бойцы, получившие ранения в окрестностях Витебска в начале июля, придут в Вязьму лишь 19 августа, терпя тяжелейшие лишения: «Многие из них от самого Витебска привезены непровязанные, ибо при них было только двое лекарей, а в лекарствах и перевязках — совершенный недостаток, многих черви едят уже заживо», — писал министр внутренних дел Козодавлев в письме императору от 19 августа⁵⁷. Но никаких конкретных мер так и не было принято.

23 июля Барклай вошёл в Витебск – ни Мюрат, ни Евгений де Богарне не смогли ему помешать. На сей раз он взял инициативу на себя, отправив 4-й корпус навстречу Великой армии, чьё продвижение он желал замедлить. 25 июля на расстоянии двух лье от Островно, городка к югу от Витебска, Остерман-Толстой схватился с дивизиями Брюйера и Сен-Жермена, генерала Нансути, опирающимися на 8-й полк лёгкой пехоты. На протяжении долгих часов исход сражения был неясным. В середине дня Мюрат лично бросился в бой при поддержке дивизии Дельзона. Сражение стало клониться в пользу французов, но русские, хотя и потеряли много бойцов, не сдавались. На следующий день рано утром, в одном лье от Островно, битва продолжилась, на этот раз между войсками вице-короля Евгения при поддержке кавалерии Мюрата и дивизией Коновницына. В этом столкновении потери были велики: около 3800 с русской стороны и официально⁵⁸ 1100 солдат Великой армии. Русские пехотинцы, несмотря на свой героизм, не могли выдержать атаку французских всадников, их ряды заметно поредели, а выжившие предпочли отступить.

Но, несмотря на эти успехи, в рядах Великой армии нарастало беспокойство, о чём красноречиво свидетельствует герцог де Фезенсак:

Мудрые люди и опытные офицеры не были вполне спокойны. Они видели, что армия с момента переправы через Неман уменьшилась на треть почти без сражений, потому что было невозможно регулярно снабжать её, и трудно было даже при помощи грабежа что-то взять со страны, которая была бедна сама по себе и к тому же разорена русской армией. Они видели пугающий падеж лошадей, в результате которого часть кавалерии спешилась, подвоз артиллерии затруднился, а медицинские повозки и фургоны с лекарствами оставались позади⁵⁹.

А о генеральном сражении речи по-прежнему не шло.

Наполеон, явившийся в Островно 27 июля, казалось, видел в косяках русского лагеря предвестие того боя, которого он ждал уже месяц: ему казалось, что он близок к цели. Барклай действительно долго лелеял план генерального сражения у Витебска, поскольку дух солдат сильно упал из-за непрерывного отступления. Но на сей раз его отговорил от сражения Ермолов, несмотря на свою приверженность наступательной войне⁶⁰: слишком неравными были силы, и от подобного сражения нельзя было ждать ничего хорошего. В 4 часа дня 27 июля 1-я армия, в молчании построившись в три колонны, вновь начала отступление, теперь в направлении Смоленска. Это движение было необходимо скрыть от неприятеля: поэтому ночью казачьи подразделения зажгли яркие костры, чтобы показать врагу,

что войска на месте. Рано утром 28 июля, убедившись, что русские ушли, Наполеон понял, что он в очередной раз одурачен, и битва не состоится. Кроме того, аррьергард Палена был столь ловок в замечании следов, что Великая армия не могла даже понять, в каком направлении он удалился. При отступлении не было оставлено ничего, что могло бы служить указанием на направление отхода. Как сообщает граф де Сегюр, «притом ничто не было забыто. Ни одно оружие, ни один предмет и вообще никакие следы не указывали, вне этого лагеря, какой путь избрали русские во время своего внезапного ночного выступления»⁶¹. Что до Фезенсака, он сообщает, что он сам и его сотоварищи были «впечатлены тем прекрасным порядком, в котором отступила русская армия, под прикрытием многочисленных казаков, не оставив ни одной пушки, ни одной повозки, ни одного больного»⁶².

В тот же самый день Великая армия совершила печальное вступление в пылающий Витебск, в котором, кроме нескольких евреев, жителей не осталось.

5. СМОЛЕНСКАЯ КАТАСТРОФА

Вступив в Витебск во второй половине дня 28 июля, Наполеон сразу же расположился во дворце губернатора, князя Вюртембергского. Он приказал остановиться на десять дней: изнурительная жара (в среднем 27–30°C) располагала к отдыху. Но повседневная жизнь его солдат продолжала оставаться трудной.

Окончание войны?

Великая армия, найдя в городе только превращённые в пепел склады, могла рассчитывать на свои запасы, которых становилось всё меньше. Как заметил Ларрей, «уже чувствовалась нехватка припасов, и уже много дней не было регулярного распределения провианта между солдатами»¹.

Чтобы решить самые срочные проблемы, Наполеон приказал соорудить 36 кирпичных печей, которые могли бы за один раз выпекать 30 тысяч рационов хлеба. Но сырья не доставало и печи простаивали. Кроме того, снабжение водным путём оказалось более затруднительным, чем ожидалось: подниматься вверх по каналам и нижнему течению Немана было трудно, поскольку от устья Немана до Ковно лодочникам приходилось плыть против течения², а Витебск, куда пришла Великая армия, находился уже в 500 км от берегов Немана. Повозки же, запряжённые лошадьми и быками, двигались медленно, от силы преодолевая 30 км в сутки, и животных по дороге тоже нужно было кормить.

В результате боёв под Витебском в Великой армии оказалось 15 тысяч раненых. Главному врачу Ларрею и его ассистентам пришлось действовать в условиях тяжелейшей нехватки медицинских материалов:

Мне было очень трудно обеспечить первую перевязку раненых на поле боя. Чтобы суметь их перевязать, приходилось пользоваться солдатским бельем и даже нашими рубашками³.

Кроме раненых, в армии было много больных, пострадавших от эпидемии дизентерии, начавшейся в результате употребления стоячей болотной воды. Ларрей взялся создать в Витебске четыре походных госпиталя, но личного состава не доставало: в армии оставалось

лишь 720 врачей и аптекарей, то есть по одному на 625 солдат⁴. Впрочем, Ларрей снова показал всю меру своего таланта и самоотверженности: он лечил даже больных неприятеля. Упоминая о русском солдате, чья нога была разбита ядром, он написал:

Ампутация бедра была единственным способом спасти жизнь раненому: я осуществил её немедленно, в присутствии консультантов. Я следовал моему стандартному способу и закончил операцию менее чем за четыре минуты⁵.

Ампутация ноги менее чем за четыре минуты! Есть от чего остолбенеть читателю XXI века...

Как и в Вильне, нехватка провианта, лекарств, гвоздей, подков и кузнечного инструмента была причиной грабежей и насилий. Многочисленные русские источники обвиняют в этом в первую очередь немецких солдат⁶. Бюртембержец Якоб Вальтер, прибывший в Витебск в конце июля, вместе с несколькими своими однополчанами напал на ещё не тронутые деревни в поисках еды; они не стеснялись тащить то сосиски, то чудесный мёд, который должен был спасти им жизнь:

Если бы они не спрятали еду, их имущество не пострадало бы, а так мы были вынуждены поднимать доски пола, разбивать балки, переворачивать всё, что было закрыто, и только так могли что-нибудь обнаружить...

В другой деревне, тщательно исследованной, в домах не было найдено ничего. Тогда, мучимые голодом, мы стали копать землю. Для этого мы вместе с другими передвинули большую кучу дров, едва положенную на это место. Мы копали и копали – и наткнулись на дощатый настил. Под ним была яма глубиной десять-двенадцать футов. В этом помещении были сложены глиняные кувшины и прикрытая соломой пшеница. Когда мы забрали всё зерно, мы открыли кувшины и увидели твёрдое вещество белого цвета, казавшееся затвердевшим воском. Оно было столь твёрдым, что трудно было отрезать его кусочек даже саблей. Но когда мы поднесли его к огню, оно превратилось в чистейший мёд. Я был обеспечен мёдом на неделю. Но есть его пришлось без хлеба⁷.

В Витебске уже не было и речи о том, чтобы солдаты покупали необходимые для выживания припасы. Во-первых, обездоленные крестьяне не желали что-либо продавать; во-вторых, солдаты тоже испытывали серьёзные финансовые затруднения – жалованье выплачивалось им весьма нерегулярно, и многим не хватало денег. Мародёрство стало всеобщим: по словам графа Солтыка⁸, ему предавалось не менее 50 тысяч солдат. Гвардия на общем фоне выделялась своим безупречным поведением, но надо учитывать, что она была

предметом особой заботы со стороны императора и не страдала от голода.

На следующий день после прибытия в Витебск Наполеон приказал Бертье составить отчёт о численности войск. Расчёты маршала показали, что случилось настоящее бедствие: из задействованных в войне 423 тысяч человек в армии осталось всего 235 тысяч! 1-й корпус потерял треть своего состава; 2-й корпус⁹ понёс не меньшие потери ещё до переправы через реку и продолжал сокращаться в последующие недели; 4-й корпус вице-короля Евгения уменьшился наполовину и ещё в большей степени пострадал от дезертирства и болезней. Кавалерия тоже была серьёзно затронута: резервные дивизии Нансути и Монбрена потеряли 8–9 тысяч человек, а лёгкая кавалерия – половину своего состава. Наконец, потери коснулись и упряжных лошадей: из 160 тысяч мобилизованных на войну лошадей уже погибла половина¹⁰, что поставило под удар транспортировку провианта и других припасов.

В Витебске Наполеон узнал об отъезде царя в Москву и о подписании русско-турецкого мирного договора; для императора французов это было дурной новостью, потому что теперь русские могли спокойно задействовать на театре военных действий свою молдавскую армию. В этот час Наполеон задумался о том, чтобы прервать поход и воспользоваться этой паузой для укрепления своей власти на захваченных им белорусских и литовских землях, упрочения своего положения, улучшения снабжения и вновь начать наступление по окончании зимы. Вечером 28 июля он собрал Мюрата, Евгения и Бертье и сообщил им: «Первая русская кампания окончена... В 1813 году мы будем в Москве, в 1814 году в Петербурге. Война с Россией будет длиться три года»¹¹.

В штабе Наполеона Дюрок, Коленкур и Бертье тоже желали остановиться в Витебске, а то и закончить здесь войну: Великая армия показала, что она может завладеть большей частью Белоруссии и Литвы, и теперь нужно было как можно скорее покончить с этой столь неудачно начавшейся войной. Дарю тоже высказался в пользу перерыва в военных действиях. А вот Мюрат вновь предложил наступать любой ценой и дать генеральное сражение. Император, выслушав эти противоположные точки зрения, начал колебаться и в конечном счёте присоединился к мнению короля Неаполитанского. Несколькими днями позже он решил возобновить наступление. Оставив в Витебске всего лишь трёхтысячный гарнизон, он повелел своим войскам идти на Смоленск, потому что опасался, что слишком долгая праздность ослабит их единство:

Чтобы я расположился на зимовку в июле месяце?! Разве можно делить подобный поход на части? Поверьте мне, вопрос очень

серьезен, и я о нём думаю. Наши войска охотно двигаются вперёд, им нравится война наступательная. А неподвижная оборонительная война не соответствует французскому духу¹². Останавливаться за рекой, размещаться в лагерах, маневрировать каждый день, и всё это ради того, чтобы после восьми месяцев лишений и невзгод быть на одном и том же месте... Разве так мы обычно действуем? К тому же зима страшна не только холодами. Она страшна и дипломатическими интригами, которые могут замыслить у нас в тылу. Те, кто лишь недавно стал нашими союзниками, те, кто всё ещё удивлён, что не сражается с нами, гордятся тем, что последовали за нами. Нужно ли оставлять им время задуматься о странности их нового положения? Не будем же ждать зимы и лишних размышлений! Нам нужно ударить быстро и мощно, если мы не хотим лишиться всего: надо быть в Москве через месяц, иначе мы рискуем не войти в неё никогда¹³.

Кроме этих высказанных вслух причин были и другие, о которых император умолчал: получив дурные известия из Испании, он опасался, что, если его отсутствие будет слишком долгим, война вызовет во Франции критику и даже, возможно, угрозу его власти. Кроме того, он опасался, что русские дивизии, вызванные из Финляндии и долины Дуная, могут изменить соотношение сил не в его пользу, особенно учитывая, что сопротивление русских оказалось намного сильнее, чем он ожидал.

На севере, на левом фланге армии, Удино, прибыв 22 июля в Дриссу, получил новое поручение: его 25-тысячному войску нужно было объединиться с солдатами Макдональда и оттеснить Витгенштейна, который, командуя правым крылом русской армии, прикрывал Петербург. Удино подчинился и 26 июля взял Полоцк, но не сумел осуществить предусмотренное объединение сил из-за слишком медленного продвижения Макдональда. Направляясь к Двинску (нынешнему Даугавпилсу), Удино 30 и 31 июля столкнулся с Витгенштейном под Якубово и Клястицей. Арьергард Витгенштейна под командованием генерала Кульнева нанёс серьёзные потери авангарду Удино, взял 900 пленных и заставил маршала отступить. Но 1 августа русские столкнулись у Боярщины с более многочисленными войсками противника, и положение резко изменилось: Кульнев был убит ядром, русские потеряли более 1000 убитыми и 2000 ранеными, Витгенштейну пришлось отступить. Тем не менее успех французов оставался непрочным; и Наполеон, желая усилить левый фланг Великой армии, решил присоединить к войскам Удино 6-й корпус Гувьона-Сен-Сира.

На правом фланге наступление тоже шло с трудом. 27 июля в окрестностях Кобрина две дивизии 3-й армии генерала Торماسова

сумели окружить бригаду саксонского генерала фон Кленгеля¹⁴, представлявшую собой авангард 7-го корпуса; тысяча саксонцев погибли, а 2300 были захвачены в плен¹⁵. 2 августа, узнав об этом поражении и поняв, что корпуса Ренье не хватит на то, чтобы нейтрализовать армию Тормасова, Наполеон приказал Шварценбергу отправиться на помощь французам, попавшим в затруднительное положение. Успех не замедлил себя ждать: 12 августа Ренье и Шварценберг нанесли серьёзный удар по 3-й русской армии (3–4 тысячи русских были убиты или ранены)¹⁶, вынудив её отступить к Луцку.

3 августа армии Барклая и Багратиона соединились и, опираясь на свою суммарную мощь, составлявшую чуть более 130 тысяч солдат (в армии Барклая было 90 500, в армии Багратиона – 40 тысяч)¹⁷, решили перейти в наступление, поскольку солдаты устали всё время отступать без боя. 7 августа «отдохнувшие солдаты бодро и весело, с песнями, в первый раз шли воевать не на восток, а на запад»¹⁸. В окрестностях Инково, городка в 8 милях от Смоленска, начался кавалерийский бой между дивизиями Себастьяни и графа Остермана-Толстого. Русские одержали верх, но Барклай, опасаясь, что неприятель обойдёт его с флангов, приказал своим войскам отступать к Смоленску. Багратион был в бешенстве...

13 августа Наполеон со своей Великой армией покинул Витебск и вновь пустился в путь. Он составил чёткий план. Речь шла о том, чтобы захватить Смоленск ударом с тыла:

Избежать встречи с наступающими русскими; прикрыться лесом Рабмовичи; двигаться по дороге из Витебска на Киев; таким образом обогнуть неприятеля слева; переправиться через Борисфен¹⁹ выше Оши²⁰; а оттуда решительно броситься к Смоленску и опередить Барклая-де-Толли на 24 часа. Затем взять город, вновь переправиться через реку и из стен города ударить в тыл русским, изумлённым нашими манёврами²¹.

Воссоединившись с Даву и его корпусом, в сопровождении Мюрата, Нея и принца Евгения, во главе армии в 185 тысяч человек император готовился форсировать Днепр позади русской армии, на уровне Расасни (к юго-западу от Смоленска), где понтонёры Эбле установили четыре понтонных моста. Наполеон планировал зайти в тыл русской армии. В ночь с 13 на 14 августа бойцы Великой армии форсировали Днепр. Но утром 14 августа, когда Наполеон ждал вестей от польских разведчиков, отправленных на рекогносцировку, Мюрат, наступавший вместе с кавалерией Груши, Нансути и Монбрена на Красный²², столкнулся с 27-й пехотной дивизией под командованием генерала Дмитрия Сергеевича Неверовского. Эта дивизия должна была прикрывать Смоленск от возможного нападения

по дороге Ляды – Смоленск и замедлить наступление Великой армии, но по численности она заметно уступала французам. Мюрат, не дожидаясь отставшей артиллерии, решил бросить свои эскадроны в смертоносную атаку против русской дивизии. Войска Неверовского, для которых атака французской кавалерии была неожиданностью, сумели ценой отчаянного и ожесточённого сопротивления при поддержке всего нескольких казачьих эскадронов замедлить наступление французской кавалерии. Солдаты Неверовского сопротивлялись, несмотря на то что нападавших было впятеро больше.

Героическое сопротивление вызвало горячее восхищение их товарищей. «Я помню, какими глазами мы увидели эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, – вспоминал впоследствии Денис Васильевич Давыдов, – каждый штык её горел лучом бессмертия»!²³ Более сдержанный Багратион писал царю, что «примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя»²⁴. А вот французов сопротивление дивизии Неверовского озадачило. С точки зрения одних, почти что «сверхчеловеческая» стойкость русских объяснялась спиртом, которым они напивались перед сражением; другие, подобно генералу Гриуа, относили её на счёт русского религиозного мракобесия и фанатизма:

Я обнаружил четырёх русских солдат, выведенных из строя моей артиллерией; у каждого из них не было руки или ноги, но они были еще живы, и вместо того, чтобы жаловаться, чтобы молить о помощи, они, напротив, отказывались от неё и, казалось, были решительно настроены умереть, не сходя с места. Я не стал воображать невесть что о подобной пассивной храбрости, которую я с тех пор сто раз наблюдал у солдат этого народа и которая, как я считаю, проистекает от их невежества и суеверия. Они умирают, обнимая образ святого Николая, который всегда носят с собой, верят, что отправятся прямоком на небо, и едва ли не благословляют тот удар, что отправляет их туда²⁵.

Потребовалось вмешательство французской артиллерии, прибывшей 15 августа, чтобы 27-я дивизия, потерявшая $\frac{5}{6}$ своего состава (2 тысячи человек было убито, 800 попало в плен), начала «отступление льва», как метко заметил Сегюр. Сражение при Красном, таким образом, закончилось в пользу наполеоновских войск, но Неверовский выполнил свою миссию: он замедлил продвижение Великой армии и позволил Багратиону приблизиться к Смоленску. Однако Багратион столкнулся с новыми трудностями: его армия страдала от изнуряющей жары, началась нехватка воды и пищи. 10 августа, в письме к Ермолову, находившемуся в тот момент в главном штабе Барклая, Багратион жаловался, что у него нет ни сена, ни овса, ни хлеба, ни воды, ни хороших позиций.

Старинный город Смоленск был обнесён крепкими зубчатыми стенами, построенными в XVI–XVII веках, длиной 6,5 км, высотой до 19 м и толщиной более 5 м. Из 29 башен 17 могли быть использованы для обороны города; их к тому же защищал высохший ров. Но внутри этих могучих стен город был деревянным и потому очень уязвимым для артиллерийского обстрела и пожаров. 80 тысяч русских солдат под командованием Барклая удерживали правый берег Днепра; 20–30 тысяч под руководством генерала Раевского²⁶ контролировали сам город и его ближайшие окрестности; левый берег реки находился в руках Великой армии (120 тысяч солдат). Царь приказал своим войскам защищать Смоленск любой ценой, но план защиты города не был реализован. Ермолов вспоминал в своих «Мемуарах»: «В Смоленске было величайшее смятение. Губернатор барон Аш уехал первый, не сделав ни о чём распоряжения, не дав никаких подчинённым наставлений. Всё побежало! Исчезли власти, не стало порядка!»²⁷. Раевскому оказали ценную помощь жители города: когда Великая армия подошла к Смоленску, 6 тысяч человек приняли участие в его защите наравне с солдатами Раевского, другие пытались укрепить стены, третьи записались в народное ополчение²⁸.

В 17 часов 15 августа французский авангард, состоявший из кавалерии Груши и пехоты Нея, добрался до предместий Смоленска. Там он расположился лагерем и стал ждать подкрепления. Русские понимали, какие трудности их ждут. На рассвете 16 августа Раевский получил от Багратиона следующее послание: «Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобою. Держись, Бог тебе помощник!»²⁹.

С 6 часов утра 16 августа начались бои. Войска Нея нападали дважды, но безуспешно. Дело в том, что маршал, рассчитывавший встретить перед Смоленском лишь остатки дивизии Неверовского, столкнулся с 20-тысячным войском генерала Раевского. Тогда он решил уклониться от боя, понимая, что Великая армия не может захватить город сналету. В 9 часов утра прибыл Наполеон. Новая атака Великой армии оказалась безуспешной. Войска Раевского, Неверовского, Дохтурова и князя Вюртембергского продолжали сопротивляться, но, оценив численный перевес Великой армии, Барклай приказал остальным войскам Багратиона отступать по Московской дороге, не вмешиваясь в бой. К 15 часам Наполеон вновь велел маршалу Даву наступать: дивизия Гудена направилась к западному предместью Смоленска, дивизия Морана к восточному, а дивизия Фриана к южному. Началась канонада, становившаяся всё более интенсивной и длившаяся полтора часа без перерыва. В 17 часов три предместья Смоленска оказались в руках Великой армии. Русские были оттеснены внутрь старого города. В их руках всё ещё находились правый бе-

рег Днепра и центр Смоленска. Чтобы побороть сопротивление солдат Раевского, стены города стали обстреливать из пушек, создав батарею из ста артиллерийских орудий. «Весь день и часть ночи большие орудия двенадцатого калибра, привезённые из гвардейского артиллерийского резерва, бомбардировали город под руководством Дру, зажигая пожары во многих точках города»³⁰. Атаки были яростными, город горел, и русские войска были вынуждены отступить, как вспоминал Гавриил Петрович Мешетич, в то время служивший младшим лейтенантом артиллерии:

С полудня русские войска, имея в виду еще переправу чрез реку Днепр, начали уступать неприятелю валы города, наконец, стены и город, под которым пало врагов до 10 тысяч³¹.

Французские свидетельства тоже указывают на крайнее ожесточение в бою:

Утром началась атака, и мы получили приказ быть готовыми вскочить на коней. Император составил план и сам расположил свою артиллерию. Весь день продолжалась пушечная и ружейная пальба. Многие склады в городе загорелись. 19-го³² схватка стала ещё более энергичной. Бомбы бросали повсюду; неприятель сопротивлялся изо всех сил, но наша пехота устремилась к стенам и выбила ворота. Неприятель, изгнанный с городских стен и домов, переправился на другой берег Днепра и город оказался в нашей власти. Мы были свидетелями отваги наших войск, на которую мы взирали с восхищением³³.

Чтобы обезопасить себя, русские уничтожили последний мост через реку, и понтонёры Эбле сразу же взялись за дело, находясь под обстрелом артиллерии неприятельского арьергарда. Они не без труда сумели установить два моста, позволив своим товарищам форсировать Днепр. Бойцы могли справедливо гордиться своей отвагой и храбростью, но их «успех» имел горький привкус: взятие Смоленска стоило очень многих жизней и принесло много страданий. Об этом свидетельствует Якоб Вальтер, которому повезло целым и невредимым вернуться в лагерь:

Вечером мы вернулись в наш импровизированный лагерь. Мы увидели там, как раненых, опирающихся друг на друга, перевязывают в каменной печи, расположенной на скале над городом. Много рук и много ног было отрезано, а раны прикрывали бинтами. Казалось, что мы на бойне³⁴.

На поле боя Великая армия одержала победу, но сопротивление русских привело к тяжёлым потерям: едва ли можно было говорить о триумфе.

В этот день мы потеряли убитыми и ранеными приблизительно двенадцать тысяч человек³⁵. Русские потеряли примерно столько же. Часть зданий, пощаждённых огнем, была отведена под госпитали, там собирали раненых. Но врачей недоставало; кроме того, армия была лишена каких-либо аптечных материалов; некоторых из этих несчастных, вынужденных долго ждать первой перевязки, лишённых еды, не имеющих даже соломы, чтобы вытянуть на ней искалеченные части тела, истощённых от нужды, стонали, преследуемые сильнейшими мучениями. Вскоре началась эпидемия, вызванная заражением от множества трупов, лежащих вокруг города, и даже в домах, и она унесла большинство этих печальных жертв ужаса войны³⁶.

Русские солдаты были подавлены. После очередной неудачи в руках врага оказался город в самом сердце России. Верховное командование русской армии попало под огонь критики.

Общественное мнение против Барклая

Стратегия отступления, избранная Барклаем-де-Толли и поддержанная Александром I, подвергалась нападкам с первых дней войны. После сдачи Витебска и падения Смоленска нападок стало ещё больше, а некоторые генералы пришли в ярость. В письме к графу Ростопчину, написанном 14 августа в деревне Лушки, Багратион дал волю своему гневу, не сдерживаясь в выражениях:

Я обязан много генералу Раевскому, он командовал корпусом, дрался храбро... дивизия новая... Неверовского так храбро дралась, что и не слышано. Но подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию. Я просил его лично и писал весьма серьезно, чтобы не отступить, но... он никак не соглашается на мои предложения и все то делает, что полезно неприятелю... Я вас уверяю, что приведёт Барклай к вам неприятеля через шесть дней... Признаюсь, я думаю, что брошу Барклая³⁷.

Озлобление Багратиона разделяли и другие генералы: в штабах ходили слухи об изменниках-чужеземцах, а солдаты продолжали падать духом из-за бесконечного отступления. Это опасение измены ещё усиливалось из-за наличия в русской армии многочисленных немцев и балтийских немцев. Из 16 командиров корпусов 7 были немецкого происхождения; в армии было 69 немецких генералов, 96 немецких полковников и капитанов, 760 младших офицеров-немцев. Эти чужеземцы, приказывавшие армии царя отступить самым постыдным образом, уже не внушали доверия ни солдатам, ни русским

генералам; об этом свидетельствует письмо графа Шувалова, командира одного из корпусов, полученное царём 28 августа:

Дела со дня на день идут всё хуже и хуже. Недовольство в армиях столь велико, что даже солдаты начали роптать; они нисколько не доверяют своему командованию. Нужно назначить нового главнокомандующего, единого для двух армий. Необходимо, чтобы Ваше Величество сделали это немедленно, ибо от этого зависит спасение России³⁸.

Над именем главнокомандующего издевались: Барклай-де-Толли переименовали в «Болтай, да и только»³⁹: впрочем, его нерешительность и колебания, на которые жаловался и сам царь, отнюдь не шли ему впрок. Среди русских офицеров распространились памфлеты, песни и стихотворения, подобно вот этому четверостишию, составленному, как ни парадоксально, на французском языке.

Враги спешат во весь опор,
Прощай, Смоленск! Прощай, Россия!
Барклай не хочет дать отпор,
Он скрыться думает в Сибири⁴⁰.

Даже в самый суровый час русская элита не перестала быть франкоязычной. Она не отреклась ни от своей любви к французским товарам, ни от французского образа жизни. В газете «Московские ведомости» от 31 июля 1812 года⁴¹, всего за несколько дней до битвы при Смоленске, в рубрике объявлений было и вот такое, совершенно удивительное:

На Петровке, в доме г-жи Раевской, в винном погребе Татона, получены разные французские вина в оксофтах, лучших сортов, как то: Медок, Го-Марго, Шато-Лафит, Шато-Марго, Го-Брион, Эрмитаж, вино белое Вейндеграф, старое Французское, Гобарзак, Сотерн, Мадера и всяких сортов французские вина бутылками и ящиками⁴².

Барклай, хотя и стал объектом всеобщей критики, продолжал верой и правдой служить Империи. 2 августа в Смоленске он поставил генерал-майора Фердинанда Фёдоровича фон Винцингероде во главе драгунского и четырёх казачьих полков, которым было поручено следить за линиями коммуникаций врага и нарушать их при поддержке местных вооружённых крестьян. Так, в регулярной армии появился первый партизанский отряд⁴³. Но Барклаю уже недолго было оставаться главнокомандующим русской армией.

Царь, столкнувшись с нападками на главнокомандующего, начал сомневаться (он прекрасно знал, что Барклай-де-Толли, несмотря на все свои человеческие и полководческие качества, не смог сплотить

армию вокруг себя) и созвал в Петербурге Чрезвычайный комитет, в который вошли председатель Комитета министров граф Салтыков, князь Лопухин, граф Кочубей, генерал Вязмитинов, Аракчеев и министр полиции Балашов; на собрании Комитета, назначенном на 17 августа (с 19 по 22 часов)⁴⁴ у графа Салтыкова, предстояло освободить Барклая от поста главнокомандующего и найти ему замену. Было названо множество имён – Беннигсен, Багратион, Тормасов, но в результате Комитет единодушно выбрал Кутузова, а царь поддержал этот выбор. В своём письме сестре Екатерине, написанном 20 августа в Петербурге, Александр I так объясняет причину, побудившую Комитет остановить выбор на Кутузове:

Здесь настроения не столь добрые, как в Москве или в провинции. Велико ожесточение против военного министра, который, должен признаться в этом, немало способствует тому своей нерешительностью и беспорядочным ведением дел. Противоречия между ним и Багратионом усугубились и расцвели пышным цветом, и я был вынужден, изложив всё небольшому особому комитету, выбранному с сей целью, назначить главнокомандующего всеми армиями. По рассмотрению всех обстоятельств, было принято решение выбрать Кутузова, как старейшего из всех, под началом которого, таким образом, сможет служить Беннигсен, тем более что они связаны дружбой. Как здешнее, так и московское общество очень благосклонно к Кутузову⁴⁵.

Царю было нелегко принять такое решение. Александр уважал личные качества Барклая, его простоту и прямолинейность и ненавидел Кутузова. Старый генерал служил для него постоянным напоминанием о разгроме при Аустерлице. К тому же царь презирал Кутузова за его характер и распутный нрав. 67-летний полководец, ставший генералом уже в 1784 году, одноглазый, толстый, почти немощный, с хрупким здоровьем – ему оставалось жить всего восемь месяцев – Кутузов был известен своей ленью, придворным подхалимством, тягой к роскоши (даже в походе он не расставался со своей серебряной посудой) и распутством, по слухам, на протяжении всего похода его сопровождали две очень юные девушки, переодетые казаками, а кроме того, он очень любил неприличные картинки, что порицалось тогдашней моралью. Реальный Кутузов был весьма далёк от созданного Толстым героического и мифического образа и у многих современников вызывал неодобрение, а то и отвращение. Граф де Ланжерон, французский эмигрант, перешедший на службу России, дал ему крайне суровую характеристику:

Невозможно быть умнее Кутузова, невозможно быть более бесхарактерным. Невозможно соединить в себе больше ловкости и

коварства, иметь больше талантов и меньше нравственности. Необыкновенная память, великолепное образование, редкая любезность, все качества приятного и интересного собеседника, добродушие (на самом деле отчасти поддельное, но приятное доверчивым людям) – вот приятные черты Кутузова. Но его жестокость, крестьянская грубость, когда он горячился или имел дело с людьми, которых нечего бояться, и в то же время его угодливость, доходящая до раболепства по отношению к высокостоящим; непреодолимая лень, апатия, отвратительный эгоизм, гнусная и мерзкая распущенность, неразборчивость в способах добывания денег – таковы отрицательные черты того же самого человека⁴⁶.

Но, вопреки этому, старый солдат, единогласно избранный главой петербургского и московского ополчения, был очень популярен в армии и в обществе благодаря своим военным достижениям. Харизматичному, опытному и храброму Кутузову было легче сплотить вокруг себя армию, чем Барклаю. Кроме того, он, как русский человек, больше подходил на роль вождя Отечественной войны, которая шла уже не в литовских провинциях, а в самом сердце Русской земли, поэтому 20 августа было официально объявлено о его назначении. Барклай-де-Толли покинул пост командующего 1-й Западной армией, с чем примирился из чувства патриотизма, несмотря на всю свою горечь. Однако, как ни парадоксально, назначение Кутузова главнокомандующим русской армией внесло лишь небольшие изменения в стратегию, в основном оставшуюся неизменной...

Царя всё больше и больше беспокоили неудачи русской армии, и он желал использовать все имевшиеся у него войска. Он уже много недель переписывался с Карлом Юханом. И теперь, через несколько дней после назначения Кутузова, он отправился в Або (Турку) для встречи с ним. Он хотел получить гарантии от наследного принца Швеции, что шведская армия не попытается воспользоваться трудностями России для нового наступления в Финляндии.

Вечером 24 августа Александр I прибыл на остров Або⁴⁷, расположенный в Балтийском море между Стокгольмом и Петербургом. Этот остров представлял собой идеальное место для встречи на высшем уровне. Вечером 27 августа в присутствии британского посла лорда Кэткарта царь встретился с Карлом Юханом, недавно прибывшим на остров. Улицы были украшены флагами, пушки салютовали в честь наследного принца. Ужины, военные парады и балы чередовались с рабочими заседаниями и переговорами, которые продлились до 30 августа. В этот день было подписано соглашение, дополнявшее заключённый несколькими неделями раньше Петербургский мирный договор. Документ подтверждал уступку Финляндии Российской империи в обмен на Норвегию, и, хотя секретная статья

предусматривала, что 40 тысяч русских солдат присоединятся к шведской армии для покорения Норвегии, Бернадот временно освободил царя от его обязательства, чтобы тот мог защищать свою страну от вторжения. Александр I вернулся в Петербург успокоенный и немедленно приказал трём дивизиям, всё ещё стоявшим в Финляндии, присоединиться к основной армии. Впрочем, в краткосрочном плане эти плодотворные переговоры не принесли никакого видимого облегчения находившейся в тяжёлом положении русской армии.

Смоленск, город-мученик

Как французские, так и русские источники говорят о чрезвычайной интенсивности боёв в Смоленске и тяжёлых потерях как среди солдат, так и мирного населения.

Солдаты увидели всеобщее разорение:

На следующий день я сел на коня и отправился в Смоленск. Самые красивые дома сгорели... Все окрестности были покрыты мёртвыми русскими; у нас тоже было много убитых и раненых⁴⁸.

Итальянский офицер Чезаре Ложье, прибывший в Смоленск с армией вице-короля Евгения, описал в своём дневнике страшное зрелище, представшее перед его глазами:

Единственными свидетелями нашего вступления в опустошённый Смоленск являются дымящиеся развалины домов и лежащие вперемежку трупы своих и врагов, которых засыпают в общей яме. В особенно мрачном и ужасном виде предстала перед нами внутренняя часть этого несчастного города. Ни разу с самого начала военных действий мы ещё не видели таких картин: мы ими глубоко потрясены. При звуках военной музыки, с гордым и в то же время нахмуренным видом проходили мы среди этих развалин, где валяются только несчастные русские раненые, покрытые кровью и грязью... Сколько людей сгорело и задохлось!.. Я видел повозки, наполненные оторванными частями тел⁴⁹.

А Ларрей тем временем проклинал нехватку медицинского оборудования и совершал чудеса изобретательности, чтобы найти решение проблемы:

У нас не было никаких материалов для перевязывания больных. Как и во многих других случаях, мне пришлось придумать какие-нибудь средства, могущие заменить то, чего нам не доставало: и вместо материи для перевязок, которую мы израсходовали ещё в самые первые дни, а также вместо белья раненых солдат, я воспользовался бумагой, найденной в архивах, здание которых было приспособлено под госпиталь.

Пергаменты послужили для обвёртывания шин, накладываемых на переломы⁵⁰; льняная пакля... заменила корпию, а из бумаги получалась и прекрасная постель для больного⁵¹.

Как и в Витебске, Ларрей старался в течение двадцати четырёх часов осуществить все необходимые ампутации⁵², чтобы дать раненым шанс выжить⁵³.

Новшеством войны 1812 года было то, что на долю мирных жителей тоже выпали тяжёлые испытания. Бомбардировка города из орудий и размах пожаров вызвали ужас и самую настоящую панику, которую хорошо описал младший лейтенант Мешетич:

Россияне, переправясь чрез р. Днепр⁵⁴, стали на возвышенном месте перед городом, с которого картина Смоленска была чрезвычайно трогательна, печальна и разительна; неприятель открыл сильную канонаду множества батарей по городу, пожар разлился по оному во всех почти улицах и по форштадту; жители, не находя уже убежища, гонимые ужасом и страхом идущих к ним французов, выходили толпами из города, целыми семействами, в отчаянии, в слезах горьких, с младенцами на руках, малолетние дети подле них рыдали громко, мужчины и женщины некоторые были уже ранены. Потом воспоследовал вынос чудовной Божией Матери Смоленской и за ней следом – разрушение моста чрез реку. Неприятель в больших густых колоннах начал вступать в город, барабанный бой, играющие музыки и беспрестанный крик «Виват император Наполеон!» оглушали воздух, и изредка пальба русских в город по врагам из пушек увеличивала ужас сей картины⁵⁵.

Масштаб разрушений тоже был неслыханным: из 2250 домов, имевшихся в городе до начала боёв, лишь 350 продолжали стоять, когда в Смоленск вошла Великая армия.

С точки зрения русских, эта катастрофа была вызвана зажигательными ядрами, выпущенными сотнями вражеских пушек; солдаты Великой армии считали, что русские, верные своей тактике выжженной земли, сами подожгли город, как и мост через Днепр, и более того, они, не колеблясь, подожгли при своём отступлении ригу, которая служила госпиталем для людей, вывезенных из Могилёва и Витебска, для раненых под Красным, которые заживо сгорели⁵⁶. Нет источников, позволяющих решительно выбрать одну из этих двух версий, но, исходя из расположения зданий, можно считать, что госпиталь зажёгся от артиллерийского обстрела, и это возгорание произошло столь быстро, что те, кто мог двигаться, не успели организовать эвакуацию раненых.

Но вне зависимости от того, кто ответствен за пожар, победители, видя скопление трупов, изуродованных снарядами, не могли особо

гордиться собой. Убитые и раненые усеяли улицы города, как о том свидетельствует Ларрей, которого сложно заподозрить в преувеличении:

Атака на Смоленск была одной из самых кровавых на моей памяти. Дверные проёмы, проломы, главные улицы были заполнены мёртвыми и умирающими, почти всегда русскими. Их потери были огромными: сложно было бы счесть всех мёртвых, кто был найден в городских канавах, в оврагах, на холмах, на берегу реки, рядом с мостом⁵⁷.

Немалое число мирных жителей, скрывшихся в своих домах, умерло от удушья. «В развалинах домов, – по словам Якоба Вальтера, – можно было видеть обрубки тел сгоревших там раненых»⁵⁸. А пожар вызвал дождь из пепла, на несколько дней покрывший город густым туманом. В бюллетене, написанном после битвы, Наполеон сравнил пожар с извержением Везувия, и многие авторы мемуаров тоже находили много общего между трагедиями, разыгравшимися в Смоленске и в Помпеях.

Выжившие, около 3 тысяч человек, слишком бедные или слишком больные, чтобы последовать за теми, кто поспешно ушёл, блуждали по улицам города; другие, напуганные, вместе со своими священниками скрылись в нескольких уцелевших в бомбардировках церквях, которые священники не пожелали уступить врагу. Но большинство жителей города (15 из 18 тысяч человек) покинули Смоленск, который теперь выглядел как город-мученик:

Когда я вошёл в город, солдаты блуждали между монастырями и церквями. Я направился в большую церковь справа, на холме, смотрящую на город. Я не встретил там неприятеля. Там были всего лишь несколько священников, попов, они молились. На них были длинные чёрные одеяния с капюшонами, с бахромой внизу, а на ногах – потёртые туфли.

Русские были изгнаны из двух предместий. Из этих предместий одна дорога, налево, уходила на Петербург, а другая, направо, на Москву. Их деревянные дома сгорели. В самом городе более половины домов сгорело, даже самые большие, самые массивные дома, особенно находившиеся в верхней части города. Они сгорели изнутри. Вокруг лежало много свернувшихся медных пластин с кровли. В одном здании, на западе города, я увидел, что весь нижний этаж заполнен бумагой. Сверху эта гора бумаги была угольно-чёрной. Я подумал, что сюда в ходе катастрофы были перевезены официальные документы⁵⁹.

Русские тоже описывали разрушения в городе. 26-летний офицер и поэт Фёдор Николаевич Глинка, будущий декабрист, спустя несколько лет вспоминал:

Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, – все, что может гореть, запылало⁶⁰.

Мирные жители, покинувшие город, скрылись в лесах, готовые дорого продать свои жизни и жизни своих семей. Эта решительность, которую подтверждают русские источники, заслуживает внимания. Она показывает, до какой степени размах насилия и разрушений способствовал сплочению народа против завоевателя:

Российские войска 7-го числа августа⁶¹ от развалин и пеплу г. Смоленска отступили и продолжали идти по дороге, ведущей к древней столице Москве, и неприятелю каждый шаг за ними был затруднителен и стоил крови. Кроме частых авангардных перестрелок он во всех местах на пути находил города и деревни оставленными жителями, кои с собою забирали съестные припасы и имущество; чего не могли забрать, то истребляли сами с сими словами: «Пушай не достаётся врагу нашему». Некоторые удалялись в города, позади лежащие, а другие скрывались в лесах со своими семействами, вооружённые пиками и ружьями и по мере нападения защищались⁶².

Эта цитата интересна с многих точек зрения. Во-первых, она показывает, что в Смоленске, разрушенном и уничтоженном огнём, Наполеон уже не выглядел освободителем. Манифесты Великой армии, призывавшие подниматься против существующего порядка, уже не имели успеха среди перенесших страдания жителей. Кроме того, видно, что стратегия выжженной земли, начатая Барклаем-де-Толли, разрушавшим на своём пути военные здания (склады пороха и провианта) и пути коммуникации (мосты, дороги...), получила поддержку мирных жителей ещё до гибели Москвы.

Наполеон задержался в Смоленске на шесть дней, а Ней и его авангард покинули город уже на рассвете 19 августа, двигаясь по правому берегу Днепра вслед за русской армией; Мюрат со своей кавалерией, «пройдя вдоль реки вверх по течению, к Московской дороге, перешёл реку вброд, как и Жюно»⁶³. В этот день, у горы Валутино, маршал Ней атаковал арьергард Багратиона, которым командовал генерал Тучков. После 3 часов боя Ней, казалось, одерживал верх, но войска Барклая отправились на помощь Тучкову, и сражение разгорелось с новой силой. Мюрат начал бой против казаков генерал-лейтенанта Карпова, в свою очередь присоединившихся к сражению; но его движения помешал фланговый удар генерала от кавалерии

Василия Петровича Орлова-Денисова. Подход сначала дивизии Гюдена⁶⁴, затем дивизии Разу⁶⁵ на какое-то время усилил позиции французов, но в целом исход боя оставался неясным. Гюден потерял половину личного состава и сам был тяжело ранен (через несколько дней он умрёт от ран). Мюрат обратился за помощью к генералу Жюно, чьи войска располагались недалеко от русских. Но Жюно был как будто парализован: он так и не отдал приказа нападать. В этот день старый товарищ императора по оружию, по-видимому, уже страдавший от психического расстройства, вызванного тяжёлым ранением в 1810 году (которое спустя год станет причиной его смерти), не смог выказать достаточно рассудительности и отваги, и исход боя так и остался неясным. Потери каждой из сторон были большими – по 6–7 тысяч человек; Гюден пал в бою, Тучков попал в плен. Но утром 20 августа Барклай снова отвёл своих солдат на восток. Французская победа при Валутино, не принеся с собой никаких выгод, была куплена весьма дорогой ценой.

Наполеон, по-прежнему находившийся в Смоленске, приказал части корпуса Виктора, прибывшей 20 августа в Тильзит согласно полученному 22 июля приказу императора, присоединиться к нему, а части корпуса, размещённого в Берлине корпуса Ожеро, двинуться в Вильну, чтобы переместить центр военных операций дальше на восток. Вести от других частей в целом радовали: Шварценберг и Ренье оттеснили армию Тормасова, базировавшуюся на Волыни и угрожавшую Великому герцогству Варшавскому; Гувьон Сен-Сир, сменивший раненого Удино на посту командующего 2-м корпусом, нанёс у Полоцка на Двине поражение генералу Витгенштейну, за которое получил маршальский жезл⁶⁶. Вместе с тем император французов по-прежнему не мог одержать решающей победы и по-прежнему колебался, какую из двух стратегий избрать⁶⁷: сделать паузу, чтобы помочь Великой армии и привести её в порядок, или продолжить наступление на Москву⁶⁸ в поисках победы. Наполеон не мог представить, чтобы русская армия покинула священную столицу, не дав боя. Кроме того, поскольку Москва, экономическая столица страны, представляла собой важнейший речной узел, а реки были единственными транспортными артериями России, Наполеону казалось очень важным удерживать Москву, чтобы контролировать царя: Петербург (к тому же хорошо укреплённый, а значит, более неприступный, чем Москва), лишённый сельскохозяйственных товаров, будет задыхаться, что вынудит Александра I к переговорам. С точки зрения историка Андрея Рачинского, выбор Москвы объяснялся и символическими причинами: в своём стремлении покорить мир, Наполеон хотел освятить своё дело и короноваться императором в Кремле. Это утверждение небезынтересно: оно показывает идеологическое, мессианское и символическое измерение наполеоновского проекта, же-

ление Наполеона провозгласить себя всемирным монархом, завладев «третьим Римом»⁶⁹ и лишний раз демонстрирует, что война 1812 года была войной идей не в меньшей степени, чем войной людей; однако источники, на которые ссылается Андрей Рачинский, разрозненны, говорят намёками и вызывают сомнения⁷⁰... Как бы то ни было, многие сподвижники императора пытались отговорить его от похода на Москву. Мюрат без обиняков заявлял: «Москва нас погубит!» Но в ночь с 24 на 25 августа Наполеон приказал своим войскам вновь начать движение в сторону священного города, оставив в Смоленске гарнизон и администрацию. Через три дня после взятия города Арно де Вильбланш, служащий Государственного совета, назначенный Наполеоном на пост интенданта Смоленска, создал новый муниципальный совет. Члены этого совета, «русские горожане», получившие назначение и обязанные повиноваться под угрозой репрессий, будут получать жалованье французскими деньгами.

Отставной титулярный советник Ярославцев был назначен мэром Смоленска и председателем муниципального совета. Рутковский был назначен заместителем мэра, а генеральным секретарём – Н. Г. Ефремов, школьный учитель, который свободно говорил по-французски⁷¹.

Задачей совета было позаботиться о безопасности жителей, которые смогут – или пожелают – вернуться в Смоленск. В первую очередь он должен был под страхом смерти обеспечить оккупационные войска помощью «комиссаров», то есть местных помещиков, назначенных Арно де Вильбланшем, чтобы управлять уездами Смоленской губернии. Именно они были обязаны выполнить указ Наполеона от 1 сентября, наложивший на жителей Смоленской губернии контрибуцию пшеницей, скотом и фуражом:

Каждый уезд должен был поставить 5631 четверть 6 пудов⁷² пшеницы, 700 быков, 565 четвертей 11 пудов овса и 3030 пудов 12 фунтов сена и соломы⁷³.

Эти тяжёлые поборы, жизненно важные для бойцов и их лошадей, удалённых от своих баз и складов, были тем более невыносимы, что налагались на области, и так уже разорённые войной. Народ ещё в большей степени сплотился против захватчиков.

6. БОРОДИНО, МОСКВА-РЕКА

Наполеон, наступавший на Москву, считал, что предстоящее сражение приведёт его к долгожданной победе. Кутузов, назначенный царём с целью дать это сражение, думал, что русская честь требует принять это лобовое столкновение, которого до сей поры русские избегали. Но обе армии, уже не сомневаясь в необходимости сражения, задавались вопросом: на каком расстоянии от города лучше его дать, в какую точку лучше завлечь врага? Эти важнейшие вопросы стали предметом дискуссий в обоих генеральных штабах, в то время как солдаты продолжали идти, всё больше страдая от жары.

Жажда и голод

В последние дни перед Бородинским сражением враждующие армии были одновременно и похожи, и не похожи друг на друга. Наполеоновским войскам, двинувшимся вперёд в страшную жару и направлявшимся из Смоленска в Гжатск (Гагарин), все труднее становилось идти. Начались перебои с провиантом. «Солдаты уже начинали питаться кониной, а я уже давно ел только кашу»¹, – вспоминал молодой А. де Шерон.

Нехватку воды тяжело переносили как люди, так и лошади:

Продолжительность и быстрота маршей стоила жизни многим из этих животных; они задыхались от жары и пыли, и когда они встречали воду, они бросались к ней так неистово, что многие тонули; другие пили столь несдержанно, что животы у них разбухали и они больше не могли идти².

В условиях изнурительной жары форсированные марши стали новым испытанием для уже ослабленных людей. Другим врагом была пыль; чтобы защититься от неё налитые кровью глаза, пехотинцы должны были проявить немалую изобретательность:

Жара достигла крайности. Яростные порывы ветра поднимали облака столь густой пыли, что порой мы уже не видели высоких деревьев по краям дороги... Эта горячая и неотступная пыль была самым настоящим мучением. Чтобы защититься от неё, многие солдаты соорудили защитные очки из кусочков стекла. Другие маршировали с кивером подмышкой, завернув голову в платок,

открыв ровно столько, чтобы можно было видеть, куда идёшь, и дышать. Другие делали гирлянды из листвы; с этого момента армия порой выглядела странновато, но при малейших признаках дождя все следы этого маскарада исчезали³.

Ночь с 25 на 26 августа Наполеон провёл в поместье в окрестностях Дорогобужа. У русских не было времени поджечь город до его появления, но в городе тем не менее случился опустошительный пожар: солдаты императорской гвардии «расположили свои костры слишком близко к деревянным домам»⁴. Из Дорогобужа император написал прибывшему в Ковно маршалу Виктору, приказав ему двигаться через Вильну в Смоленск, «поскольку этот последний город должен был стать главным звеном в длинной линии коммуникаций Великой армии»⁵.

Солдаты на марше подвергались всё большей опасности. На тех, кто удалялся от костров в поисках пропитания, часто нападали казацки подразделения, сея ужас своим страшным криком «ура!» и захватывая многих в плен. Ограбив пленников, их часто убивали. Это заметно снижало численность войск, что не могло не тревожить Наполеона:

Число захваченных врагом пленных равняется нескольким сотням каждый день... Надо строжайшим образом запретить солдатам отходить в сторону... необходимо, чтобы кавалерия полностью защищала фуражиров⁶.

Наконец, тяжело нагруженные повозки, пробивавшие себе путь через марширующих солдат, затрудняя их движение, увеличивали беспорядок, вызывая сильное раздражение императора:

Наполеон предусмотрел место для багажа; он издал указ, по которому все повозки, которые окажутся посреди войск, даже повозки со съестными припасами, должны быть сожжены; поскольку они могут помешать движению колонн войск и в случае нападения поставить их под угрозу. Когда на его пути оказалась повозка его адъютанта генерала Нарбона, он сам приказал поджечь её, в присутствии этого генерала, причём немедленно, не позволив её разгрузить; этот приказ, довольно строгий, показался особенно суровым, поскольку он сам начал его исполнение, впрочем, не закончив его. Багаж всех корпусов был собран позади армии; после Дорогобужа за армией тянулась длинная вереница вьючных лошадей, запряжённых при помощи верёвок в кибитки: эти повозки везли добычу, съестные припасы, военные материалы, людей, охранявших обоз, а также больных солдат и ржавевшее оружие тех и других⁷.

Но, как мы показали ранее⁸, император и сам принял участие в громомождении дороги: его роскошный «Дом» занимал целый обоз⁹.

В ближайшем окружении императора росли разногласия: Даву, желая сохранить своих пехотинцев, упрекал Мюрата, что тот слишком быстро наступает, без продуманной цели и теряет солдат, лошадей и оружие в бесплодных нападениях и столкновениях с казачьим арьергардом, не добиваясь каких-либо заметных успехов. Мюрат со своей стороны сетовал на то, что люди Даву не способны служить опорой для кавалерийских атак.

28 августа Великая армия прибыла в Вязьму. Город, насчитывавший примерно 15 тысяч солдат, служил важным перевалочным пунктом русской торговли, в нём были «огромные склады масла, сахара, кофе и мехов»¹⁰. Но солдаты застали город-призрак, покинутый всеми жителями¹¹; кроме того, им пришлось заняться тушением пожара, зажжённого русской армией при отступлении. Они спали от пламени большие запасы овощей, фруктов, муки, маринованной сельди и... водки! Для оголодавших солдат это было чудом.

В Вязме они задержались на три дня, дожидаясь отставшие подразделения и продолжавшие двигаться артиллерийские парки. 31 августа, направляясь на Гжатск, Мюрат захватил в плен двух казаков, в том числе повара атамана Платова; пленники были сразу же направлены к Наполеону и допрошены его переводчиком Франсуа Лелорнем д'Идевилем. Император узнал, что генеральное сражение близится, а Кутузов стал главнокомандующим русской армией. Он был рад этой новости: Наполеон и его окружение откровенно презирали «аустерлицкого беглеца»¹².

Русская армия находилась в лучших условиях. Вплоть до конца августа качество снабжения людей и обеспечения фуражом лошадей постоянно повышалось:

Русские начиная от Витебска и до самой Москвы находили повсюду в более значительных провинциальных городах склады с хлебом, крупой, сухарями и мясом; кроме того, из внутренних областей к ним навстречу прибывали огромные транспорты с продовольствием, сапогами, кожей и другим снабжением. Поэтому в их распоряжении было всегда множество подвод, бесчисленное множество лошадей, которых без труда можно было прокормить, так как трава и овес росли в поле, а русские обозы и в мирное время обычно довольствуют своих упряжных лошадей на пастбищах, встречающихся повсюду¹³.

Тем не менее из-за непрекращающейся жары начала ощущаться нехватка воды, а в самом начале сентября начались перебои с продуктами. За пять дней до Бородинского сражения Кутузов обратился

к генерал-губернатору Ростопчину, чтобы тот прислал из Москвы «продовольствия, дабы преследования наши не могли остановлены быть недостатками»¹⁴. Кроме того, медицинские службы оставались весьма несовершенными; положение раненых и больных после Смоленской трагедии непрерывно ухудшалось.

У войск Кутузова ещё оставались оружие и боеприпасы, но властям было трудно снарядить новых рекрутов – 116 тысяч человек, набранных по июльским указам в Москве и 6 центральных губерниях¹⁵ в ополчение и партизанские отряды. Герцог де Ришелье, генерал-губернатор Новороссии, писал Балашову 26 июля, что «ополченцев приходится вооружить, как кто может»¹⁶. Московское ополчение, по признанию самого Ростопчина, тоже страдало от нехватки ружей:

Я назначил сборные пункты, и в 24 дня ополчение это было собрано, разделено по дружинам и одето; но так как недостаточно было ружей, то их вооружили пиками, бесполезными и безвредными¹⁷.

Другими словами, новые рекруты, вступившие 3 сентября в русскую армию, в большинстве своём не имели ни оружия, ни мундиров. Они были одеты в свои блузы и крестьянские кушаки; на их фуражках были торопливо вышиты православные кресты. Как следствие, эти рекруты не могли непосредственно действовать на поле боя; но, вооружившись кирками и лопатами, они внесли немалый вклад в укрепление Бородинского поля; а в самый острый момент битвы они сыграли ключевую роль в выносе с поля боя раненых.

После отступления из Смоленска и в особенности после того, как главнокомандующим русскими армиями был назначен Кутузов, в штабе разгорелась дискуссия о том, какое место выбрать для сражения. Вначале полковник Толь предложил точку неподалёку от реки Ужи, перед Дорогобужем, но Багратион возразил, что в этом месте Наполеон может легко обойти русскую армию с фланга и оттеснить её к Днепру. Утром 29 августа Барклай-де-Толли прибыл в деревню Царёво-Займище. Конфигурация деревни, позволявшая легко установить артиллерийские батареи в защищаемом центре, показалась ему удобной для сражения: он приказал своим солдатам соорудить редуты и фортификации. Но Кутузов раскритиковал его выбор. Ночью с 30 на 31 августа русские войска прошли через городок Гжатск и расположились у деревни Ивашково. В последующие дни к ним присоединился отряд генерала Милорадовича из 14 600 свежих рекрутов. Слишком малоопытные, чтобы составить самостоятельные отряды, эти люди были немедленно распределены между ротами и батальонами главных армий. Общая численность русских сил выросла до 110 тысяч человек, не считая ополчения. 2 сентября русская армия снова отступила в направлении Колоцкого монастыря и на сле-

дующий день расположилась рядом с деревней Бородино, в 124 км от Москвы. Толь и Беннигсен убедили Кутузова выбрать эту позицию, которую полководец описал в письме к царю от 4 сентября следующим образом:

Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино... одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством¹⁸.

Ему не доставало времени, чтобы полноценно укрепить поле, имевшее как свои достоинства, так и недостатки. Достоинства были следующие: поле, занятое русскими войсками, простиралось на 8 км от деревни Маслово, к северу от новой Смоленской дороги, находившейся на правом фланге, до деревни Утица на левом; правый фланг опирался на Москва-реку, которую в этом месте нельзя было перейти вброд; в центре естественной защиты служил 20-метровый берег реки Колочи; на левом фланге находился густой, практически непроходимый Утицкий лес. Английский генерал Роберт Вильсон, член генерального штаба Александра I, находившийся при русской армии, дал интересное описание Бородинского поля:

Правый фланг опирался на лес, на расстоянии примерно 500 метров от Москва-реки. Повсеместно проходимый Колоцкий ручей, протекающий по глубокому оврагу, прикрывал фронт правого фланга и часть центра до самой деревни Бородино. Левый фланг начинался у холмов выше Бородина, за селом Семёновским, на более открытой, но пересечённой глубокими оврагами и зарослями кустарника местности, что затрудняло наступление сомкнутым строем. Справа от позиции, возле леса, были сооружены земляные укрепления¹⁹.

Расположившись на пересечении двух идущих в Москву путей, старой и новой Смоленских дорог, русская армия смогла закрыть доступ к священному городу. Но её левый фланг оставался уязвимым, потому что дорога в этом месте сворачивает под тупым углом. Говоря словами Клаузевица, «всякое расположение в таком пункте, где, как здесь, дорога сворачивает под резким углом, чрезвычайно невыгодно. Одно лишь продвижение вперед противника уже наполовину осуществляет обход, и путь отступления оказывается сразу под сильной угрозой, что в значительной мере парализует сопротивление»²⁰. Поэтому левый фланг было необходимо прикрыть как можно лучше, спешно создав здесь укрепления:

Наиболее слабым оказался левый фланг – защищённая бастионами и продолженная насыпью батарея, расположенная на высо-

тах и господствующая над простиравшейся перед ней равниной. Эта батарея соединяла центр и левый фланг²¹.

Это было укрепление, которое французы называли «большой редут», а русские – «батарея Раевского». Батарея в форме буквы V была ключом ко всей русской обороне. Слева от батареи на месте бывшего села Семёновское, уничтоженной перед сражением, расположились другие укрепления:

Село Семеновское, находившееся перед фронтом левого фланга, было сожжено, дабы не дать укрепиться в нем неприятелю. Здесь же предполагалось соорудить сильный редут, но укрепление сие оставалось лишь едва намеченным. Перед руинами села проходил глубокий овраг, за которым располагались флеши, или реданы, предназначенные для поддержки передовых егерей; ещё дальше вперёд, на холме между двумя перелесками примерно в тысяче восьмистах метрах от деревни Шевардино было еще одно укрепление, имевшее целью задержать врага, который направлялся бы к селу Семёновскому²².

Батарея Раевского находилась всего в 1700 м от трёх упомянутых Вильсоном флешей, а они – в нескольких сотнях метров от уничтоженного села. Багратионовы флеши (так их прозвали русские) представляли собой невысокие земляные укрепления, открытые сзади; перед ними на холме находился Шевардинский редут, защищённый укреплениями, расположенными поблизости от деревень Алексинки и Доронино. Три редута были «установлены пушками и окружены рвами. Всё пространство перед батареей защищалось перекрёстным огнём пушек; на расстоянии ста пятидесяти метров от неё находился ряд ловушек, сделанный из больших стволов деревьев, развёрнутых острыми концами к кавалерии, а горлышко, то есть подход сзади, был укреплен двойным палисадом»²³. Но оборонительные сооружения создавались без участия опытных инженеров: Карл Опперман, самый знающий инженер в царской армии, при Бородино не был и не мог руководить работами. Этот недостаток профессионализма стал важным фактором, ослабившим русскую армию²⁴. Кроме того, из-за нехватки материалов оборонительные работы на заре 7 сентября так и не были завершены, и левый фланг русской позиции по-прежнему был слабее правого.

Около полудня 4 сентября Великая армия покинула Гжатск. Шёл дождь. У императорской гвардии в качестве пропитания были кочанная капуста, сало и сухари²⁵, но в других полках дело обстояло хуже. Генерал Франсуа Дюмонсо сетовал: «У нас не было никакой еды ни для себя, ни для наших лошадей, никаких укрытий на привале и ни-

чего, чтобы согреться во время марша»²⁶. На подступах к Бородино положение не улучшилось:

Недостаток еды и фуража, в особенности отсутствие овса, довело людей и лошадей практически до истощения. Достигнув поля боя, мы были лишены какой-либо помощи. Даже вода была чрезвычайно редка: её приходилось искать перед самым носом врага²⁷.

Войска двигались к Гридневу, в 15 км от Бородино, на большой дороге из Смоленска в Москву. 5 сентября они находились в 3 км от позиций русских. В этот день Наполеон вызвал к себе Ларрея:

Было приказано подготовиться к большому сражению, и главнокомандующий повелел мне тоже быть к нему готовым.

Эта новость меня поразила. Все мои хирурги оставались в Смоленске, а все медицинские фургоны были позади. Чтобы найти замену недостающим мне врачам, я ходатайствовал о приказе, который предоставил бы в моё распоряжение всех полковых хирургов, кроме главного хирурга, его помощника и заместителя помощника (в случае пехотных корпусов); кроме главного хирурга и заместителя помощника (в случае кавалерийских корпусов). Эта мера предоставила в моё распоряжение 45 хирургов, помощников хирургов или заместителей помощников, которых я прикрепил к штабу²⁸.

Со своей стороны Кутузов, поскольку оборонительные сооружения оставались недостроенными, приказал своим войскам любой ценой удержать неприятеля у Шевардино. А для Наполеона Шевардинский редут был тем самым ключом к русским укреплениям, которым нужно было завладеть, чтобы облегчить доступ к Бородинскому полю. Поэтому именно там и состоялась прелюдия битвы.

Состояние войск

Какими силами располагали вражеские армии накануне самой кровавой и самой безжалостной битвы войны 1812 года?

В Смоленске Наполеон ещё мог располагать примерно 160 тысячами солдат. Но последующие дни дорого ему обошлись: кроме подразделений, оставленных на дороге для контроля над деревнями и почтовыми станциями, его армия уменьшилась на тех бойцов, кто пал в битве при Валутино, дезертиров, мародёров и отставших солдат, убитых казачьими отрядами. В целом утром 5 сентября, перед Шевардинским боем, Наполеон располагал немногим более 140 тысячами человек. Слева направо расположились корпуса Евгения, Нея и Даву. На юге их поддерживала пехота Понятовского и кавале-

рия Нансути, Монбрена и Латур-Мобура. В резерве стояла императорская гвардия, а также люди Жюно, Груши и Мюрата. Но в Бородинском сражении были задействованы лишь 124 тысячи человек (214 пехотных батальонов, 317 кавалерийских эскадронов и 587 орудий): Наполеон, к чему мы ещё вернёмся, не захотел вводить в бой свою гвардию, в которой на тот момент было 18 тысяч человек и 109 орудий, разделённых на 30 пехотных батальонов и 27 кавалерийских эскадронов.

В распоряжении Кутузова находилась 1-я армия, во главе которой по-прежнему стоял Барклай, составлявшая правое крыло и центр расположения русских войск, а также 2-я армия Багратиона, составлявшая левое крыло. Пехота 5 корпусов в полном составе (70 тысяч человек), а также половина пехоты из корпусов Багговута и Тучкова, в общей сложности 110 тысяч человек, были расположены по дуге: справа находился 2-й пехотный корпус Багговута, слева от него, немного впереди, 4-й корпус графа Остермана-Толстого, в сопровождении кавалерии генерала барона Корфа; в резерве позади справа находился 1-й корпус кавалерии генерала Уварова и казаки Платова; в центре был 6-й корпус генерала Дохтурова. Левое крыло, между большим редутом и деревней Семёновское, было представлено 7-м корпусом Раевского и кавалерией Сиверса; гренадёры князя Мекленбургского, отделённые от 8-го корпуса, стояли за селом Семёновское. 27-я дивизия генерал-майора Неверовского защищала Шевардинский редут. Русские войска насчитывали 180 пехотных батальонов, 16 кавалерийских эскадронов, 20 казачьих полков, общей численностью 150 тысяч человек: из них 114 тысяч регулярных солдат, 8 тысяч казаков и 28 тысяч ополченцев (они были заняты вспомогательными работами, в самом сражении участия не принимали), а также 624 артиллерийских орудия²⁹. Гвардия³⁰ находилась в резерве. Ширина фронта составляла 8 км, но он далеко уходил направо и был плотным: пехотные дивизии размещались тремя линиями, что означало в среднем девять, а то и шестнадцать человек на метр. Поле боя не позволяло выстроить глубокую оборону, но оно в сочетании с плотностью русских войск определило, каким будет бой. Как верно замечает Ливен в своём труде «Россия против Наполеона», «плотность развертывания русских войск была призвана заставить Наполеона вести сражение на истощение»³¹, не позволяя ему совершать изысканные манёвры. Но этот выбор, а также численность солдат, размещённых на небольшой территории (между батареей Раевского и Багратионовыми флешами находилось 90 тысяч русских) неизбежно означал очень высокие потери³².

Наполеон, прибыв 5 сентября к 5 часам вечера в Соловино, приказал кавалерии Мюрата и пехотной дивизии генерала Компана³³

выдвинуться против русского арьергарда – кавалерии графа Коновницына³⁴, защищавшей Шевардинский редут. Бой был коротким, но кровавым: французы потеряли убитыми и ранеными 4–5 тысяч человек, русские 6–7 тысяч. Он закончился взятием Шевардинского редута французами и отступлением войск Неверовского к Семёновским флешам.

Весь день 6 сентября обе армии выжидали и совершали последние приготовления к битве. Наполеон наблюдал за полем боя, исследовал местность верхом на коне, оттачивал свою наступательную стратегию. Его общий план состоял в том, чтобы «не полностью обойти левый фланг неприятеля, что означало бы слишком масштабный манёвр, но захватить опорный пункт этого левого фланга (Семёновские флешы), а затем атаковать большой редут, опорный пункт центра русской армии»³⁵. Ларрей отдавал указания предоставленным в его распоряжение хирургам³⁶ и сумел за эти 24 часа завладеть «несколькими медицинскими фургонами»³⁷. В этот же день на фронт прибыл барон де Боссе, префект императорского дворца, вручивший Наполеону картину Жерара, на которой был изображён маленький римский король. Картина сразу же была размещена на стуле перед императорским шатром, «чтобы все офицеры и даже солдаты его гвардии могли увидеть её и почерпнуть из этого созерцания новую храбрость»³⁸.

В 2 часа утра 7 сентября император продиктовал знаменитую прокламацию, которая будет зачитана войскам через четыре часа, перед самым началом боя:

Солдаты! Вы храбро выносили лишения и труды, вы с отвагой и хладнокровием сражались. Вы достойные защитники чести моей короны и славы великого народа. Пока вы воодушевлены этим духом, ничто не сможет сопротивляться вам.

Солдаты, вот битва, которой вы так желали! Впредь победа зависит от вас! Она нам необходима, она нам даст изобилие, хорошие зимние квартиры, быстрое возвращение на родину. Поведите себя так, как под Аустерлицем, под Фридландом, под Витебском, под Смоленском, и пусть самое отдаленное потомство с гордостью вспоминает о ваших делах в этот день. Пусть о вас скажут: он был в той великой битве под стенами Москвы!³⁹

6 сентября, расположившись в своей ставке в Татариново, Кутзов тоже вдохновлял свои войска. У него не было портретов царя или царского семейства, но был священный образ, Смоленская икона Божией матери. В ходе крестного хода с иконой священники и архимандриты благословили будущих бойцов. Кутзов тоже издал прокламацию, которая, начинаясь со слов «Братья и товарищи по оружию!», заканчивалась так:

Солдаты,

Выполняйте свой долг. Подумайте о своих городах, преданных огню, подумайте о своих жёнах и детях, умоляющих о защите. Подумайте о своём императоре, о своих господах, которые считают вас своим главным оплотом, и завтра, прежде чем солнце сядет, запишите свою веру и верность государю и родине на поле своей родины кровью захватчика и его легионов⁴⁰.

В русском лагере вера и патриотический пыл более чем когда-либо слились воедино, о чём сообщает Фёдор Николаевич Глинка:

Никогда русские не молились с таким пылом, как сейчас... В эти часы русские души и сердца тайно разговаривали с Богом⁴¹.

Кроме того, зная, что дисциплина Великой армии пострадала от лишений, Кутузов приказал напечатать и распространить призывы к дезертирству на французском языке:

Французские солдаты, вас заставили пойти против нас; вам сказали, что причиной тому было недостаточное уважение русских к вашей доблести! Нет, товарищи; они уважают вас, и вы это увидите в день сражения! Подумайте, что при необходимости на смену одной армии придёт другая, а вы находитесь в 400 лье от ваших подкреплений. Пусть вас более не обманывают первые наши движения: вы слишком хорошо знаете русских, чтобы думать, что они бежали перед вами; они примут бой и ваше отступление будет трудным. Но сегодня они вам говорят как товарищи, как братья по оружию: возвращайтесь все домой; не верьте коварным словам, что вы сражаетесь за мир, нет, ещё раз нет! Вы сражаетесь за ненасытные амбиции своего господина, который не желает мира (если бы он желал его, он давно уже жил бы в мире) и для которого кровь храбрых – лишь игра. Возвращайтесь к себе, у вас ещё есть время; или, если желаете, найдите убежище в России. Здесь вы забудете такие слова, как рекрутчина, набор в армию, призыв и всю эту военную тиранию, что не оставляет вас ни на миг⁴².

Как мы видим, русские использовали все средства.

Бородино, 7 сентября

Бородинская битва, известная также как Москворецкая, оставшаяся в анналах европейского военного дела как «самая кровавая с момента изобретения пороха»⁴³, совершенно не походила на то, чего от неё ждали. Это долгожданное столкновение не позволило Наполеону проявить свой военный гений: его войска, возможно, слишком

многочисленные, чтобы их было легко перемещать, широкое и неглубокое поле боя, затруднившее масштабные манёвры⁴⁴, желание русских вести «сражение на истощение», очень плотное размещение русских солдат, которые ценой бесчисленных потерь создали практически непроницаемый для артиллерии занавес, наконец, отказ императора бросить в бой гвардию – всё способствовало тому, что эта битва, «в которой манёвр удивительным образом совершенно отсутствовал»⁴⁵, превратилась в столкновение «без очевидной генеральной линии, череду не спланированных героических схваток»⁴⁶. Русским выбор позиционного сражения тоже не позволил использовать какую-либо хитрую стратегию: как для Кутузова (отсутствовавшего на поле боя), так и для Барклая и Багратиона, руководивших операциями, существовало две главных задачи: выдерживать атаки Великой армии и защищать свои позиции.

Как следствие, Бородинское сражение, отличившееся огромным числом задействованных солдат и неслыханной жесточённостью, вошло в историю не своими стратегическими уловками или совершенством военных манёвров, но лишь храбростью бойцов, сражавшихся с героическим ожесточением как против врага, так и против собственного страха. Оно стало чем-то вроде страшного предзнаменования позиционных боёв Первой мировой войны. В своём докладе, составленном после битвы, генерал де Ларибуазьер, генеральный инспектор французской артиллерии, установил, что артиллерия Великой армии совершила 60 тысяч пушечных выстрелов, а пехота – 140 тысяч ружейных. С русской стороны «цифры несколько уступают: считается, что было произведено 50 тысяч пушечных и 120 тысяч ружейных выстрелов; таким образом, средняя плотность огня в сражении, длившемся десять часов, составила три пушечных выстрела в секунду и более 430 ружейных выстрелов в минуту»⁴⁷. Эти цифры говорят сами за себя.

Сила и интенсивность канонад были столь велики, что офицер штаба Багратиона, генерал Сергей Иванович Маевский, заметил:

Пролетая пространство более 2-х вёрст⁴⁸, я оглушен был на лету бомбой до того, что более двух часов не мог просверлить ушей и сомкнуть мой рот: так удар был силен!⁴⁹

К оглушительному шуму пушек и ружей, барабанов, ржанию испуганных лошадей, глухим звукам от столкновения кавалеристов, добавились картины из Апокалипсиса: гора... изрыгала смерть во все стороны и напоминала вулкан⁵⁰, вскоре скрытый густым дымом канонады.

Этот день был более кровавым, нежели Ваграм или Аустерлиц. Никогда сражение не велось с такой яростью. На громовые залпы

600–800 пушек русские отвечали с такой же мощью. Казалось, что солнце скрылось не за тучами, а за дымом огнестрельного оружия. Огонь оружий и пушек, паливших во всех направлениях, освещал бойцов почти так же, как дневной свет⁵¹.

Свидетельства с русской стороны отличаются не сильно. 27-летний лейтенант Андреев, сражавшийся в пехотной дивизии генерала Неверовского и защищавший самую левую флешь Шевардинского редута, свидетельствует:

Лишь только была заря, то зрелище открылось необыкновенное: стук орудий до того, что не слышно было до полудня ружейного выстрела, всё сплошной огонь пушек. Говорят, что небо горело; но вряд ли кто видел небо за беспрестанным дымом⁵².

В то время как Барклай и Багратион сражались вместе со своими солдатами, посреди этих «яростных фронтальных атак»⁵³, закончившихся ужасающим ближним штыковым боем, Наполеон (оставшийся в Шеварино из-за насморка) сам не принял участия в битве: подобно Кутузову, он следил за продвижением своих войск и ситуаций на поле боя по докладам офицеров штаба и их гонцов.

Между 5.30 и 6 часами утра 7 сентября прокламация Наполеона была зачитана войскам. Спустя полчаса прозвучал пушечный залп с находившейся справа батареи Сорбье, а затем прозвучала канонада 130 артиллерийских орудий на правом конце поля. Бой начался. Великая армия атаковала «с невероятной быстротой»⁵⁴, при этом ударила не по левому флангу русских, как ожидал Кутузов, а по правому⁵⁵. Под прикрытием утреннего тумана (всего за несколько дней температура упала, и ночи стали весьма прохладными) вице-король Евгений бросил 106-й полк дивизии генерала Дельзона на село Бородино, которое защищал русский гвардейский стрелковый полк. Развернулся короткий и кровавый бой, по словам Левенштерна, командовавшего русской артиллерией:

Стычка продолжалась не более 15 минут, но эти четверть часа были самыми памятными в моей жизни. Лейб-гвардейский егерский полк потерял в этот промежуток времени половину людей, в том числе было убито и выбыло из строя тридцать офицеров⁵⁶.

Казачья контратака была отбита явившейся на подмогу кавалерией Груши, и в 7 часов утра Бородино было захвачено Великой армией. Евгений расположился на холме, где стояли дома и разместил там 38 артиллерийских орудий, которые должны были открыть огонь по самому центру русской армии. Но в бою французский полк потерял три четверти личного состава, а бригадный генерал Плезонн был

убит. Взятие Бородина стоило многих человеческих жизней, но было при этом лишь отвлекающим манёвром⁵⁷.

В то же самое время, между 5.30 и 6 часами утра, началось главное нападение на три Семёновские флеши, которые защищала 2-я русская армия. Основное наступление возглавил Даву, а слева его поддерживал Ней. Бой начался с огня 102 французских орудий, прикрывавших наступление дивизий Компана и Дессэ. Эти дивизии, собиравшиеся атаковать флеши, расположенные на юге русского построения, в свою очередь подверглись нападению войск генерала Михаила Семёновича Воронцова, поддержанного дивизией Неверовского. Компан и Дессэ были ранены, но их дивизии продолжали наступление, при поддержке 61-й бригады Раппа⁵⁸, а затем и 57-й дивизии, во главе которой стоял Даву, и смогли завладеть левой флешью. Лошадь Даву была убита ядром, сам маршал упал на землю и потерял сознание. К 7 часам положение стало трудным, корпуса Нея, а затем и Жюно явились поддержать Даву, который тем временем снова встал во главе своих войск. В 7.30 ему удалось захватить три флеши. Этот первый успех Великой армии оказался непродолжительным: через час их снова захватил Багратион. Но в 10 часов, после третьей атаки, ими завладел Ней, разгромив дивизию Неверовского:

Наша дивизия была уничтожена. Меня опять послали за порохом, и я, проезжая верхом, не мог не только по дороге, но и полем проехать от раненых и изувеченных людей и лошадей, бежавших в ужаснейшем виде. Ужасы сии я описывать не в силах; да и теперь вспомнить не могу ужаснейшего зрелища⁵⁹.

Отбившись от многократных нападений русских, ставивших его под удар, Ней сумел укрепить свои позиции к 11.30 – 12 часам лишь с восьмой попытки⁶⁰, ознаменовавшейся для русских дополнительной трагедией: Багратион, раненный в бедро осколком снаряда, попытался скрыть от солдат своё ранение, но потерял сознание. Весть о тяжёлом ранении Багратиона (он умрёт от гангрены 24 сентября в Симе, на Владимирской дороге) быстро облетела солдат, вызвав среди них глубокое замешательство:

В мгновение пронёсся слух о его смерти⁶¹, и войск невозможно удержать от замешательства... одно общее чувство – отчаяние! Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок⁶².

Узнав о ранении Багратиона, Кутузов назначил командующим 2-й армией Александра Вюртембергского, но реальное руководство передал Ермолову, которому помогал Александр Иванович Кутайсов,

генерал-майор и начальник артиллерии; Барклай поспешил перевести с правого фланга 4-й корпус графа Остермана-Толстого, чтобы усилить находившийся в тяжёлом положении левый фланг русской армии. В то же самое время вице-король Евгений, покинувший Бородино, наступал на батарею Раевского. Русские контратаки были сильными. К 14 часам Наполеон приказал дивизиям Брусье, Морана и Жерара, опиравшимся на лёгкую кавалерию Шастеля справа и 2-й кавалерийский корпус слева, начать новую атаку на батарею Раевского. Обе стороны сражались всё более ожесточённо, и новое столкновение тоже превратилось в позиционную войну, хорошо описанную генералом Гриуа:

Пули, ядра, снаряды и картечь лились на нас отовсюду и проделывали большие бреши в нашей кавалерии, которая на протяжении долгих часов оставалась неподвижной под ударом... Равнина была покрыта ранеными, которые ползли к лазаретам, и беспорядочно скачущими лошадьми без всадников. Рядом с собой я заметил полк вюртембергских кирасиров, который, казалось, был излюбленной мишенью для ядер; во всех его рядах шлемы и кирасы разлетались вдребезги⁶³.

Дивизии Морана и Брусье, поддержанные артиллерией Евгения Богарне, сумели завладеть батареей Раевского. Тогда Кутузов приказал Ермолову осуществить контратаку, в ходе которой погиб Кутайсов. В последующие часы батарея Раевского многократно переходила из рук в руки; артиллерия Евгения непрерывно обстреливала русские войска. Воцарилось величайшее смятение:

Кто не видел этот беспорядок собственными глазами, ни в коей мере не может представить себе его размах. О командовании больше не приходилось и говорить. Каждый полк, как только удавалось его наполовину собрать при помощи звуков горна, немедленно вновь отправлялся в атаку... Посреди этой кучи были остатки наших пехотных дивизий, которые офицеры пытались восстановить; Паскевич в отчаянии рвал на себе волосы и ругался; а Барклай, под которым только что убили лошадь, будучи пешим, пытался спокойно навести порядок⁶⁴.

Французы начали очередное наступление. Монбрен, возглавлявший атаку, был сразу же ранен осколком снаряда в поясницу⁶⁵. Его сменил генерал Огюст де Коленкур, брат дипломата, драгунский офицер. Опытный военный – он был дважды ранен и отличился в битве при Маренго и в Испании – Коленкур не обладал харизмой Монбрена, но сумел воодушевить своих кирасиров и около 15 часов начать нападение. Он тоже пал, сражённый осколком ядра, но сумел

захватить батарею Раевского, которая, по словам младшего лейтенанта Дюка, представляла собой страшное зрелище:

Вся окружающая батарею земля, вся пройденная ими территория была буквально покрыта трупам людей и лошадей... Больше всего погибло пехотинцев, оказавшихся под убитыми всадниками и лошадьми; атакующая кавалерия проскакала прямо по ним. Никогда эти двое не видели ничего столь чудовищного. Эта мешанина из людей, оружия, лошадей, кирас, железных и медных шлемов нашей кавалерии составляла картину, которую трудно описать... Мы не в силах описать эту кошмарную бойню. Эта резня казалась ещё более ужасающей из-за стонов умирающих, лежавших среди трупов⁶⁶.

Тем не менее, хотя русские были в затруднительном положении на обоих флангах, а их артиллерия из-за нехватки снарядов слабела, они продолжали сопротивляться. Сражение уже стоило множества человеческих жизней, а решающей победы всё ещё не было. Мюрат, Даву и Ней призвали Наполеона пустить в дело гвардию, чтобы покончить с врагом. Но Бертье, Дюрок и Бессьер пытались отговорить его от этого: они считали, что нужно сохранить гвардию, находясь в 2500 км от Парижа. Император принял их точку зрения, тем самым, быть может⁶⁷, упустив единственный шанс одержать решающую победу.

Отказавшись пустить в ход свою гвардию, Наполеон приказал снова обстрелять русские оборонительные позиции из четырёхсот орудий, чтобы разрушить последние уцелевшие русские батальоны. Но в 18 часов, с наступлением темноты, канонада стихла. Сражение на какое-то время прекратилось. Наполеон, рассчитывавший на следующий день продолжить битву, расположился лагерем в Шевардино. Кутузов решил отойти за Можайск, на 16 км от поля боя, по Московской дороге: это было отступлением, битва закончилась.

Бородинское сражение стало страшным испытанием для обеих сторон. Ожесточение боёв, близость смерти, перенесённые страдания, печаль при виде товарищей, разорванных на куски картечью, зажигательные ядра и сталь штыков, картины из Апокалипсиса, разворачивавшиеся перед глазами бойцов, – всё это вызвало глубокое потрясение даже у самых опытных солдат. Лишь через полгода после сражения Юрий Бартенев смог в письме к родителям сбивчиво описать чудовищные сцены, свидетелем которых он стал:

Кучи тел, вопли умирающих сопутствуют тебе повсюду: много увидишь без головы, другого без рук и без ног; я видел там и такого, который, быв легко ранен, не мог говорить, потому что рот его был наполнен мозгом убитого возле него солдата. Все почти шеве-

лят губами, и как бы вы думали, об чём они просят, чего им хочется? Они просят добить их до смерти, дабы не чувствовать такого жесточайшего мучения, какое они ощущают⁶⁸.

Ещё больше было тех, кого неотступно преследовали эти страшные воспоминания и кто предпочёл замолчать, чтобы попытаться забыть, поскольку их было невозможно передать словами.

По ходу сражения и сразу по его окончании медицинским службам пришлось тяжело. Как мы сказали, Ларрей мог полагаться только на 45 хирургов и несколько медицинских фургонов! Но никто из них не щадил своих сил; чтобы избежать гангрены, раненых было необходимо оперировать как можно быстрее, и медицинские службы продолжали работать до поздней ночи:

Эта кровавая баталия длилась с шести часов утра до девяти часов вечера... Сложно было бы изобразить все ужасы, которые принёс этот чудовищный день...⁶⁹ Две трети раненых прошли через нас... Я, не сходя с места, до глубокой ночи осуществлял сложные операции. Наша работа отягощалась тем, что было очень холодно и небо часто затягивалось тучами. Северные, северо-восточные и северо-западные ветры, которые не прекращались уже месяц, были очень сильны из-за приближения равноденствия. Ночью было очень трудно держать у меня перед глазами зажжённый восковой факел; впрочем, он мне был по-настоящему нужен только для того, чтобы накладывать лигатуры на артерии⁷⁰.

Ларрей в очередной раз показал свою исключительную стойкость в выполнении долга:

Многие раны, полученные от снарядов, потребовали ампутации одной или двух частей тела. За первые 24 часа я осуществил примерно двести ампутаций⁷¹.

Двести ампутаций за 24 часа, то есть по 7 минут на раненого... На следующий день французские хирурги и помощники хирургов продолжили оперировать раненых в маленьком монастыре Колоцком, превратившемся в походный госпиталь, отчаянно сражаясь с временем. Яков Виллие, располагавший ещё более ограниченными ресурсами, не мог справиться с наплывом раненых и их опасными ранами. Поскольку не всех раненых удалось вывезти с поля вовремя, многие погибли, сгорев заживо или задохнувшись:

Страшное впечатление представляло по окончании боя поле Бородинского сражения при полном почти отсутствии санитарной службы и деятельности. Все селения и жилые помещения вблизи Московской дороги были битком набиты ранеными обеих сторон в самом беспомощном положении. Селения погибали от

непрестанных, хронических пожаров, свирепствовавших в районе расположения и движений французской армии. Те из раненых, которым удалось спастись от огня, ползали тысячами у большой дороги, ища средств продолжать свое жалкое существование⁷².

Итоги битвы были ужасающими, прежде всего по количеству потерь: русские потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 45 тысяч человек⁷³, более трети своей армии; со стороны Наполеона потери составили 28 тысяч⁷⁴, немногим более одной пятой. Но страшны были и качественные потери: обе армии лишились своих высших офицеров. 10 генералов Великой армии (в том числе Монбрен и Колленкур) были убиты, а 39 серьёзно ранены. 6 русских генералов (в том числе Багратион, Сен-При, Кутайсов и два Тучкова) нашли смерть, 23 были серьёзно ранены⁷⁵; кроме того, была практически уничтожена 2-я армия, на которую пришлась бóльшая часть потерь.

Наполеон, бесспорно, сумел обеспечить стратегический и тактический перевес на поле боя – его потери были заметно ниже русских, и он захватил позиции, которые защищали армии Александра I. Но сопротивление русских было столь ожесточённым, что он не смог победить окончательно; его победа оказалась относительной и не оправдала возлагавшихся на неё надежд. Она заставила его вновь пуститься в погоню за этими русскими, «которые позволяют себя убивать так, как будто они – машины»⁷⁶, теперь нацелившись на Москву, где он надеялся достичь того успеха, который позволит ему заключить мир:

Мир ждет нас в Москве. Когда русские вельможи увидят, что мы – хозяева их столицы, то они хорошенько задумаются. Если бы я дал свободу крестьянам, то это был бы конец всем крупным состояниям этих вельмож. Сражение откроет глаза моему брату Александру, а взятие Москвы – его сенату⁷⁷.

К несчастью для Великой армии, Наполеон очень и очень заблуждался.

Кутузов тем временем вёл себя двусмысленно: Ростопчин впоследствии обвинит его в лицемерии. Сначала он, видимо, планировал дать французам новый бой на следующий день и строил такие планы до полуночи. Но его отговорил Барклай, честно сообщив ему, сколь велики понесённые потери, в особенности среди офицеров; он предложил, чтобы армия приблизилась к Москве, где она сможет рассчитывать на свежие силы и недавно собранное ополчение. Кутузов уступил его доводам и в середине ночи приказал отступать, а его арьергарду, под командованием атамана Платова, было поручено держать французов на расстоянии. Впервые с начала похода русское от-

ступление было беспорядочным: повозок не хватало, и тысячи раненых, не поддававшихся транспортировке, были оставлены на верную смерть⁷⁸.

Кутузов не стал сообщать царю, как на самом деле обстоят дела. Он написал ему утром 8 сентября, сообщив, что сражение было генеральным, что оно продлилось до ночи, и добавил:

Потеря с обеих сторон велика: урон неприятельский, судя по упорным его атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить. Войска Вашего Императорского Величества сражались с неимоверною храбростию. Батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами⁷⁹.

Кутузов уверял, что специально решил отступить на несколько вёрст, чтобы выбрать наиболее удобную позицию для нового сражения. Ни слова о случившейся катастрофе. Лишь прославление своего командования армией, как и в двух письмах, которые он написал московскому генерал-губернатору, заявив, что готов дать бой «для спасения Москвы»⁸⁰. Возможно, в этот момент он и был искренен, требуя дополнительных рекрутов, но некоторые сильно сомневались в этом. Его ординарец, генерал Голицын, впоследствии будет утверждать:

Кутузов никогда не полагал дать сражение на другой день, но говорил это из одной политики. Ночью я объезжал с Толем⁸¹ позицию, на которой усталые воины наши спали мертвым сном⁸².

Другие косвенным образом упрекали его во лжи. К примеру, генерал Беннигсен:

Поверит ли нам народ, что мы выиграли сражение 26 августа (7 сентября) под Бородино, как об этом было возведено, не будет ли оно иметь дальнейших последствий, кроме сдачи Москвы, и не будем ли мы сами сознаться, что проиграли его?⁸³

Как бы то ни было, царь горячо поздравил Кутузова с его «воинским подвигом»:

Князь Михайло Ларионович!

Знаменитый ваш подвиг в отражении главных сил неприятельских, дерзнувших приблизиться к древней нашей столице, обратил на сии новые заслуги ваши моё и всего отечества внимание.

Совершите начатое столь благоуспешно вами дело, пользуясь приобретенным преимуществом и не давая неприятелю оправляться. Рука господня да будет над вами и над храбрым нашим воинством, от которого Россия ожидает славы своей, а вся Европа своего спокойствия⁸⁴.

Стоит обратить внимание на упоминание о Европе: оно показывает, что для царя (и это весьма интересно) борьба с Наполеоном имела европейское значение и не ограничивалась рамками франко-русских отношений. Успокоенный «победой» Кутузова, Александр I пожаловал ему фельдмаршальский жезл и кругленькую сумму – 100 тысяч рублей⁸⁵; кроме того, он подарил 5 рублей ассигнациями каждому солдату, сражавшемуся при Бородино⁸⁶. В последующие дни, 12 и 13 сентября, в двух бюллетенях генерального штаба Кутузова даже заявлялось, что «благодаря Всевышнему, французская армия была изрезана на куски при Бородино, а императорская гвардия была уничтожена». В это же время в новом письме Александру I Кутузов объясняет и оправдывает выбор в пользу отступления, не сообщая в полной мере о понесённых потерях и реальном исходе сражения:

Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать. Но чрезвычайная потеря, и с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Наре и должен отступить еще потому, что ни одно из тех войск, которые ко мне для подкрепления следуют, ко мне еще не сблизились, а именно: три полка, в Москве сформированные под орденом генерала-лейтенанта Клейнмихеля, и полки формирования князя Лобанова, которые приближаются к Москве.

Пленные сказывают, однако же, что неприятельская потеря чрезвычайно велика. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые, между прочими Давуст ранен. Арьергардные дела происходят ежедневно. Теперь узнал я, что корпус вице-короля италийского находится около Рузы, и для того отряд генерала-адъютанта Винценгероде пошел к Звенигороду, дабы закрыть по той дороге Москву⁸⁷.

Несмотря на лживо-оптимистичные речи Кутузова, поток раненых при Бородино, прибывающих в Москву, развязал языки и поставил в тупик общественное мнение, уже не знавшее, что и думать:

Не понимаю, как это несчастное сражение могло хотя на минуту обрадовать вас. Хотя, по словам лиц, в нем участвовавших (некоторых я встречала), это не потерянное сражение, однако же на другой день всем ясны были его последствия. В Москве напечатали известия, дошедшие до нас, в которых говорилось, что после ужасного кровопролития с обеих сторон ослабевший неприятель отступил на восемь верст, но что для окончательного решения битвы в пользу русских на следующий день, 27-го⁸⁸, сделают нападе-

ние на французов, дабы принудить их к окончательному отступлению, каково и было официальное письмо Кутузова к Ростопчину, которое и поместили в печатном известии. Вместо всего этого 27-го⁸⁹ наши войска стали отступать, и доселе не известна причина этого неожиданного отступления. Тут кроется тайна. Быть может, мы ее когда-нибудь узнаем, а может, и никогда; но что верно и в чем мы не можем сомневаться, это в существовании важной причины, по которой Кутузов изменил план касательно 27-го числа (8 сентября), торжественно им объявленный вечером 26-го числа⁹⁰.

Утром 13 сентября граф Ростопчин, сильно встревоженный наплывом раненых, потребовал встречи с Кутузовым. Они долго говорили. Ростопчин сказал, что, даже если Наполеон завладеет Москвой, он не получит никаких преимуществ, потому что большая часть государственного и частного имущества уже вывезена из города, и в нём осталось всего лишь около 40 тысяч людей. Кутузов давал уклончивые ответы и ничего не говорил о своих намерениях, чем вызвал у собеседника беспокойство. В своём письме к царю, написанном вскоре после этого разговора, Ростопчин дал понять, что сомневается в способности русской армии защитить священный город:

Государь! До 26-го [8 сентября] я все делал, что было в моей возможности, для успокоения жителей московских и для поддержки общественного мнения. Но быстрое отступление наших войск, приближение неприятеля и множество привозимых и наполнявших улицы раненых породили ужас. Я сам видел, что участь Москвы зависела от одного сражения, и решился дать немногим остававшимся выехать. Отвечаю Вам головою, что Бонапарт войдет в Москву столь же пустынную, как и Смоленск. Все вывезено, Комиссариат, Арсенал, и теперь я занимаюсь ранеными; они уезжают по 1500 ежедневно⁹¹.

Сомнения Ростопчина разделяла и часть штаба русской армии. Если Беннигсен, глава штаба Кутузова, хотел ещё верить в возможность удержать Москву и заявлял об этом во всеуслышание, Барклай считал, что необходимо сохранить армию, чтобы позволить выжить всей империи, и эта необходимость требует принести город в жертву.

Ближе к вечеру 13 сентября в маленькой деревне Фили, в избе крестьянина Фролова Кутузов собрал главных представителей своего штаба. Присутствовали четыре генерала – Барклай-де-Толли, Беннигсен, Дохтуров и Платов, четыре генерал-лейтенанта – Раевский, Коновницын, Остерман-Толстой и Уваров, начальник штаба 1-й армии генерал-майор Ермолов и полковник Толь. Милорадович не явился: он сменил Платова во главе арьергарда, имел поручение от

Кутузова замедлять наступление Великой армии и не мог покинуть свой пост. По словам некоторых свидетелей (но не все источники это подтверждают), в совете также участвовал генерал-интендант Ланской, возможно, он принял участие уже в рабочем заседании, которое Кутузов организовал после совета в Филях⁹². Вопрос, стоявший на повестке дня, был прост: нужно или не нужно уступить Москву врагу? Следует ли дать бой под стенами города? Беннигсен, выступавший первым, ясно высказался в пользу обороны города:

Постыдно будет сдавать столицу без боя... Какое впечатление произведёт потеря столицы на иностранные дворы и за границей вообще?... Я не понимаю, почему существует уверенность в том, что мы будем разбиты и потеряем всю нашу артиллерию, коль скоро мы получили после Бородинского сражения несколько раз подкрепление, тогда как у неприятеля не было подобного преимущества⁹³.

Кутузов его многократно прерывал, указывая, что русская армия очень уязвима. Затем пришёл черёд Барклая выступить со своими доводами:

Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны, жестокой, разорительной. Но сберегши армию, еще не уничтожаются надежды Отечества, и война... может продолжаться с удобством: успеют присоединиться в разных местах за Москвой приготавливаемые войска⁹⁴.

К мнению, высказанному Барклаем, присоединились Остерман-Толстой, Раевский и Толь; Дохтуров, Уваров, Платов, Ермолов и Коновницын поддержали Беннигсена; Ланской хранил молчание⁹⁵. Тогда Кутузов, встав, заявил по-французски: «Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки... Властью, врученной мне государем и Отечеством, приказываю отступать»⁹⁶. И генералиссимус стал с силой объяснять своим советникам, что потеря Москвы не означает потери России.

Он обратился к этой идее тем же вечером в депеше к царю:

Осмеливаюсь всеподданнейше донести Вам, Всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России⁹⁷.

Тем не менее последствия этого решения были столь велики, что он сообщил о нём царю лишь 16 сентября...

Когда решение Кутузова было объявлено публично, он удалился. В 19 часов вечера он отправил гонца к Ростопчину, сообщив ему, что отказывается защищать Москву и требует полицейских офицеров,

чтобы они провели его солдат через город. Находясь в глубокой тоске, он не спал всю ночь и плакал. Но утром, когда один сомневающийся офицер спросил его: «Сколько же нам отступать? Где мы остановимся?», Кутузов, вновь обретя свою энергию, пламенно отвечал ему: «Это моё дело! Но будут они у меня жрать конину, как турки!»⁹⁸ Ни одна фраза не могла оказаться более пророческой. Дни Великой армии в Москве были сочтены.

7. ВЕЛИКАЯ АРМИЯ В МОСКВЕ

Новость об оставлении Москвы распространилась среди войск 13 сентября и вызвала гнев и возмущение. «Какой ужас!.. Какой позор!.. Какой стыд для русских!»¹ – в ярости восклицал генерал Дохтуров; 20-летний поэт Пётр Андреевич Вяземский, отважно сражавшийся при Бородино, не отставал от него, называя сдачу Москвы «вечным стыдом»². Офицеры даже срывали с себя мундиры, отказываясь отныне служить трусливому командованию, «предавшему» дело патриотизма³. Чувства солдат колебались между гневом (некоторые ругали Кутузова, как раньше ругали Барклая) и полным отчаянием. «Войска в упадке духа», – констатировал Раевский⁴. Мирные жители были в смятении. У населения Москвы новость вызвала всеобщую панику.

Паника в городе

Беспокойство началось ещё до вступления Великой армии в священный город. От встревоженного населения было невозможно скрыть масштаб потерь в Бородинском сражении, и некоторые, обеспокоенные наступлением наполеоновской армии, начали вывозить из Москвы свои семьи. Так поступил, например, историк Карамзин, 8 сентября писавший своему брату Василию:

Наконец, я решился силою отправить жену мою с детьми в Ярославль, а сам остаюсь здесь и живу в доме у главнокомандующего Фёдора Васильевича, но без всякого дела и без всякой пользы. Душе моей противна мысль быть беглецом: для того не выеду из Москвы, пока всё не решится... Я довольно здоров и тверд, многие кажутся мне малодушными. Верно, что есть Бог! Участь моя остается в неизвестности⁵.

Нервозность охватила самые высокие государственные сферы и даже императорскую семью, которая принимала меры, чтобы хоть как-нибудь сохранить исключительное наследие города:

Были вывезены драгоценности короны и упакованы многие архивы; уехал театральный гардероб; церкви прятали свои сокровища. Императрица-мать приказала обеспечить безопасность учреждения, покровительницей которого она была; это был Вос-

питательный дом и связанный с ним Опекунский совет. Все дороги были заполнены беженцами, повозки которых постоянно сталкивались с телегами, на которых везли раненых. Сумятица и ужас были невыразимы⁶.

Спустя два дня после Бородинского сражения пал Можайск, покинутый русским арьергардом Платова, и паника в городе усилилась. На следующий день, когда наполеоновские войска расположились лагерем в 40 верстах от города, жители начали лихорадочную деятельность:

Трудно описать суматоху и тревогу в Москве, которая представляла из себя позорище какого-то переселения: все суетились, хлопотали, одни зарывали в землю, или опускали в колодцы свои драгоценности, или прятали их в потаённые места в домах; другие собирались выехать из Москвы, не зная ещё куда безопаснее укрыться от врагов, искали лошадей и ямщиков; иные оставались на своих местах, запасались в арсенале оружием, или, в уповании на Божию помощь, молились. Многие даже готовились к грозившей напасти исповедью и причащением Святых Тайн⁷.

Ростопчин, пытавшийся что-то организовать, сталкивался с несвоевременными инициативами. Одна из них исходила от Августина, архиепископа Московского и Коломенского, о чём мы знаем из рассказа дочери генерал-губернатора:

Он явился после 26-го [то есть после 7 сентября] к моему отцу и попросил у него ещё 300 повозок, необходимых ему для вывоза святых мощей, образов и гробов с телами некоторых из наших древних царей. Отец категорически выступил против этого преждевременного изъятия всех сокровищ собора. Народ, толпившийся вокруг святыни, безусловно, возмутился бы, если бы увидел, что вывозят эти дорогие ему образы, у которых он привык молиться и к которым ставил свечи, чтобы их умиловить⁸.

Даже в ближайшем окружении самого Ростопчина некоторые торопились вывезти свои семьи, хотя официально Кутузов ещё не отказался от обороны Москвы.

А ведь в недели, предшествовавшие всеобщему исходу, Ростопчин приложил все усилия, чтобы успокоить своих подопечных. С самого начала июля, стремясь укрепить патриотическое единство московских жителей, генерал-губернатор начал масштабную пропагандистскую кампанию при помощи *афиш* – памфлетов, которые почти каждый день вывешивали на улицах столицы и в главных общественных местах. Было составлено около 100 афиш, но до нас дошли всего 20. Некоторые современники, а вслед за ними и историки упрекали

генерал-губернатора в том, что он использовал популистские приемы, прибегая в своих текстах к красочным, фамильярным, а то и вульгарным терминам. На самом деле грубый язык и резкие эпитеты представляли собой сознательную стратегию Ростопчина: при помощи издевательств и порой ругательств он принижал противника и делал его смешным, а значит, не таким страшным. Систематическое использование ругани (французы часто изображаются подлецами и разбойниками) и насмешек должно было унижить наполеоновскую армию, но в первую очередь убедить русских, что они способны устоять перед врагом и взять над ним верх. Ростопчин подчёркивает, что русские могут одержать верх над «псевдо-цивилизованными» французами именно благодаря тому, что сами придерживаются простых нравов и обычаев. В первой сохранившейся афише, датируемой 1(13) июля, Ростопчин, сказав, что «услышал, будто Бонапарт хочет итти в Москву», насмехается над солдатами, что «ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут», и замечает: «Ну, где им русское житье-бытье вынести?» И губернатор злобно чеканит:

От капусты раздуются, от каши перелопаются, от шей задохнутся, а которые в зиму-та и останутся, так крещенские морозы поморят... право так, все беда: у ворот замерзать, на дворе околевать, в снях зазябать, в избе задыхаться, на печах обжигаться.

Афиша от 20 сентября (2 октября) призывала к сопротивлению и не скупилась на перечисление преступлений врага:

Крестьяне! Жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взшел в Москву, предал ее мечу, пламени. Ограбил храмы Божии, осквернил алтари непотребствами... поставил лошадей в церкви православной веры нашей. Разграбил дома, имущество, наругался над женами, дочерьми, детьми малолетними. Осквернил кладбища и... тронул из земли кости покойников, наших родителей... Морит наших с голоду⁹.

Чтобы избежать какого-либо братания между населением и вражеской армией, Ростопчин также усилил наблюдение над русскими и иностранцами (которых в Москве было чуть более 3 тысяч), заподозренными в симпатиях к Франции или Наполеону: он даже превентивно арестовал и выслал около 40 человек¹⁰, которые, с его точки зрения, могли быть шпионами или агентами влияния. Эти люди, по большей части состоящие в браке и прочно обосновавшиеся в России, были 3 сентября отправлены под полицейским эскортом в Коломну, а оттуда на Оку, к Нижнему Новгороду. В своём исследовании французской колонии в Москве¹¹ Феликс Тастевен называет имена и положение высланных; большинство из них были французы, но так-

же несколько немцев и швейцарцев, по неясным причинам внесённых в число «опасных французов». Из его перечисления видна вся пестрота этой колонии:

Вот имена пассажиров: Морис Аллар, книгопродавец, Никола Обер-Шальме, купец, Жан-Франсуа Оже, гувернёр, Жан-Луи Арман, модный торговец, Луи Антуан Арман-Домерг, режиссер французского театра, Андреас Бекерс, немец, торговец модными товарами, Александр Демонси, владелец магазина мод, Петр Дюграво, гувернер, Никола Этьен, гувернёр, Людвиг Фейе, женевец, гувернёр, Генрих Гертони, немецкий еврей, учитель, Франсуа Жиле, фабрикант игральных карт, Франсуа Гут, владелец магазина мод, Георг Христиан Гейдер, швейцарец, фабрикант, Тома Жако, торговец пухом и перьями, Жан Ламираль, бывший балетмейстер русского театра, Мишель Латур, гувернёр, Жозеф Карл Лоне, торговец алансонским кружевом, Шарль де Лаво, художник, Пьер Леруа, гувернёр, Василий Массон, немец, басист в оркестре русского театра, Жан Массон, учитель фехтования, Конрад Мейер, немец, дерптский 1-й гильдии купец, Пьер Монтань, купец, отошедший от дел, Лоран Морисо, учитель латыни, Симеон Мортье, учитель фехтования, Жан Паля, гувернёр, Филипп Паоли, немец, виноторговец, Мишель Андре Пивер, литейщик по бронзе, Никола Франсуа Рено, гувернёр, Жак Рей-Жолли, учитель, Пьер Роз, помощник режиссера французского театра, Бенжамен Сент-Агат, учитель, Пьер де Сен-Венсан, учитель, Луи Сеген, портной, Огюст Рене Семан, типографщик, Доминик Жозеф Тубо, табачник, Каспар Вебер, швейцарец, приказчик, Жан Вилуэн, повар, Самуэль Ямниц, немец, доктор¹².

Покинув Москву 3 сентября, ссылки прибыли в Нижний Новгород 29 октября и оставались там вплоть до возвращения русской армии в Москву.

Одновременно с этим Москву по приказу Ростопчина покинуло большинство чиновников и должностных лиц:

Я хотел лишить Наполеона какой-либо возможности заводить отношения с русскими, держать связь из Москвы с провинцией, использовать то влияние, что французы приобрели в Европе при помощи своей литературы, моды, кухни и языка. Этими способами было бы достигнуто сближение с русскими, было бы получено их доверие, а затем от них потребовали бы услуг; но посреди оставшихся в Москве людей все французские обольщения были тщетны, как они были бы тщетны среди глухонемых¹³.

Наконец, чтобы убедить москвичей в своей непреклонности, Ростопчин (вызвав этим поступком осуждение царя¹⁴) очень жёстко по-

вёл себя в деле Верещагина. 20-летний сын купца, арестованный в июне 1812 года за перевод на русский язык наполеоновской прокламации, предстал перед московским судом и Сенатом и был приговорён к тюремному заключению. Но в день вступления в Москву Великой армии генерал-губернатор выдал его толпе, безжалостно растерзавшей Верещагина.

По приказанию Александра I Ростопчин также курировал, в глубочайшей секретности, проект о создании аэростата, который, будучи выпущен в воздух, позволил бы бомбардировать вражескую армию. История этого проекта необычна и малоизвестна¹⁵. Весной 1812 года Алопеус, русский посланник в Берлине, узнал об изысканиях немецкого инженера Франца Леппиха¹⁶, находившегося на службе у короля Вюртембергского; Леппих работал над созданием гигантского аэростата с боковыми крыльями, который мог бы летать даже против ветра. Наполеон, к которому он обратился, не поддерживал проект, считая его неосуществимым. 3 апреля Алопеус написал Александру I о выгоде подобного изобретения для военных целей: если сделать множество подобных аэростатов, они смогут бросать во вражескую армию бомбы и ядра, сея в её рядах ужас. Румянцев, к которому царь обратился за консультацией, счёл проект интересным; в начале июня Леппих приехал в Россию. Он отправился не в Петербург, где было много шпионов Наполеона, а в деревеньку Воронцово, в 2–3 км к юго-востоку от Москвы, где вдали от нескромных взглядов были созданы лаборатория и мастерская. С июня по сентябрь Ростопчину было поручено предоставлять Леппиху необходимые материалы и оплачивать расходы, общая сумма которых достигла умопомрачительной суммы 185 тысяч рублей. Но изготовление аэростата откладывалось каждую неделю. Безуспешные опыты вызвали у Ростопчина сначала беспокойство, затем гнев. 29 августа, то есть через три дня после Бородинской битвы, он писал царю:

С прискорбием извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха. Он построил шар, на котором должны были находиться пять человек, и назначил мне час, когда он должен был подняться. Но вот прошло пять дней, и ничего не готово; вместо десяти часов, как он говорил, в три дня едва он успел наполнить его газом; шар не поднимал и двух человек. Затем последовали бесконечные затруднения. Потребовалось какое-то особенное железо. Несмотря на его великие разъяснения, моё возражение оказалось верным, крылья слишком слабы для такого веса. Большая машина не готова и, кажется, надо отказаться от надежды на успех, которого ожидали от этого предприятия¹⁷.

И генерал-губернатор завершает письмо характеристикой Леппиха:

Леппих – сумасшедший шарлатан, а Алопеус слишком был увлечён своим финским воображением¹⁸.

Вердикт обжалованию не подлежал...

Утром 13 сентября, когда оборона Москвы ещё официально стояла на повестке дня, в городе оставалось, по разным оценкам, от 40 до 100 тысяч человек. В тот же вечер Ростопчин узнал от Кутузова, что русская армия не будет защищать Москву. Для него это была катастрофой, которую он так никогда и не простил фельдмаршалу. В апреле 1814 года, или через год после смерти Кутузова, он писал Михаилу Воронцову в таких выражениях, которые хорошо показывают всю его горечь:

Единственное, о чём я сожалею из прошлых событий, – это стечение обстоятельств, сделавшее главнокомандующим этого мерзавца Кутузова, который тем самым через фальшивые ворота вошёл в храм бессмертия¹⁹.

Но сейчас ему нужно было как можно скорее эвакуировать город и любой ценой добиться отъезда раненых. Генерал-губернатор попытался реквизировать повозки для вывоза больных и раненых: они должны были добраться до Коломны, а затем спуститься по Оке в крытых барках до Рязанской губернии, где спешно создавались походные госпитали. Но транспортных средств не доставало, и многие солдаты, которых сочли не подлежащими перевозке, остались в Москве; они погибли в городском пожаре от огня или от дыма²⁰. Назвать их точную численность невозможно: источники высказывают разные мнения. Ростопчин в своих «Мемуарах» утверждает, что из 20 тысяч раненых, находившихся в московских госпиталях, погибли лишь 2 тысячи, а остальные были вовремя эвакуированы. Как советская, так и нынешняя российская историография не подтвердили версию генерал-губернатора: основываясь на французских источниках, они придерживаются ошеломляющей цифры в 20 тысяч солдат, покинутых на произвол судьбы и погибших в пожаре. Со своей стороны Д. Ливен утверждает, что Яков Виллие хорошо организовал эвакуацию большинства раненых, и погибли «всего лишь» 6 тысяч солдат, сочтённых не подлежащими перевозке²¹. Как бы то ни было, ночью с 13 на 14 сентября исход москвичей продолжался:

Невозможно передать того беспорядка и того смятения, которым наполнилась столица. Москвичи торопливо грузили на свои повозки всё, что у них было ценного; самые бедные, плача, спрашивали, где они найдут убежище, и из инстинкта самосохранения они устремлялись вслед за солдатами, которые шли по городу почти бегом, как если бы они стыдились останавливать свой взгляд на стенах, которые они не смогли спасти²².

В ходе этой же ночи Ростопчин вывез из Москвы 2100 пожарных и 96 пожарных насосов (их было по 3 в каждом квартале города)²³. По словам дочери, он тайно собрал самый узкий круг своих ближайших помощников для выполнения секретнейшей миссии:

В поздний ночной час полицмейстер Брокер привёл с собой нескольких людей, частью горожан, частью полицейских служащих. В кабинете моего отца, в присутствии Брокера и моего брата, произошло тайное совещание; они получили точные инструкции, какие здания и какие кварталы города следует превратить в пепел сразу после того, как наши войска уйдут из города; они все обещали повиноваться и сдержали слово. Итак, город подожгли не разбойники и не бандиты, а люди, верные Отечеству и своему долгу²⁴.

Таким образом, «люди, верные Отечеству», а также более 600 уголовников, освобождённых по приказу Кутузова утром 14 сентября, спустя несколько часов устроят гигантское аутодафе. Свидетельства из русских архивов подтверждают этот источник: утром 14 сентября Ростопчин приказал полицейскому приставу Вороненко «стараться истреблять всё огнём», чем пристав и занимался, «в разных местах города (в зависимости от того, где эта возможность ему предоставлялась), вплоть до десяти часов вечера»²⁵. Но на тот момент эти планы наружу не просочились. Утром 14 числа Москва опустела: из 262 тысяч жителей, насчитывавшихся в городе на 1 января 1812 года²⁶, осталось всего 10 тысяч. Первые полки Великой армии вступили в практически мёртвый город.

Московский пожар

Прибытие в Москву, казалось, означало отдых; оптимистично настроенный Наполеон рассчитывал, что Александр, потеряв свою историческую столицу, преклонит колено и заключит с ним мир. Утром 15 сентября император, его гвардия и интендантская служба расположились в Кремле; 3 корпуса распределили между собой город и предместья. Генералы императора поселились в просторных жилищах русских дворян; многие из которых оставили в домах часть своих слуг, рассчитывая таким способом сберечь добро. Что до простых солдат и офицеров, то самые везучие поселились в опустевших домах; остальные же были вынуждены ночевать в лагере под открытым небом. Но по прибытии в Москву все нашли пропитание: дома ломились от еды и хороших вин. Настроение было хорошим. Пока не разгорелся пожар²⁷.

Вести о первых возгораниях поступили уже в конце дня 14 сентября, но они были приписаны небрежности солдат, занятых пьянством

и кутежами, и не вызвали у новых жителей московских домов особой реакции. Новые очаги возгорания были обнаружены вечером в 22.30, а затем сразу после полуночи в купеческом квартале Китай-городе, где во многих местах загорелись амбары, пакгаузы и склады с товарами. Пожар распространялся от дома к дому и от склада к складу, захватывая всё новые пространства, очень быстро, тем более что поднялся ветер. Пытаясь его потушить, солдаты Великой армии арестовали десятки поджигателей, рецидивистов с физиономиями висельников, только что вышедших из тюрем, с факелами в руках. С этого момента стало ясно, что пожары – не случайность. Но, поскольку Ростопчин сам вывез из города все пожарные насосы и приказал уехать всем муниципальным служащим, в чьи задачи входила борьба с огнём, пожары быстро вышли из-под контроля. 15 сентября Наполеон расположился в Кремле, до той поры не пострадавшем от пожара. Но на следующий день раздутый ветром огонь усилился. Загорелся Арбат, исчезла в огне библиотека Московского университета. Дворцы, театры, магазины и деревянные церкви превратились в пепел. По словам Коленкура, воздух был раскалён, люди дышали огнём. К полудню 16 сентября, когда загорелись конюшни, расположенные под большой Кремлёвской террасой, и пожар распространился на башню, примыкающую к Арсеналу, Ларибуазьер, генеральный инспектор пехоты, предложил Наполеону покинуть Кремль. Вначале император отказывался, но к 17.30 стало ясно, что опасность реальна и дело не терпит отлагательства. Он был вынужден покинуть цитадель города, причём это отступление было не из лёгких:

Мы находились в осаде, среди океана огня, который блокировал все ворота крепости и не допускал выхода из неё. После некоторых поисков удалось найти подземный ход к Москва-реке. И вот через этот выход Наполеон, его офицеры и его гвардия вырвались, наконец, из Кремля... А между тем надо было торопиться. С каждой минутой усиливалось вокруг нас завывание пламени... Мы шли по земле, охваченной огнём, под пламенеющим небом и между двумя стенами огня! Жар обжигал нам глаза, а между тем мы должны были держать их открытыми, чтобы видеть опасность. Жгучий воздух, горячий пепел, огненные искры — все это затрудняло дыхание. Мы почти задыхались в дыму и обжигали себе руки, закрывая ими свое лицо от жара и сбрасывая искры, которые ежеминутно осыпали нас и проникали в одежду²⁸.

На какое-то время император французов вместе со своим генеральным штабом и частью своих генералов нашёл убежище в Петровском дворце, примерно в 10 км от Кремля, на северо-западе, на Петербургской дороге. Оттуда он бессильно наблюдал за гигантским

аутодафе. Армия попыталась покончить с пожаром, сражаясь с пламенем и арестовывая виновных (400 поджигателей были приговорены к расстрелу или повешению), но средства, которыми она располагала, были ничтожны, и многим солдатам тоже пришлось покинуть свои квартиры. Корпуса принца Евгения и маршала Нея пошли по Звенигородской и Петербургской дорогам, корпус Даву отправился к Смоленску. Они оставались там до 20 сентября, когда дождь победил пожар, покончив с бедствием и позволив Наполеону и его Великой армии вернуться в Москву и её пригороды. Но всего за несколько дней их расположение духа изменилось, и солдаты начали иступленно грабить:

Как описать то бурное движение, начавшееся, когда к грабежу на всей территории этого громадного города стали относиться терпимо? Солдаты, маркитантки, каторжники и проститутки бегали по улицам, забирались в покинутые дворцы и утаскивали всё, что прельщало их алчность. Одни наряжались в шёлковые, шитые золотом ткани; другие без разбора набрасывали на плечи самые ценные меха; многие наряжались в женские и детские шубки, и даже каторжники прикрыли свои лохмотья одеяниями придворных! Все остальные, толпой забираясь в погреба, вышибали двери и, напившись допьяна самыми дорогими винами, пошатываясь, уносили свою огромную добычу²⁹.

Солдаты и офицеры вместе занялись разграблением столицы; на сей раз отборные полки гвардии тоже не остались в стороне. Капитан Куанье описал недостойное поведение одного полковника гвардии:

Каждый вечер он уходил с тремя слугами и запасом свечей; он знал, что картины в церквях прикрыты рельефными серебряными пластинами. Он отрывал их, чтобы забрать листки серебра, после чего засовывал святых обоого пола в тигель и делал из них слитки; наворованное он продавал евреям, получая от них банковские билеты³⁰.

Оставшиеся в Москве мирные жители тоже стали мишенью насилия:

Когда солдаты убедились, что русские пожертвовали своим городом, они необузданно предались разврату; ничто не могло их остановить, и они ударились во все тяжкие... Скрывавшиеся в домах жители вскоре были изгнаны из них огнём... Часто они бросались к бесчеловечным солдатам, которые их задерживали, дурно обращались с ними и, прежде чем отпустить их, грабили, лишая ценных вещей, которые жители хотели спрятать от алчности солдат. Все женщины, которые попадались солдатам на глаза, становились их добычей и жертвой их грубости³¹.

Многие русские, увидев, что есть возможность поживиться, а полиция и власть отсутствуют, тоже приняли участие в грабеже. И каждый, француз, немец или русский, отчаянно пытался завладеть самым ценным: серебряной или позолоченной посудой, кашемирами и шелками:

В телеге, которую тащат подыхающие с голода клячи, красуются солдаты, наклюкавшиеся водки; два крестьянина дерутся за несколько тряпок, и их схватку неожиданно прекращает француз, завладевая их яблоком раздора, которое, впрочем, он бросает в грязь в нескольких шагах от них, чтобы схватить новую добычу. Муку переносят в камчатных занавесках, жидкости в сосудах, которые я не буду называть, сахарные головы в бальных платьях. Хамы наряжаются в одеяния попов, грязные маркитантки в кашемир. Сатурналии нашего карнавала и близко не походят на сии безобразные и нелепые зрелища³².

Начиная с 20 сентября письма, которые солдаты писали домой, раскрывали масштаб грабежа. Можно процитировать весьма откровенное письмо лейтенанта Паради, которое, подобно сотням других, было перехвачено казаками, нападавшими на гонцов Наполеона, и так и не прибыло по назначению. Оно хранилось в русских архивах в течение века, и было опубликовано в 1913 году:

Каждый день мы находим в погребках, уцелевших в пожаре, множество превосходного меха. Я приобрёл очень красивую лисью шубу, крытую фиолетовым атласом. Хотел бы я послать её тебе, но я не знаю, как это сделать. Предмет, как можешь себе вообразить, довольно объёмистый.

Когда всё в нашем тылу успокоится, я посоветуюсь с директором почты в генеральном штабе, моим другом Лаллеманом. Я больше никого не знаю, кто бы мог сделать мне такую услугу. Я думаю, ты легко получишь маленькую коробочку, о которой я тебе рассказывал, — она не слишком большая. Я буду тем более счастлив, что эти украшения — как конфетки из серала. Те, что с медальоном, как мне сказали, стоят пять луидоров; а всё вместе, с другими пустяками, которые остались при мне, обошлось мне в каких-то 12 франков: я заплатил эти деньги солдату, нашедшему их в погребе³³.

Вся армия занялась воровством и скупкой краденого, в том числе и уважаемые старшие офицеры, известные своей храбростью в бою. 14 октября генерал дивизии Жан-Доминик Компан написал письмо жене, оставшейся в Париже, чтобы рассказать ей о своём недавнем ранении и заодно перечислил свою добычу.

Вот, моя добрая подруга, что я смог добыть из меха:

Одна лисья шуба, из чёрно-бурых и рыжих полос;

Одна лисья шуба, из голубых и рыжих полос.

В этой стране всегда так соединяют лисий мех, если не используют его для отделки. Эти две шубы новые и считаются очень красивыми.

Большая пелерина из серебристой лисицы;

Пелерина из чёрно-бурой лисицы.

Обе пелерины очень красивы, но слишком невелики, чтобы ты могла извлечь из них какую-то пользу. Я больше ничего не смог найти в этом роде.

Соболиный мех на две или три меховые отделки, такого же размера, как мех шиншиллы, что ты купила в Гамбурге.

Большая муфта из чёрно-бурой и серебристой лисицы, из отборных кусочков, объединённых в маленькие полоски по поперёк шириной. Здесь такая муфта высоко ценится: чтобы её сшить, потребовалось много лисьих шкур, много трудов и усилий. Я думаю, что ею можно удачно воспользоваться как отделкой или пелериной. Всё это, моя дорогая Луиза, будет упаковано в сундук, и я воспользуюсь первой же оказией, чтобы тебе это прислать. В настоящий момент рано об этом думать³⁴.

Наконец, в самом Кремле, где жил французский император, процветал настоящий рэкет, организованный гренадёрами императорской гвардии:

Кремль охраняли гренадёры и пешие стрелки гвардии. Пехотинцы входили туда в поисках самого различного провианта, который был там в изобилии. Но на выходе из внешнего двора каждый из них должен был заплатить гренадёрам 5 франков или отказаться от своей добычи; а когда они после этого подходили к внутренним воротам, часовые обращались с ними как с разбойниками и канальями, грабили и выгоняли³⁵.

Удивительно, но этот месяц, проведённый Великой армией в Москве, в течение которого все судорожно воровали и грабили, не был использован, чтобы застраховаться от грядущих морозов. Конечно, у некоторых командиров подразделений хватило ума создать запасы тёплой одежды и обуви. Арман де Коленкур, несмотря на свою горе в связи со смертью брата, в очередной раз проявил себя: он приказал своим подчинённым сделать подкладки для шуб и добыть меховые рукавицы и шапки³⁶; в ожидании снега и гололёда обер-штальмейстер приказал изготовить сани, а также приспособленные ко льду подковы для лошадей, с шипами. В польских подразделениях Великой армии тоже начали делать такие подковы, прибегая к «маленьким пере-

носным кузницам»³⁷. Но в отсутствие общих указаний сверху подобная предусмотрительность была проявлена лишь отдельными командирами и была весьма редкой:

В Москве было обнаружено... довольно большое количество различных шуб и мехов; можно было бы использовать овчинные тулупы и шубы, которые носил русский народ, но ни одним приказом по армии не предписывалось собрать всё в этом городе, чтобы сделать шубы или какие-либо другие средства защиты от ожидаемых холодов... В Москве можно было найти некоторое количество шерстяных одеял и много самых различных тканей. Легкомысленный ум мог бы счесть, что они странного вида и цвета, но разве бы это было важно, если бы они защитили от холода? Но ни один командующий корпусом не подумал о том, чтобы использовать эти необычные средства³⁸.

На это следует обратить внимание: можно в очередной раз убедиться, до какой степени командованию Великой армии в Москве не хватало прозорливости, насколько оно было неспособно предвидеть ожидавшие солдат страшные испытания. Хуже того: некоторые даже смеялись над предусмотрительными поляками, которые изготавливали зимние подковы для лошадей. О самонадеянности и легкомыслии французов красноречиво свидетельствуют слова Юзефа Грабовского, польского офицера генерального штаба Наполеона:

Невероятное упрямство и надменность французов, уверенных, что после стольких совершённых ими походов они не нуждаются ни в чьих советах, помешали им принять эти элементарные меры предосторожности³⁹.

Впрочем, в оправдание французов можно сказать, что многие собирались провести зиму в городе, в тепле...

Последствия пожара и грабежа были тяжёлыми. Из 9158 домов, находившихся в Москве до войны, осталось 6532⁴⁰; из 329 церквей уцелело 122⁴¹. Погибли не только здания, но и бесценное культурное наследие. Например, оригинал «Слова о полку Игореве»⁴², входивший в богатейшую коллекцию графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, от которой осталась лишь горстка углей...⁴³

Вернувшись в Кремль, Наполеон желал дать отдых своей армии, истощённой трудами и лишениями, а также ждал знака от Александра I. В ходе этого вынужденного ожидания он трижды пытался связаться с царём через трёх разных людей.

Первая попытка была предпринята при посредстве генерал-майора Ивана Туголмина. Директор Воспитательного дома, оставшийся в Москве, чтобы защитить «своих сирот», попросил у Наполеона охрану для обеспечения безопасности Воспитательного дома и

получил её. 18 сентября он был любезно принят в Петровском дворце Наполеоном, который, казалось, был совершенно обескуражен московским пожаром:

Я бы желал поступить с вашим городом так, как я поступал с Веной и Берлином, которые и поныне не разрушены; но россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами хотели предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков... Я никогда подобным образом не воевал. Воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я более ничего не находил, как пепел⁴⁴.

Тутолмин, оценив снисходительность французского императора к себе и к Воспитательному дому, охотно принял его предложение и написал Марии Фёдоровне. Но усилия были безуспешны: письмо осталось без ответа. Четырьмя днями позже, 22 сентября, царю было передано ещё одно письмо с приближённым великого князя Константина, бывшим гвардейским капитаном Иваном Яковлевым⁴⁵. Но ответа по-прежнему не последовало. Более того: Яковлев, обвинённый в связях с врагом, был на месяц заключён в Петропавловскую крепость!⁴⁶ Раздражённый неудачей этих двух попыток, Наполеон попросил Коленкура отправиться к царю на мирные переговоры. Но обер-штабмейстер отказался, заявив, что миссия эта будет безуспешной. Тогда 4 октября Наполеон отправил к Кутузову Лористона, который тоже в своё время был французским послом при Петербургском дворе. Кроме письма от Бертье, он написал фельдмаршалу собственноручное письмо:

Господин князь Кутузов, я посылаю к Вам одного из своих адъютантов, чтобы поговорить с Вами о многих важных делах. Я желаю, чтобы Ваше Высочество отнеслись с доверием к тому, что он Вам скажет, в особенности когда он выразит Вам чувство уважения и особого почтения, которое я уже давно испытываю к Вашей персоне. Это письмо не имеет другой цели, и я молю Бога, чтобы он Вас, господин князь Кутузов, в своей святости достойно хранил. Писано в Москве, 3 октября 1812 года. Подпись: Наполеон⁴⁷.

5 октября Кутузов получил письма. В тот же день князь Пётр Михайлович Волконский, адъютант Александра I, прибывший из Петербурга, передал главе русской армии высочайшее послание, подтверждавшее, что царь намеревается продолжать бой и отказывается от каких-либо переговоров; для старого солдата не могло быть и речи о том, чтобы противодействовать своему государю. Однако, желая знать истинные намерения Наполеона, он решил, с согласия Волкон-

ского, встретиться с Лористоном ночью, в укромном месте, у русских передовых постов.

Новость о появлении французского эmissара мгновенно распространилась в русском лагере. Она вызвала беспокойство многих генералов (в частности, Беннигсена, отрицавшего возможность каких-либо переговоров с врагом) и раздражение сэра Роберта Вильсона, британского дипломата и доверенного лица Александра I в Генеральном штабе. Вильсон, увидевший в этой встрече попытку достичь соглашения, пытался убедить Кутузова отказаться от неё⁴⁸. Тщетно. Маршал не стал считаться с англичанином и подтвердил, что намерен принять Лористона, но не для переговоров. Уважая волю Александра I, Кутузов никоим образом не намеревался вступать в сделку с врагом, но он надеялся извлечь полезную информацию и убедить Лористона, а значит, и Наполеона, что французское предложение о начале переговоров будет передано царю. Ещё более важным было для него усыпить бдительность Наполеона и выиграть время: Финская и Дунайская армии ещё не достигли центрального театра военных действий...

Разговор протекал с глазу на глаз, но мы знаем его содержание из нескольких источников⁴⁹. Его тональность должна была обеспокоить Лористона: когда французский посланник сетовал на варварство русских крестьян, готовых покупать у казаков пленных французов, чтобы предавать их мучительной смерти, Кутузов не без иронии ответил, что бессилён прекратить это «варварство»:

Маршал пересказал те части разговора, которые он счёл нужным огласить; он сообщил, что «Лористон пожаловался на варварство русских в отношении французов», и сказал, что ответил на это, что «он не может в три месяца цивилизовать нацию, которая считает, что её враг – хуже, чем отряд татарских мародёров Чингисхана». «Но есть же разница», – сказал генерал Лористон. «Может быть, но в глазах народа разницы нет, а я могу отвечать только за своих солдат»⁵⁰.

На предложение Лористона начать обмен пленными Кутузов ответил весьма расплывчато, заявив, что он не может об этом договариваться, не доложив царю. Таким образом, как и две другие попытки, миссия посла закончилась неудачей. В конечном счёте почти 6 недель, проведённых Наполеоном в Москве (14 сентября – 19 октября), оказались пустой тратой времени. 24 сентября генерал Жорж Мутон писал жене: «Холодает, и почти непрерывно идёт дождь. Похоже, зима нам предстоит долгая и неприятная»⁵¹.

В Москве Наполеон вовсе не оставался пассивным, хотя его близкие заметили, что он стал менее энергичным и более раздражительным:

Его подавленность проявилась лишь в нескольких вспышках недовольства. Это произошло утром, при его просыпании. Находясь в окружении собравшихся начальников войска, в окружении их беспокойных, и, как ему представлялось, неодобрительных взглядов, он, казалось, желал оттолкнуть их своей суровостью и резкой, высокомерной и замкнутой манерой говорить. Бледность его лица давала понять, что истина, которую всегда легче услышать во тьме ночи, долго угнетала его своим присутствием и утомляла своей невыносимой ясностью⁵².

Благодаря Коленкуру, который улучшил почтовое сообщение, позволив императорским письмам добираться до Парижа менее чем за две недели, Наполеон продолжал на расстоянии управлять своей империей⁵³. И он был очень занят: в Москве император подписал более 60 указов, опубликованных в Бюллетене законов. Тем не менее, несмотря на утверждения слуги императора Констана и вопреки мифу, созданному самим Наполеоном, знаменитый «московский декрет» об «организации, управлении, финансах, распорядке и дисциплине Французского театра», который с датой 15 октября 1812 года и в наше время определяет функционирование театра «Комеди-Франсез», был подписан позже и помечен задним числом. Как доказал Тони Сowell в скрупулёзном исследовании, посвящённом этому вопросу, документ не был составлен Наполеоном в течение трёх вечеров в Москве, как это раньше считалось. Всё было более прозаично: проект был прислан императору по почте, рассмотрен, дополнен и подписан в Париже, по возвращении Наполеона во Францию...⁵⁴

Наполеон каждый день устраивал смотр своим войскам и старался поддержать их единство и безопасность. Он издал ряд прокламаций, запрещавших грабёж под угрозой сурового наказания. Чтобы уменьшить опасность, исходившую от казачьих засад, 23 сентября «в императорском московском штабе» был издан приказ по армии, подробно регламентировавший любые перемещения:

Безусловное желание императора состоит в том, чтобы кавалерия, пехота и артиллерия, составляющие одну маршевую колонну, передвигались вместе; чтобы ночью солдаты располагались на бивуак, составляя каре вокруг обоза; чтобы они не разделялись ни под каким предлогом. Сам командир обоза должен проводить ночь среди них; он должен выбрать самое подходящее место, расположить свои повозки в большом порядке, и так, чтобы их можно было легко запрячь лошадьми и двинуть с места. Солдаты должны располагаться вокруг в форме каре; должны быть установлены светильники на подходящих расстояниях; наконец, патрули и дозоры, назначенные командиром или офицерами, получившими у него соответствующие полномочия, должны обеспечивать необхо-

димое наблюдение, дабы предупредить всякую опасность и помешать всему непредвиденному. Каждый командир, который не выполнит эти правила, будет наказан за халатность и виновность в гибели обоза.

На протяжении марша командир обоза должен держать свою колонну всегда единой и в хорошем порядке; он должен обеспечить, чтобы никто из неё не отклонился и не остался сзади, регулировать движение солдат относительно движения обозных повозок, назначать время движения, перерывов и остановок на отдых, думая о нуждах лошадей, о которых надо заботиться, чтобы всё прибыло в армию в хорошем состоянии⁵⁵.

Гвардейцы нашли в Москве убежище и вели в общем весёлую жизнь с выпивкой⁵⁶ и без стеснений: сержант Бургонь в своих мемуарах рассказывает, как солдаты и маркитантки наряжались в роскошные одеяния, украденные в разрушенных дворцах, и организовали костюмированный бал⁵⁷. А вот солдаты, расположившиеся в предместьях, оказались в большей опасности вражеских засад и нападений. Рассказывает Гриуа:

[Неприятель] не трогал нас на наших бивуаках; но если кто-нибудь удалялся от них направо или налево, он встречал группы казаков, к которым присоединялись и крестьяне. Наши фуражиры должны были проходить по три-четыре лье, чтобы привезти немного соломы, а то и полуиспорченной кровельной соломы с крыш домов, или немного ржи, которую солдаты грубо мололи, чтобы съесть... Многие были убиты или захвачены в плен, и новые люди пропадали каждый день, хотя со временем их стали сопровождать целые отряды. Дисциплина была настолько утрачена, что мы давно уже пренебрегали всеми необходимыми предосторожностями, и теперь пришлось к ним вернуться, но без особого успеха. Невзирая на все опасности, нужно было немного удалиться от лагеря в поисках еды, чтобы не умереть с голоду. Ведь... мы не получали ничего, совершенно ничего из Москвы, где у наших товарищей всё было в изобилии, где они жили в великолепных дворцах, ели сочные яства и пили лучшие вина. Мы не могли поддерживать наши силы ничем, кроме грубой каши, ржаных лепёшек, испечённых на золе, и мутной болотной воды⁵⁸.

Другими словами, не все солдаты Великой армии были в равном положении. Не замедлили появиться разногласия и обиды...

Сразу же после прибытия в Москву, чтобы порадовать своих солдат, Наполеон вызвал к себе Аврору Бюрсе, директрису московского французского театра, и приказал ей выступить со своей труппой перед Великой армией. В письме брату Андре от 14 октября Гийом

Пейрюс сообщил, что «мы сумели собрать несколько французских актёров, избежавших высылки. Его Величество ассигновал на первое время 12 тысяч франков»⁵⁹. Но у актёров ничего не было, и, как вспоминала Луиза Фюзий, чтобы удовлетворить императора, им пришлось проявить всю свою изобретательность:

Подобный приказ трудно было исполнить в городе, где все сверху донизу было разграблено; у женщин не было ни платьев, ни башмаков, у мужчин ни фраков, ни сапог, не было гвоздей для декораций, масла для ламп и так далее... Я уже говорила, что русские вельможи имели собственные театры. Позняковский был самым большим и уцелел от огня; его приспособили к спектаклям, там мы и играли. В казармах нашлись ленты и цветы⁶⁰.

Спустя несколько дней театр мог открыть свои двери, а афиша, напечатанная типографией Великой армии, не без гордости сообщала:

Французский театр в Москве.
Французские актёры будут иметь честь
дать в следующую среду, 7 октября 1812 г.
Первое представление
«Игры Любви и Случая»,
Комедии Мариво в трёх актах в прозе,
За которой последует
«Любовник, автор и слуга»,
Комедия Серона в одном акте в прозе⁶¹.

Луиза Фюзий утверждала, что эти несколько импровизированные представления имели огромный успех. Однако мнения по этому поводу расходятся. В письме к брату от 14 октября Пейрюс проявляет сдержанность:

Уже прошли два представления, которые мы были вынуждены счесть хорошими, но это не относится к котильону – он был ледяной.

В письме к кузине от 14 октября офицер Итасс⁶² высказался ещё строже:

Каждые два дня нам дают спектакли, довольно плохие, довольно – не то слово, точнее будет сказать очень плохие. Они делают всё шиворот-навыворот, но мы всё равно на них идём, поскольку это развлекает. Вчера нам были сыграны две французские пьесы, совершенно наперекор здравому смыслу, а затем, разнообразия ради, для нас был исполнен русский танец. В этом танце нет совершенно ничего красивого: в нём есть что-то от английского тан-

ца, от савойского и от плясок дикарей. Но мы много смеялись, потому что танцовщицы сделали столько маленьких движений, по большому счёту довольно глупых, что над ними было невозможно не смеяться⁶³.

А Наполеон, хотя и весьма щедро награждал актёров, так и не побывал ни на одном представлении...

Император принимал и решения, касавшиеся местного населения, прежде всего он постарался успокоить оставшихся в городе москвичей по поводу их судьбы. Сразу по приезде была опубликована прокламация, составленная на русском и французском языках и подписанная Бертье, которая обещала восстановить всеобщую безопасность. Чтобы заполнить вакуум, возникший в результате отъезда царских чиновников и должностных лиц, император занялся созданием новой городской администрации⁶⁴. Генерал-губернатором Москвы и Московской губернии был назначен маршал Мортье, герцог Тревизский. Генерал Дюронель стал комендантом московского гарнизона, а Жан-Батист Лессепс⁶⁵ интендантом или гражданским губернатором. Он создал новый муниципальный совет из 29 человек⁶⁶, в котором были помещики, купцы и двое слуг⁶⁷. Членов муниципального совета узнавали по красным шарфам, а мэр, 66-летний купец П. Находкин, был подпоясан белым поясом; ему были приданы 6 помощников, каждый из которых возглавил один из шести вновь созданных департаментов.

Полномочия совета были широкими: он должен был следить за поддержанием порядка и безопасности на улицах и мостах; обеспечивать нормальную работу госпиталей; восстановить и защищать свободу вероисповедания; гарантировать безопасность ремесленников и рабочих; наблюдать за размещением войск; заниматься делами полиции и судопроизводства; руководить общественной благотворительностью; запретить собрания на улицах и в садах; защищать население от бродячих животных⁶⁸; наконец, обеспечивать армию пропитанием и фуражом.

Фураж составлял серьёзную проблему. Если люди, несмотря на пожар, могли себя прокормить, лошадям еды не доставало. Чтобы решить эту проблему, Наполеон приказал объявить в соседних деревнях, что крестьянам, которые привезут в Москву фураж на продажу, будет заплачено наличными, рублями-ассигнациями (то есть фальшивыми деньгами, которые он заготовил к началу войны). Но в силу нехватки времени и средств новая администрация решала только неотложные проблемы. Она сумела справиться с самыми срочными санитарными вопросами, беспокоившими жителей: скопившиеся в столице разлагавшиеся трупы людей и животных были сожжены. Но она не смогла решить вопрос снабжения. Крестьяне не желали про-

давать свои товары солдатам Великой армии: то ли из патриотизма, то ли из нежелания подвергаться лишнему риску (по дороге некоторых из них грабили и избивали мародёрствующие солдаты). Единственным способом решить вопрос остался грабёж, которому и предались солдаты как по необходимости, так и от вынужденного бездействия.

За несколько недель была реорганизована и муниципальная полиция. Во главе её встали 2 главных комиссара, было назначено 20 окружных комиссаров; большинство из них были французами или людьми французского происхождения.

В русских военных архивах сохранилось множество докладов этих окружных комиссаров, в которых они сообщают о неоднократных нарушениях порядка и безопасности солдатами оккупационной армии. К примеру, Ж. Лаланс, комиссар 10-го округа, докладывал 2 октября⁶⁹:

Часть моего округа, расположенная на другой стороне Яузы, по-прежнему страдает от грабежа солдат 3-го корпуса, которые не довольствуются отнятием у несчастных беженцев, скрывшихся в подземельях, того небольшого, что у них осталось, но со свирепостью наносят им сабельные удары, примеры чего я неоднократно встречал.

Раненые же, расположенные в госпитале при Воспитательном доме, выходят из него, чтобы задержать русских, везущих капусту или картофель, и отобрать это у них⁷⁰.

Неделей позже его коллега, Эмбер Дроз, комиссар 16-го округа, добавлял: «Ничего нового, кроме того, что солдаты позволяют себе воровать и грабить»⁷¹. А комиссар 2-го округа, который 4 октября разрешил вновь открыть в квартале церковь (под надзором), подчёркивает волнение жителей – «все плакали от радости»⁷², не скрывая при этом материальные трудности, с которыми столкнулись его «подопечные»:

Жители теперь гораздо спокойнее, но жалуются на нехватку хлеба; некоторые просят меня позволить им отправиться на расстояние 50, а то и 100 вёрст⁷³ к родителям, чтобы запастись провиантом⁷⁴.

Читая эти разнообразные свидетельства, легко убедиться: нельзя сказать, чтобы в октябре 1812 года в Москве царил порядок и было безопасно жить... А поскольку трудности со снабжением только росли, ошибки в военных расчётах росли вместе с ними.

Царь и его армия, подавленные оставлением Москвы и пожаром в городе, переживали глубокий кризис.

Как мы видели, лишь 16 сентября из депеши Кутузова Александру стало известно об оставлении города. Спустя четыре дня главнокомандующий отправил к царю графа Мишо де Боретура, подданного короля Сардинского, перешедшего на службу России, чтобы подробно отчитаться царю в оставлении Москвы. Через 7 лет Мишо расскажет Михайловскому-Данилевскому, первому историку войны 1812 года, о том, как прошла его встреча с Александром I. Несмотря на ужасающее испытание, которым для него стала сдача Москвы, царь твёрдо намеревался продолжать борьбу:

Если в велениях Божьего промысла сказано, что моя династия должна перестать царствовать на прародительском троне, тогда, использовав все средства, какие будут в моей власти, я отращу себе бороду вот до сих пор (и царь указал на свою грудь) и буду есть картофель с последним из моих крестьян в глубине Сибири скорее, чем подпишу стыд моего отечества и моих добрых подданных, жертвы которых я умею ценить. Провидение нас испытывает; будем надеяться, что оно нас не покинет... Полковник Мишо, не забудьте того, что я вам тут говорю; может быть, когда-нибудь мы вспомним об этом с удовольствием. Наполеон или я, или он, или я, мы уже не можем больше царствовать вместе! Я его узнал, он меня не обманет⁷⁵.

Но хотя царь и проявлял решимость, это не умаляло его горе от потери города; он скрывался на Каменном острове, где переживал острейшие депрессивные кризисы. Русский народ считал его ответственным за катастрофу, и Александр подвергался всё большим нападкам. В унисон с этой критикой 18 сентября сестра царя Екатерина написала своему брату безжалостное письмо:

Взятие Москвы довело сильное раздражение до апогея; недовольство достигло высшей точки, и Вас не щадят... Вас открыто обвиняют в несчастьях Вашей империи, в общих и частных провалах, наконец, в потере чести страны и Вашей чести лично. Не одно лишь сословие, но все в один голос хулят Вас... Предоставляю Вам судить о положении страны, главу которой презирают⁷⁶.

Убитый этим письмом, Александр I защищал свой выбор и свою честь очень трогательным ответом, в котором он не скрыл своего одиночества и переживаемых им испытаний:

Может ли человек сделать большее, чем следовать за своим сознанием? Оно мною всегда руководило; оно заставила меня назначить Барклая командующим 1-й армией, исходя из репутации, какую он составил себе в ходе предыдущих войн с французами и шведами. Это сознание и заставило меня думать, что он своими

умениями выше Багратиона. Это убеждение окрепло после важнейших ошибок, совершённых Багратионом в нынешних кампаниях, которые отчасти привели к нашим неудачам, и я счёл, что он категорически не подходит, чтобы командовать двумя армиями, объединившимися в Смоленске. Хотя я был не очень удовлетворён военными действиями Барклая, я находил, что в стратегии он не так плох, как этот другой⁷⁷, ничего не понимающий в стратегическом искусстве. Одним словом, я убеждён, что у меня не было никого лучше... В Петербурге я увидел, что все умы выступают за назначение на пост генералиссимуса старого Кутузова. Это было всеобщее мнение. То, что я знал об этом человеке, вначале вызвало у меня некоторые опасения. В своём письме от 5 августа Ростопчин сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов занял пост главнокомандующего армиями; считали, что Барклай и Багратион оба не достойны этого поста, тем более что Барклай делал под Смоленском одну глупость за другой. Я мог лишь уступить всеобщему желанию, и я назначил Кутузова... Что до таланта, то мне, быть может, его недостаёт, но он не даёт сам по себе: это подарок природы и никто не может разжиться им самостоятельно. Я получаю столь скудную помощь, испытываю повсеместную нехватку средств, управляю столь громадной машиной, в условиях ужасного кризиса, и веду борьбу с дьявольским противником, обладающим исключительным коварством, самым выдающимся талантом, поставившим себе на службу силы всей Европы и массу талантливых людей, сформировавшихся за двадцать лет войн и революций. Если судить справедливо, придётся признать неувидительным, что меня постигли неудачи⁷⁸.

Несмотря на всю обрушившуюся на него критику, Александр I оставался непоколебим, верен намеченной цели. Он отказывался от каких-либо переговоров с Наполеоном, пока на земле империи будет находиться хотя бы один вражеский солдат. Но тем временем гнев, сомнение и горечь расшатывали дисциплину в русской армии.

Дезертирство, до той поры редкое, широко распространилось. «Побеги солдат... весьма увеличились после сдачи Москвы... В один день переловили их четыре тысячи»⁷⁹, – сообщал Александр Михайловский-Данилевский, в то время адъютант Кутузова. Сам фельдмаршал тоже быстро признал размах дезертирства: 18 сентября он написал губернаторам тульскому, калужскому, владимирскому, рязанскому и тамбовскому, предупреждая их: «Мародёрство в армии увеличивается и даже распространилось в губернии от театра войны»⁸⁰. Он призывал их принять жёсткие меры для борьбы с поражением. Но, хотя он с готовностью призывал к очень суровым наказаниям – дезертирство каралось смертной казнью, – он знал, что

нет другого способа поднять дух солдат, кроме побед. Он занялся их подготовкой.

Покинув 14 сентября Москву, армия Кутузова отправилась по Рязанской дороге в юго-восточном направлении, преследуемая авангардом кавалерии Мюрата под командованием Себастиани; впрочем, Себастиани скоро потерял след Кутузова. Дело в том, что французы, думая, что преследуют всю русскую армию, преследовали лишь её малую часть: арьергард русской армии с казачьей кавалерией князя Васильчикова действительно направлялся на Рязань, но основная часть войска свернула к югу, в направлении деревни Тарутино, где и расположилась 4 октября⁸¹. 22 сентября, поняв, что Кутузов его обманул и враг в очередной раз от него скрылся, Мюрат вернулся в Москву...

В Тарутино Кутузов оказался в прямой связи с центрами снабжения центральной России и с центрами оружейного производства в Калуге и Туле; заняв эту позицию, он отрезал наполеоновскую Великую армию от ещё не тронутых южных областей и угрожал коммуникациям на западе. Таким образом, фельдмаршал после катастрофической сдачи Москвы мог быть относительно удовлетворён своей позицией. На месте он занимался тем, что кормил людей, снаряжал их к ожидающимся большим холодам и давал отдохнуть.

Жизнь в русском лагере была почти приятной. Фельдмаршал восстановил церковные службы и сделал их обязательными в воскресные и праздничные дни; он построил для своих людей бани и несколько смягчил дисциплину. Спустя несколько дней жизнь, как ни странно, казалась нормальной:

На месте, где было село Тарутино Анны Никитишны Нарышкиной, и в окрестностях оногo явился новый город, которого граждане – солдаты, а дома – шалаши и землянки. В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краев выставляет все дары свои. Здесь, сверх необходимых жизненных припасов, можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы!.. тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо! На площадях и рынках тарутинских солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни⁸².

Численность русской армии продолжала расти: 110 тысячам солдат Великой армии, которые покинут Москву, Кутузов сможет противопоставить 130 тысяч регулярных бойцов и казаков, а также 120 тысяч ополченцев⁸³. У него будет больше и артиллерийских орудий: 622 против 569 Великой армии. Такое же численное превосходство установилось и на других фронтах. На севере корпус Витген-

штейна, оставшийся на Двине, получил подкрепления – петербургское и новгородское ополчения, а также 20 тысяч солдат из финского корпуса; теперь он насчитывал 68 тысяч солдат, противостоявших 52 тысячам Макдональда, Удино и Гувьона Сен-Сира. На юге царь приказал 50-тысячной армии Чичагова объединиться с 33-тысячной армией Тормасова, «подняться к верховьям Березины, где находился Витгенштейн, и находиться на флангах французской армии, которая окажется зажатой между ними и Кутузовым»⁸⁴. Объединённая армия насчитывала 83 тысячи человек – почти вдвое больше, чем войска Шварценберга, Ренье и польской дивизии Домбровского, в общей сложности составлявшие 46 тысяч бойцов. Но, несмотря на это увеличение личного состава, которое могло показаться добрым предзнаменованием для грядущих дней, отношения в российском высшем командовании оставались напряжёнными. Соперничество и злопаметность так свирепствовали, что злосчастный Барклай-де-Толли, физически и душевно истощенный, уставший от нападков Кутузова, стремившегося дискредитировать его в глазах Александра I, попросил у царя увольнения и 4 октября покинул армию⁸⁵. Через несколько дней, 15 ноября, то же самое произойдёт и с Беннигсеном.

Это возрастание численности личного состава сопровождалось изменением природы русской армии, которая, кроме регулярных и нерегулярных (то есть казачьих) полков, а также появившихся в июле ополчений, теперь включала в себя и партизан. Подобно большому числу дворян и самому Александру I, Кутузов долго не решался вооружить *мужиков*; но массовый приток в армию переданных владельцами в армию крестьян, которые желали драться, заставил его занять по этому чувствительному вопросу компромиссную позицию: отчизна, оказавшись в беде, должна рассчитывать на всех своих сыновей.

Эти новые войска были поставлены под командование поэта и подполковника Дениса Васильевича Давыдова, который, служа в гусарском полку в авангарде генерала Васильчикова, 3 сентября, то есть за несколько дней до Бородинского сражения⁸⁶, обратился к Багратиону, а затем к Кутузову за дозволением создать партизанский отряд из 50 гусар и 80 казаков. Модель, созданная Давыдовым, – маленький и чрезвычайно мобильный отряд – была воспроизведена и размножена во время пребывания в Тарутино. Из 26 казачьих полков, только что прибывших в лагерь, были созданы небольшие отряды. «Партизаны», или «вольные стрелки», всегда находившиеся под командованием офицеров регулярной армии⁸⁷, состоявшие по большей части из отрядов лёгкой кавалерии, к которым присоединялись крестьяне-добровольцы⁸⁸, могли наносить самые разнообразные удары. Они разрушали мосты и дороги, атаковали вражеские линии

коммуникации и оккупированные деревни, освобождали и вооружали военнопленных, организовывали засады и военные операции против мародёров, дезертиров и отдельных солдат, которые бродили в поисках провианта и фуража. С момента создания и до конца декабря они превратились в ценных помощников регулярной армии. Их роль была не менее важна в разведке и шпионаже, изучении вражеских коммуникаций и оккупированных территорий, на которых они нередко получали от крестьян ценную информацию.

И хотя порой партизаны грабили точно так же, как и Великая армия⁸⁹, они всё равно постепенно внушали на оккупированных территориях и на линии фронта патриотические чувства, не стесняясь самолично наказывать изменников и коллаборационистов. В своём дневнике Давыдов вспоминает, как он приказал высечь помещика, виновного в шпионаже в пользу врага, на глазах у его крестьян⁹⁰. Кроме того, что было совершенно небывалым в русской истории явлением, в некоторых партизанских отрядах воевали женщины – крестьянки, которые решили драться бок о бок со своими отцами, братьями, мужьями, а то и заменяли их после гибели мужчин. Именно так было с Василисой Кожинной⁹¹. Жена старосты⁹² из Смоленской губернии, убитого на её глазах французскими солдатами, Василиса заняла его пост и организовала партизанский отряд из женщин и подростков. Юная Прасковья, чью фамилию источники нам не сообщают, уроженка Смоленской губернии⁹³, тоже организовала отряд женщин, который нападал на отдельных мародёров и фуражиров. Наконец, в Витебской губернии Федора Миронова стала по собственной инициативе разведчицей, и её храбростью и умом восхищался сам генерал Коновницын...

Значит ли это, что весь народ, весь крестьянский мир, поддержал армию и царя и никто не попытался воспользоваться кризисом, дестабилизировавшим государство, чтобы выступить против крепостного права и власти помещиков? В действительности на территории империи возникли сильные волнения. Уже летом в Витебской губернии восставшие крепостные убивали своих помещиков; в сентябре крестьяне Тверской губернии поднялись против своих господ; в декабре началось восстание в только что составленном ополчении; а в Московской губернии воцарилась анархия⁹⁴. Тем не менее эти волнения остались ограниченными; они означали не присоединение к французским принципам свободы и братства, но глубокое чувство возмущения злоупотреблениями и мздоимством со стороны управляющих имениями. В сентябре генерал Александр Бенкендорф был послан в Тверь генералом Фердинандом фон Винцингероде, военным комендантом округа, чтобы восстановить порядок и наказать мятежников. Но его отчёт оказался неожиданным: вместо того, что-

бы уличать крестьян, Бенкендорф заявил, что они невиновны, и обвинил в злоупотреблениях управляющих поместьями и царских чиновников:

Позвольте мне говорить с вами без обиняков. Крестьяне, которых губернатор и другие власти называют возмущившимися, вовсе не возмутились. Некоторые из них отказываются повиноваться своим наглым приказчикам, которые при появлении неприятеля, так же как и их господа, покидают этих самых крестьян, вместо того чтобы воспользоваться их добрыми намерениями и вести их против неприятеля... Имеют подлость утверждать, будто некоторые из крестьян называют себя французами. Они избивают, где только могут, неприятельские отряды, отправляют в окружные города своих пленников, вооружаются отнятыми у них ружьями и защищают свои очаги... Нет, генерал, не крестьян нужно наказывать, а вот нужно сменить служащих людей, которым следовало бы внушить хороший дух, царящий в народе... Я отвечаю за это своей головой⁹⁵.

Этот зарождавшийся патриотический порыв плохо сочетался с выжидательной стратегией Кутузова; фельдмаршал оказался мишенью суровой критики со стороны всех тех, кто, объединившись вокруг полковника Толя, требовал наступления против наполеоновских войск. Вечером 16 октября Кутузов решил нанести внезапный удар и покончить с французским авангардом, в котором было 7–8 тысяч человек кавалерии Мюрата, 11 тысяч кавалеристов и 5 тысяч пехотинцев польского корпуса Понятовского, поляки императорской гвардии Кларапеда и остаток одной из дивизий Даву. Но удар, который должен был произойти на заре 17 сентября, задержался на 24 часа... Ермолов был настолько пьян, что с вечера 16-го не был способен ни на что! Рано утром 18 октября авангард Великой армии подвергся внезапному нападению генерала Багговута слева и полковника Орлова-Денисова справа. На стороне русских было численное преимущество – пять к одному; нападение было тщательно подготовлено Толем, но руководил им Беннигсен⁹⁶. 67-летний генерал представлял собой лишь тень того тактика, каким он был в прошлом; на протяжении всего боя его противоречивые и путанные приказания очень затрудняли русским воинам выполнение боевой задачи. Вначале у русских было преимущество, но авангард Великой армии отважно сопротивлялся, и Беннигсен потребовал подкреплений. Однако Кутузов на протяжении долгих часов не позволял Милорадовичу бросить свои два корпуса в атаку, которая могла бы отрезать Мюрату отступление⁹⁷. Это важнейшее решение оказалось спасительным для авангарда Великой армии: Мюрат и Понятовский сумели спастись оврагами Спас-Купли, потеряв «всего-навсего»

3–4 тысячи солдат и 38 орудий, отбитых у генерала Себастиани. Хотя русские потери были куда меньше (чуть более тысячи человек, в том числе генерал Багговут), битва при Винково разочаровала Толя, рассчитывавшего на лучший результат. Тем не менее она стала поворотным моментом войны: русские впервые, перейдя в наступление, одержали верх над врагом.

Поворотным моментом бой при Винково стал и для Наполеона.

После долгих колебаний, ожидания переговоров и перемирия, которое так и не было заключено, начиная с 13 октября император и его окружение рассматривали самые разные сценарии дальнейших действий. Наполеон всерьёз предполагал идти походом на Петербург; Ней, Мюрат и Коленкур высказывались за отступление на более надёжные позиции к Смоленску и Витебску; Дарю предлагал провести зиму в Москве, заботясь о раненых и больных. 16 октября, через три дня после того, как выпал первый снег, Наполеон принял решение отходить к Смоленску: его курьерам, подвергавшимся нападениям казаков или партизан, было всё труднее добраться до ближайшей почтовой станции, и император чувствовал себя отрезанным от Парижа без возможности влиять на положение дел во Франции. До Смоленска Наполеон планировал добираться южным путем – по Калужской дороге, расположенной в сотне километров от Можайской дороги, той самой, по которой он пришёл в Москву. Этот выбор объяснялся двумя причинами: во-первых, разорённая Можайская дорога не могла обеспечить Великую армию; во-вторых, Кутузов, находившийся в Тарутино, мог бы успеть в Смоленск раньше Великой армии, если бы она направилась через Можайск, расположенный ближе к Тарутино, чем к Москве.

Задача подготовить прибытие Великой армии в Смоленск выпала на долю молодого Анри Бейля, который в будущем станет известен как Стендаль. Чиновник министерства военного управления, он участвовал в походе на Россию в составе интендантских служб. Назначенный генеральным директором резервного снабжения, он получил задание «отправиться в Смоленск, чтобы создать в Смоленской, Могилёвской и Витебской губерниях резервное снабжение». Эта миссия отнюдь не вызвала у него энтузиазма:

Я сопротивлялся как чёрт, я заявил, что это дело интендантов; перо отказывается записывать услышанный мною ответ.

Но ему пришлось повиноваться:

Наконец, после того, как я неделю отказывался и делал то, что мне позволяло моё уважение, я был облечён этой смоленской миссией... У меня есть некоторое влияние на интендантов в Смолен-

ске, Могилёве и Витебске. Не знаю, как пойдёт дело. Мне кажется, это неправильная мера⁹⁸.

И 16 октября Бейль покинул Москву, отправившись в Смоленск с обозом из 1500 раненых и эскортом в 200–300 человек. Но, хотя Наполеон и решил повернуть назад, он всё ещё не назначил дату отъезда. И именно новость о битве при Винково заставила его 19 октября покинуть Москву. Это решение было отчасти импровизированным. Вот уже несколько недель интендантские службы имели приказ создавать запасы в расчёте на долгое пребывание в Москве. Но эти запасы было невозможно увезти с собой из-за нехватки транспортных средств. В частности, пришлось бросить громадные запасы овса, которого, по словам генерала Гисберта ван Дедема, «хватило бы на корм 20 тысячам лошадей в течение шести месяцев»⁹⁹. Ниже мы увидим, к чему привела эта непоследовательность...

В 7 часов утра 19 октября первые полки Великой армии оставили Москву: последние полки покинут город около часа ночи 23 октября. Наполеон, уехавший из Москвы в 14 часов 19-го, оставил на месте около 8 тысяч солдат под командованием Мортье, генерал-губернатора города, которые должны были уничтожить сохранившиеся мосты и общественные здания и не позднее 23-го взорвать Кремль. 20 и 21 октября люди выполняли это жестокое и бессмысленное задание, разрушив Арсенал, большую часть Кремлёвской стены и часть Красной площади. Наконец, в ночь с 22 на 23 октября 5 взрывов, столь сильных, что они были слышны за 40 км, серьёзно повредили церкви, дворцы, лестницы и башни Кремля. Лишь колокольня Ивана Великого, «чудесным образом» спасённая промокшим фитилём¹⁰⁰, сумела выдержать этот акт вандализма. Но именно на развалинах многострадального города будет выковано новое национальное чувство.

Рождение нации

В 8 часов 14 сентября, Ростопчин, всё ещё находившийся в Москве, писал своей жене, которую он вместе с детьми отослал в направиении Владимира:

Друг мой, я посылаю тебе Якова¹⁰¹, чтобы сказать тебе, что всё кончено: я считаю, что Россия погибла навсегда. Император уступит настойчивым просьбам своего окружения и помирится с Наполеоном. Я несчастен в большей степени, чем ты можешь себе представить. Когда ты получишь это письмо, Москва будет испепелена; прости меня, что я решил строить из себя римлянина, но если мы её не сожжём, мы разграбим город. Затем это сделает На-

полеон, и я не хочу оставлять ему это торжество. Я рассчитываю следовать за армией вплоть до границ моей губернии; затем я приеду к тебе. Прощай, друг мой, поцелуй детей. Что с нами будет?¹⁰²

Это письмо, проникнутое отчаянием и пессимизмом в отношении будущего страны, не оставляет никаких сомнений по поводу прямой ответственности Ростопчина за пожары в первопрестольной. Но, хотя многие русские так ему и не простили разрушение Москвы, нужно подчеркнуть, что не только Ростопчин отстаивал и практиковал тактику выжженной земли. Кутузов, покидая Москву, сам приказал сжечь все склады и магазины фуража¹⁰³, чтобы ничего не оставлять врагу. И хотя Ростопчин и Кутузов не входили в сговор, но эти два человека, так ненавидевшие друг друга, тем не менее действовали одинаково.

Сдача Москвы и вступление Великой армии в священный город, пожар, «ответственность» за который с конца октября официально возлагалась на французов¹⁰⁴, и, наконец, их попытка взорвать Кремль потрясли русских как дворян, так и простых людей.

Те, кто остался в Москве, прошли через недоверие, растерянность, внезапное открытие для себя врага, чьё поведение вызывало ужас, а порой облегчение, когда оказывалось, что враг не настолько жесток, как ожидалось.

Если дворяне очень быстро поняли масштабы беды, то в семьях попроще, среди ремесленников или купцов, вначале циркулировали странные слухи, вызывающие путаницу в умах. Есть несколько свидетельств, не связанных между собой, о том, что солдат Великой армии, входивших в Москву, принимали за... англичан, которые пришли на помощь царю!¹⁰⁵

Поведение солдат Великой армии быстро отрезвило москвичей, вывело их из заблуждения, а размах насилия вызвал всеобщую тревогу. Ряд документов подчёркивает масштаб грабежей, воровства и святотатства, совершённых людьми «без веры». Вступив на территорию Донского монастыря, «французы... начали раздевать монахов и требовать золота и серебра»¹⁰⁶; в Архангельском соборе Кремля они вскрывали захоронения царей в поисках сокровищ: «спустились с факелами в подземелье и взрыли, перебудоражили самые гробы и кости почивших»¹⁰⁷. Подобные богохульства подтвердили сложившийся в душах людей образ варваров. Французский католический священник Москвы аббат Сюррюг, оставшийся в городе, чтобы следить за спасением своей паствы, в своих письмах тоже обрушился на преступное безбожие своих соотечественников.

За шесть недель, что французы здесь находились, я ни разу не видел даже тень Наполеона, да и не стремился его видеть. Мне го-

ворили, что он, может быть, пошлёт за мной; я содрогался при мысли об этом, но я избежал этого. Он не пришёл в нашу церковь и вряд ли даже думал об этом. Четыре или пять офицеров из старинных французских родов присутствовали на службах; двое или трое исповедались. Впрочем, вы поймёте, чего стоит христианская вера этой армии, когда узнаете, что в войске из 400 тысяч человек, а столько их было при переправе через Неман, не было ни единого капеллана. За время их пребывания в Москве умерло более 12 тысяч человек, и я похоронил с обычными обрядами лишь одного офицера и слугу генерала Груши; всех остальных, офицеров и солдат, хоронили их товарищи в первом попавшемся саду. Они не кажутся людьми, верующими в загробную жизнь. Я однажды появился в зале, где находились раненые офицеры: все они говорили о своих физических ранениях и никто о духовных недугах, а ведь треть их них уже была в шаге от смерти. Я крестил нескольких детей солдат – это единственное, о чём они ещё беспокоятся, – и со мной обращались уважительно. В остальном религия для них лишь пустой звук¹⁰⁸.

В письмах неоднократно встречаются сетования на то, что «Бонапарт», не уважая дома Божии, посмел превратить немногие оставшиеся церкви в конюшни, в то время как «даже татары не позволяли себе подобных гнусностей»¹⁰⁹. Большинство рассказов полны непонимания и негодования. Но когда заходит речь о физическом насилии над местным населением, источники уже не столь единодушны. Есть один интересный нюанс.

В большинстве дошедших до нас документов Великая армия в целом описывается как армия французов, а если (что встречается редко) в письмах и рассказах упоминаются «иностранцы» Великой армии – чаще всего поляки, вюртембергцы и баварцы, – их всегда обвиняют в жестокости и немотивированном насилии. О французах этого не говорят – то ли они действительно себя вели лучше, то ли русское франкофильство выдержало даже испытание войной. По воспоминаниям современников, французские солдаты, за редкими исключениями, не были замечены в чрезмерной жестокости. Конечно, они воровали и грабили не меньше, чем представители других наций Великой армии, но они, по всей видимости, совершили меньше насильственных и преступных действий по отношению к мирным жителям. Молодой купец, владелец магазина муки, был вынужден остаться в Москве со своей матерью и тремя младшими сёстрами. В своих воспоминаниях он описывает, как они боялись прихода «французов» и как торопливо прятали своё скудное добро в ларце, запрятанном подальше от чужих взглядов; лишь фамильная икона Богородицы Смоленской осталась висеть на своём месте, поскольку

её размеры и вес не позволяли ее перенести и спрятать. В дом купца неоднократно заходили солдаты, блуждавшие в поисках добычи по улицам города. В первый раз незваные гости попытались снять с иконы серебряный оклад. Мать молодого человека умоляла их не трогать икону; солдаты рассердились, закричали, напугав детей, которые бросились бежать, но икона в конечном счёте уцелела:

Это были не настоящие французы; а настоящие-то были так милосерды; как бывало, придут, мы их сейчас узнаем по речи да по манерам и не боимся, потому знаем, что у них совесть есть. А от их союзников упаси Боже! Мы их так и прозвали беспардонное войско¹¹⁰, что их ни просьбой, ни слезами не возьмёшь. В народе даже говорили, что их пуля не берет. Коли не делом, так уж словом обидят... А французы уж, бывало, не обидят даром. Пришли они раз и стали везде шарить. Сестры сробели и убежали из комнаты, а сами из двери выглядывают. Как они их увидели, сейчас позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день глядим, идут опять те же самые с гостинцами: принесли детям игрушек, из лавок, вероятно, взяли¹¹¹.

Это не единственный такой рассказ; другие свидетельства тоже указывают на некоторое благодушие, а то и доброжелательность французских солдат и офицеров, которая оставила следы в коллективном бессознательном русских.

Те, кто остался в Москве, пережили не только потрясение в связи с оккупацией города, но и огромные материальные трудности. Недели сменяли друг друга, найти пропитание в городе становилось все труднее: припасы закончились, повсюду царило насилие. Шевалье д'Изарн, француз, живший в Москве до войны и решивший остаться, рассказал о смятении жителей, предоставленных самим себе и зависящих от доброй воли оккупантов, в городе, превратившемся в руины:

Едва можно было понять, где раньше проходили улицы. Повсюду на улицах и во дворах лежали трупы... Дохлые лошади перегораживали пути, дохлые коровы и собаки лежали вперемежку с человеческими телами. И повешенные – это были поджигатели, тела которых повесили, сначала их расстреляв. Люди проходили мимо всего этого с удивительным безразличием. Знакомые встречались и не узнавали друг друга, так всех переменяло несчастье; но что особенно надрывало душу, так это толпы плачущих людей, говоривших, что у них и у их семьи нет хлеба. Всё дошло до такой крайности, что люди прятались, чтобы съесть свой плохонький обед, а скромность не позволяла принять то, что вам предлагали. Голод породил новый род грабежа; каждый, боясь за своё выжива-

ние, бежал рыть картофель и собирать капусту, но солдаты поторопились опередить других; и горе тем, кто хотел собирать урожай рядом с ними или кто возвращался с полей без эскорта. Речь шла о выживании, и все работали наперегонки друг с другом, чтобы запастись едой¹¹².

Эти документы показывают, как тяжело пришлось москвичам во время оккупации города Великой армией. Но интересно, что в этот ключевой момент войны 1812 года потрясения и невзгоды оказали воздействие даже на тех людей, которые непосредственно не подвергались опасности. Всего за несколько недель в прессе, литературе, изобразительном искусстве и народных песнях проявилось национальное чувство необыкновенной широты.

В Бюллетенях Великой армии заявлялось о борьбе от имени цивилизации с варварством, а русская элита стала применять эти понятия, поменяв стороны местами. В частных письмах и газетных статьях звучат метафоры, в которых варварами называют завоевателей, при этом используются известные исторические фигуры и эпизоды русской истории: обличаются «новые монголы», «новые татарские орды», «новые разбойники». Простой народ испытывал такие же чувства: в письме Александру I, написанном в начале октября, Кутузов заявляет: «...ежели бы я и желал переменить образ мыслей сей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитают, равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание»¹¹³.

В большинстве писем, написанных в то время, Наполеона изображают «жестоким врагом человечества», «чудовищем»; его редко называют по имени, он либо «корсиканец», либо «Буонапарте»¹¹⁴, формулы презрительные и удобные для русского дворянства, несмотря на войну сохранившего симпатии к Франции. Если Наполеон не француз, а корсиканец, ничто не мешает взывать к его гибели на чистейшем французском языке! «Злодей», «антихрист», он воплощает абсолютное зло. Этот образ, проникнутый религиозностью, был чрезвычайно важен: именно он постепенно позволил придать борьбе с Наполеоном религиозное, даже мистическое измерение.

Сдача Москвы, пожар и мученичество, пережитое городом, когда Великая армия его покидала (гнев будет особенно силен после взрывов в Москве, кажущихся тем более жестокими и варварскими, что они не имели никакого практического смысла), глубоко изменили природу войны. Да, сначала сдача Москвы погрузила армию и население в глубочайшее расстройство душевных сил. В середине октября К. Н. Батюшков, находясь в Нижнем Новгороде, в 400 км от Москвы, написал письмо другу П. Вяземскому, которое показывает, сколь велико было потрясение:

У Архаровых собирается вся Москва, или лучше сказать, все бедняки: кто без дома, кто без деревни, кто без куска хлеба, и я хожу к ним учиться физиономиям и терпению. Везде слышу вздохи, вижу слезы – и везде глупость. Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: *point de paix!* (никакого мира! – *Примеч. пер.*)... Потерю Москвы немногие постигают. Она, как солнце, ослепляет. Мы все в чаду¹¹⁵.

Но в то время как Великая армия, в которой резко упала дисциплина, продолжала разлагаться, русская армия и мирное население сплотились вокруг царя во имя защиты Отечества и православной веры. Сомнения и критика, звучавшие даже в армии, уступили место сплочению, священному союзу, беспрецедентному в русской истории¹¹⁶. Конечно, власти сыграли ключевую роль в формировании и углублении чувства национального единства. Использование московского пожара, ответственность за который была официально возложена на вражескую армию, указы Александра I, призывающие к сопротивлению во имя Бога и Отечества, активное использование властями близких к ней газет и журналов – всё это внесло свой вклад в рождение глубокого чувства патриотизма. Но это нисколько не затмевает того факта, что священный союз с царём занял важное место в народной литературе, в песнях и в *лубках*, маленьких красочных гравюрах¹¹⁷, иллюстрировавших сценки и рассказы, продававшихся на рынках и ярмарках и украшавших дома. Эта народная поддержка сыграла большую роль в пробуждении русского патриотизма.

В песнях и лубках 1812 года тема войны представлена очень широко, а вместе с ней и тема борьбы против французского чёрта, которого русский народ и армия могут одолеть. В лубках и песнях действуют не только царские солдаты, но и дети, старики, старухи, которые по причине возраста не могут вступить в царскую армию, но сопротивляются завоевателям, вооружившись вилами и мотыгами, а также проявляя храбрость и выказывая нравственную силу¹¹⁸. На протяжении 1812 года изготовление лубков и способы их распространения эволюционировали. Теперь их создавали известные художники-карикатуристы, получившие образование в императорских живописных школах, – Иван Алексеевич Иванов, Иван Иванович Теребенев и Алексей Гаврилович Венецианов; кроме того, лубки теперь печатали большими тиражами. Новые лубки, с одной стороны, отражали патриотический настрой населения, с другой стороны, помогали его выковать и структурировать¹¹⁹.

В народных и военных песнях 1812 года звучат темы разрушений и страданий, которые перенесла русская земля:

Загорелись кровы мирные,
Запылали храмы Божии,

Полились слёзы горячие
У старушки каменной Москвы¹²⁰.

В то же время в них героизируются главные фигуры царской армии. Кутузов становится предметом самого настоящего культа. В песне, написанной после сдачи Москвы, поется:

Хоть Москва в руках французов,
Это, братцы, не беда!
Наш фельдмаршал, князь Кутузов,
Их на смерть привёл сюда.

* * *

Ой, да как один, один-то не спужался,
Вот Кутузов, всем нам командир!

* * *

Перед ним¹²¹ стоял генералушка – сам Кутузов,
Уж он речь-то говорил, генералушка;
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка, православный царь!
А мы встретим злодея среди пути,
Среди пути, на своей земле,
А мы столики поставим ему – пушки медные,
А мы скатерти ему постелим – вольны пули,
На закусочку поставим – калёных картеч;
Угощать его будут – канонерушки,
Провожать его будут – все казачушки.

* * *

А Кутузов был генерал,
Ночи не спал, не дремал»¹²².

Пелись песни и создавались лубки и про других великих командиров, например Багратиона и Платова¹²³.

Рождающееся из общего несчастья национальное чувство преодолевало региональные и культурные различия. Если до войны русская и в первую очередь московская элита испытывала чувство превосходства, а то и высокомерия по отношению к провинциалам и этническим меньшинствам, то за время войны подобное отношение было по большей части забыто. Москвичи, вынужденные покинуть первопрестольную и укрыться на востоке страны, в провинциальных городах, заново открыли для себя этот мир. Если до войны этнические меньшинства империи воспринимались как жители едва цивилизо-

ванных окраин, в 1812 году они стали героями как письменных, так и устных источников, а также лубков, что свидетельствует о восхищении и благодарности русских по отношению к калмыцким, татарским и башкирским полкам. Напротив, общественное мнение глубоко враждебно было настроено к евреям западных областей России, обвинённым в том, что они встречали Наполеона с распростёртыми объятиями.

Национальное чувство единства, преодолев региональные, культурные и этнические барьеры, пронизало все сословия. Конечно, на начальном периоде войны французские прокламации, распространявшиеся в Витебской и Смоленской губерниях и обещавшие крестьянам свободу, вызвали волнения среди населения: как было сказано ранее, дворян убивали, их имения грабили, что заставило власть бояться новой «пугачёвщины»¹²⁴, нарушения социальной стабильности¹²⁵. Но народный взрыв, которого опасались, так и не прогремел; напротив, народ (в особенности крестьяне) проявил лояльность к власти, насильственные выступления остались единичными случаями. Именно в этом корни восхваления народа и армии. Дворяне, опасавшиеся восстания крепостных и теперь успокоенные патриотизмом простых людей, прославляли их храбрость и верность:

В Тамбове все тихо... До нас доходит лишь шум, производимый рекрутами. Мы живем против рекрутского присутствия, каждое утро нас будят тысячи крестьян: они плачут, пока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря, что не о чем горевать, что такова воля Божья. Чем ближе я знакомлюсь с нашим народом, тем более убеждаюсь, что не существует лучшего...¹²⁶

Неудивительно, что на следующий день после победы в обществе появится мнение, что крепостные крестьяне заслуживают награды за свой героизм – большей свободы, а то и полного раскрепощения.

Как мы видим, из пожара священного города выросло сильное патриотическое чувство, которое сплотило народ вокруг царя и Кутузова. Тем временем Великая армия продолжала терять единство и легендарную дисциплину, что делало ее всё более и более уязвимой.

8. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Покидавшее 19 октября Москву войско ничем не напоминало ту Великую армию, которая четыре месяца назад форсировала Неман. Вместо дисциплинированных, подтянутых, соблюдавших идеальный строй солдат из города уходила пёстрая толпа – мужчины, женщины, дети попеременно с лошадьми и повозками. Это странное шествие нельзя было назвать армией.

Уход Великой армии

20 сентября в городе и его окрестностях насчитывалось приблизительно 80 тысяч пехотинцев и 16 тысяч всадников. За четыре недели пребывания Наполеона в Москве армия сократилась примерно на 10 тысяч человек, в большинстве случаев из-за нападений казаков и вооружённых крестьян. Благодаря прибывшим из Смоленска подкреплениям 19 октября в путь отправились примерно 104 тысячи бойцов (в том числе три тысячи офицеров). Конечно, нельзя сбрасывать со счёта и те 100 тысяч человек, что были оставлены охранять коммуникации, склады и амбары, а также управлять оккупированными городами, но всё равно сравнение численности солдат, переправившихся через Неман начиная с июня, с тем количеством французских войск, которое теперь покидало первопрестольную, показывает, сколь велики были потери завоевателей с начала похода.

Физическое состояние солдат было разным. Для тех, кто 4 недели стоял бивуаком за пределами города, плохо ел, страдал от непогоды и нападений казаков, московский месяц стал тяжёлым испытанием. Младший лейтенант Дюк в своём дневнике сообщает, что уже в начале октября положение стало критическим из-за нехватки провианта и фуража¹:

Люди и лошади изнемогали от усталости. Ночи были уже холодными; землю покрывал иней. Нужда была беспросветной, лошади дохли, как мухи, симметрично ложась вокруг лагеря подобно укреплениям. Как отвратительно было смотреть на это! Лошадей расчленяли, ведь другой еды у нас не было. У нас не было даже столь необходимой приправы, как соль. Наконец, наступил конец русской осени, туманный, с регулярными заморозками; он ещё умножил наши страдания, хотя, казалось, это было уже невозможно.

На всех лицах читалось отчаяние. Нам повезло, что холодная и сухая погода замедляла гниение окружавших нас дохлых лошадей².

Роос, врач из вюртембергского полка, описывал страдания людей и лошадей:

Наша жизнь в лагере была достойна сочувствия. Холод, часто очень сильный ночью, вынуждал нас запастись большим количеством леса. Провизия в деревне и окрестностях быстро закончилась. Мы начали разбирать конюшни и риги. Конец балки клался в костёр, а затем её подталкивали, пока она полностью не сгорит. Когда не осталось ни конюшен, ни риг, принялись за избы. Вскоре от всей деревни осталось лишь несколько комнат для старших офицеров и больных.

Соломы у нас еле хватало на прокорм лошадей. Мы ложились на неё ночью, а потом скормливали её лошадям. Часто ночи были столь холодны, что мы прятались под соломой, чтобы уснуть; а на следующее утро эта солома так промерзала, что приходилось ломать её, чтобы выбраться наружу. Лошади отошали, а сёдла покрылись изморозью... Мы варили пшеницу, перловку, гречиху, которую нам удавалось добыть. Её варили, пока зёрна не раздуются, не треснут, не размягчатся. Затем с них снимали кожицу, и делали из них суп и кашу. Часть зёрен мы откладывали, чтобы сделать из них хлеб – а вначале мололи их. Эта работа была тяжела для наших тощих ослабевших рук³.

Гвардейцам повезло больше. 4 недели они жили в Москве, где могли сносно питаться, отдыхать, иногда развлекаться, поэтому они пустились в путь в относительно хорошей физической форме. Но и на них остановка в Москве оказала разрушительное воздействие с моральной и психологической точки зрения. Разбогатев грабежами, они теперь мечтали лишь о том, чтобы вернуться домой с ценной добычей:

Когда настал рассвет, один набросил на плечи богатое одеяние московского буржуа, другой завернулся в свой плащ из толстой шерсти, а ещё один перебрросил через плечо мешки с хлебом из красного сафьяна... и наш отряд принял самый пёстрый и диковинный вид, какой когда-либо был у армии. Предвидя наши будущие лишения, мы набили карманы московским сахаром и чаем, и тащили эту ношу как можно дольше. Сахар, взятый из сгоревших магазинчиков, сам наполовину обгоревший, походил на серо-коричневую соль, которую принимают как слабительное⁴.

Вслед за военными двигались штатские, состоявшие при Великой армии: санитары, инженеры, кузнецы, булочники, маркитантки –

примерно 2 тысячи человек, тоже извлекая выгоду из оккупации города. От 5 до 10 тысяч повозок, фургонов, телег⁵ были набиты добычей:

Причудливым зрелищем был этот беспорядочный караван повозок в любом роде, военных повозок, маленьких тележек, колясок, *дрожек*, по большей части запряжённых маленькими русскими лошадаками, который с трудом тащился по песку... Хотя мы почувствовали уготованные нам тяготы, каждый из нас хотел привезти домой свою долю трофеев, и даже самый мелкий служащий раздобыл повозку и уложил в неё что-нибудь ценное. У меня были меха, картины великих мастеров, свернутые в рулоны для удобства перевозки, и немного драгоценностей. Один из моих товарищей погрузил на повозку огромный ящик настойки хинного корня; другой – целую библиотеку красивых книг с золотым обрезом, переплетённых в красный сафьян...⁶

Наконец, за Великой армией следовали и «люди из всех стран, обоих полов, ни своими интересами, ни своим языком не имевшие отношения к этой толпе, лишь машинально повинаясь чувству необходимости. Даже те французы и немцы, что жили в Москве до нашего прибытия, покинули город; они боялись подвергнуться мщению варваров, если останутся здесь. Они бежали, уводя с собой женщин и детей, и крохи того, что им принадлежало»⁷.

Тысячи мирных людей целыми семьями двинулись в путь, тем самым ещё увеличив и без того бесконечную колонну: это были актёры (несмотря на меры защиты, принятые по отношению к ним Александром I), ремесленники, гувернёры, учителя, модистки, флористы, которые, боясь народного мщения, предпочли покинуть страну. Не все ушли из Москвы. Аббат Сюррюж решил остаться со своими прихожанами, но мало кто последовал его примеру. Эти мирные люди, смешавшиеся с французским арьергардом, стали дополнительной помехой Великой армии в тех сражениях, которые пришлось вести отступающим войскам.

Душевное и психологическое состояние солдат и офицеров Великой армии тоже было разным, конечно, нельзя говорить о пораженческих настроениях, но пришло время сомнений и вопросов.

Императорская гвардия сохранила свой боевой пыл и верность императору. Она не сомневалась ни в военном гении, ни в стратегических решениях Наполеона: многие солдаты испытывали почти религиозное уважение к «великому человеку, который ведёт нас»⁸. Но в других полках всё больше солдат чувствовали усталость, а то и отчаяние. И хотя в целом наполеоновские солдаты сдерживали эмоции, чтобы не напугать свои семьи, и в письмах они скорее приуменьшали

выпавшие на их долю трудности и невзгоды⁹, но под воздействием страшного похода в Россию они становились всё откровеннее. А., служащий генерального интендантства¹⁰, не скрывал своей тревоги, покидая Москву:

Моё здоровье слабеет, а тоска всё сильнее; у меня нет хорошего жилья, нет белья, уже нет ни рубашек, ни одежды, ни сапог, нет хорошей еды в сгоревшем городе на 400 тысяч человек, полном развалин: вот моё положение в 800 лье от дома! Я в отчаянии... Мы перенесём генеральный штаб в Калугу; мы скоро уедем; ещё сорок лье; если там будет так же плохо, как здесь, о Боже, есть от чего умереть!

Когда Вы подробно узнаете, мой достойный друг, как мы живём, чего мы лишены, в чём нуждаемся, насколько мы грязны, как мы боеем, Вы не сможете постичь, как я сумел это выдержать¹¹.

Желая покончить со всем этим страданием, он, как и другие, цеплялся за призрачную надежду на заключение мира:

Говорят о мире; уже трудно продолжать войну; ещё труднее найти еду для армии.

Мы слишком далеко от доброй страны Пруссии. В этой стране нет ничего, а мы – единственные французы.

Да здравствует надежда на мир!¹²

Официальная пропаганда, рупором которой были бюллетени Великой армии, продолжала поддерживать иллюзию победоносного похода и того, что всё находится под контролем, однако у многих уже зародились сомнения¹³. Даже смысл этой войны был непонятен, а она все не кончалась и, по словам многих ветеранов, была более тяжёлой, чем испанская¹⁴; солдаты уже не мечтали ни о чём, кроме переговоров и заключения мира:

Милая моя подруга, мир – вот лучшее из благ, которое только может к нам прийти; если только будет перемирие, за ним последует мир. Я в этом не сомневаюсь: мы все желаем мира¹⁵.

Боевой дух иностранных полков падал с каждой неделей. К испанским и немецким полкам справедливо относились с подозрением: многие солдаты этих полков уже не скрывали своей враждебности к императору французов:

В разговорах тихий ропот уступил место громким проклятиям в адрес ненасытных амбиций императора, виновного в стольких лишениях. Его обвиняли, что он слишком медлил, прежде чем пуститься в столь длительный путь; задавались вопросом, что дала ему победа, эта битва, которая навсегда прославилась количеством

убитых, битва, которой не было равных в современную эпоху; спрашивали, какие выгоды дало завоевание Москвы, полностью уничтоженной огнём. Его обвиняли, что он не предусмотрел (что уже сделала его армия), что позади себя он оставляет сомнительных союзников, которые, внимательно следя за событиями, ждали первой удобной возможности, чтобы сбросить то иго, под которым они все изнывали¹⁶.

Этот отрывок позволяет понять, насколько распространилось среди солдат уныние в тот самый час, когда они должны были вновь пуститься в путь.

К Малоярославцу

Наполеон считал, что в ситуации резкого сокращения личного состава армии необходима осторожная и хитрая тактика. Чтобы избежать столкновения с Кутузовым, он был вынужден сначала двинуться в сторону Тарутино, делая вид, что преследует фельдмаршала, а затем на полпути повернуть на запад, на Малоярославец, где русских войск видно не было¹⁷. Итак, дойдя до Красной Пахры, Великая армия отклонилась на запад, а затем в сторону Боровска¹⁸. Можно задать вопросом, почему Наполеон решил двинуться на запад вместо того, чтобы идти дальше на юг в богатые и ещё не тронутые войной области страны. Как подчеркнул Клаузевиц, дело было в том, что на Смоленской дороге Наполеон ещё мог рассчитывать на гарнизоны, магазины и склады, которые он приготовил на случай отступления, тогда как в южных областях он ничего бы не получил:

Мы никогда не могли понять тех, кто так упорно отстаивает мысль, будто Наполеону следовало избрать для своего обратного пути другую дорогу, а не ту, по которой он пришёл. Откуда мог он довольствоваться армией помимо заготовленных складов? Что могла дать неистощённая местность армии, которая не могла терять времени и была вынуждена постоянно располагаться биваками в крупных массах? Какой продовольственный комиссар согласился бы ехать впереди этой армии, чтобы реквизировать продовольствие, и какое русское учреждение стало бы исполнять его распоряжения? Ведь уже через неделю вся армия умирала бы с голода¹⁹.

С первых же дней марша на Калугу французская армия представляла собой ужасное зрелище: лошади, повозки, артиллерия и пехота смешались друг с другом в неопишущем беспорядке, осложнявшем движение:

В первые дни похода всё шло хуже некуда, каждый хотел иметь право первоочерёдного проезда, в результате чего начались серьёзные пререкания, вынудившие генерала пронумеровать повозки и создать их перечень исходя из значимости людей, ехавших в них; но это не прекратило каждодневную борьбу за сохранение своего места. Дурное настроение раненых и неудобства путешествия ещё подливали масла в огонь²⁰.

Дороги были настолько загромождены повозками, «что иногда у нас уходило по три часа на то, чтобы пройти пол-лье. На каждом мосту, у каждого оврага нас подстерегали новые трудности. Нужно было спорить со всеми. С самого рассвета и до вечера, а то и до ночи мы шли и проходили не больше четырёх лье...»²¹

О том же писал Стендаль 7 ноября своей кузине Александрине Дарю:

Вы видите бесчисленное количество маленьких повозок, слышите ругань, непрерывные споры, потому что все эти повозки мешают проехать друг другу, опрокидываясь в грязь. Каждый день мы по два-три часа проводили в грязном ручье, через который не было моста; в этот момент я послал к дьяволу дурацкую идею отправиться в Россию. Вечером, промаршировав целый день и преодолев три-четыре лье, мы разбивали бивуак и немного спали, замерзая²².

Не подготовившись заранее к холодам, которые, по словам Бопре-Моришо, начали свирепствовать уже 20 октября²³, солдаты облачались в странные наряды, проявляя при этом незаурядную изобретательность. Гриуа, полковник 4-го полка конной артиллерии, описывая спасшую его от холода одежду, а именно украденную в Москве медвежью шкуру, подчёркивает, какую смекалку ему пришлось проявить:

Из нескольких отрезанных мною полос шкуры я сделал нечто вроде чехла в семь-восемь дюймов длиной, привязав его на верёвочку, которую я надевал на шею. Когда я шёл пешком, я засовывал туда ладони, поскольку перчаток у меня не было, таким образом, соорудив себе нечто вроде муфты. Когда я ехал верхом, назначение этого чехла менялось: я вставлял его в стремена, и он грел мои ноги, более чувствительные к холоду, чем мои руки. Из другой полосы шкуры я сделал повязку на подбородок, прикрывавшую нижнюю часть моего лица; я завязывал её на затылке²⁴.

Холод, ветер и ночные заморозки замедляли продвижение войска. Всё больше лошадиных трупов, немедленно расчленяемых, покрывало «дороги, поля и овраги»²⁵, а конина вошла в ежедневный рацион

самых везучих солдат²⁶. Солдаты постоянно подвергались нападениям крестьян и партизан, атакам казачьих подразделений с пиками наперевес. Но до конца октября армия всё равно сохраняла подобие сплочённости и дисциплины. 26 октября Дюк в своём дневнике отмечал, что они «по-прежнему шагают вместе» в направлении Можайска²⁷, несмотря на усталость, и те, кто идёт во главе колонны, соизмеряют свой темп с отстающими. К несчастью, следовавшие за этим сражения и ухудшающиеся с каждым днем климатические условия быстро покончили с этой солидарностью.

Вскоре после полуночи 23 октября к Кутузову во весь опор примчался штабной офицер из 6-го корпуса Дохтурова, который сообщил ему, что партизаны взяли в плен французских офицеров и узнали от них новость: Наполеон покинул Москву и направляется на Калугу через Малоярославец; в настоящий момент он со своей гвардией находится у Фоминского²⁸. Взволнованный Кутузов встал на колени и начал молиться перед иконой, украшавшей его избу. Но, оценив всю важность этой информации, старый генералиссимус, прославившийся своим благоразумием, по-прежнему не желал наносить фронтальный удар по Великой армии: он считал, что она для этого еще слишком сильна и сплочённа. Он приказал 6-му корпусу Дохтурова двигаться на Малоярославец (расположенный в 25 км от Тарутино), а Милорадовича, который после отстранения Барклая и смерти Багратиона стал главным сподвижником Кутузова, направил на север, в Вороново, следить за передвижениями Мюрата. 24 октября 6-й корпус Дохтурова и летучий отряд Дорохова прибыли в Малоярославец и решили, несмотря на отсутствие приказа со стороны Кутузова, перейти в наступление, загородив дорогу армии Наполеона. Казалось, место тому способствовало: Малоярославец, находясь на пересечении двух дорог из Москвы в Калугу, был ключевым пунктом, и его удержание перекрывало путь к Калуге. Да и численное превосходство, казалось, предвещало успех: в распоряжении русских было 12 тысяч пехотинцев, а 13-я и 14-я дивизия под командованием вице-короля Евгения насчитывали менее 6 тысяч²⁹.

В 5 часов утра 24 октября авангард вице-короля Евгения под командованием генерала Дельзона подвергся атаке 8 батальонов генерала Дохтурова. Положение было тяжёлым, но французы сумели перейти мост через р. Лужа, на берегу которой стоит Малоярославец, и ворваться в город. Отступив, русские войска, усиленные оставшейся частью корпуса Дохтурова, снова перешли в атаку и оттеснили французов. Это нападение стоило многих жизней с обеих сторон; в числе прочих погиб генерал Дельзон и его брат. Вице-король задействовал дивизии Брусье и Гильмино, и французы, казалось, начали брать верх. Но русские, к которым теперь присоединились войска Раевско-

го, снова нанесли удар. Тогда Евгений де Богарне решился бросить в бой свою 15-ю дивизию. Эта дивизия, состоявшая преимущественно из итальянцев, под командованием генерала Пино, чей брат погиб в этом бою, проявила исключительный героизм, на какой-то миг заглушив всё недоверие к «иностранцам» в Великой армии. Ожесточённая битва, в ходе которой Малоярославец 5 раз переходил из рук в руки, стал жертвой ужасного пожара и был полностью разрушен³⁰, закончилась победой войск вице-короля: русские, несмотря на двукратное численное превосходство, были вынуждены не только покинуть Малоярославец, но и отступить на юг, за овраг³¹. Стендаль в своём письме к Александрине от 10 ноября воздал должное Великой армии со своим обычным остроумием:

Русских побили при Малоярославце. Жаль, что у этой победы столь барочное имя; говорят, что она была прекрасна, и никогда ещё русских не выбивали с позиций более блестящим и почётным для армии образом. Я при всей этой красоте не присутствовал, поскольку покинул Москву 16 октября и прибыл в Смоленск с незначительным обозом, пострадавшим от казаков, которые в том числе украли у меня мой ящик с едой, и мне 18 дней пришлось сидеть на пайковом хлебе и воде³².

Победа французской 15-й дивизии не должна заслонить огромную цену сражения: русские потеряли убитыми и ранеными 6 тысяч человек, а французы и итальянцы – 4 тысячи³³; кроме того, хотя русским и пришлось отступить к югу от Малоярославца, они всё же смогли преградить Великой армии путь на Калугу, что стало серьёзным препятствием для Наполеона; об этом свидетельствует письмо Кутузова Александру I, отправленное в ночь с 24 на 25 октября. Фельдмаршал писал, что он уверен в исходе кампании, поскольку превосходит Наполеона как численностью личного состава, так и военным снаряжением (в его распоряжении находилось 90 тысяч сытых и хорошо снаряжённых бойцов с 600 артиллерийскими орудиями, а у Великой армии оставалось 70 тысяч измождённых людей и 360 орудий³⁴), и выражал готовность к новому сражению, на которое его вызовет французский император.

Наполеон, находившийся рядом с деревушкой Городня, примерно в 5 км от Малоярославца, не присутствовал при этой битве, за ходом которой он следил при помощи адъютантов. Обеспокоенный, он провёл часть ночи с 24 на 25 октября с Бертье, изучая и подсчитывая «шансы, которые у него есть, если он попытается прорваться к Калуге»³⁵; наконец, утром 25-го он отправился в сопровождении Бертье, Мюрата, Бессьера, Раппа и Армана де Коленкура изучать русские позиции. Но, когда император проводил импровизированный

совет на берегах Лужи, чуть было не произошла катастрофа – напали казаки, которых можно было легко узнать по громкому «ура». В этот день Наполеон уцелел лишь благодаря стойкости маршала Бессьера и его эскадронов, которые, чтобы защитить императора, бросились на казаков и сумели обратить их в бегство. Но опасность не исчезла. Как отмечал Плана де ла Фей, адъютант генерала Ларибуазьера:

Тогда и начался тот ужас, который казаки с тех пор всегда внушали нашим солдатам, как бы кто ни бахвалился и ни предавался патриотическому возмущению. Я не хочу ставить под сомнение храбрость наших войск; но казаки воздействовали на их боевой дух как черти и привидения³⁶.

Вернувшись в Городню, Наполеон созвал военный совет, пригласив на него своего пасынка и находившихся на месте маршалов, а именно Бертье, Мюрата, Даву и Бессьера, чтобы принять решение о дальнейших действиях: дать сражение и прорваться к Калуге или вернуться на Смоленскую дорогу? Мюрат предложил наступать на Калугу. Бессьер, сославшись на невысокий боевой дух солдат и численную слабость Великой армии, посоветовал двинуться на Смоленск через Можайск. Даву согласился с ним, но предложил отправиться на Смоленск через Медынь. Евгений и Бертье сочли, что следует выбрать самую короткую дорогу – ту самую, по которой армия пришла к Москве. Наполеон не сразу высказал своё мнение; лишь утром 26 октября он сделал выбор в пользу последнего варианта. Но дни, миновавшие после отступления из Москвы, обошлись дорого: войска употребили девятидневный запас провизии и фуража, не добравшись до Калуги и почти не сократив расстояние, отделявшее их от Смоленска...

26-го Наполеон и его гвардия отправились в путь. За ними следовали корпуса Мюрата, Нея и вице-короля Евгения; в арьергарде шёл маршал Даву и его люди. Настроение было мрачным, поскольку принятое решение означало поражение императора. Теперь не могло быть и речи о преследовании врага, но лишь о том, чтобы попытаться вернуться обратно за Неман по возможности с минимальными потерями...

Слухи об отходе Наполеона из Москвы распространились мгновенно, а затем были официально подтверждены императорским указом. Москвичи решили вернуться в первопрестольную.

Страшное возвращение

23 октября в Москву вошли войска генерала Бенкендорфа. В своих «Мемуарах» генерал обрисовал степень опустошённости города,

из которой можно понять и масштабы разрушений, и глубину перенесенных мирным населением страданий:

10 октября 1812 года [22 октября по новому стилю] мы вступили в древнюю столицу, которая ещё вся дымилась. Едва могли мы проложить себе дорогу через трупы людей и животных. Развалины и пепел загромождали все улицы. Одни только разграбленные и совершенно почерневшие от дыму церкви служили печальными путеводными точками среди этого необъятного опустошения. Заблудившиеся французы бродили по Москве и делались жертвами толпы крестьян, которые со всех сторон стекались в несчастный город.

Моей первой заботой было поспешить в Кремль, в метрополию империи. Огромная толпа старалась туда проникнуть. Потребовались неоднократные усилия гвардейского казачьего полка, чтобы заставить её отойти назад и защитить доступы, образовавшиеся кругом Кремля от обрушения стен.

Я вступил один с офицером в собор, который видел только во время коронации императора блистающим богатством и наполненным первыми сановниками империи. Я был охвачен ужасом, найдя теперь поставленным вверх дном безбожием разнузданной солдатчины этот почитаемый храм, который пощадило даже пламя, и убедился, что состояние, в котором он находился, необходимо было скрыть от взоров народа. Мощи святых были изуродованы, их гробницы наполнены нечистотами; украшения с гробниц сорваны. Образа, украшавшие церковь, были перепачканы и расколоты. Всё, что могло возбудить или ввести в заблуждение алчность солдата, было взято; алтарь был опрокинут; бочки вина были вылиты на церковный пол, а людские и конские трупы наполняли зловонием своды, которые были назначены принимать ладан. Я поспешил наложить свою печать на дверь и приставить ко входу сильный караул. Весь остальной Кремль сделался добычей пламени или был потрясен взрывом мин. Арсенал, церковь Ивана Великого, башни и стены образовали груды камней.

Большое здание Воспитательного дома привлекло моё внимание. Несколько сот детей, застигнутых вступлением неприятеля, умирали с голоду; множество женщин и русских раненых, которые не могли спастись бегством, нашли там убежище, и несколько тысяч больных французов были в нем оставлены. Все просили хлеба, а опустошение окрестностей Москвы не позволяло удовлетворить немедленно такую настоятельную потребность. Коридоры и дворы этого огромного здания были наполнены мертвыми – жертвами нищеты, болезней и страха.

Другие большие здания были завалены русскими ранеными, спасшимися от пожара и едва поддерживавшими существование;

без помощи, без пищи, они были окружены трупами и ожидали конца своих страданий³⁷.

Царил хаос. После ухода из города последних французских солдат в нём не оставалось ни полиции, ни армейских частей для обеспечения порядка, и его грабили окрестные крестьяне:

Неприятель, очищая Москву, поджёт то, что еще уцелело от несчастного города; у нас не было никаких средств потушить пожар, который всюду увеличивал беспорядок и бедствия; крестьяне толпою устремились грабить и захватывать магазины с солью, медную монету казначейства и винные погреба. Весь наш отряд, как бы затерявшийся в огромном пространстве Москвы, едва был достаточен, чтобы сдерживать чернь, вооруженную оружием, отбитым у неприятеля³⁸.

Многочисленные источники указывают на алчность окрестных крестьян, которые, разорившись в результате военных действий, занялись грабежом:

Целыми обозами мужики приезжали в Москву обирать то, чего не успели или не могли ограбить неприятели: они увозили зеркала, люстры, картины, книги, богатые мебели, фортепьяны, словом, всё тащили, что только попадалось им на глаза и в руки³⁹.

Москвичка Е. В. Новосильцева рассказывает в своих воспоминаниях, насколько болезненным было возвращение в священный город:

Сердце надрывалось взглянуть на Москву, а ещё тут после чужих воров явились свои. Из соседних сёл приехали крестьяне грабить последнее, входили в дома и всё забирали⁴⁰.

Бенкендорф и его солдаты твердо и разумно восстанавливали порядок. Как сообщал один из свидетелей князь А. А. Шаховской:

Подмосковные крестьяне, конечно, самые досужие и сметливые, но зато самые развратные и корыстолюбивые во всей России, уверясь в выходе неприятеля из Москвы и полагаясь на суматоху нашего вступления, приехали на возах, чтобы захватить недограбленное⁴¹.

Но граф Бенкендорф «расчёл иначе и приказал взвалить на их воза тела и падаль и вывести за город, на удобные для похорон или истребления места, чем избавил Москву от заразы, жителей ее от крестьянского грабежа, а крестьян от греха»⁴².

Тем не менее в течение нескольких недель положение оставалось сложным. Донесение Ростопчину от генерал-майора Ивана Дмитри-

евича Иловайского, написанное 28 октября, свидетельствует, что, несмотря на присутствие царской армии, грабежи и беспорядки продолжались:

В течение двух дней переловлено более 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенных из острога преступников, из которых 7 человек схвачены лейб-казацким разъездом, против коего они стреляли из ружей, и несколько пойманы в святотатстве и смертоубийстве; а за бежавшими и грабящими вокруг города посланы разъезды⁴³.

Среди грабителей были дезертиры и забывшие о дисциплине казаки, например четверо солдат, явившихся в Новодевичий монастырь спустя 4 дня после отхода французских войск, с твёрдым намерением пожить в монастырских кладовых. Они отказались от своих намерений под воздействием авторитета отца протопопа и его угроз: «Я поеду к Успенью в Казацье к вашему полковнику и доложу, что вы разбоем приехали и хотите ограбить. У нас французы жили, уж те нехристи, а вы крещёные дураки»⁴⁴. Однако, по другим свидетельствам, многие казаки были менее сговорчивыми и грабили крестьян:

Которые из казаков явились к нам только что вышел Наполеон, немало им⁴⁵ тоже помогали; целых три дня разбойничали они бессовестно по Москве, да тут уж, слава Богу, подошла полиция; отобрали у мошенников всё добро, что они не успели ещё укрыть⁴⁶.

Бенкендорф и его войска оставались в Москве до 4 ноября, когда в город вернулись Ростопчин и полиция. Находясь на расстоянии, генерал-губернатор начал брать в свои руки бразды правления, заботясь о водворении в городе общественного порядка. 26 октября, ещё из Владимира, на пути в Москву, Ростопчин писал царю:

Государь,

Вы должны быть уже в курсе, что это чудовище Бонапарт отбыл со своей армией из Москвы, взорвав Кремль. Он уничтожил Вашу столицу, но и сам будет уничтожен ею... Я уже отправил в Москву Ивашкина⁴⁷ и полицейских офицеров, за которыми следуют драгуны, солдаты и пожарные насосы. Я отдал инструкции: 1) сохранить от грабежа то, что ещё осталось; 2) переписать то зерно, которое будет найдено; 3) выяснить, кто служил врагу и получал от него поручения, и арестовать этих людей⁴⁸.

Меры, принимаемые для возвращения к нормальной жизни, носили нерегулярный характер и не могли гарантировать безопасности для жителей города и их имущества. Тутолмин, отважный директор

Воспитательного дома, жаловался Иловайскому на дурное поведение русских солдат, которые набросились на французских раненых и больных в его госпитале, чтобы обворовать их и ободрать. Тутолмин привлёк внимание своего собеседника к тому, что «воинам русским, прибывшим сюда для установления порядка и спокойствия, неприлично поступать так, как поступали его казаки»⁴⁹. Кроме того, продолжала существовать опасность для тех французов, которые остались в Москве в дни оккупации. Особенно беспокоился за себя и за свою церковь отец Сюррюг. Но его жизни и здоровью ничто не угрожало, он лишь жаловался на мелкие кражи:

Что до меня, то мне очень повезло; я отделался потерей нескольких серебряных блюд, бутылок вина и запасов сахара, рыбы и т. д. К счастью, всё прошло без какого бы то ни было насилия; а именно этого следовало опасаться в первую очередь... Наши мессы никогда не прерывались, даже в худшие моменты бедствия, а в воскресенье 8 сентября в Москве нигде не было богослужения, кроме церкви Святого Людовика... Ко мне все относились хорошо, зная, что я остался лишь из чувства долга и что у меня не было никаких компрометирующих связей с главами французского правительства⁵⁰.

Вернувшись в Москву, Ростопчин в свою очередь занялся самыми срочными делами. Чтобы успокоить жителей, он оказал самую необходимую помощь примерно 1500 нуждающимся⁵¹:

Я делаю невозможное, чтобы облегчить участь страждущих, выдавая, от Вашего имени, денежную помощь самым бедным в зависимости от сословия, возраста и их потерь. 50 или 100 рублей, вручённых человеку, лишённому самого необходимого, – благодеяние. Я выдаю им и жильё. Горожане быстрее найдут защиту от нужды, чем сельские жители, деревни которых целиком сгорели⁵².

Как мы видим из этого письма, он осознавал масштаб разрушений в окрестных деревнях. Ростопчин оказал необходимую помощь крестьянам и нищим, которых шли в столицу из разорённых окрестностей Смоленска. Также он принял суровые меры против разбойничьих банд, которые, укрывшись в подвалах и развалинах разрушенных домов, ночью занимались воровством и грабежами. Ростопчин считал, что нужно быстрее восстановить довоенную жизнь. Как можно судить по его письму жене, которая ехала в Москву, чтобы воссоединиться с ним, генерал-губернатору казалось, что никто не помогает ему в этом важном деле:

Вот, милый друг, человек, который должен будет сопровождать Вас, и, если Господь не воздвигнет тому препятствий, мы вновь

увидимся через неделю. Твои комнаты будут тёплыми; я приказал нагреть нижний этаж и кабинет при помощи новой печки, которая обещает быть горячее. У меня много хлопот и мало настоящих дел; я пишу, но никто не отвечает. Эти господа из Петербурга не чувствуют, что именно сейчас надо постараться успокоить брожение в народе и вернуть его к порядку и к его долгу, поскольку часть нации не может непрерывно грабить и убивать⁵³.

Чтобы восстановить безопасность города и региона, генерал-губернатор прибег к оригинальным мерам. В ноябре в местных церквях была многократно зачитана прокламация, предлагавшая крестьянам теперь, когда «время брани миновало», вернуть за плату в царскую казну всё оружие, какое попало к ним в руки: пара пистолетов или штык стоили 5 рублей, пушка – 50 рублей серебром или ассигнациями⁵⁴. Если вспомнить, что каждый сражавшийся при Бородино солдат получил от царя тоже 5 рублей, то можно оценить щедрость Ростопчина, желавшего, чтобы жизнь в городе как можно скорее вошла в привычное русло...

Одновременно Ростопчин подводил итог потерям и разрушениям, о чем сообщил царю довольно резко и без прикрас:

Государь,

Я прибыл сюда позавчера и сразу же направился в Кремль, куда никого не пускают. Ваш дворец сгорел; Сенат, музей, дом архиепископа, соборы разграблены и опустошены после того, как в них жила гвардия Бонапарта. Половина Арсенала, две башни и маленькие колокольни, окружавшие большую, взорваны. Произошло пять взрывов, но я уверен, что несколько мин не сработало, то ли из-за оседания зданий, то ли по причине влажности.

Я составляю список всего того, что неприятель оставил в Кремле из пушек, зарядных ящиков, амуниции, понтонного оборудования и артиллерийских обозов. В верхнем этаже Ивана Великого четыре трещины; кажется, колокольня слегка накренилась. Соборы не пострадали.

Город, сгоревший в пожаре, которому в истории не было равного... представляет собой ужасающее зрелище. Заметка о домах, которую я прикрепляю к настоящему письму, указывает, что не более семисот домов могут ещё таковыми называться; другие относятся к предместьям, а то и находятся за чертой города. Всё остальное разграблено и опустошено⁵⁵.

Из этого письма видно, что Ростопчин очень пессимистичен в прогнозах восстановления города: разрушения слишком огромны, разорились целые семьи. До пожара в Москве, кроме дворян, насчитывалось около 40 тысяч чиновников, священников и купцов, со-

ставлявших «средний»⁵⁶ образованный класс, и 230 тысяч бедных и непросвещённых людей, из них 60 % были крепостные, принадлежавшие московским вельможам и сельским помещикам, на время приезжавшим в Москву⁵⁷. Они экономически зависели от знатных семейств, которым, кроме сгоревших домов в Москве, часто принадлежали поместья, находившиеся далеко от театра военных действий. Таким образом, как для этих дворян, так и для их крепостных разорение священного города означало катастрофу и бедность, но всё же не нищету.

Гораздо хуже пришлось городским ремесленникам и торговцам; многие из них в результате оккупации и пожара Москвы разорились и впали в нужду. Можно привести пример плотника Ивана Антоновича Адлера⁵⁸. Немец по происхождению, уже 30 лет живший в России, хорошо интегрировавшийся в московскую жизнь⁵⁹, женатый, отец двух детей и хозяин большого дома, он руководил процветающим предприятием, где работали 47 рабочих. Всего за несколько дней всё, что он создавал годами, было уничтожено, дом разграблен, а ему пришлось, чтобы защитить своих близких, принять на постой и кормить 200 солдат! Чтобы избежать насилия со стороны вечно пьяных солдат, Адлер и его жена решили бежать и укрыться в монастыре. Но супруга плотника, чьи нервы, по-видимому, не выдержали потрясения, заболела и умерла на пути в монастырь. Адлер был в полном отчаянии. У него даже не было денег, чтобы похоронить жену, ему помог французский полковник, которого тронула трагедия немца, и он дал денег плотнику и выделил эскорт... И этот случай не единичен; очень многие ремесленники, не имея возможности воспользоваться средствами кассы взаимопомощи или благотворительностью, не смогли вновь поселиться в Москве, что только подтверждало пессимистические прогнозы генерал-губернатора. 11 ноября царь адресовал Ростопчину рескрипт, в котором говорилось о необходимости оказать помощь жертвам пожара и разорения. Спустя несколько дней в своём письме Александру I генерал-губернатор подробно излагал меры, принятые им для организации помощи населению. Было создано специальное бюро, в задачи которого входило принимать жалобы гражданских лиц и составлять опись их потерь; кроме того, была организована неотложная помощь, тратившая 15 копеек в день на каждого человека. В декабре был официально создан комитет помощи пострадавшим в результате войны, а в январе 1813 года он начал действовать: его члены принимали декларации частных лиц об утраченном имуществе, проверяли их достоверность и выдавали компенсации. Впрочем, деятельность комитета имела весьма скромный характер, а компенсации, порой составлявшие менее одной десятой декларируемых потерь, слишком незначительными...

Стремясь восстановить в городе порядок и безопасность, Ростопчин считал, что возвращение к нормальной жизни должно ощущаться на уровне повседневности. Поэтому 8 ноября состоялся пышный крёстный ход с митрополитом Августином во главе; вывезенные в последний момент иконы были возвращены на свои места, а кремлёвские церкви вновь открыты. 19 ноября Ростопчин приказал отслужить благодарственный молебен, кроме того, «стреляли из французских пушек, оставленных в Кремле. Это доставило удовольствие всем»⁶⁰.

По требованию вдовствующей императрицы Ростопчин вмешался и в дела воспитательных домов, патронессой которых она являлась. Он обнаружил, что ситуация в них как минимум запутанная. Около 300 детей, зарегистрированных накануне вступления в город Великой армии, бесследно исчезли, и никто не мог сказать, что с ними случилось; вместе с тем было зарегистрировано около сотни других, подобранных французами на улицах города в сентябре–октябре! И эти новые обитатели воспитательных домов, дети неизвестных родителей, покинутые или осиротевшие, получили от французской администрации фамилии, звучащие на русский лад, но образованные от имён или титулов французов, которые их подобрали или спасли. Итог был довольно комичный: в реестрах оказалось десять маленьких Тревизских (в честь титула Мортье, герцога Тревизского), восемь маленьких Милиевых, в том числе пять новорожденных (в честь генерала графа Мийо), и два маленьких... Наполеоновых, Алексей и Василий Михайловичи, в возрасте 7 и 4 лет! С этими фамилиями дети прожили недолго: узнав о сложившейся ситуации, Мария Фёдоровна потребовала, чтобы дети получили настоящие русские фамилии⁶¹.

Наконец, генерал-губернатор карал предателей: он арестовал членов муниципальной полиции и администрации, назначенных французами, и бросил их в тюрьму, где они оказались рядом с уголовниками:

Числом около шестидесяти, они жили в тесной комнате, где на всех был только один стол и несколько стульев. Они спали на полу, на матрацах⁶².

Он призвал Александра I быть безжалостным к «изменникам», работавшим на Наполеона:

Во имя неба, накажите их примерно; война ещё не закончилась, и Ваше милосердие будет принято за слабость, и мерзавцы смогут спокойно сражаться против Отечества и Вас предавать. Если две-три тысячи человек смогли покинуть город за какие-то двадцать дней, почему эти люди остались в нём?⁶³

Но его призыв услышан не был. В начале 1813 года царь организовал комиссию, которая расследовала случаи коллаборационизма. В Москву были посланы эмиссары для расследования на месте, которые пришли к выводу, что сотрудничество с врагом было незначительным и не оправдывает тюремного заключения. Но в тот момент ход делу не был дан из-за отъезда царя сначала на немецкий, потом на французский фронт. Летом 1814 года Александр I издал указ об общей амнистии всех потенциально виновных: царь считал, что российское общество должно поскорее покончить с войной и с нанесёнными ею травмами, а потому «коллаборационисты», французы и русские, должны быть освобождены. Манифест звучал так:

Напоследок, в главнейшем и почти всецелом числе верноподданных Нам народов, к сожалению, находим Мы некоторое, но к утешению, весьма малое число заблудших людей, из которых иные от страха и угроз неприятельских, иные от соблазна и обольщений, иные же от развратных нравов и худости сердца, забыв священный долг любви к Отечеству и вообще к добродетели, пристали к неправо́й, Богу и людям ненавистной стороне злонамеренного врага; сих, по мере вины их, правосудие долженствовало бы наказать; но Мы при столь благополучном и радостном всего света торжестве, уступая гласу вопиющего в Нас милосердия, даруем им без всякого изъятия всеобщее прощение. Вследствие которого повелеваем во всем пространстве области Нашей, всех, по сим обстоятельствам взятых, сосланных, или иным каким образом задержанных, освободить; також имения или имущества их по сему случаю конфискованные или иным каким образом под надзор взятые и по сие время удерживаемые, по-прежнему владельцам их возвратить, и все следствия над ними пресечь, и никаких притязаний к ним не делать; словом, поставить их в то состояние, в каком находились они прежде, до впадения в сию вину, которую Мы всемилостивейше прощаем и предаем забвению в надежде, что сие препобеждение милосердия Нашего над правосудием, приведет их в полезное для них раскаяние; и что они впредь беспорочною жизнью своей изгладят из памяти людской те свои поступки, которые лишали их драгоценнейшего для человека преимущества, уважения благомыслящих людей⁶⁴.

Однако царь, немедленно отправившийся на Венский конгресс, не оставил конкретных инструкций касательно заключённых; и их положение не изменилось:

Спустя некоторое время... Ростопчин был смещён и заменён благородным и неподкупным Тормасовым. Заключённые обратились к нему, прося даровать свободу и забвение прошлого в соответствии с манифестом, обнародованным императором. Тормасов

с болью отвечал им, что не получил на это никаких полномочий, поскольку не ему было приказано выполнять указ⁶⁵.

Пришлось дожидаться возвращения Александра осенью 1815 года, чтобы арестованные, после двух лет, проведенных в тюрьме, были, наконец, освобождены...

Эти факты позволяют оценить ситуацию: возвращение к нормальной жизни шло трудно, но уже на третьей неделе октября москвичи смогли вернуться в свой город. И хотя было понятно, что Великая армия потерпела фиаско, но о полной победе над ней не могло быть и речи: Наполеон не был побеждён, нужно было продолжать кампанию.

9. ВОЗВРАЩЕНИЕ В СМОЛЕНСК

Из 104 тысяч человек, покинувших 19 октября Москву, 96 тысяч ещё находились в пути после трудного сражения при Малоярославце. Но обрушившиеся на этой край ледяные дожди привели к огромным потерям: в Вязьме, куда армия прибыла в самом начале ноября, в живых осталось только 70 тысяч. В конце октября выпал снег и начались заморозки¹, но люди страдали не столько от холода, сколько от голода и лишений.

Страдания и лишения

В первые дни отступления стояла относительно хорошая погода, войска шли к границе, прокладывая путь через болота, поджигая деревни и сёла, сея вокруг горе и отчаяние. 13 и 26 октября выпал первый снег, который сразу же растаял, немного потеплело; настоящая зима пришла в начале ноября. Обильные снегопады 4, 5 и 6 ноября засыпали дороги и тропы, заметно осложнив продвижение лошадей и повозок, недостаточно готовых к подобному испытанию:

Дорога, заполненная лошадьми и повозками, понемногу стала твёрдой и скользкой, как гололёд. На этой широте подобное состояние продолжается около пяти месяцев. Русские всегда готовы к этой перемене: их лошади заранее подкованы, чтобы ходить по льду, транспортные средства и артиллерийские орудия они ставят на сани, а лёгкие пушки казаки везут на санях-лафетах. Напротив, во французской армии мы к этому не были готовы; лошади, не имея зимних подков, скользили при малейшем движении, тратили силы, делали массу бесплодных усилий и постоянно падали. Сразу же была потеряна большая часть остававшейся у нас кавалерии, и пришлось бросить значительную часть артиллерии и багажа².

Каждый день на обочинах дорог и вдоль троп французские части оставляли повозки и телеги с добром, награбленным в Москве: грудами лежали картины, канделябры и дорогие ковры³. Наполеон приказал на каждой повозке везти одного-двух раненых, чтобы облегчить их транспортировку в Смоленск, но Роос в своих воспоминаниях сообщает, что этим распоряжением императора пренебрегли:

Несчастливым раненым не повезло. Они попали в руки грубых кучеров, наглых слуг, жестоких маркитанток, обогатившихся и надменных, безжалостных товарищей по оружию и всей обозной шайки. Все эти люди думали только об одном: как бы избавиться от раненых. Их бросали везде – на привалах, где располагались на ночь, и даже на дороге, когда этим несчастным нужно было спуститься с повозки или поменять повязки. Уже на следующий день я увидел нескольких раненых, лежавших на дороге, стенавших и моливших о помощи. Позднее я их уже не видел, но рассказывались ужасающие истории о том, что им выпало, и о жестокости тех, кто должен был везти их с собой⁴.

Русские солдаты, которые были лучше снаряжены, чем солдаты Великой армии, холод переносили легче:

От Малого Ярославца до Вязьмы время было очень тёплое; от Вязьмы до Смоленска были приморозки. Около г. Ельни выпал первый снег, но очень малый. Днепр, однако же, покрылся прозрачною льдиною, по которой ещё никто не смел ходить... От Смоленска до Борисова холод был сильнее, но сносный, мы ночевали на поле без крыш⁵.

Вскоре наполеоновских солдат начал терзать голод, награбленные ценности не помогали в борьбе с ним. На всём пути от Москвы до Смоленска не было ни одного склада, который позволил бы снабжать солдат провиантом, еды же на всех не хватало. Когда удавалось, ели конину; в остальное время – жидкую похлебку из мерзлой картошки. Лошади питались соломой с крыш. 11 ноября французский офицер писал из Смоленска:

По три-четыре раза в день я переходил от крайних неприятностей к крайнему удовольствию. Нужно сознаться, что эти удовольствия не были очень деликатными: например, одним из живейших удовольствий было найти вечером несколько картофелин, которые нужно было есть без соли со сгнившим хлебом. Вы понимаете наше глубоко жалкое положение? Это длилось 18 дней. Выехав 16 октября из Москвы, я прибыл [в Смоленск] 2 ноября⁶.

По дороге в Смоленск многие солдаты оказывались в еще худшем положении.

Некоторые французские источники – Э. Лабом, граф де Сегюр, сержант Бургонь – вскользь или прикрываясь эвфемизмами, упоминают о случаях людоедства. Александр де Шерон сообщает, что по мере продвижения «мы находили в сожжённых деревнях несчастных раненых, которые, после того, как мы их покинули, питались мясом своих товарищей»⁷. По словам Фабера дю Фор, солдаты дошли до

того, что съедали мясо своих товарищей, сгоревших по неосторожности, когда слишком близко подошли к костру бивуака⁸.

Русские источники тоже сообщают о подобных случаях. Есть несколько свидетельств непосредственных участников: русский генерал Крейц, находясь со своим полком на дороге из Вязьмы в Смоленск и двигаясь через рощу, «с ужасом увидел, что французы ели мясо одного из своих умерших товарищей»⁹. Раевский, находившийся в Ельне, в 80 верстах от Смоленска, тоже сообщал жене в своём письме:

Я вам расскажу одну деталь из бедствий французов. Они едят собак. Полковник Ушаков после дела, которое мы имели с неприятельским арьергардом, видел двух французов, ослабленных голодом, отрезающих куски мяса третьего мертвого товарища и жарящих их «на спичке»¹⁰. Это покажется невероятным тем, кто не присутствовал при этих сценах¹¹.

Граф де Ланжерон, правая рука адмирала Чичагова, рассказывает в своих мемуарах:

Я не видел, чтобы несчастные французы пожирали друг друга, но я видел трупы с кусками мяса, вырезанными для пищи¹².

Но чаще всего речь идёт о слухах, о рассказах третьих лиц, потому что подобное святотатство, нарушение столь сильного табу не могло не вызывать недоверия и породить чувство нереальности происходящего. Алексей Николаевич Оленин передал в своих записках рассказы свидетелей:

Очевидные свидетели показывают, что французы за неимением пищи ели мертвых своих товарищей, поджаривая часто оных на место жаркого, а когда им русский офицер, встретивший их на сем адском пиру, изъяснил свой ужас и омерзение, то один из гостей отвечал ему довольно равнодушно: «Да, правда, это ужасно – но это лучше, чем конина»¹³.

11 ноября Воейков, находившийся вместе с Раевским в Ельне, писал своему другу, поэту Державину, что «голод вынудил их не только есть палых лошадей, но многие видели, как они жарили себе в пищу мертвое человеческое мясо своего одноземца... Смоленская дорога покрыта на каждом шагу человеческими и лошадиными трупами»¹⁴. Английский генерал Роберт Вильсон тоже описал в своих мемуарах ужасающие сцены, при которых он, по его словам, присутствовал:

Голод тоже безжалостно сокращал ряды неприятеля. Часто попадались группы солдат, сгрудившиеся вокруг горящих или тлеющих зданий, в которых нашли приют несколько раненых или об-

мороженных; многие в этих группах соскребали своими пальцами обуглившуюся плоть своих уснувших товарищей, чтобы сделать из нее трапезу.

Английский генерал спросил гренадера весьма воинственного вида, не была ли эта пища ему отвратительна. Да, отвечал тот, она отвратительна: но он ест её не чтобы сохранить жизнь, которую тщетно пытался потерять, а лишь чтобы ненадолго смягчить свою агонию¹⁵.

По словам некоторых солдат Великой армии, были случаи (немногочисленные, но вполне реальные), когда люди ели себя сами. «Вионне де Марингоне сообщает об “умалишённых”, потерявших разум от голода и нужды, которые разрывали собственные части тела и сосали собственную кровь, а Лабом утверждает, что видел, как люди обгрызают собственные руки»¹⁶.

Большинство из этих достойных Апокалипсиса сцен развернулись на дороге из Москвы в Смоленск. Они показывают, в каком смятении находилась Великая армия. Выживших ждало ещё одно испытание, особенно тяжёлое с психологической точки зрения: им пришлось вновь пройти по Бородинскому полю, на котором полностью сохранились следы битвы, потому что население, бежавшее при приближении врага, ещё не вернулось, чтобы похоронить мертвецов. Зрелище было кошмарным: до самого горизонта лежали вмеремежку, страшно смердя, более 30 тысяч человеческих и лошадиных трупов, изувеченных, искромсанных, частично съеденных хищными птицами; иногда посреди этого ужаса обнаруживалось несколько умирающих, всё ещё вздрагивавших, желавших жить. Это невыносимое зрелище стало для тех несчастных, кто ещё был жив, отражением их собственных страданий.

31 октября Наполеон и его гвардия прибыли в Вязьму. Там император узнал, что за 9 дней до этого 6-й корпус Гувьона Сен-Сира, опасаясь окружения, был вынужден покинуть Полоцк и отступить дальше на юг, причём сам Гувьон Сен-Сир был серьёзно ранен. Этот корпус, состоявший в основном из баварцев, которые уже не могли «выносить тяготы и лишения этой войны»¹⁷, сократился до 5 тысяч человек. Теперь, даже при поддержке 18 тысяч пехотинцев и 4 тысяч всадников Удино, он уже не был способен противостоять войскам Витгенштейна, к тому же получившим подкрепление в виде 10 тысяч солдат, явившихся из Финляндии¹⁸, и других контингентов из Петербурга и Новгорода, что давало русским безусловное численное преимущество. Это стало новым ударом для Наполеона. Чтобы решить проблему, император приказал Виктору покинуть Смоленск с двумя дивизиями (15 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников оставались в городе и его окрестностях) и следовать на северо-запад: он

должен был поддерживать корпус Гувьона, находившийся теперь под командованием генерала Мерля, затем объединиться с войсками Удино и попытаться оттеснить Витгенштейна за Двину. Но это перераспределение войск привело к тому, что в окрестностях Смоленска после ухода солдат Виктора остались лишь две польских дивизии, в том числе дивизия Домбровского.

В это время корпус Даву, который, даже приняв в свои ряды кавалерию Груши, составлял всего 15 тысяч человек, находился всё ещё в Гжатске (ныне Гагарин), в двух днях пути от остальной Великой армии и в 230 км от Смоленска. Ему выпал неблагоприятный труд защищать отступление армии и взрывать артиллерийские обозы, которые армия уже не могла везти за собой из-за нехватки лошадей. Покинув Гжатск 1 ноября, Даву и его люди вскоре достигли деревни Царёво-Займище, где оказались в затруднительном положении: им в тыл ударили казаки Платова, а в левый фланг – регулярный авангард Милорадовича. Встретив сопротивление французов, русские прекратили нападение, но передышка была недолгой. Рано утром 3 ноября почти дошедший до Вязьмы корпус вице-короля Евгения, следовавший впереди Даву, был атакован двумя драгунскими полками, которых прикрывали пехотинцы 4-й дивизии Евгения Вюртембергского; Даву попытался прийти ему на помощь, но сам оказался полностью отрезан от остальной Великой армии. Почти 10 часов его люди отчаянно сражались против 26-й дивизии генерала Паскевича и казаков Платова, а войска вице-короля и Понятовского пытались сопротивляться Евгению Вюртембергскому. Эти бои продолжались до прибытия корпуса Нея, который смог занять позицию на высотах города, что позволило французам отбиться от неприятеля и вынудило Милорадовича отступить к югу, который в этот решающий момент (несмотря на численное преимущество) не решился броситься во фронтальную атаку на Великую армию и обратился за помощью к Кутузову, находившемуся в 6 км от города. Но его ждал отказ: «Маршал, как всегда, проявил осторожность и, сочтя, что манёвр был начат неудачно, приказал Милорадовичу отступить и продолжать следовать за отступающей армией»¹⁹. В генеральном штабе эта чрезмерная осторожность Кутузова вызвала раздражение у многих офицеров. Они уже теряли терпение из-за множества упущенных, как им казалось, возможностей и желали убедить фельдмаршала, что необходимо перейти в наступление. Но, как сообщает генерал Левенштерн, Кутузов оставался глух к их требованиям:

Он слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, но, несмотря на настояния всех значительных лиц главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя, который мог бы иметь последствием уничтожение большей части

армии Наполеона и взятие нами в плен маршала и вице-короля... В главной квартире все горело нетерпением сразиться с неприятелем; генералы и офицеры роптали и жгли бивуаки, чтобы доказать, что они более не нужны; все только и ожидало сигнала к битве. Но сигнала этого не последовало, Ничто не могло понудить Кутузова действовать, он рассердился даже на тех, кто доказывал ему, до какой степени неприятельская армия была деморализована, он прогнал меня из кабинета за то, что, возвратясь с поля битвы, я сказал ему, что половина французской армии сгнила... Кутузов упорно держался своей системы действия и шёл параллельно с неприятелем. Он не хотел рисковать и предпочёл подвергнуться порицанию всей армии²⁰.

Разрушения, вызванные боями (в Вязьме всего за несколько часов в огне исчезло более 1000 тысячи домов, 400 лавок и складов), а также большие потери с обеих сторон (4 тысячи убитых и раненых в Великой армии²¹, 1800 – в русской армии) тяжело переживались русскими, они никак не могли понять, почему в этот день маршал не поддержал наступление своего авангарда. Французов результаты сражения тоже не обрадовали; на следующий день после битвы под Вязьмой Наполеон, вместо того чтобы восхититься отвагой солдат Даву, обвинил его в «медлительности» и отстранил от командования арьергардом, передав этот пост Нею. Такая несправедливость больно задела Даву.

5 ноября император французов в сопровождении своей гвардии прибыл в Дорогобуж. Там его ждало множество дурных вестей; сначала следует сказать о политических: 23 октября генерал Мале неуклюже попытался осуществить государственный переворот. Сбежав из психиатрической лечебницы, куда он был заключён, генерал попытался свергнуть власть Наполеона, заявив, что император погиб. Конечно, всё это продлилось всего 12 часов, и уже в полдень порядок был восстановлен. Но сам факт, что ни один человек, облечённый властью, даже на минуту не подумал о том, чтобы назначить Марию-Луизу регентшей; это лишний раз продемонстрировало хрупкость власти Наполеона и убедило императора как можно быстрее вернуться во Францию. Военные вести тоже были удручающими. Чичагов смог объединить Молдавскую армию с армией Тормасова; с частью своих войск – оставшиеся имели задачей сдерживать корпус Шварценберга и Ренье – он направился к Витгенштейну, чтобы объединиться с ним и преградить дорогу Великой армии.

Эта новость заставила Наполеона пересмотреть расположение войск. Он приказал Шварценбергу и Ренье догнать адмирала Чичагова и закрыть ему дорогу к Березине; он заклинал Виктора двигаться быстрее. Наконец, Евгений и Понятовский должны были как мож-

но скорее направляться к Витебску. Наполеон, Даву и Ней шли к Смоленску. 9 ноября император и его гвардия вошли в Смоленск, а на следующий день к ним присоединились Даву и Ней.

На этот момент из 104 тысяч солдат, покинувших Москву 19 октября, в строю осталось всего 42 тысячи, остальные погибли от голода и истощения, дезертировали, пали в бою или попали в руки казаков. В своём письме к жене от 4 ноября генерал Раевский тоже рассказывает о развале Великой армии:

Неприятель бежит, дорога покрыта мёртвыми и умирающими от голода. Их убивают, у них каждый день берут пушки, офицеров, генералов, солдат немного, поскольку их добивают. После всех ужасов, которые они делают и делали, человечность потеряла свои права, это возмездие за все святотатства и жестокости, которые они совершили²².

Трогательные письма, перехваченные казаками в середине ноября, рассказывают о перенесённых лишениях. Некоторые, подобно маркизу Жозефу де Билиотти, ещё пытались приуменьшить размах катастрофы:

Несколько дней назад, ночью, мы покинули Москву и спешно направились на Калугу. Мы прошли по этой дороге около тридцати лье, каждый день в большей или меньшей степени подвергаясь нападениям казаков. После небольшого сражения под руководством короля Неаполитанского, которое не имело того успеха, какого можно было ожидать, армия немедленно повернула на Можайск и после форсированных ночных и дневных маршей мы прибыли в Вязьму. Мы находимся примерно в сорока лье от Смоленска и надеемся через несколько дней попасть туда. Мы подвергаемся тем же невзгодам, голоду и усталости, что и на пути сюда; к этому добавился сильный, хотя и прекрасный, мороз; кроме того, мы более осторожны и менее решительны из-за мародеров и вражеских партизан. Те, кому недостаёт лошадей, вынуждены оставлять своё имущество. Многие из моих коллег, в том числе г-н де Флэри, потеряли весь свой багаж, а повозки либо сожгли они сами, либо уничтожил арьергард.

Мы совершенно не выглядим победителями. Поскольку средств транспортировки не хватает, больных приказано везти на частных повозках²³.

Другие были более откровенны:

Мне позволено написать тебе, что мы отступаем; я не знаю, где мы остановимся. Вот уже двадцать дней мы спим посреди полей, на шестидюймовом льду. Я себя чувствую довольно хорошо, несмотря на все лишения, по сравнению с которыми парижский го-

лод²⁴ был весьма незначителен. Когда нам удастся добыть муки или ржи, которую мы сами перетираем меж двух камней, мы их варим. Этот отвар и немножко сахара помогают нам более-менее держаться. Я напишу тебе, когда у нас будет почта. Это письмо должен доставить курьер. Я вас всех люблю и горячо тебя целую, несмотря на холод, который замораживает пальцы²⁵.

Хотя барон Ларрей, будучи главным хирургом Великой армии, подвергался меньшим лишениям, чем другие, в своём письме к жене, написанном из Смоленска, но без даты, он признался:

Никогда я так не страдал. Египетский и испанский походы были ничто по сравнению с этим походом, и кажется, что мы ещё не достигли предела наших страданий. Я очень плохо себя чувствовал, когда прибыл сюда, но двадцать четыре часа отдыха позволили мне прийти примерно в то состояние, в каком я был, когда покидал Москву, и я ещё могу сказать, что чувствую себя хорошо. Кроме того, не волнуйся, но я, подобно моим товарищам, потерял практически всё, что у меня было, и нам это никак не компенсируют...

Часто мы считали себя безмерно счастливыми, получив несколько обрывков лошадиной падали, найденной на дороге. Эти куски жарились на кострах; вот и вся наша пища²⁶.

Прибытие в Смоленск могло дать некоторое облегчение и утешение выжившим солдатам Великой армии. Город ломился от запасов провианта и фуража, собранных благодаря начавшимся 1 сентября поборам с местного населения²⁷. Кроме того, в середине октября, как только было принято решение об отступлении, Наполеон приказал комиссарам Смоленской губернии увеличить запасы в ожидании его войск. Но, хотя император педантично предписал, сколько местные жители должны поставить провианта, исполнение его приказов оставляло желать лучшего. К другим разочарованиям добавился тот факт, что около 1500 коров и стада овец, которых гнали в Смоленск по Мстиславской дороге, были за несколько дней до того перехвачены отрядами русских партизан²⁸. К тому же запасами частично воспользовалась армия Виктора, несколько месяцев квартировавшая в Смоленске... Когда войска прибыли в город, раздача провианта (рис, мука, спирт и сухари) шла беспорядочно и неравномерно. Гвардия, а также те полки, что вошли в Смоленск первыми, получили большую долю запасов, а прибывшие позже получили, что осталось. Эта несправедливость, рассердившая обделённых солдат, стала причиной яростного грабежа, которому не могло помешать даже присутствие Наполеона:

Солдат живёт ото дня ко дню; вчера у него не было ничего, а сегодня, если вокруг изобилие, он забывает о вчерашних лишениях и не беспокоится о дне завтрашнем; а ещё он не думает о том, что в следующие дни на оставленные им позиции придут другие полки, и, взяв необходимое, хорошо бы что-нибудь оставить тем, кто придёт вслед за ним... Но нет. Отряд из ста человек уже убил двух быков, этого довольно; они находят ещё четырёх коров, шесть телят, двенадцать баранов и убивают их всех, безжалостно, чтобы отведать их языки, их почки, их мозги. Войдя в погреб, солдаты видят двадцать бочек в боевом порядке. У них нет инструментов, чтобы вскрыть их, но солдаты никогда не падают духом: они простреливают их насквозь двадцатью выстрелами, и двадцать фонтанов вина хлещут отовсюду под бурный смех всех присутствующих. Даже если бы в погребе было сто бочек, их бы вскрыли одновременно. Потому что надо же, в конце концов, попробовать, какое вино самое лучшее²⁹.

Это привело к самой настоящей катастрофе: если бы запасами распорядились бережно и разделили их на небольшие рационы, то можно было бы прокормить армию в течение двух-трёх недель, но за какие-то четыре дня всё было израсходовано:

[3-й корпус], прибывший под стены Смоленска последним, занятый обороной подступов к городу, был забыт теми, кого он защищал. Пока мы давали отпор врагу, другие корпуса заканчивали грабить склады. Когда я, в свою очередь, вошёл в город, я не смог там ничего найти ни для своего полка, ни для себя самого. Пришлось принять решение отступать дальше, так и не получив ни малейшей помощи³⁰.

30 тысяч раненых, больных и отставших солдат, находившихся в городе, тоже оказались обойдены при раздаче.

Эти нарушения не только уничтожили всякое чувство сплочённости, не только способствовали дальнейшему ослаблению дисциплины в Великой армии, но и всего за несколько дней сорвали план Наполеона. Вопрос о том, чтобы расположиться на зиму в Смоленске, уже не рассматривался: для этого не было фуража и провианта.

Тем временем одна неудача следовала за другой.

Виктор и Удино сумели объединить свои войска на реке Уле, но из-за несогласий не смогли даже атаковать Витгенштейна, не говоря уж о том, чтобы оттеснить его за Двину, как приказал Наполеон. Это позволило русскому военачальнику взять Витебск до подхода вице-короля. Евгений Богарне, выдержав нападения казаков Платова, на беду застрял между Дорогобужем и Духовщиной, переправляясь через речку Вопь, сильно разлившуюся зимой... 10 числа Евгений при-

был в Духовщину. Но при переправе через Воль он потерял значительную часть своей артиллерии и обоза. Вице-королю пришлось повернуть назад, 13 ноября он достиг Смоленска, где присоединился к армии Наполеона.

Император только накануне узнал, что Чичагов начал движение на Минск, стратегический пункт, где находились французские магазины и склады. За каких-то несколько дней логистическое и стратегическое положение Великой армии резко ухудшилось, её численность продолжала таять. Когда Наполеон собирался через Оршу пойти на Борисов, Бертье составил новый доклад, оценив численность годных к военной службе солдат примерно в 36 тысяч: 10 тысяч гвардии, 12-тысячный корпус Даву, 5-тысячный корпус Нея, 6-тысячное войско вице-короля, а также 1000 вестфальцев из корпуса Жюно и 800 поляков Понятовского³¹. Наконец, кавалерия за 3 недели отступления понесла тяжелейшие потери как в людях, так и лошадях: лишь у 5 тысяч всадников ещё оставались лошади. Войска Кутузова шли следом за исчезающей на глазах армией, отслеживая её малейшие движения и перемещения.

Преследовать или позволить бежать?

После сражения под Малоярославцем Кутузов решительно определился с планами. Убеждённый, что Великая армия, ослабленная голодом и лишениями, не в силах одержать победу, старый фельдмаршал решил избегать столкновений. Он считал, что нет необходимости задействовать регулярную армию, чтобы покончить с врагом; вполне достаточно периодически наносить удары по её тылу и флангам при помощи казаков и партизан. Кутузов был убеждён, что в ближайшие недели в войну вмешается «генерал Мороз», что неминуемо приведёт к полному поражению Наполеона.

В Тарутино русская армия смогла отдохнуть, получить снабжение и сделать запасы, но это благоприятное положение могло быстро закончиться. Если бы она решила преследовать Великую армию по дорогам, уже дважды разорённым наполеоновскими солдатами, она оказалась бы далеко от своих складов и столкнулась бы с нехваткой провизии... Кроме того, в результате отступления Кутузова после сражения под Малоярославцем основная часть русской армии отстала от Наполеона,двигающегося на Можайск, на трое суток марша. А Великая армия отступала быстро, очень быстро: 30 октября Ермолов представил Кутузову доклад, в котором констатировалось, что с учетом скорости движения войск Наполеона регулярная царская армия нагнать их не сможет, а солдаты в переходах сильно устанут. Через два дня атаман Платов, которому было поручено нападать на от-

ступающую Великую армию и который вблизи видел разброд в ее рядах, тоже подтвердил, что «бегство» противника стремительно и беспорядочно:

Противник отступает так, как не отступала ни одна армия в истории. Он бросает обозы, больных и раненых. Он оставляет за собой ужасные картины: на каждом шагу виднеются умирающие и мертвые люди³².

Таким образом, регулярной армии следовало по мере возможности держаться на расстоянии от наполеоновских войск, продвигаться по областям, ещё не успевшим стать театром военных действий, и, вместо того, чтобы истощать свои силы в попытке догнать Наполеона, предоставить казакам, партизанам и вооружённым крестьянам изматывать отступающего врага³³.

Хотя такой способ ведения войны был весьма логичным, в штабе с ним были согласны далеко не все. Милорадович, Евгений Вюртембергский, барон Корф не могли понять подобную стратегию и выступали против, несмотря на все объяснения Кутузова:

Взгляд старика таков: если мы доведем неприятеля до отчаяния, это будет стоить нам ненужной крови; но если мы позволим ему бежать и окажем ему достойное сопровождение, он сам себя уничтожит за несколько дней. Вы знаете: люди не могут питаться одним воздухом, снег не самое уютное место для бивуака, а без лошадей французы не смогут везти еду, снаряжение и пушки³⁴.

Самого царя всё больше и больше раздражали апатия и «бездействие» главнокомандующего. 11 ноября он написал резкое письмо Кутузову, высказав ему своё неодобрение:

С крайним сетованием вижу я, что надежда изгладить общую скорбь о потере Москвы пресечением врагу возвратного пути совершенно исчезла. Непонятное бездействие Ваше после счастливого сражения перед Тарутином, чем упущены те выгоды, кои оно предвещало, и ненужное и пагубное отступление Ваше после сражения под Малым Ярославцем до Гончарова уничтожили все преимущества положения Вашего, ибо Вы имели всю удобность ускорить неприятеля в его отступлении под Вязьмой и тем отрезать, по крайней мере, путь трем корпусам: Даву, Нея и вице-короля, сражавшихся под сим городом. Ныне сими опущениями Вы подвергли корпус графа Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеон, оставя пред Вами вышеупомянутые три корпуса, которые единственно Вы преследуете, будет в возможности с гвардией своей усилить бывший корпус Сен-Сира и напасть превосходными силами на графа Витгенштейна³⁵.

Тем не менее важно отметить, что, хотя некоторые, разочарованные бездействием Кутузова, убеждали царя взять на себя верховное командование русскими армиями, Александр I об этом и не помышлял, как и о том, чтобы публично выразить Кутузову неодобрение; хотя царь и рассердился на старого фельдмаршала, однако был уверен, что не должен брать на себя роль военачальника. Когда 27 октября генерал Мишо призвал его встать во главе русских войск, Александр смиренно (возможно, его по-прежнему преследовало воспоминание об Аустерлицкой катастрофе) ответил:

Знаю, что если бы я находился при армии, то вся слава отнеслась бы ко мне, и что я занял бы место в истории; но когда подумаю, как мало я опытен в военном искусстве в сравнении с неприятелем моим, и что, невзирая на добрую волю мою, я могу сделать ошибку, от которой прольётся драгоценная кровь моих детей, тогда, невзирая на честолюбие, я готов охотно пожертвовать моею славою для блага армии³⁶.

Кажущееся бездействие Кутузова вызвало раздражение и у генерала Вильсона. Как мы помним, он уже во всеуслышание упрекал фельдмаршала в том, что тот принял Лористона; с тех пор он не прекращал обвинять главнокомандующего в вялости, считая, что речь идёт о преступной снисходительности по отношению к Наполеону. Но Кутузов не боялся подобных наговоров, хотя они исходили от человека, которому доверял сам царь. Он даже без особой учтивости объяснил Вильсону ход своих мыслей:

Меня не волнуют ваши возражения. Я предпочитаю дать противнику то, что вы называете «золотым мостом», чем от него получить «отчаянный удар». Кроме того, я повторяюсь, сказав вам то, что говорил ранее: я вовсе не уверен в том, что полное уничтожение императора Наполеона и его армии будет столь уж выгодно для остального мира; наследие его империи достанется не России или какой-либо иной континентальной державе, но той, что господствует на море и чьё владычество тогда станет нестерпимым³⁷.

Эти слова представляют интерес. Они свидетельствуют о том, что Кутузов, официально оставаясь в тени Александра, сделав военную карьеру и, казалось, не особо интересуясь актуальными политическими вопросами, в реальности имел относительно них весьма твёрдые взгляды: он считал, что крушение Наполеона не могло принести пользы никому, кроме Англии.

Хотя Кутузов продолжал по мере сил придерживаться своей стратегии и избегать прямых столкновений с противником, в первой по-

ловине ноября всё же происходили яростные схватки, часто затеваемые подчинёнными русского главнокомандующего, поэтому русской армии тоже пришлось испытать трудности со снабжением и нехватку припасов. Дистанция между русскими войсками и Великой армией сокращалась, и русская армия, двигаясь по опустошённым областям, не располагала достаточным временем, чтобы развернуть на местности и ввести в строй мобильные склады, которые позволили бы снабжать солдат провизией. Сам Кутузов признал это уже 5 ноября:

При скором движении армии для преследования бегущего неприятеля не подспевают транспорты с заготовленным и вслед за армиею идущим провиантом, и потому армия начинает терпеть в провианте недостаток³⁸.

Поэтому русская армия прибегла к насильственным реквизициям. Но их было сложно организовать: в середине ноября, когда русская армия приближалась к Смоленску, опустошение, вызванное боями и оккупацией Великой армии, привело к тому, что многие крестьяне бросили свои участки и укрылись в лесах, где они могли более-менее прокормиться охотой и собирательством.

Как бы то ни было, вызвавшая столько споров стратегия Кутузова увенчалась успехом, о чём свидетельствовали и сами французы:

Вооружённые крестьяне под командованием своих помещиков, убивающие и нападающие на наших фуражиров, наши обозы, наших путешественников, причиняют нам больше зла, чем их армия; они лишают нас фуража и еды³⁹.

Это способствовало повышению морального духа русской армии, чувствовавшей, что в войне наступил перелом и всё идёт к победе. Уже 9 ноября, находясь в 70 верстах от Смоленска, П. П. Коновницын писал жене:

Милый друг, мы день и ночь гоним неприятеля, берем пушки и знамена всякий почти день и пленных – пропасть. Неприятель с голоду помирает, не только ест лошадей, но видели, что людей жарят, то есть описать нельзя их крайности. Можно ручаться, что армия их совсем пропала. Итак, мой друг, мы – победители, и враг погибает. Чрез 3 дня мы проходим Смоленск, а чрез две недели не быть ли нам в Минске, где и твои клавикорды отниму. У нас зима, и нам трудненько, холодно, и смерть утомились, но, благодаря богу, победно. Не бывал Бонапарт в такой беде, сам уплетает кое-как, чуть его казаки не схватили. Авось попадет еще в руки, его примечают наши⁴⁰.

Каждый день в плен попадало всё больше обозов, курьеров, мародёров, раненых и отстававших солдат: к примеру, уже 20 октября под Вязьмой партизаны Давыдова атаковали обоз с провизией, находившийся под охраной трёх полков, захватили большинство повозок и взяли 500 пленных.

Этих пленных, которых становилось больше и больше (сложно назвать их точное число, но примерно от 150 до 200 тысяч человек), постигла разная участь. Солдат, попавших в руки партизан или казаков, чаще всего ждала смерть⁴¹, часто очень жестокая. Если Денис Давыдов, эстет и романтический поэт, отважный воин, стремился к тому, чтобы в его отряде соблюдались этические правила, в том числе и по отношению к пленным солдатам, многие предводители партизан были склонны к жестокости, порой извращённой. Например, капитан Александр Фигнер, выживший в Бородинском сражении, яростный ненавистник французов, талантливый полиглот (кроме русского языка он свободно говорил по-немецки, по-французски, по-итальянски), хладнокровно казнил попадавших в его руки неприятельских офицеров, презрев какие-либо понятия о чести:

Его лучшею и частою забавою было, внушив ласковым разговором с пленными офицерами весёлость и доверие к себе, убивать их неожиданно из пистолета и смотреть на предсмертные их мучения. То делалось вдали от армии, куда доходили о том только тёмные слухи, которым не верили или забывали в шуме военном⁴².

На самом деле армия не реагировала на подобные злоупотребления потому, что совершала их сама. Попавший в плен майор Эвертс рассказывает, как плохо с ним обходились и каким унижениям подвергали при трескучем морозе (температура днём достигла минус 20°C), вместе с тем указывая на слабый проблеск гуманности посреди кошмара:

У нас отняли всю одежду и всё, что в ней было... В раздетом виде меня привели к генералу Розену, который был столь учтив, что поверил тому, что я сказал о своём чине и т. д., и внезапно даже оказался столь добр, что немедленно дал мне старый русский редингот и немного крепкой выпивки. Кроме того, он был столь гуманен, что по моей просьбе прекратил убивать наших несчастных товарищей, что было очень важно⁴³.

Порой сочувствие приходило с неожиданной стороны. Французские офицеры, нарисовавшие на стене тюрьмы масонский знак отчаяния, неожиданно обнаружили, что их узилище стали обогревать, принесли немного еды: они так и не узнали, кто оказал им такое благодеяние⁴⁴. Голландский капитан ван Инген, товарищ майора Эверт-

са по несчастью, спасся лишь благодаря масонскому знаку, который он посмел нарисовать в присутствии генерала Розена. Тот «дал ему несколько рублей ассигнациями, которые он положил в свой бумажник»⁴⁵. Но эти случаи были нечастыми, редко кто проявлял к пленникам снисходительность. «Алчность» казаков, жадных до любых трофеев, засвидетельствованная многочисленными французскими источниками, стала общим местом в воспоминаниях тех, кто спасся из русского ада. Можно привести в качестве примера довольно забавные воспоминания сержанта Бургоня, который, убив казака, составил вместе со своим спутником Пикаром перечень сокровищ, которые тот вёз на своей лошади:

Я взял саблю всадника и красивую патронную сумку, отделанную серебром, которую я узнал: она раньше принадлежала хирургу нашей армии... Саблю мы выкинули в кусты. Под плащом у него было два французских мундира, кирасирский и красных гвардейских уланов, с офицерским орденом Почётного легиона, который Пикар поспешно с него сорвал. На груди его было несколько красивых жилетов, сложенных вчетверо, служивших ему нагрудником... В его карманах мы нашли более 300 франков монетами по пять франков, двое серебряных часов, пять крестов Почётного легиона⁴⁶.

Но грабёж ничего не значил по сравнению с муками, ожидавшими несчастных пленных. Англичанин Вильсон, не слишком симпатизировавший бойцам Великой армии, подробно описал варварское обращение, которому подвергались пленные. После того, как у них всё отбирали, пленных часто казнили на месте, закапывая или сжигая заживо⁴⁷, или передавая крестьянам, которые, подвергнув их пыткам, казнили их, часто с языческими ритуалами:

Впрочем, всех пленников немедленно и без исключений раздевали догола и заставляли так идти или же бросали на волю случая, на потеху крестьян, чьими жертвами они становились. Когда они пытались приставить дуло к своей голове или груди, чтобы самым быстрым и надёжным образом покончить со своими страданиями, крестьяне не всегда позволяли им сделать это; они считали, что подобное облегчение мук «будет оскорбительно для мщения русского Бога и лишит их Его защиты в будущем».

Яркий образец этого жестокого и мстительного духа мы увидели в ходе движения к Вязьме.

Милорадович, Беннигсен, Корф и английский генерал⁴⁸, вместе с несколькими другими, двигались по главной дороге, находясь примерно в миле от города, когда они увидели толпу крестьянок с палками в руках, прыгающих вокруг срубленной сосны, на каждой

стороне от которой лежало около шестидесяти обнажённых пленников, распростёртых, с головами на дереве; эти фурии били по их головам в такт национальной мелодии или песне, которую они хором вопили; а несколько сотен вооружённых крестьян спокойно созерцали это, будучи стражами зловещей оргии. Когда кавалькада приблизилась, жертвы стали издавать пронзительные крики, повторяя: «Смерть! Смерть! Смерть!»⁴⁹

В этот день в Вязьме около 60 пленников были погребены заживо в ямах, которые их заставили выкопать. Подобных страшных случаев становилось всё больше, их описали те, кто выжил. Они показывают, какого уровня варварства достигла эта война, в которой во имя защиты Русской земли и православия проявлялись садизм и зверство:

Я видел, как французского пленника за двадцать рублей продали крестьянам, которые крестили его при помощи котла с кипятком, а потом, ещё живого, насадили на кусок острого железа. Какой ужас! О! Гуманность, ты стонешь от этого. Русские женщины убивают пленных и мародёров, проходящих через их жилища, ударами топора⁵⁰.

Эти варварские пытки и систематическое убийство пленников вызвали возмущение Вильсона. Считая необходимым соблюдение минимального кодекса войны, он уведомил царя о недостойных действиях его крестьян и партизан, «чтобы сообщить ему об этих ужасах и предложить проверить их». Александр в ужасе от его откровений немедленно приказал «воспретить подобные дела под страхом вызвать сильнейшее недовольство царя и наказание» и «выплачивать золотой дукат за каждого военнопленного, которого крестьянин или солдат будет выдавать под надёжную охрану гражданским властям». Тем не менее, как свидетельствует Вильсон, принятые меры не всегда были успешны:

Этот приказ был благотворным и достойным уважения, но тем, кто вёл пленных, предлагали более высокую цену за их подопечных, и нередко удавалось их убедить отдать пленника, поскольку они сомневались в справедливости приказа⁵¹.

Таким образом, мягкость императора Александра не встретила особого понимания у русского народа, не слишком склонного к снисходительности. Но она позволила выжить десяткам тысяч солдат. Оказавшись под конвоем (и теоретически под защитой) армии, они пешком совершили труднейшее путешествие на восток, в различные места ссылки, на Урал и в Сибирь, или по крайней мере в те края, что они называли «Сибирью»⁵². Некоторые выжившие рассказали о своих странствиях в трогательных письмах близким:

Несчастные пленники, умиравшие от голода, холода и усталости, почти все были захвачены в деревнях, через которые армия уже прошла, или у костров, оставленных ею за собой, которые у них не хватало сил покинуть даже при приближении врага, поскольку ноги у большинства были обморожены. Эти несчастные, как ты можешь представить, двигались с большим трудом, но как только они останавливались или падали от усталости, варвары-казаки, конвоировавшие нас, кричали им: «Маршир!»⁵³ Эти слова сопровождалось многочисленными ударами пик, и когда несчастные уже не могли повиноваться, их безжалостно убивали. Мы кричали жалобные, душераздирающие крики жертв, которых умерщвляли эти каннибалы. Я содрогаюсь от этого воспоминания⁵⁴.

В войну 1812 года не существовало общего плана депортации пленных в Сибирь или ещё куда-либо. Каждый день приходилось заново решать, что делать с десятками тысяч солдат, попадавших в плен. Многие из выживших напишут в своих мемуарах, что ни солдаты, ни руководители конвоя часто не знали, куда их ведут. Лишь по мере продвижения пленники узнавали, что принято решение отправить их дальше на восток, поскольку властям необходимо освободить место для новых пленников.

На первых этапах этого вынужденного путешествия пленники спали в тюрьмах или помещениях, превращённых в тюрьмы, но по мере их продвижения на восток положение менялось. Поскольку помещений для них было недостаточно, они чаще всего останавливались у местных жителей, которые, получив предписание принять их на постой, были обязаны разместить их у себя и накормить. В оправдание «конвоиров» можно сказать, что многие из них снабжались не лучше, чем их пленники. Как писал майор Бретон в другом своём письме к семье, «наше путешествие длилось уже месяц и становилось всё холоднее. Десятки пленников и самих казаков умирали».

Варварство и насилие отнюдь не были прерогативой русских: бойцы Великой армии тоже жестоко поступали с солдатами царя, попадавшими им в руки.

Поскольку общего плана, как следует обращаться с военнопленными, не было, принимать решение часто приходилось спешно, порой импровизировать, что могло причинить вред и самой Великой армии. Марбо, помощник полковника, командовавшего 23-м полком конных стрелков, хорошо описал недостатки этого способа действий:

Отсутствие гарнизонов в нашем тылу стало причиной того, что из более ста тысяч человек, захваченных французами в плен за

время войны, ни один, буквально ни один-единственный не покинул Россию. В тылу не было полков, чтобы их сопроводить, передавая из рук в руки. Поэтому все эти пленные легко сбегали и возвращались в русскую армию, которая, таким образом, возмещала часть своих потерь, в то время как наши потери усугублялись день ото дня⁵⁵.

Суровое суждение Марбо нуждается в уточнении: в конце декабря 1812 года в Пруссии зафиксировано присутствие русских военнопленных⁵⁶; кроме того, в течение всей войны курсировали суда между Кёнигсбергом (ныне Калининград) и Ковно, перевозившие водным путём в Ковно провизию и военное снаряжение, а обратно – раненых, больных и военнопленных. К примеру, 7 сентября «контр-адмирал Баст сообщает, что 23-й эшелон перевёз 54 русских офицеров и 1780 унтер-офицеров и рядовых в Данциг через Кёнигсберг»⁵⁷. Это не отменяет того факта, что отсутствие общих директив и нормальной организации обращения с военнопленными способствовало самым различным упущениям и злоупотреблениям. Поскольку врачей не хватало, русским военнопленным редко оказывали помощь, а так как Великая армия сама страдала от голода, она практически не кормила военнопленных. Подобные причины приводили к тому, что сотни русских солдат умирали от голода и истощения, были замечены случаи каннибализма, в частности засвидетельствованные португальским унтер-офицером⁵⁸ Великой армии. От Вязьмы до Смоленска обочины дороги были устланы телами людей с черепами, пробитыми прикладами:

Колонна русских военнопленных шла перед нами; её вели войска Рейнского союза. Им выдавали в лучшем случае немного конины, а солдаты, которым было поручено вести их, убивали тех, кто уже не мог идти. На дороге нам встречались их трупы, все с разmozжёнными головами. К чести солдат моего полка, они негодовали; к тому же они чувствовали, какому жестокому возмездию подвергнутся те, кто попадёт в руки врага, после этого варварского зрелища⁵⁹.

В Вязьме 300 русских военнопленных были заперты в церкви и сгорели бы заживо, если бы их не спасли их товарищи⁶⁰, а в Смоленске казнили 600 военнопленных, считая их неспособными идти дальше⁶¹. Обер-штальмейстер императора был возмущён этими массовыми казнями, которые, по-видимому, производили офицеры по приказу вышестоящего командования⁶². Подобно Вильсону, Коленкур считал такой произвол не только вопиющим нарушением военной чести, но и опасным примером для подражания, способствующим возникновению порочного круга насилия:

Это чудовищная жестокость! И вот это та хвалёная цивилизация, что мы несём в Россию? Как на врага подействует это варварство? Разве мы не оставляем ему наших раненых, толпы наших пленных? Разве у него не будет возможностей осуществить ужасающее мщение?⁶³

Но к верному герцогу Виченцкому никто не прислушался. Положение стало настолько тяжёлым, что император, занятый лишь мыслями об отступлении, даже и не подумал прекратить подобное варварство. 14 ноября Наполеон покинул Смоленск. Начинался последний этап его злосчастного пути — переправа через Березину.

10. В БОЙ ВСТУПАЕТ «ГЕНЕРАЛ МОРОЗ»

Короткая остановка в Смоленске, как мы убедились, стала лишь временной передышкой для Великой армии. Самые тяжёлые испытания ей только еще предстояли. 14 ноября на широте Смоленска было уже -26°C . В следующие дни началась оттепель, но она оказалась недолгой. Участь людей, без меховой обуви, перчаток, шапок, шарфов, была печальной.

Большое похолодание

Когда Великая армия покидала Смоленск, холода усилились, и каждый пытался как-то от них защититься. Войска выглядели как какое-то зловеще карнавальное шествие; субординация и даже видимость организации исчезли:

Это шествие происходило в ужасной суматохе, в чудовищном беспорядке; только вдалеке можно было увидеть несколько вооружённых групп, объединившихся вокруг орлов и шагавших с видимостью порядка. Вереницы повозок, постоянно прерывавшие, обгонявшие друг друга, мешавшие друг другу; посреди всего этого шумная толпа штатских, раненых, калек, ходячих трупов, уже без каких-то знаков принадлежности к корпусу, без оружия, сохранивших лишь то, что защищало их от холода, избавившихся от всего, что им мешало, одетых самым причудливым образом. Полки, войска, чины, мужской и женский пол – всё смешалось: здесь не было места повиновению, вниманию к другим, уважению; генерал шагал рядом с солдатом; слуги были в шляпах с галунами или в одежде с вышивкой, на солдатах висели остатки прекрасных мехов¹.

В середине ноября мороз настолько окреп, что люди стали терять чувствительность к нему, он «располагал к обманчивому сну»², и многие солдаты, на несколько секунд заснувшие от усталости, уже никогда не проснулись. Ещё одним бедствием стала снежная буря, гасившая слабые солдатские костры. От этих испытаний многие бойцы сошли с ума: «Многие солдаты как будто впали в помешательство. Говорят, что мозги у них замёрзли. Они, смеясь, поджигают дома и греются у них. Некоторые от усталости падают и сгорают в огне,

который сами зажгли»³, – сообщает в своих воспоминаниях фон Зукков. У других воспалились глаза от дыма костров, а некоторые (это случилось не только с людьми, но и с лошадьми) потеряли зрение, постоянно смотря на блестящий белый снег. При таком морозе даже самые элементарные действия становились сложными и требовали большой изобретательности. Хирург Ланьо вспоминал в мемуарах, что, поскольку люди не могли «без помощи кого-нибудь из товарищей застегнуть штаны, после того, как справляли известную нужду», они «изобретательно решили разрезать штаны сзади, чтобы не было нужды снимать их, направляясь в уборную»⁴.

Мороз оказывал и психологическое воздействие. Эта зима, которая, казалось, каждый день отодвигала предел человеческой выносливости, которая скрыла мундиры под случайной одеждой, тем самым уничтожив последние внешние следы принадлежности к единому военному организму, не оставила места взаимовыручке. Пришёл час спасаться каждому в одиночку, тяжёлые сцены сменяли одна другую.

Теперь самые стойкие шли вперёд, не заботясь об отстающих. Воровство стало нормой: стоило солдату на какой-то миг зазеваться, и он лишался сапог или плаща, поэтому некоторые шли босиком, «но их ступни настолько замёрзли, что стучали о землю как лошадиные копыта»⁵. Раненых же часто грабили перед смертью:

Они заметили, что одеждой людей, умерших от холода, легче завладеть, если не ждать, пока их тело заледенеет; и не один несчастный был раздет ещё до того, как испустил дух⁶.

Многие, были настолько истощены, что отказывались идти дальше, просто ложились на снег, чтобы умереть и прекратить свои мучения. У других, более стойких, случались вспышки гнева, обращенные к высшему командованию, а то и к самому императору, но таких людей было мало: по дошедшим до нас рассказам, в «бесконечной колонне привидений» (Гриуа), пытавшихся вернуться домой, господствовал не гнев, а подавленность.

Солдаты, измождённые, едва держащиеся на ногах, с почерневшими от костров лицами, «жалко и гротескно» одетые, совершенно лишились человеческого облика, а самые везучие из бойцов, облачившиеся в звериные шкуры, походили на животных. Бопре-Моришо писал:

Они были облачены в жалкие и нелепые одеяния, выражены в меха, в женские наряды, в меховые шапки, в плохие одеяла, в полотняные мешки, в лохмотья, в сено и в недавно содранные шкуры животных⁷.

За какие-то несколько недель самая большая армия в мире, которая, если верить бюллетеням, вошла в Россию, чтобы бороться с рабством и принести цивилизацию, превратилась в измождённые и потерявшие человеческий вид «обломки»⁸ и стала объектом едкого и саркастического изображения в русских лубках, где Наполеон представлялся в облике дикобраза, а его солдаты – в виде людей-птиц, с носами, напоминавшими клювы ворон, из которых они были вынуждены варить похлёбку⁹.

Но в середине ноября солдаты ещё сохраняли преданность Наполеону если и не во всей армии, то по крайней мере во французских полках и особенно в старой гвардии, от которой осталось всего 6 тысяч человек, но которая ещё производила впечатление на врага. Это подчёркивал сам Давыдов, восхищавшийся солдатами императора:

Подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон... Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружьё под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих, всеми родами смерти испытанных, воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они казались маковым цветом среди снежного поля... Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отстававшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми... Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки устремлялись на неприятеля, но все было тщетно. Колонны двигались одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и издеваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством... Гвардия с Наполеоном прошла посреди... казаков наших как 100-пушечный корабль между рыбацкими лодками¹⁰.

Кутузов по-прежнему старался избегать генеральных сражений именно потому, что опасался старой гвардии, вполне способной защитить императора. Но многие русские офицеры считали, что его стратегия лишь зря продлевает войну, поскольку слабеющая Великая армия уже не в силах оказать настоящее сопротивление:

Мы могли преградить Наполеону путь в Вязьме, Дорогобуже и наконец в Красном; но осторожный Кутузов не решился на такое смелое предприятие, а довольствовался тем, что отступающих французов беспрестанно тревожил нападениями во фланг. В Вязь-

ме, под Духовщиной и, наконец, в трехдневном бою под Красным, французские корпуса, отступавшие раздельно один от другого, претерпели совершенное поражение: принуждены были бросить почти всю свою артиллерию, потеряв большое число пленных, — и с наступлением сильных морозов изнуренные остатки Наполеоновой армии представляли нестройную толпу нищих, умиравших с голоду и холоду. Вся дорога усеяна была их окоченевшими трупами¹¹.

Стратегия Кутузова, способствуя продлению войны, вредила и его собственным войскам, которых тоже не щадили трудности. Конечно, как мы видели, верховное русское командование готовилось к холодам ещё до осени, а также в Тарутино. Но выданные солдатам одежда и в особенности обувь уже заметно пострадали от форсированных маршей и жизни в лагерях, да и не все солдаты были хорошо экипированы. Кроме того, мобильные склады, которые должны были снабжать солдат, двигались медленнее пехоты. Людям не хватало хлеба, лошадям — фуража.

С середины ноября плохое питание и усталость привели к заметным потерям в русской армии. Спустя 3 недели после отбытия из Тарутино 1-й армии из 100 тысяч солдат потеряла 50 тысяч, среди которых «всего лишь» (если можно так сказать) 10 тысяч погибли в бою¹². Таковы были потери «преследователей» Великой армии.

Путь на Минск

Покинув Смоленск, Наполеон стремился как можно быстрее достигнуть Минска. Не веря в возможность русского наступления по выбранной им дороге (не сумев наладить надёжную разведку на оккупированной территории), он недооценивал мощь русской армии, восстановившейся во время отдыха в Тарутино, — император приказал войскам двинуться в путь, выстроив их в несколько эшелонов.

12 ноября из города вышли первые полки, а через 2 дня корпуса Понятовского и Жюно, шедших впереди французской армии, прошли Красный, двигаясь на запад, в направлении Орши. 14 ноября в сторону Красного выступил Наполеон в сопровождении своей гвардии, Бертье и Мюрата (в целом 16 тысяч человек); в Красном он рассчитывал остановиться на несколько дней. На следующий день из города выступил 4-й корпус, сократившийся до 6 тысяч человек; 16 ноября пришёл черёд 1-го корпуса (в котором оставалось всего 9 тысяч человек); наконец, 17 числа город должен был покинуть 3-й корпус Нея (8 тысяч человек), предварительно взорвав стены и разрушив всё, чем неприятель мог бы воспользоваться, — Москва бы-

ла далеко не единственным городом-мучеником русско-французской войны.

Разделение армии на эшелоны было, видимо, не самым мудрым решением, поскольку войско стало более уязвимым для нападения русских. На подходе к Красному французские колонны растянулись более чем на 60 км, боевой порядок отсутствовал.

15 ноября Наполеон и его гвардия прибыли в Красный, в 67 км к юго-западу от Смоленска; там же находилась и основная часть войск Кутузова. В окрестностях расположился лагерь Милорадович во главе 2-го и 7-го корпусов, а также 1-й кавалерийской дивизии. Кутузов, считая, что имеет дело лишь с одной французской дивизией, удовольствовался тем, что приказал напасть на неё авангарду, состоявшему из регулярных войск и казаков под командованием генерала Ожаровского; поляки из дивизии молодой гвардии генерала Кларапеда смогли обратить русский авангард в бегство, и контроль над Красным остался в руках Наполеона. Так русские упустили возможность захватить Наполеона в плен.

Ночью с 15 на 16 ноября Наполеон, тоже считавший, что имеет дело лишь с небольшой частью армии Кутузова, приказал дивизии своей молодой гвардии во главе с генералом Роге напасть на русский лагерь генерала Ожаровского. Соппротивление русских было серьёзным и привело к тяжёлым потерям с обеих сторон, но бой закончился отступлением войск Ожаровского на юго-восток от Красного, к деревне Палкино. Как фельдмаршал, так и Ожаровский пришли к выводу, что Великая армия ещё крепка. Утром 16 ноября Наполеон, поняв, что имеет дело не с одной-двумя дивизиями, а со всей армией Кутузова, немедленно послал курьеров к корпусам, следовавшим за ним, приказывая ускорить шаг, и отправил восемьсот опытейших ветеранов старой гвардии навстречу 4-му корпусу. Но 4-й корпус подвергся атаке и артиллерийскому обстрелу со стороны Евгения Вюртембергского, вклинившегося между 4-м корпусом и гвардией. У Лосьминского ущелья, по которому было необходимо пройти, вице-король и его люди, лишившиеся практически всей своей артиллерии после катастрофической переправы через Воль, столкнулись с примерно 20 тысячами русских солдат. Евгений де Богарне отважно бросился в атаку, но удача отвернулась от него. Через час, когда он потерял треть своих людей¹³, а русские убеждали его сдаваться, он предпринял отвлекающий манёвр. Заставив русских поверить, что он будет драться до последнего солдата, вице-король оставил на видном месте дивизию Брусье и отступил со остальными силами, достигнув Красного по другой дороге. Евгений проявил отвагу и изобретательность. Но ему удалось спастись от русских, пожертвовав лишь дивизией Брусье, ещё и потому, что Кутузов приказал Милорадовичу зря не подвергать солдат опасности.

Эта стратегия встречала непонимание и раздражение ближайших советников Кутузова и его адъютантов. В конечном счёте, фельдмаршал был вынужден пойти на компромисс: ночью он согласился перейти в наступление, но потребовал, чтобы атака началась на рассвете. План был таков: Милорадович нападёт на корпус Евгения и следующий за ним корпус Даву, а основная часть армии под руководством Кутузова разделится надвое: князь Голицын с двумя кирасирскими дивизиями (15 тысяч солдат), направится на север, а 20 тысяч солдат Тормасова обогнут Красный с запада, двигаясь на Кутково и Доброе, чтобы отрезать французам дорогу на Оршу.

К 15 часам 17 ноября 1-й корпус направился на Красный. Узнав о трудном положении 4-го корпуса, Даву старался поскорее догнать его и не стал ждать Нея, находившегося ещё в Смоленске. По дороге, у Еськово, он наткнулся на мощный артиллерийский заслон Милорадовича, что привело к заметным потерям и посеяло панику среди французов. Несмотря на потери, 1-й корпус сумел объединиться с молодой гвардией Мортье, отправленной ему на помощь Наполеоном. Но солдаты Даву, спасаясь, бросили свой обоз, а молодая гвардия, прикрывая его, сама потеряла половину личного состава. На следующий день, опасаясь нового нападения русской армии, Мортье и Даву поспешно покинули Красный по дороге на Ляды, оставив на месте небольшой арьергард под командованием генерала Фридриха, который через несколько часов был разгромлен кирасирами Голицына.

Перед Великой армией встала альтернатива: либо ждать прибытия арьергарда Нея и дать генеральное сражение, либо пожертвовать арьергардом и скорее отступать к Орше, чтобы переправиться через Днепр до подхода войск Тормасова. 18 ноября Наполеон с болью в сердце выбрал второй вариант. В тот же день, около 15 часов, 3-й корпус, двигавшийся к Красному, был атакован войсками Милорадовича, разместившего около 12 тысяч человек вдоль Лосьминского ущелья, которое теперь предстояло пройти Нею. Русские, обладавшие численным превосходством, настаивали на том, чтобы Ней сдался.

Фельдмаршал Кутузов не посмел бы сделать такое жестокое предложение столь знаменитому воину, если бы у того оставался хоть один шанс спасения. Но 80 тысяч русских перед ним, и если он в этом сомневается, Кутузов предлагает ему послать кого-нибудь пройти по русским рядам и сосчитать их силы¹⁴.

Ней отказался. Построив своих людей в боевом порядке, он выбрал геройский и вызывающий образ действий:

Вместо ответа маршал взял в плен парламентёра; предлогом для этого послужили несколько пушечных выстрелов, прогремев-

ших во время этих переговоров; и, не принимая во внимание то, что врагов огромные массы, а его собственных солдат немного, он приказал идти в атаку¹⁵.

3-й корпус показал себя достойным геройской славы Нея, но понёс большие потери в результате атаки:

2-я дивизия, построившись в колонны по полкам, зашагала прямо на врага... Каждый пушечный залп уничтожал целые ряды; каждый шаг делал смерть более неизбежной, но движение не замедлилось ни на миг. Наконец, мы так близко подошли к вражеской линии, что 1-я дивизия моего полка, полностью уничтоженная картечью, опрокинулась на следовавшую за ней и внесла в её ряды беспорядок. Тогда на нас ударила русская пехота, а русская кавалерия, обрушившись на наши фланги, полностью разгромила нас¹⁶.

После боя, длившегося час и стоившего жизни трети личного состава (склоны холма были усеяны убитыми и ранеными), Ней, располагавший теперь всего 12 пушками, уже ничего не мог противопоставить русским. Ему во второй раз предложили сдаться, но «маршал Франции в плен не сдаётся»¹⁷. Тогда он решил отступить к Смоленску, найти убежище в лесу и воспользоваться приближающейся ночью, чтобы ускользнуть от русских и переправиться на правый берег Днепра. Ему удалось осуществить задуманное. При бегстве маршал бросил обозы с ранеными, поклажей и остатками артиллерии. Кроме того, многие его солдаты погибли, переходя реку по льду, который в некоторых местах был слишком тонок и провалился под ними. Выдержав нападения казаков Платова, Ней прибыл в Оршу 20 ноября, а с ним менее 1000 человек — одна шестая от числа солдат, которыми он располагал, покидая Смоленск. В Орше он встретился с Наполеоном, который был глубоко растроган встречей.

Итоги трёх дней боёв в Красном и его окрестностях были очень тяжёлыми для Великой армии. Русские захватили около сотни артиллерийских орудий, нескольких наполеоновских орлов и даже маршальский жезл Даву. Их потери составляли 2 тысячи убитыми и ранеными, тогда как Великая армия потеряла 6 тысяч убитыми и ранеными¹⁸, 20–26 тысяч солдат пропали без вести или были взяты в плен. Отвага наполеоновских солдат, часто доходившая до героизма, не изменила хода событий; фельдмаршал ещё больше укрепил свое превосходство и, будучи великим мастером пропаганды, дал об этом знать. О результатах боёв под Красным было доложено с огромным и тщательно отрежиссированным волнением. Сияющий¹⁹ Кутузов лично явился в Семёновский полк сообщить о размерах военных трофеев, и, когда солдаты слышали, как фельдмаршал сообщает о числен-

ности захваченных в плен солдат, о числе отбитых у врага орудий и знамён, «ничего, что могло бы сравниться со всеобщей радостью, которая овладела нами и от которой мы прослезились. Могучее “ура” раздалось и растрогало нашего старого генерала»²⁰.

Вместе с тем осторожность Кутузова, проявленная им в эти три дня, когда он замедлял или до крайности ограничивал боевые действия, фактически позволила Наполеону избежать окружения в Красном, что в очередной раз вызвало гнев царя. Однако Александр совладал с собой и наградил фельдмаршала почётным титулом князя Смоленского, а также большой Георгиевской лентой. Кутузов, в свою очередь, не колебался; обстоятельства ещё больше укрепили его уверенность в том, что его стратегия верна. После переправы Наполеона через Днепр в Орше главная русская армия, оказавшись на чрезмерном удалении от Великой армии, могла передать эстафету другим военным группировкам²¹.

Выполняя план Александра I, адмирал Чичагов двигался к Минску, где были сконцентрированы склады и запасы Великой армии. В Борисове, небольшом городке на левом берегу Березины, в 75 км от Минска, находился единственный мост, по которому Наполеон мог переправиться через реку. Адмирал должен был занять эту стратегически важную зону и блокировать отступление Великой армии. 14 ноября Кутузов получил от Чичагова письмо, написанное 12 днями раньше в деревне Пружаны, где Чичагов сообщал главнокомандующему, что сможет прибыть в Минск 19 ноября. Кутузов был рад этой новости и поспешил ответить Чичагову, что «если генерал Витгенштейн, будучи удержан Виктором и Сен-Сиром, и не был бы в состоянии содействовать вам в поражении неприятеля, то вы, соединённо с генерал-лейтенантом Эртелем и генерал-майором Лидерсом, довольно сильны будете разбить бегущего и теснимого от меня неприятеля, который почти без артиллерии и кавалерии»²². Другими словами, именно Чичагов, без помощи войск Кутузова, должен был окончательно разгромить вражескую армию и арестовать Наполеона.

Мог ли он справиться с этой трудной задачей? Если судить по суровому портрету, созданному его заместителем графом де Ланжероном, ответ не очевиден. Француз отдаёт должное честности и бескорыстию Чичагова, но он весьма критичен, когда речь заходит о его здравомыслии и профессиональной компетентности:

Чичагову было тогда 45 лет, он был не глуп, если умом можно назвать болтливость и говорливость, к которым прибавим очень поверхностное образование.

Голова его была подобна вулкану; она ежеминутно изобретала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и непри-

менимые, надо было приводить в исполнение сию же минуту. Он не переносил ни доводов, ни задержек в исполнении своих капризов... Он преследовал с необыкновенным упрямством то, что задумал в сумасбродстве своего экстравагантного воображения²³.

Правомерно ли суждение Ланжерона, или оно только отражает враждебное отношение руководителей русской армии, неизвестно. Но у адмирала на руках были козыри: его солдаты, 19 сентября объединившиеся с армией Тормасова и насчитывавшие 60 тысяч, были опытными бойцами. К тому же они могли рассчитывать на поддержку 15 тысяч солдат генерал-лейтенанта Эртеля, находившегося в Мозыре, и 3500 человек генерал-майора Лидерса.

Итак, в последнюю неделю октября Чичагов, выполняя приказ Александра, двигался к Березине с примерно половиной своего войска (33 тысячи солдат), в то время как остальные под руководством фон дер Остен-Сакена должны были сдерживать Шварценберга и Ренье. Остен-Сакен полностью справился со своей задачей: Шварценберг, следуя приказу Наполеона, бросился в погоню за Чичаговым, но неожиданное нападение Остен-Сакена на войска Ренье вынудило австрийца развернуться и прийти на помощь французу. Войска Шварценберга и Ренье оказались скованны далеко от Минска и Березины. С этого момента австрийский и саксонский корпуса не оказывали никакой поддержки Великой армии, а Чичагов продолжал наступление в центральной Белоруссии²⁴.

Французские источники часто обвиняли Шварценберга в том, что он не рвался в бой, а некоторые считали его предателем. На самом деле ставить вопрос о личной ответственности Шварценберга подобным образом нельзя: уже в июле Меттерних сообщил царю, что австрийцы не собираются вести настоящую войну против русских, и если Шварценберг вместо дела изображал лишь «пародию на военные действия»²⁵, то он следовал приказу австрийского канцлера. 7 июля Тормасов писал Сакену конфиденциально и откровенно:

В заключение поставляю обязанностью открыть вашему превосходительству, что, по высочайшему удостоверению, со стороны австрийской границы можем мы быть покойны, каковую важную тайну относительно безопасности нашей от австрийцев никому вверять не должно²⁶.

Витгенштейн, находившийся на севере, оказался в более затруднительном положении. 19 октября он сумел отбить у Сен-Сира Полоцк; преследуя отступающего Виктора, 6 ноября занял Витебск, а 14-го одержал победу над частью войск Виктора у деревни Смолянцы. Теперь Витгенштейн, по планам царя, должен был покончить с

войсками Виктора и принять участие в намечавшейся битве на реке Березине, однако он не сумел реализовать намеченное царем, потому что то ли от усталости, то ли из страха, но он двигался чересчур медленно, и 26 ноября в решающий момент не смог поддержать Чичагова.

16 ноября авангард армии Чичагова под командованием Карла Осиповича Ламберта (граф Мари-Шарль Ламбер, французский эмигрант, поступивший на русскую службу в 1793 году), состоявший примерно из 8 тысяч человек, по большей части кавалеристов, добрался до Минска и занял город. Наполеон узнал об этом 18 ноября, находясь в Орше. В этот же день он приказал Домбровскому, 2-му корпусу Удино и 9-му корпусу Виктора сосредоточить свои силы в Борисове (находящемся под угрозой захвата войсками Чичагова), чтобы охранять мост, по которому должны будут переправиться его люди. Из-за оттепели, начавшейся 18 ноября, Березина была покрыта тонким льдом, поэтому перейти её можно было только по мосту. Одержав победу над отрядом графа Палена, Удино сумел отеснить русских на правый берег реки и сохранить контроль над Борисовским мостом. Казалось, обстоятельства благоприятствуют Великой армии, тем более что корпуса Удино и Виктора (20 тысяч человек) были в довольно хорошем состоянии: они остались прикрывать Великую армию в окрестностях города Бобр, не пошли в Москву и не пострадали от бесконечного отступления.

20 ноября Наполеон и основная часть армии покинули Оршу, направляясь к Борисову. Армия императора была неоднородна: 35–40 тысяч ещё боеспособных солдат (в первую очередь императорская гвардия) и 40–55 тысяч безоружных, больных, раненых или отставших. Солдат по-прежнему плохо кормили:

Мы кормились чудесным манером: то ели муку, разведённую в воде без соли, то добавляли туда немного мёда или несколько кусочков конины, и не пили ничего, кроме талого снега²⁷.

Чтобы облегчить передвижение своей армии, император приказал уничтожить повозки, загромождавшие дорогу, в том числе и понтонный парк; лошадей едва хватало на то, чтобы везти оставшиеся сто артиллерийских орудий. Эбле попросил оставить 15 кораблей, предназначенных для сооружения понтонных мостов, но император отказал ему, считая, что Борисовского моста для переправы солдат достаточно. Предусмотрительный генерал, не нарушая приказ императора, всё же добился права сохранить 6 фургонов «с инструментами для работы с деревом и железом, две походные кузницы и две повозки с углём»²⁸, а каждому из своих 400 понтонёров вручил «инструмент, около двадцати больших гвоздей и несколько больших строи-

тельных скоб»²⁹. Это был в высшей степени мудрый и спасительный поступок. Дело в том, что уже 22 ноября, находясь в Толочине, Наполеон узнал страшную новость. За день до этого дивизии Бониковского и Домбровского, подвергшись нападению войск графа Ламберта, были вынуждены оставить мост, переправиться через Березину и покинуть город. Теперь над Великой армией угроза нависла сразу с нескольких сторон: с юго-запада надвигалась армия Чичагова (35 тысяч солдат), с северо-востока, в направлении корпуса Удино, шли войска Витгенштейна (30 тысяч человек), наконец, тылам Великой армии угрожали 70 тысяч солдат Кутузова... Ситуация была очень критичной. На следующий день Наполеон решил составить из кавалерийских офицеров, ещё сохранивших своих лошадей, священный эскадрон, главной задачей которого была охрана его персоны:

Наполеону был нужен эскорт, и мы объединили... всех офицеров, у которых ещё были кони, создав четыре роты по сто пятьдесят человек. Командирами рот стали генералы Дефранс, Сен-Жермен, Себастиани и др.; их помощниками стали полковники. Этот эскадрон, получивший название Священного, находился под командованием генерала Груши и подчинялся королю Неаполитанскому. Он был организован так, чтобы не терять императора из вида³⁰.

Положение французского войска было исключительно тяжёлым.

В русской армии, напротив, царила эйфория, хотя Ламберт был тяжело ранен в боях за Борисов.

Высшее испытание. Переправа через Березину

Где переправляться через реку? И как? Эти вопросы с 22 ноября неотступно преследовали ближайшее окружение императора. В этот вечер Наполеон расспросил нескольких своих офицеров, пытаясь определить место для переправы, но подходящее решение так и не было найдено. Утром следующего дня французский авангард, дойдя до города Бобр, увидел реку: по широкой Березине плавали огромные льдины, что ещё больше затрудняло переправу.

Решение практически случайно нашел генерал лёгкой кавалерии Жан-Батист Жювеналь Корбино, командующий 6-й кавалерийской бригадой 2-го корпуса. Он подвергся неожиданной атаке русских 16 ноября, а 19-го был полностью изолирован от 2-го корпуса. Стремясь вновь найти свой корпус, он вечером 21 ноября узнал от доброжелательного крестьянина, что у деревни Студянка, в 15 км к северу от Борисова, есть брод. В ночь с 21 на 22 ноября Корбино и его кавалерия перешли реку, глубина которой в этом месте составляла при-

мерно 1,5 м; утром 22 ноября он сообщил об этом маршалу Удино, который, поняв всю важность этой информации, немедленно поставил в известность Наполеона. Около Студянки ширина реки составляла 110 м, а глубина варьировалась от 1,5 до 2 м, то есть там можно было установить мосты на козловых опорах, подходящие для переправы людей и снаряжения. Но возведение подобных мостов оказалось непростой задачей: материалов у Эбле осталось мало, кораблей уже не было. Тогда Наполеон придумал хитрый манёвр, который позволил Великой армии выйти из того тяжелого положения, в котором она оказалась.

23 ноября Чичагов, продолжавший контролировать Борисов, приказал своему авангарду, который теперь возглавил граф Пален, двинуться в сторону Бобра, навстречу Наполеону, чтобы зажать его в клещи между войсками Витгенштейна и Кутузова. Но уже во второй половине дня план сорвал Удино, заставивший Палена отступить. Одержав над ним верх, войска маршала, взявшие около 800 пленных, вошли в Борисов. Тогда Чичагов отступил на правый берег Березины, приказав разрушить Борисовский мост. Ближе к вечеру 25 ноября Наполеон со своей гвардией вошёл в город. В этот день адмирал, убеждённый, что император французов вот-вот будет схвачен, распространил приказ с приметами Наполеона, изложенными странным образом:

Предписание главнокомандующего дунайской армией адмирала П. В. Чичагова, всем войскам:

Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы с ней. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что всевышнему будет угодно прекратить гнев свой, предав его нам. Посему желаю, чтобы приметы сего человека были всем известны.

Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же надёжности ловить и приводить ко мне всех малорослых. Я не говорю о награде за сего пленника. Известные щедроты монарха нашего за сие ответственствуют³¹.

В конце дня 25 ноября Наполеон приказал Мюрату и Удино незаметно перемещать войска в сторону Студянки. После заката началось возведение двух мостов, на расстоянии 100 м друг от друга. 400 понтонёров Эбле и 600 сапёров Шасселу-Лоба работали на морозе:

В сумерках кузницы были зажжены и на протяжении всей ночи, в то время как сапёры из 2-го корпуса разбирали избы Студянки и пилили дерево, понтонёры отливали гвозди, устанавливали опоры для моста и готовили плоты³².

Одновременно Наполеон начал показательные манёвры с участием артиллерии, солдат и инженеров. Это происходило в Борисове, где французы «начали» восстановление Борисовского моста, и вниз по течению от Борисова, у деревни Ухолоды (ныне Большая Ухолода), где был ещё один брод и где «началось» строительство другого моста. Все эти действия должны были убедить русских наблюдателей, что Великая армия собирается переправляться через реку в этих двух точках с тем, чтобы привлечь к ним основные силы Чичагова, в то время как войска переправятся у Студянки. Этот гениальный отвлекающий манёвр сработал.

Вечером 25 ноября Наполеон тайно отбыл в Студянку, а следующим утром к нему присоединился Удино. В это же самое время Чичагов, твёрдо решив, что Великая армия будет переправляться напротив Ухолод, приказал большинству солдат сосредоточиться ниже Борисова по течению, а напротив Студянки оставить не больше полусотни казаков.

В Студянке Эбле начал строительство двух мостов. Первый, лёгкий, предназначался для пехоты и кавалерии; второй, более прочный и тяжёлый, для повозок и артиллерии. Шёл снег. 7 отрядов понтонёров героически выполняли поставленную задачу. Им пришлось особенно тяжело: они работали в холодной воде, доходившей до груди, и должны были защищаться от плававших в реке льдин с острыми краями.

В 13 часов 26 ноября первый мост был готов: 2-й корпус, а затем 3-й и 5-й начали переправу. Второй мост был закончен через 3 часа, но он оказался недостаточно прочным: в 20 часов 3 его опоры рухнули под тяжестью артиллерии, и понтонёрам пришлось начать работу заново, хотя снег валил вовсю. После починки моста переправа возобновилась, за ночь, стараясь по возможности соблюдать тишину, переправилось не менее 19 тысяч солдат.

Ночью 26 ноября, узнав о переправе от казаков, расположившихся напротив Студянки, Чичагов понял, что Наполеон его одурачил, но уставшее войско не было готово пуститься впогоню, а Витгенштейн находился слишком далеко! И Великая армия продолжила переправу, сохраняя порядок: «Мосты охраняла гвардейская жандармерия, не позволявшая пересекать их отставшим и безоружным»³³.

Утром 27 ноября Наполеон и его генеральный штаб переправились на правый берег, а сразу после полудня за ними последовала гвардия. Вечером на левом берегу Березины оставался лишь 9-й корпус маршала Виктора, а именно дивизии Жирара и Дендельса, которым было поручено обеспечивать безопасность мостов, защищая их от нападения русских, а также дивизия Партуно, отправленная к Борисову во второй половине дня 27 ноября, чтобы удерживать город и

блокировать Чичагова, пока войска будут переправляться через Березину. Но ночью с 27 на 28 ноября дивизия Партуно, покинув Борисов, чтобы тоже переправиться через реку, заблудилась в лесу и наткнулась на русские войска. Захваченная врасплох численно превосходящим противником, она была разгромлена, несмотря на отчаянное сопротивление: половина солдат пала в бою, остальные попали в плен.

В тот же самый час, вечером 27 ноября, под защитой дивизии Жирара и 9-го корпуса к мостам бросилось около 30 тысяч человек: оставшие, раненые, семьи гражданских лиц с массой повозок и телег. Все хотели переправиться через реку, но им позволили перейти на другой берег лишь после заката, когда по мосту прошли последние солдаты. В темноте, в такой снегопад, что люди не видели друг друга³⁴, переправа становилась очень опасной, и толпа ослабленных, раненых и штатских решила дожидаться рассвета. Это закончилось для них плачевно. Ночью 27 ноября русские восстановили Борисовский мост; 28 ноября войска Чичагова, Витгенштейна, наконец прибывшего на место, и авангард Кутузова начали наступление:

28-го на рассвете гром орудий на двух берегах возвестил, что по левому берегу, по борисовской дороге, идёт Витгенштейн с 40 тысячами русских, а по правому Чичагов с 27 тысячами – и оба они двигаются к двум концам моста³⁵.

На правом берегу, на западе, началось сражение с Чичаговым, который в этот день задействовал 25 тысяч человек. Наполеон тщательно продумал расположение своих 20 тысяч солдат. Ожесточённый бой, начавшийся на рассвете, длился весь день. Пехота Удино не выдержала схватки с численно превосходящими русскими, сам маршал был тяжело ранен пулей и вывезен с поля боя. Его заменил Ней, который, возглавив 18 тысяч ветеранов, в том числе 9 тысяч поляков³⁶, бросил в бой своих улан и кирасиров, посеяв смятение в рядах пехоты Чичагова. Русским пришлось отступить: адмирал, вынужденный отойти к Большому Стахову, потерял 1500–2000 человек³⁷, 1500 попали в плен, но потери Великой армии тоже были значительными, в особенности в швейцарских полках:

Наши ряды редели. Мы боялись посмотреть направо или налево, опасаясь уже не увидеть своего друга, своего товарища. Мы стягивались ближе друг к другу, наш ряд становился короче, а храбрость удваивалась. Наши раненые помогали друг другу... Ужасная резня! Чтобы добраться до наших мостов, им нужно было пройти по нашим телам, раздавить нас всех до последнего! И мы кричали: «Да здравствует император!» Мы уже не чувствовали холода³⁸.

Лишь к 23 часам, когда наступила полная темнота, на правом берегу прекратилась схватка.

В этот же день, 28 ноября, в 9 часов утра на левом берегу к мостам около Студянки, находившимся под охраной дивизий Жирара и Дендельса, приблизилась часть войск Витгенштейна, а именно 15 тысяч человек, в том числе авангард под командованием Платова. Их атака сопровождалась артиллерийским обстрелом, под который попали не только солдаты, но и раненые и десятки тысяч мужчин, женщин и детей, со вчерашнего дня расположившихся у мостов. Дивизия, в составе которой были бригады из Бадена, героически защищала мосты. Но во второй половине дня люди Витгенштейна, по численности втроекратно превосходившие её, начали одолевать солдат французской армии. Русские батареи выдвинулись почти к берегу реки; они обстреливали толпу, а орудия, расположенные на холмах, выпускали ядра, сеявшие панику среди мирных людей, которыми владела одна мысль – любой ценой дойти до мостов, но смерть подступала к ним со всех сторон:

С этого часа, лишь одна мысль, лишь одна цель господствовала во всех умах – добраться до единственного моста, который ещё стоял... ядра и картечь оставляли проломы в этой плотной массе; крики этих несчастных заглушали грохот пушек и свист пуль; и люди с новой яростью рвались к мосту. Вокруг мостов возвышались, подобно холмам, груды людей и лошадей, раздавленных или убитых неприятельским огнём; чтобы добраться до мостов, было необходимо пройти по их телам, не переставая драться; иногда их уносила река и плывшие по ней льдины, но на их месте сразу оказывались новые тела. Наконец, наступила ночь, огонь неприятеля стал менее уверенным, а затем вообще прекратился³⁹.

Мосты, всё больше и больше терявшие устойчивость, не имевшие перил, за которые можно было бы схватиться и держаться, скользкие от снега, превратившегося в лёд, стали могилой. Сотни, а затем и тысячи мужчин, женщин и детей, полузадохнувшиеся в давке, в которой были слышны крики и лошадиное ржание, пытались пробить себе дорогу, погибая под колёсами повозок или копытами лошадей; другие падали в ледяную реку и тонули, некоторым перерезали шею льдины. На мостах громоздились тела живых и мёртвых, а воды Березины окрасились кровью. Александр де Шерон, тоже переправившийся через реку 28 ноября, очень подробно описал этот ужас:

После двух-трёх часов ожидания я начал надеяться, что доберусь до моста. Он был обледевший, достаточно прочный, но на нём было место всего для одной лошади; справа находилась река, покрытая огромными льдинами, слева трясина, заполненная ло-

шадьями и людьми, которые не могли из неё выбраться. Представьте себе двух раков на блюде и вы получите представление об этом зрелище. Наконец пришла моя очередь. Это было очень вовремя: со всех сторон летели снаряды, враг приближался, а смятение всё усугублялось. Люди, лошади, повозки – всё перемешалось; каждый достал саблю и ударял ею налево и направо, чтобы проложить себе проход. Горе тому из толпы, кто падал: его безжалостно давили. Никто никого не принимал во внимание. У начала мостов были два генерала, поддерживавшие порядок – но их уже никто не слушал. Мы видели женщин и детей, раздавленных толпой; а двое передо мной упали с моста вниз вместе с лошадьми и так и не смогли выбраться. Я не был уверен, что мне делать: некоторые из тех, кто бросился вплавь на своих лошадях, благополучно переплыли на другой берег, я очень рассчитывал на своего коня, и чуть было не последовал их примеру; но мой конь сделал неверный шаг и упал на других. У меня уже не было другого выбора, кроме как попробовать добраться до моста; я погнал своего коня, и он с такой ловкостью проскакал по телам других коней, что я без труда добрался до моста и сразу пересёк его. Мой слуга последовал моему примеру⁴⁰.

Ларрей в этот день трижды переправлялся через реку, чтобы перевезти медицинское оборудование. Он тоже описал, до какой степени тяжёлым было испытание:

В душах царил ужас; люди теснились, сталкивались друг с другом, бросались друг на друга; сильный сбивал слабого, и тот оказывался под ногами у толпы; повозки, артиллерийские и обозные, переворачивались и разбивались; лошади и кучера оказывались раздавлены под обломками этих повозок; со всех сторон раздавались жалобные крики. В довершение всех бед плохо закреплённые мосты сломались во второй раз. С этого момента, казалось, всякая надежда на спасение потеряна; большинство действовало только под действием своего отчаяния. Люди бросились на лёд, рассчитывая переправиться через реку по льдинам, которые, казалось, покрывали её, но остановились близ другого берега, где сила течения разрывала этот лёд. Кое-кто смог пересечь это расстояние вплавь; другие имели несчастье утонуть или запутаться среди льдин; они гибли тем быстрее, что были уже измождены холодом и истощены лишениями⁴¹.

У мостов бой продолжился до заката, наступившего в 18 часов. Но только к 21 часу те, кто выжил из поредевшего корпуса Виктора, переправились через Березину. Размах катастрофы был таким, что

пришлось пробивать проход через нагромождение человеческих и лошадиных трупов и сломанных и перевёрнутых повозок⁴².

В этот момент Эбле послал нескольких своих офицеров к тысячам отставших, раненых и штатских, которые, весь день, пытались укрыться от артиллерийского обстрела, сгрудились на случайных бивуаках. Он хотел сообщить им, что проход свободен и надёжен и они должны поскорее переправиться через реку, потому что утром мосты будут разрушены. Но большинство измученных людей, потрясённых ужасающими сценами, свидетелями которых они стали, не реагировали. Это привело их к гибели.

Утром 29 ноября, в половине седьмого, началась подготовка к разрушению мостов, которое, по приказу Наполеона, должно было закончиться не позднее 8 часов утра. Эбле было больно выполнять это задание, страшные последствия которого он предвидел, и он ждал лишний час, но к 9 часам, опасаясь, что вслед за бойцами Великой армии через мост ринутся казаки, Эбле приказал зажечь фитили, и мосты взлетели на воздух. Сразу же началась паника: мужчины, женщины и дети бросились к горящим мостам, пытались пробить себе дорогу; другие решили пересечь реку вплавь, но тщетно, поскольку вода в реке была ледяная. Некоторые, обессилев, перестали бороться со смертью и увлекли за собой своих детей:

Красивая двадцатипятилетняя дама, вдова французского полковника, убитого в бою за несколько дней до этого, была рядом со мной, недалеко от моста, предназначенного для нашей переправы. Безразличная ко всему, что происходило вокруг неё, она, казалось, посвятила всё своё внимание дочери, очень красивому четырёх-летнему ребёнку, который сидел на коне перед ней. Она несколько раз тщетно пыталась достичь моста, но каждый раз её отталкивали. Ею, казалось, завладело мрачное отчаяние; она не плакала; её глаза смотрели то на небо, то на её дочь, и в какой-то миг я услышал, как она говорит: «О Боже, как я несчастна, что не могу даже молиться!». Почти сразу её лошадь сразило пулей, а другая пуля перебила ей левую ногу выше колена. Со спокойствием тихого отчаяния она взяла своё плачущее дитя на руки, много раз поцеловала её, а затем задушила несчастную крошку при помощи окровавленной подвязки, которую она сняла со своей ноги. Затем, стиснув её в объятиях, с силой прижимая к себе, она села рядом со своею павшей лошадью. Так она ждала своей смерти, не произнося ни слова, пока её не раздавили лошади тех, кто стремился к мосту⁴³.

Казаки Платова, прибывшие в половине десятого, тоже стали сеять ужас и смерть. В целом число безоружных солдат и гражданских лиц, погибших за эти 24 часа от казачьих пик или при попытке переправиться через реку, оценивается примерно в 5 тысяч, в плен попало

10 тысяч человек. Большинство пленных были мужчинами, но среди них были и женщины, занимавшие самое разное положение:

Кроме жён офицеров и солдат, а также маркитанток была целая толпа других, прибывших в армию, с самыми разными профессиями. Мы захватили актрис труппы Комеди-Франсез, выступавшей в Москве и прикреплённой к генеральному штабу Наполеона, а также итальянских певиц Мюрата⁴⁴.

Из разбитых повозок, усеявших берега реки и саму реку, вываливались сокровища, которыми немедленно завладевали казаки:

Все богатства Москвы были собраны здесь; там было более 10 тысяч экипажей, и в том числе превосходные берлины, коляски, фаэтоны, дрожки, взятые в столице из господских дворов и в мастерских у каретников; трофеи, которые предполагалось отвезти в Париж. Все эти экипажи, фургоны, крестьянские телеги были обременены многоценными вещами: там были очень богатые бриллианты, редкие меха, жемчуга, в изобилии алмазы, священные сосуды из московских церквей, одежды священников, ризы, украшенные многоценным жемчугом, золочёный крест с колокольни Ивана Великого, собрания гравюр, камей, антиков, много книг из прекрасных библиотек графов Бутурлина и Разумовского, серебряная посуда и даже фарфор.

Кроме того, среди брошенных и сломанных повозок мы нашли все фургоны генерального штаба, инженерной службы, папки ведомства иностранных дел, огромные пакеты писем, ценнейшие географические карты, все планы маршей и сражений, газеты и большую часть багажа Наполеона и его генералов⁴⁵.

В то время как многие казаки бросились грабить оставленные повозки, другие русские бойцы впоследствии признавались, что ужаснулись чудовищному зрелищу, представшему перед их глазами:

Первый представившийся нам предмет была женщина, провалившаяся и затёртая льдом; одна рука её была отрублена и висела, другой она держала грудного младенца. Малютка ручонками обвился около шеи матери; она ещё была жива, она ещё устремляла глаза на мужчину, который тоже провалился, но уже замёрз; между ними на льду лежало мёртвое дитя... скоро показались люди замёрзлые и замерзающие. Никогда сии предметы не изгладятся из моей памяти... Деревушка была завалена нашими и французскими ранеными и пленными, коих так много увеличивалось, что и девать было почти некуда. Ужасно было видеть их: большие и малые, все вместе, мужчины и женщины, с обмотанными соломой ногами, прикрытые какими-то тряпками, без сапог, с отмороженными лицами, с побелевшими руками⁴⁶.

Конечно, с военной точки зрения можно вслед за Аленом Пижаром и Фернаном Бокуром говорить о французской победе. В самом деле, Наполеон, его штаб в полном составе, его десять маршалов, все его корпусные и дивизионные генералы (за исключением Луи Партуно), его гвардия, а также 2 тысячи офицеров и примерно 7 тысяч солдат сумели спастись от трёх русских армий, обладавших численным превосходством. Но цена этой «победы» ужасает: у русских потери составили примерно 14–15 тысяч убитыми и ранеными, у Великой армии – 13 тысяч, не считая погибших гражданских лиц, о которых мы уже говорили⁴⁷, и не считая тех, кто, подобно генералу Эбле⁴⁸, умрёт от истощения в следующие недели.

Русские считали сражение при Березине упущенной возможностью, и Чичагов быстро стал объектом жесточайших нападок, в том числе со стороны Кутузова. Обвинённый в том, что не смог выполнить свою задачу из-за некомпетентности, он был снят с командования Александром I и в 1813 году уехал за границу. Поэт Крылов высмеял адмирала в язвительной басне «Щука и кот», где он изобразил щуку, которая хочет научиться ловить мышей и у которой откусывают хвост крысы. Мораль очевидна: если адмирал разрабатывает сухопутную стратегию, то это не приведёт ни к чему хорошему... А жена Кутузова, Екатерина, придумала жестокую остроту, ставшую очень популярной при дворе: «Витгенштейн спас Петербург, мой муж – Россию, а Чичагов – Наполеона!»⁴⁹ Другие были ещё более суровы: они считали, что некомпетентностью адмирал маскировал свое снисходительное отношение к Наполеону; они не стеснялись говорить об измене. Среди них был Ланжерон, назвавший Чичагова «ангелом-хранителем Наполеона»⁵⁰ и обвинивший его в том, что он дал врагу возможность сбежать из-за своих политических убеждений (Чичагов считался либералом и франкофилом) и симпатии к французскому императору (на рабочем столе адмирала стоял бюст Наполеона).

На самом деле, как отмечает русский историк Троицкий, из Чичагова сделали козла отпущения, чтобы оправдать неудачу русской армии в глазах общественности. Витгенштейн и Кутузов были «неприкосновенны» из-за своей популярности, поэтому в провале обвинили адмирала, который и вправду был либерально настроенным франкофилом. Но степень его вины нуждается в уточнении: если Наполеон и его окружение спаслись, то не столько по воле Чичагова, сколько по целому ряду обстоятельств. Если бы войска Витгенштейна и Кутузова пришли на помощь к адмиралу уже 25 или 26 ноября, то исход трёхдневного противостояния, наверное, был бы другим. Но по причинам как политическим, так и военным⁵¹ Кутузов не желал задействовать свои войска и к тому же не был расположен прийти на помощь к адмиралу, к которому, по словам Дениса Давыдова, он испы-

тивал глубокую неприязнь⁵². Витгенштейн тоже не смог прибыть на место боя до 26 ноября то ли из боязни взять на себя ответственность, то ли из-за того, что считал свою задачу слишком трудной и рискованной. В этой ситуации Чичагов, располагавший всего лишь 30-тысячным войском, которое не могло закрыть все 100 км берегов Березины, был вынужден строить гипотезы и делать предположения. Для него самым логичным было бы предположить, что Наполеон направится в Минск, чтобы прибыть туда раньше русской армии, и для этого переправится у деревни Ухолоды, в 12 км к югу от Борисова, а не у Студянки, в 18 км к северу от него. Из-за этой ошибки адмирал потерял более 24 часов. Так Наполеон спасся от ожидаемой катастрофы, что, к несчастью для русских, позволило ему восстановить французскую армию и продлило войну ещё на 2 года.

11. МОГИЛА ВЕЛИКОЙ АРМИИ

Переправа через Березину стала героическим деянием наполеоновских солдат, но не концом их мучений; хуже того, если в конце ноября наблюдалась небольшая оттепель, то в начале декабря, к несчастью бойцов, температура вновь стала падать. Теперь холод уже непрестанно мучил людей. По пути в Вильну, где выжившие солдаты рассчитывали найти отдых, им приходилось вновь вести бои с русской армией.

Равнина белая за белою равниной

1 декабря, всего через несколько дней после «провала» при Березине, Кутузов составил и послал царю, Чичагову и Витгенштейну «свой новый генеральный план», имевший задачей «истребить остатки бегущего неприятеля». План предусматривал скоординированное наступление в четырёх направлениях: Чичагову предстояло преследовать самого Наполеона; Витгенштейну – действовать справа от него, преграждая путь Макдональду, чтобы тот не смог воссоединиться с Наполеоном; Кутузов, действуя слева, должен был помешать Шварценбергу приблизиться к французскому императору; в задачу Милорадовича входили маневры между Чичаговым и Кутузовым, чтобы при необходимости помогать одному или другому. Наконец, Платов и его казаки должны были обогнать врага и атаковать его «в голове и во фланге колонн»¹. Нетрудно понять, что Кутузов решил нагнать того, кого он упустил у Березины. Великая армия уже была не в состоянии проявить какую-либо инициативу: мороз парализовал тела и умы солдат.

Холод был сильным – на градуснике было двадцать семь и тридцать градусов ниже нуля². Небо обычно оставалось чистым, а ветер был резкий, ледяной, пронизывающий, стелящийся по земле, проникавший в кожу, мышцы и кости, до самого нутра, делавший человека таким же белым и хрупким, как алебастр; порой случался резкий порыв ветра, от которого всё тело цепенело, и ещё дышавший человек становился неподвижным; кисти рук и ступни ломались от малейшего вывиха, но без боли...

Дорога на Вильну была усеяна мёртвыми и умирающими, которые умоляли «оказать им величайшую милость, какую только

можно, за исключением лишения их жизни, – положить тела их товарищей на их живую плоть рядом с замёрзшими частями тела, чтобы дать им немножко тепла»³.

Это описание страданий измождённых солдат, клиническое и вместе с тем ужасающее, оставил англичанин Роберт Вильсон, вряд ли особо сочувствовавший наполеоновским бойцам. Условия становились всё более и более тяжёлыми: как отметил в своих записях генерал Крейц, «от Борисова до Вильно морозы были весьма суровы»⁴. В самом деле, температура продолжала падать: 1 декабря до -30°C , 6 декабря – до -37°C ⁵, а 7 декабря она составила -32°C .

Воздействие мороза на ослабленные организмы было ужасным. Ноги, руки и носы солдат были обморожены, приобретали странные формы и необыкновенные цвета:

Части нашего тела, попадавшие на мороз, сразу же становились цвета волдыря, вскакивающего, если обжечься горячей водой. На смену этому цвету скоро приходили чёрные пятна такого же размера⁶.

Пальцы ломались как стеклянные; носы и уши, охваченные гангреной, порой отваливались. В некоторых текстах есть намеки на потерю половых органов. Самый откровенный рассказ – правда, в данном случае всё закончилось хорошо – написал швейцарский подполковник Шарль-Франсуа Мино. Он был в плену у русских и спас своё мужское достоинство лишь благодаря решительному вмешательству старой крестьянки. Этот дошедший до нас рассказ заставляет улыбнуться, но можно представить, как сложно было наполеоновскому офицеру преодолеть свою гордость и стыдливость, и выйти за пределы скабрёзных деталей этой истории, чтобы воздать должное пожилой спасительнице:

Было до крайности холодно. Каждый миг мы смотрели друг на друга, и если у кого-нибудь был белый, замёрзший нос, мы быстро хватали снег и начинали его растирать. В этот день всё моё тело пробил озноб, и я не мог больше мочиться, поскольку этот мой орган полностью замёрз. Я попытался добраться до деревни, и, как только дошёл до первого дома, устремился в комнату и упал за мертво. Русская старуха, увидев это, спросила, что со мной. Я показал ей, где я замёрз. Тогда она взяла меня за руку, сказала, что для меня опасно находиться в тепле, и повела меня во двор, где сказала облокотиться на изгородь. Она вернулась через несколько минут, держа в руках деревянную кадку с холодной водой, взяла с земли снега, бросив эту кадку, развела его, а затем тёрла мой половой чл...н, пока кровь не начала циркулировать вновь... Много раз, вернувшись во Францию, я молил Бога за эту добрую

и достойную женщину, потому что её стараниям я обязан жизнью⁷.

Дорога в Вильну проходила через деревни Зембин, Плещеницы и Илья. Марш по заснеженному, болотистому и заледеневшему лесу, медленный и рискованный, каждый день приводил к новым потерям. В конце ноября, когда после переправы через Березину не прошло ещё и недели, в Великой армии оставалось всего лишь 15 тысяч солдат и 35–40 тысяч отстающих. Но и русская армия, тоже направлявшаяся к Вильне, оказалась в бедственном положении. Мороз её не щадил; в русской армии обнаруживались такие же тоска и отчаяние, что и в наполеоновской:

Я не мог проехать верхом более десяти минут, и, так как снег не позволял долго идти пешком, я то садился на лошадь, то слезал с нее и разрешил моим гусарам проделывать то же самое. Я предохранял свои ноги от мороза, засовывая их в меховые шапки французских гренадер, коими была усеяна дорога. Мои гусары страшно страдали... Наша пехота была видимо расстроена. Ничто не делает человека столь малодушным, как холод: когда солдатам удавалось забраться куда-нибудь под крышу, то не было никакой возможности выгнать их оттуда. Они предпочитали умереть. Рискую сгореть, солдаты забирались даже в русские печи. Надобно было видеть все эти ужасы собственными глазами, чтобы поверить этому⁸.

Кроме того, из-за недостаточного снабжения потери русских тоже возросли:

Никогда еще человеческие бедствия не проявлялись в столь ужасающем виде. Все окрестные деревни были выжжены до основания, жители разбежались, нигде нельзя было найти продовольствия. Только одна водка поддерживала наши силы. Мы бедствовали не менее неприятеля⁹.

Яркое описание дороги на Вильну оставил Давыдов, оказавшийся на ней 12–13 декабря:

Груды трупов человеческих и лошадиных, множество повозок, лафетов и палубов едва давали мне возможность следовать по этому пути; множество раненых неприятелей валялось на снегу или, спрятавшись в повозках, ожидало смерти от действия холода и голода. Путь мой был освещен заревом пылавших двух корчем, в которых горело много несчастных. Сани мои ударялись об головы, руки и ноги замёрзших или почти замерзающих; это продолжалось во все время движения нашего от Понарей до Вильны. Сердце моё разрывалось от стонов и воплей разнородных страдалцев. То был страшный гимн избавления моей родины!¹⁰

1 декабря у деревни Плещеницы 2-й и 3-й корпуса, в которых теперь было всего 3 тысячи человек, подверглись атаке казаков Платова. Вначале казалось, что французский арьергард, застигнутый врасплох, не способен сопротивляться. Однако подкрепление из 1800 поляков дивизии Домбровского позволило ему не только выдержать атаку, но и обратить казаков в бегство и дойти до Молодечно. 3 декабря у Латыголичей Чичагов смог разбить арьергард и взять в плен 1500 человек; на следующий день арьергард подвергся нападению дивизии Чаплица и новому нападению казаков Платова. Русские обладали численным преимуществом, и французский арьергард понёс большие потери; тем не менее, используя остатки артиллерии, он сумел внести смятение в ряды русской пехоты и дожидаться помощи от маршала Виктора и его 4 тысяч солдат, которые развернулись и обратили русских в бегство. Но холод, усталость и непрекращавшиеся атаки казаков продолжали опустошать ряды Великой армии: после сражения при Молодечно у Нея осталось всего лишь 600 боеспособных солдат! Эта гекатомба объясняет, почему на этом этапе Наполеон приказал возглавить арьергард Виктору, чьи войска были усилены баварскими частями генерала фон Вреде¹¹, а Нея вызвал к себе в Сморгонь¹². 7 декабря у Сморгони авангард подвергся атаке солдат Чичагова; примерно 3 тысячи человек было взято в плен. В последующие дни, с 8 по 13 декабря, русские войска захватили 9730 военнопленных и 168 пушек. «Наполеон, пришедши тигром, бежит зайцем», – писал Карамзин¹³.

С начала декабря император думал о возвращении в Париж. Казаки, всё чаще перехватывавшие его почту, оставляли его без новостей из столицы; а ему нужно было как можно быстрее удостовериться в прочности своего трона, успокоить умы и набрать новые войска, чтобы весной, как он намеревался, возобновить военные действия. 2 декабря, в годовщину Аустерлица, Наполеон приказал Анатолю де Монтестью, адъютанту маршала Бертье, отправиться в Париж. Виконт вёз письмо Марии-Луизе и должен был сообщить, что во Францию прибудут 10 тысяч военнопленных, в том числе 4 тысячи, захваченные при Березине, а также подготовить общественное мнение к плохим новостям. На следующий день Наполеон составил 29-й и последний бюллетень Великой армии. Он не скрыл, что его армия потерпела крах и распалась; но он позаботился о том, чтобы объяснить эту неудачу наступившей зимой и непогодой, тем самым освободив себя от какой-либо ответственности; бюллетень заканчивался фразой¹⁴, которую впоследствии каждый будет интерпретировать по-своему: «Здоровье Его Величества никогда не было лучшим»¹⁵.

4 и 5 декабря, расположив свой генеральный штаб в небольшом замке в Бенице, он послал одно за другим 7 писем Маре¹⁶, министру

иностранных дел, находившемся в Вильне. Сообщив ему об ожидаемом прибытии «страшно дезорганизованной»¹⁷ армии, император приказал принять все меры, чтобы накормить голодных и усталых солдат и очистить Вильну от иностранных шпионов и агентов, которые могли бы сообщить европейским дворам о состоянии Великой армии.

Но в это время Маре, герцог Бассанский, узнал о трагической переправе через Березину. Желая спасти выживших солдат Великой армии от нападений казаков Платова, он по собственной инициативе решил не только отправить провиант навстречу выжившим, но и послать им на помощь часть своей резервной армии. Кроме дивизии генерала Луазона, это 10-тысячное войско включало в себя 2 бригады неаполитанских пеших егерей и почётного караула под командованием генералов Кутара и Франчески. Инициатива Маре, казалось, была достойна похвалы, но на деле обернулась неудачей. Неаполитанские войска и молодые рекруты дивизии Луазона, отправленные в Ошмяны на Минской дороге, не смогли выдержать такой мороз, их «носы и скулы казались чёрными, как чернила»¹⁸. Всего за несколько дней 7–8 тысяч из них умерло, а остальные «были неспособны держать в руках ружья, когда встретились... с теми, кому шли на помощь»¹⁹.

5 декабря, приняв решение вернуться во Францию, император, находившийся в Бенице, сообщил об этом Дарю (лично) и Маре (письмом). Они оба сожалели об этом решении, которое не могло не вызвать у солдат уныния, но Наполеону было все равно. В тот же день он назначил Мюрата главнокомандующим²⁰ Великой армии, но отметил, что эту новость следует сообщить войскам лишь 12–13 декабря, согласно приказу, который он отдал Бертье:

Принцу Невшательскому и Ваграмскому,
Генерал-майору Великой армии, в Бенице,
Беница, 5 декабря 1812 года.

Мой кузен, через два-три дня после моего отъезда содержание прилагающегося указа должно быть доведено до армии. Будет пущен слух, что я отправился в Варшаву с австрийским и с 7-м корпусами. Через пять-шесть дней после этого король Неаполитанский сообщит в своём приказе по армии, что, будучи обязан отправиться в Париж, я доверил ему верховное командование; что он надеется, что офицеры, генералы и солдаты удостоят его того доверия, которого он заслуживает своей преданностью и своими услугами, и он обязательно сообщит императору, когда тот вернётся, какие офицеры оказали ему наибольшую помощь в сложившихся обстоятельствах²¹.

В тот же день, около 10 часов вечера, Наполеон отбыл в Париж. Вместе с верным Коленкуром он сел в двухместную карету, запряженную 6 литовскими лошадьми, которых погонял его мамелюк Рустам. Карету сопровождал кавалерийский эскорт: 30 егерей и отряд польских улан. Дюрок и Мутон следовали сзади во второй карете. В отдельных санях ехал граф Дунин-Вонсович, полковник почётного караула, хорошо говоривший на французском, немецком и польском языках и потому взятый в качестве переводчика. Наконец, в третьей карете ехал лакей Наполеона и несколько других выездных лакеев, а также генерал Лефевр-Денуэтт, командир конных егерей гвардии²².

Выбор Мюрата в качестве главнокомандующего Великой армии не был для Наполеона очевидным: он прекрасно знал слабости своего отважного соратника. Король Неаполитанский храбро бросался в бой, но он был импульсивен, иногда поступал опрометчиво. Мог ли его авторитет обеспечить подчинение людей, утративших дисциплину? В условиях острого кризиса, который переживала Великая армия, возможно, Евгений лучше подходил на роль главнокомандующего, но он был всего лишь вице-королём, а Мюрат королём. Последствия этого выбора не заставили себя ждать: ни один из генералов не желал подчиняться новому главнокомандующему²³, дисциплина окончательно рухнула, а солдаты, узнав об отъезде императора – весть разнеслась уже на заре 6 декабря, в большинстве своём погрузились в апатию и уныние, а некоторые впали в ярость, о чем пишет солдат Жан-Батист Риком:

Как только офицеры и солдаты узнали об отъезде императора, в наших рядах снова воцарился беспорядок. Вот так он бросил тех, кого называл своими детьми... Поступит ли он с нашей армией так же, как с египетской, о которой он полностью забыл?²⁴

Деморализованные войска двигались от Сморгони к Вильне в таком беспорядке, что, как жестоко заметил Глинка, их было можно «ловить легче раков»²⁵.

Вильно, могила Великой армии²⁶

Вильно и все его окрестности от души сочувствовали наполеоновской эпопее. На смену первоначальной эйфории пришли вопросы, сомнения и разочарования. Тем не менее местное население продолжало симпатизировать Наполеону, и никто не мог представить себе масштаб катастрофы. 2 декабря муниципалитет Ковно даже отпраздновал пышно и с иллюминацией юбилей коронации французского императора²⁷. Через 4 дня отпраздновали французскую «победу» при Березине, в результате которой, как сообщалось, у русских армий

Чичагова и Витгенштейна удалось захватить 12 пушек и взять в плен 9 тысяч человек:

Это известие объявлено в городе при барабанном бое, и на углах улиц об этом наклеены объявления; вечером город был иллюминирован²⁸.

С начала декабря Наполеон давал подробные приказы, требовавшие, чтобы власти Вильно как можно лучше приготовились к встрече выживших солдат. Но еще до этого город столкнулся с серьезными трудностями. Из-за беспорядка, взяточничества и наплевательства, царивших во французской администрации, в Вильне оказались в дефиците самые необходимые предметы. В своих мемуарах генерал Годар, комендант Вильно и Виленской провинции с октября 1812 года, откровенно и без прикрас описывает сложившуюся ситуацию:

Наступил конец ноября. Виленская губерния стала тяжелейшим бременем. В госпиталях не доставало самого главного; как там, так и в многочисленных пристанищах люди умирали, и никакая помощь им не оказывалась; умножились злоупотребления во всех ветвях администрации; со всех сторон в город стекались люди; Вильно превратилось в самый настоящий лабиринт, в котором было невозможно ориентироваться²⁹.

Годар не называет конкретных людей, виновных в бесхозяйственности, но поляки высказывались более конкретно, обвиняя некоторых лиц администрации в коррупции, а герцога Бассанского – в преступном безразличии:

Один директор госпиталя, которому я поставляла корпию, изготавливавшуюся в моём доме, сообщил мне ужасающие подробности о той нужде, в какой оказались госпитали из-за алчности и небрежения французских распорядителей. Всю корпию, присылаемую из Франции, они продавали бумагопромышленникам, а раненых перевязывали при помощи сена и шерстяных очёсков. Этот достойный человек говорил мне: «О, если б только герцог Бассанский вместо того, чтобы ухаживать за дамами, навестил наших больных, всё пошло бы по-другому. О! Если бы император был здесь!»³⁰

Кроме того, там уже несколько недель свирепствовал тиф. Выживших в боях под Минском и эвакуированных в Вильну людей размещали в переполненных госпиталях, которые превратились в место массовых смертей:

В нашей комнате было 43 офицера: все умерли один за другим, в безумии, приходящем с этой жестокой болезнью... Нас остава-

лось только трое и в том числе кирасирский офицер с ногой, ампутированной до бедра. Смертность среди солдат была пропорциональна нашей: из 1850 солдат в госпитале умерло более 1800³¹.

Накануне прибытия выживших солдат Великой армии Годар сумел при помощи польских полков, отправленных по всей Виленской провинции, «ускорить сбор зерновых и создать склады, позволявшие кормить армию из 120 тысяч человек в течение 36 дней»³². В сотрудничестве с Маре он попытался организовать приём солдат так, чтобы избежать насилий и грабежей:

Мы с мэром и полицейским комиссаром договорились, что все горожане будут делать хлеб и раздавать его солдатам, которым он потребуется; что некоторые из этих горожан отправятся вместе с офицерами по Минской дороге, чтобы встретить этих военных и расположить их спокойно прийти в Вильну, где они найдут еду и одежду³³.

Но, когда 8 декабря в город прибыли первые бойцы, французские власти были поражены состоянием Великой армии и быстро начали терять контроль над ситуацией. На следующий день с 10 часов утра и в течение целого дня перед главными воротами Вильны собиралась толпа оборванных, грязных и больных людей. Предоставленные самим себе, эти люди могли думать только об одном: как можно скорее проникнуть в город, чтобы найти там еду и теплый кров. Но в этой жуткой давке людей затаптывали, некоторые просто падали и умирали от истощения и усталости, а напуганные жители запирались в своих домах, а владельцы и служащие магазинов, кафе и гостиниц отказывались впускать жалких гостей:

В этот день основная часть армии, составлявшая около сорока тысяч человек, осуществляя своё отступление в полнейшем беспорядке, следуя сразу перед арьергардом, тесным русскими колоннами, достигла Вильны и отчаянно бросилась туда. Тысячи умерли у ворот города, став жертвами ужасающей давки и кошмарного холода. Здесь, как и на Березине, мёртвые и живые падали под ноги, и поток людей, разъярённых от холода и голода, ринулся на улицы потрясённого города. Напуганные жители закрыли свои дома и запретили в них входить. Душераздирающее зрелище представляли собой эти несчастные в лохмотьях, безумно блуждавшие по улицам при -28°C , умолявшие, угрожавшие, тщетно пытавшиеся попасть в жилища... Госпитали и казармы уже никого не могли принять; да и сами они уже давно представляли собой картину самой прискорбной нищеты; на ледяном полу их неоттапливаемых комнат и во всех коридорах рядами лежали больные, умирающие и мёртвые³⁴.

Чтобы навести порядок в распределении провизии, власти приняли решение, что каждый армейский корпус получит боны на провиант, при отсутствии этих документов провизия выдаваться не будет. На бумаге в этом плане, возможно, и присутствовало рациональное зерно, но в сложившихся обстоятельствах он граничил с абсурдом: корпусов как таковых уже не существовало, в помощи нуждались не солдаты, а люди, лишённые всего, способные только промямлить своё имя и послужной список. Однако администрация, бездушная и от этого в данной ситуации преступная, им в этой помощи отказала:

В магазинах были совсем несвоевременные формальности, потому что корпуса все распались, солдаты смешались, всякая правильная раздача была невозможна. Здесь было на 40 дней муки и хлеба и на 36 дней мяса для ста тысяч человек. Ни один начальник не осмелился отдать приказание раздавать эти припасы всем, кто явился. Администраторы, получившие их, боялись ответственности, другие опасались крайностей, которым предались бы голодные солдаты, если отдать им все. Впрочем, эти администраторы не знали, как было отчаянно наше положение, а когда осталось только время, чтобы разграбить все, позволяли нашим несчастным товарищам по оружию несколько часов умирать с голоду перед этими огромными массами запасов, которыми на другой день завладел неприятель³⁵.

Действительно, в это время русская армия стремительно приближалась к городу, увеличивая и без того царившие в городе панику и отчаяние. Многочисленные поляки, «скомпрометированные» тем, что поддержали французов, бежали, боясь мести русских властей, как сообщает графиня де Тизенгауз, которая осталась в городе вместе со своей семьёй:

Все бежали из Вильны: друзья, родственники, знакомые. Люди прощались друг с другом, задаваясь вопросом: где, когда и как увидимся мы снова? Говорили о будущем несчастной Польши, которое стало столь неясным! Какой же огромной крови она стоила, и сколько крови ещё из-за неё прольётся!³⁶

Наступавшие русские войска угрожали французам сразу в нескольких точках: с востока по Свенцянской дороге приближался Витгенштейн, с юга по Ошмянской подходил Чичагов, а Платов уже вошел в пригороды Вильны.

В этот час новый главнокомандующий Великой армии, пламенный Мюрат, погрузился в уныние. Вечером 9 декабря он покинул город и расположился вне его стен, на дороге в Ковно, предоставив

маршалу Нею выводить войска из города и организовывать отступление:

Его Величество король Неаполитанский намеревается пуститься в путь завтра, в четыре часа утра, с императорской гвардией, чтобы как можно скорее прийти в Ковно, собрать беглецов и изолированных солдат и занять позиции. Продолжайте следовать арьергардом вместе с дивизиями фон Вреде и Луазона и всеми войсками, какие сможете собрать. Этой ночью, насколько возможно, вывезите артиллерию и всё, что удастся, в первую очередь казну. В нынешней ситуации король может лишь двигаться к Ковно как можно быстрее.

Сделайте всё как можно лучше в этих тягостных обстоятельствах, когда суровые морозы окончательно дезорганизовали армию. Король позволяет Вам при отходе написать русскому главнокомандующему, препоручая ему наших больных³⁷.

Ночью 9 декабря Понятовский и польское войско отправились к Олите (Алитус); рано утром Мюрат, Бертье, вице-король Евгений, Даву, Бессьер, Лефевр и Мортье последовали в направлении Ковно. В городе не обошлось без новых разрушений:

Всю ночь во дворе Университета, напротив замка, жгли императорские экипажи и множество разных предметов – палатки, походные кровати и т. д., вместо того чтобы оставить их жителям города в возмещение понесённых убытков. Студент хотел купить у часового великолепный футляр с математическими инструментами, золотой и с императорским гербом; солдат штыком толкнул футляр в огонь³⁸.

Ней покинул город последним, около 9 часов вечера 10 декабря. Он попытался как можно лучше обеспечить безопасность при выводе войск, а также эвакуацию отставших солдат, раненых и членов семей, которые упорно следовали за Великой армией. Но в госпиталях Вильны были оставлены 5 тысяч раненых и больных; кроме того, около 10 тысяч солдат, в том числе отставшие и не способные двинуться в путь, стали жертвами казаков Платова. Когда русские вступили в город, они многих убили ударами пик и сабель, других взяли в плен. Некоторые казаки, жадные до добычи, даже продавали французских сирот парам, мечтающим о детях³⁹; перед глазами очевидцев разворачивались ужасные сцены.

Они взяли много пленных и много добычи. Евреи вели себя самым варварским образом. Они сами выдавали русским несчастных французов, ослабевших и беззащитных; женщины разделяли их жестокость и убивали этих бедных солдат ударами туфель на каблуках. Из-под ворот текли кровь и вода⁴⁰.

Но некоторые офицеры русской армии проявляли сострадание к увечным и больным солдатам неприятельской армии и пытались по мере своих сил оказывать им помощь. В их числе были эмигранты-французы, потрясённые тем, до какой крайности довели амбиции Наполеона их родственников и соотечественников, решивших пойти к нему на службу. Примером может быть случай с графом Рошешуаром, находившимся на службе у Александра I: прибыв 11 декабря в Вильну, он немедленно отправился на поиски своего кузена, Казимира де Рошешуара де Мортемара:

На третий день моего пребывания в Вильне, стало быть, 15 декабря, тщательно наведя справки, нет ли Казимира де Мортемара в числе раненых и больных в каком-нибудь доме в городе, я, продолжая сии поиски, встретил графа де Сен-При⁴¹, адъютанта генерального штаба императора Александра, который тоже искал своих родственников. Он сказал мне: «Рошешуар, мы с Вами, как французы и христиане, должны заняться нашими несчастными соотечественниками, которые пребывают в самой крайней нужде, лишены пищи, одежды и медицинской помощи; мне только что сообщили, что в ближайшем базилианском монастыре⁴² происходит нечто ужасное. Идёмте со мной. Будучи императорскими адъютантами, мы можем много сделать для этих несчастных. К тому же я знаю, что император нам будет за это признателен. Он очень скоро будет в Вильне, но я предлагаю не ждать его прибытия и действовать». Вначале мы отправились в монастырь, о котором он говорил. Явившись туда, мы стали свидетелями ужасного зрелища: из окон всех этажей этого огромного здания выбрасывали не только трупы, но и ещё дышавших людей, чтобы, как нам было сказано, освободить место для русских раненых и больных, которые, в самом деле, прибывали в ужасающих количествах. «Поступайте так с теми, кто вполне мёртв, — сказали мы, — но мы не можем позволить поступить так с теми, кто, падая, умоляет о милосердии!» ...Эти несчастные, ещё живые, к страданиям которых добавился и ужас от этого варварского поступка, вызвали в нас такое сострадание, что мы самым энергичным образом вмешались, чтобы прекратить эти возмутительные действия⁴³.

Но в первую очередь казаки занимались не тем, что брали пленных, а тем, что разгребали груды трупов. Смерть была повсюду, на каждой улице города, она представляла в странных формах, показывающих крайнюю степень нужды и одиночества жертв:

На улицах я увидел пугающие трупы. Они сидели на земле, прислонившись к стенам, сохранённые холодом, уменьшившиеся и одеревеневшие, с тем выражением, с каким их застала смерть,

умершие от нужды, от страданий, без какой-либо физической или религиозной помощи⁴⁴.

Когда потеплело, и трупы начали оттаивать и разлагаться, город наполнился таким зловонием, что стало невозможно дышать. Нужно было действовать как можно скорее. Александр I, появившийся в пригородах Вильно 22 декабря, поручил организацию погребения трупов графу де Сен-При. Но эти задачи оказались более трудными, чем представлялось вначале:

Вначале попытались сжечь трупы, собрав их в кучи по пятьдесят-сто; но они разморозились и не сгорели; их похоронили весной⁴⁵.

До самой весны на многих улицах Вильны ужасы соседствовали с чёрным юмором:

На узких улочках... в течение всей зимы можно было увидеть трупы, прислонённые к каждой стене, которым из насмешки были приданы различные принадлежности. Один держал в руке соломенный жгут, напоминавший букет, другой – жердь, изображавшую ружьё, третий сжимал в зубах сломанную палочку, заменявшую трубку. Лишь весной подобрали трупы и увезли их в повозках с боковыми стенками⁴⁶.

Проведенные в 2002 году археологические раскопки позволили локализовать братские могилы, в которых были похоронены эти трупы, и теперь мы хорошо знаем, как проходило их погребение.

Русские войска, вошедшие в Вильну, обнаружили тысячи трупов. Перевозка этих тел к местам погребения, видимо, производилась на тачках, или, что более вероятно, учитывая время года, на санях. По-видимому, эти транспортные средства не опрокидывались в ямы; могильщики кидали туда каждый труп по отдельности⁴⁷.

Их хоронили в спешке, личные вещи с трупов не снимались, и по иронии судьбы они были похоронены в траншее, выкопанной летом 1812 года солдатами Великой армии для усиления обороноспособности города! Археологический и медицинский анализ скелетов показал отсутствие травм⁴⁸. Умершие в Вильне стали жертвами не столько казачьих пик и сабель, сколько голода, холода, усталости и тифа...⁴⁹

Последние испытания

Покинув город 10 декабря, выжившие, но одичавшие, стремившиеся спасти только себя, солдаты двигались вперёд, в то время как

мороз продолжал свирепствовать. Ксавье де Местр в письме к своему брату Жозефу, написанном 21 декабря в Вильне, с ужасом рассказывал о сценах, свидетелем которых он стал:

Я не могу тебе передать, какой путь я проделал. Тела французов загромождают дорогу, которая на всём расстоянии от Москвы до границы (примерно 800 верст) выглядит как непрерывное поле боя. Когда приближаешься к деревням, по большей части сожженным, зрелище становится ещё ужаснее. Там лежат кучи тел; во многих местах несчастные, собравшись в дома, сгорели там заживо, не сумев оттуда выйти. Я видел дома, в которых было более пятидесяти трупов, а среди них три-четыре ещё живых человека, раздетых до рубах, при пятнадцати градусах мороза. Один из них сказал мне: «Сударь, вытащите меня отсюда или убейте меня; меня зовут Норман де Флажак, я офицер, как и Вы». Не в моей власти было спасти его; пришлось оставить его в этом ужасном месте... Отовсюду и на всех дорогах встречаются эти несчастные, которые еще тащатся, умирая от голода и холода; поскольку их очень много, их не всегда можно подобрать вовремя, и большинство из них умирает на пути к пристанищу. Каждый раз, когда я видел одного из них, я думал об этом адском человеке, который привёл их к такому крайнему несчастью⁵⁰.

В полутора лье от Каунаса возникло новое непреодолимое препятствие — холм Понари, обрывистый и обледеневший. Его следовало огибать слева или справа, проходя узкими ущельями, через которые было невозможно протащить повозки. Их пришлось бросить, в том числе и те, что перевозили казну. Эти мешки немедленно разграбили сами солдаты, которые, невзирая на холод и страдания, бросились искать пятифранковые монеты и наполеондоры. Грабёж длился до самого рассвета, но был внезапно прерван... появлением казачьего отряда! Фургоны, экипажи, ящики с казной, багаж и то, что ещё оставалось из вывезенных из Москвы сокровищ, — всё попало в руки казаков. Эти находки порой приводили их в замешательство:

Был целый фургон, принадлежавший королю Неаполитанскому; он был доверху наполнен благовониями и бутылками с духами (казаки приняли их за бутылки с ликёрами), банками с помадой (казаки приняли её за масло) и множеством саше и косметики, которые приличествовали только женщине и актрисе. Когда разграбили этот фургон, весь город стал приятно пахнуть, и каждый из нас сделал запас помады и духов⁵¹.

Казаки, всецело поглощённые добычей, не стали преследовать солдат, и те, кому удалось выжить, за 3 дня достигли Ковно. Склады и амбары города имели достаточно запасов, чтобы их накормить, и

они смогли несколько часов отдохнуть, но многих солдат ждал трагический и абсурдный конец: прибыв в город, они набросились на ром и водку, чего их обессиленные организмы не выдержали. К тому же в Ковно нельзя было остановиться надолго. Уже на заре 14 декабря они пустились в путь: казаки Платова приближались, стало быть, нужно было поскорее переправиться через реку.

При помощи генерала Жерара и его солдат, сохранявших боеспособность, Ней, отважный принц Москворецкий, хладнокровно и мастерски защищал дорогу, позволявшую тысячам выживших переправиться через Неман. В 8 часов вечера 14 декабря, отразив атаки казаков Платова и графа О'Рурка, арьергард Ней, не более 500–600 солдат, переправился через Неман, чем фактически закончил русскую кампанию.

В 17 часов 23 декабря Александр I вступил в Вильну. Кутузов, прибывший в город еще 11 декабря встретил его. Князь Смоленский командовал армией, сократившейся на две трети, но испытывал радость, волнение и гордость. Через несколько дней он писал царю: «Я почитаю себя счастливейшим из подданных, быв избран благодетельною судьбою исполнителем высочайшей воли Вашего Императорского Величества...» Ермолову он признавался:

Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу»⁵².

В этот же день царь наградил его орденом Святого Георгия первой степени. На следующий день, в свой 35-й день рождения, Александр I принял всех своих генералов и поздравил их. «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»⁵³, – сказал царь, прежде чем пригласить их на торжественный обед в честь Кутузова. Но, за исключением этих официальных заявлений, отношения между царём и его главнокомандующим были по-прежнему отмечены недоброжелательностью. Проницательная графиня де Шуазёль-Гуфье в своих воспоминаниях напишет как о любви маршала к роскоши, так и о сложных отношениях между ним и царём:

Фельдмаршал Кутузов, мой давний знакомый, явился ко мне с визитом, облачённый во все свои ордена, звёзды, с портретом императора, окружённым большими бриллиантами, и с титулом князя Смоленского, я уж не знаю, почему. Кутузов показал мне у себя шпагу, дар Александра, с бриллиантовой рукоятью и изумрудными лаврами. Он находил изумруды слишком мелкими. «Я скажу императору, что это скупость». Эта шпага стоила 60 тысяч франков. Он проявил ко мне горячий интерес и пожелал взять на себя отправку писем моему отцу, чей отъезд он осудил. Когда кто-то

при нём оплакивал Москву, он ответил: «О чём речь? Путь от Москвы до Вильны в два раза важнее Москвы».

Он хвастался тем, что в течение одного года заставил две армии, турецкую и французскую, питаться кониной. Это не мешало императору Александру, осыпавшему его почестями и благами, говорить: «Старик может быть доволен: мороз хорошо ему помог»⁵⁴.

23 декабря царь встретился с польским и литовским дворянством Вильны, заверил их в своей щедрости и великодушии, а на следующий день в знак умиротворения польско-литовских провинций своей империи опубликовал великодушный указ о всеобщей амнистии. Его публикация в Вильне имела символическое значение. Тональность документа даёт представление о политических взглядах царя, выбравшего согласие и единство империи, но не мести, а также о его новых религиозных убеждениях: во имя Божественного милосердия амнистия распространялась и на поляков, сражавшихся против царя и попавших в плен.

В настоящую ныне с французами войну⁵⁵ главная часть жителей в прежде бывших польских, ныне же российских областях и округах, пребыли Нам верны; почему и разделяют со всеми Нашими верноподданными Нашу признательность и благоволение. Но другие различными образами навлекли на себя праведный Наш гнев: одни по вступлении неприятеля в пределы Нашей Империи, устрасясь насилия и принуждения или мечтая спасти имущества свои от разорения и грабительства, вступили в налагаемые от него звания и должности. Другие, которых число меньше, но преступления несравненно больше, пристали еще прежде нашего нашествия на их земли к стране чуждого для них пришельца, и подымля вместе с ним оружие против Нас, восхотели лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими верноподданными. Сих последних долженствовал бы наказать меч правосудия; но, видя излившийся на них гнев Божий, поразивший их вместе с теми, которых владычеству они вероломно покорились, и уступая вопиющему в Нас гласу милосердия и жалости, объявляем Наше Всемилоостивейшее общее и частное прощение, предавая всё прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию, и запрещая впредь чинить какое-либо по делам сим притязание или изыскание, в полной уверенности, что сии отпавшие от Нас почувствуют кротость сих с ними поступок и чрез два месяца от сего числа возвратятся в свои области. Когда же и после сего останется кто из них в службе наших неприятелей, не желая воспользоваться сею Нашею милостию и продолжая и после прощения пребывать в том же преступлении, таковых, яко совершенных отступников, Россия не примет уже в свои недра, и все имущества их будут конфискованы.

Пленные, взятые с оружием в руках, хотя не изъеются из сего всеобщего прощения, но без нарушения справедливости не можем Мы последовать движениям Нашего сердца, доколе плен их разрешится окончанием настоящей войны. Впрочем, и они в свое время вступят в право сего Нашего всем и каждому прощения.

Тако да участвует всяк во всеобщей радости о совершенном истреблении и разрушении сил всенародных врагов, и да приносит с неугнетенным сердцем чистейшее Всевышнему благодарение!

Между тем надеемся, что сие Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердия соделанное прощение приведет в чистосердечное раскаяние виновных, и всем вообще областей сих жителям докажет, что они, яко народ издревле едиоязычный и единоплеменный с россиянами, нигде и никогда не могут быть толико счастливы и безопасны, как в совершенном во едино тело слиянии с могущественною и великодушною Россиею⁵⁶.

Хотя, с точки зрения Александра I, наступило время празднования и примирения, но ещё не вся территория империи была освобождена от оккупационных войск. На юге генерал Шварценберг как раз захватил два города – Слуцк и Пинск, расположенные на краю Припятских болот; moreover, эти действия имели лишь символическое значение и должны были успокоить австрийские войска, которые были недовольны отступлением в сторону Великого герцогства Варшавского. Такое решение Шварценберг принял, получив известие о разгроме других частей армии. Макдональд, ещё позже узнавший о катастрофе, на третьей неделе декабря направлялся на Кёнигсберг (Калининград) с 9 тысячами солдат, уцелевшими от его 10-го корпуса. Но жители немецкого города не особенно обрадовались последним солдатам Великой армии. И, хотя солдаты могли получить еду, купив её за золото, они каждый день подвергались унижениям и обидам со стороны населения Восточной Пруссии, уже не скрывавшего свою лютую ненависть к французам. Александр де Шерон вспоминал:

В умах происходило брожение, и нам пришлось пережить всяческие оскорбления с их стороны. Они считали, что мы проиграли, и вновь вернулись к своей прежней надменности⁵⁷.

В свою очередь, граф де Майи-Нель свидетельствует:

В два часа я прибыл в Кёнигсберг. Этот город уже был полон остатков нашей армии. Жители проявляли к французам ненависть, наглую и чуждую великодушия. Во многих гостиницах нас отказывались принимать, отвечая: «Убирайтесь вон! Мы устали от французов!»⁵⁸

Столкнувшись с такой враждебностью, уже 3 января Мюрат, Бертье и Макдональд приняли решение о выводе войск из Кёнигсберга.

В это время на территории Российской империи уже не осталось солдат Великой армии, кроме десятков тысяч военнопленных на Урале, и, с точки зрения как Кутузова, так и многих влиятельных людей, например Шишкова, Россия нуждалась в мире. Их аргументы были прежде всего политическими: в новых войнах опять прольётся русская кровь, и, поскольку стране враг больше не угрожает, народ не поймёт этих войн, единение царя с народом, выкованное в трудностях и невзгодах, исчезнет. Назывались и геополитические причины: как мы уже говорили, с точки зрения Кутузова, падение Наполеона было выгодно не России, а Англии, «которая завладеет всеми выгодами от него». Кроме того, с точки зрения фельдмаршала, будущее России и её истинные интересы находились не в Европе, а в Османской империи и Азии, именно там должна была активно действовать имперская дипломатия. Наконец, если бы решение о наступлении всё же было принято, для его успешного осуществления требовалось дожидаться резервных войск, которые до этого момента не участвовали в бою.

Но ни один из этих аргументов не мог поколебать царя к большому сожалению Кутузова, жаловавшегося на это своему другу Шишкову:

Он [царь] смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно; и, другое, скажу тебе про себя откровенно и чистосердечно: когда он доказательств моих оспорить не может, то обнимет меня, поцелует, тут я заплачу и соглашусь с ним⁵⁹.

Действительно, с конца 1812 года царь был убеждён в необходимости дальнейшей борьбы с французским императором. Александр I считал, что Наполеона необходимо уничтожить, в противном случае он опять затеет войну: рано или поздно он попытается восстановить армию и вновь станет угрожать Российской империи; кроме того, международная обстановка продолжала оставаться неясной, в первую очередь польский вопрос. Поэтому надо было ковать железо, пока оно горячо, и решить две задачи: отодвинуть французские войска за Рейн, чтобы гарантировать безопасность Российской империи, а также окончательно освободить Европу от французского тирана и воссоздать её на основе пацифизма и братской любви. 23 ноября 1812 года в рескрипте на имя графа Ростопчина царь отдал должное москвичам, которые многим пожертвовали в этой войне, и с твёрдостью заявил, что «Россия вредом своим купила свое спокойствие и славу быть спасительницею Европы»⁶⁰. Кроме того, как мы видели,

24 декабря во время встречи с генералами он рассматривал войну 1812 года в европейском контексте, куда более глобальном, чем просто защита русской земли. Теперь речь шла не только о свержении Наполеона, но и о проекте возрождения Европы на новых основаниях⁶¹.

13 января 1813 года русские войска под руководством царя и Кутузова переправились через Неман и вступили на территорию Пруссии. Русская кампания закончилась.

Начинались германская и французская кампании.

ЭПИЛОГ

После войны 1812 года удача отвернулась от Наполеона. В декабре он вернулся во Францию, чтобы успокоить общественное мнение, укрепить свой режим и восстановить войска; ему удалось собрать армию и начать действовать. Но Европа объединилась против французского императора, и одолеть её он не смог. Он утратил власть, империю и свободу.

В январе 1813 года, когда русские войска перешли Неман, французский император мог теоретически рассчитывать на поддержку Австрии, государств Рейнского союза и Пруссии. Но союз с Пруссией уже трещал по швам, и весной 1813 года Наполеон уже имел дело с новой русско-австро-прусской коалицией.

Обе стороны стремились к генеральному сражению, и оно состоялось при Лейпциге 16–19 октября 1813 года. На первом его этапе 220 тысяч солдат коалиции противостояли 175 тысячам наполеоновских солдат; уже в первый день потери были велики с обеих сторон: коалиция потеряла убитыми и ранеными 40 тысяч человек, Великая армия – 30 тысяч. Ночью 17 октября прибыли подкрепления: 15 тысяч солдат влилось во французскую армию, 110 тысяч в коалиционные войска. Цифры говорят сами за себя – с этого момента соотношение сил изменилось в пользу коалиции. «Битва народов», в которой войсками союзников командовал князь Шварценберг и в которой Великая армия потеряла убитыми и ранеными 65 тысяч солдат¹, а союзники – 54 тысячи², означала конец французского присутствия в Германии и начало французской кампании.

Между 21 декабря 1813 года и 1 января 1814 года коалиционные войска (250 тысяч солдат, к которым вскоре присоединились ещё 170 тысяч) форсировали Рейн на пространстве от Кобленца до Базеля. Французская кампания началась новыми французскими победами: из 14 сражений, состоявшихся в первые несколько недель, в 12 одержали верх наполеоновские войска, пусть и сильно сократившиеся. Соппротивление французов врагу было в высшей степени отчаянным. Его размах даже вызвал разлад в не слишком прочной коалиции: после того, как 31 января Наполеон призвал к всеобщей мобилизации, прусский король Фридрих-Вильгельм III и австрийский император Франц I, боясь, что война может привести к возрождению во Франции революционного и боевого духа Вальми, выразили го-

товность вести переговоры с французским императором. Но твердый отказ Александра I идти на компромисс с врагом и вмешательство премьер-министра лорда Каслри, выступившего с тех же позиций, заставили их переменить точку зрения. 29 января по настоянию британского министра союзники подписали Лангский протокол, предусматривавший возвращение Франции в границы 1792 года. 9 марта в Шомоне был подписан обновлённый договор, укрепивший коалицию: державы заключили новый оборонительный союз сроком на 20 лет и подтвердили, что не может быть и речи о сепаратных переговорах и тем более сепаратном мире с Наполеоном. Каждая страна, подписавшая договор, обязалась предоставить по меньшей мере 150 тысяч человек для борьбы с ним.

Серия побед в конце марта решила судьбу Наполеона: 19 марта провалились последние переговоры; 30 марта капитулировал Париж, 4 апреля император отрёкся от престола. Спустя неделю по условиям мирного договора в Фонтенбло он был сослан на остров Эльба. 30 мая 1814 года был подписан первый Парижский мирный договор, покончивший с войной. Меньше чем год спустя, 1 марта 1815 года, Наполеон высадился в бухте Жуан, надеясь вернуть себе трон и империю. Но его приключение продолжалось лишь 100 дней. В июне состоялась битва при Ватерлоо, в которой русская армия не участвовала. Эта битва завершила наполеоновский период его империя пала, не выдержав потрясений войны 1812 года.

В то же время Россия и её самодержец одержали победу и окрепли в борьбе с французским императором.

Царь сильно изменился под воздействием выпавших на его долю испытаний. Из пепла и развалин, оставленных Великой армией, появился новый человек. После июня 1812 года и в особенности после пожара Москвы, который, по собственному признанию Александра I, стал поворотным моментом его жизни, он часто бывал одинок в своих решениях, подвергаясь яростным нападкам со стороны двора, семьи и генералов, что вызвало в нём духовный переворот. С точки зрения царя, борьба против врага, чьё превосходство он с готовностью признавал, была борьбой со Злом, Дьяволом, Антихристом, в которой невозможно было победить в одиночку: он сумел одолеть Наполеона только благодаря помощи Господней. Отныне он черпал вдохновение в религиозной литературе и Библии, ставшей его настольной книгой. Но политическая деятельность по-прежнему была важна для царя: он решил, что искренняя вера, направлявшая его духовно и нравственно, должна найти себе место и в дипломатии.

Александр I, въехавший в Париж в марте 1814 года во главе коалиционных войск, считал, что победный час не должен превратиться в час мести и репрессий. Да, когда начались переговоры на Венском

конгрессе, он твердо отстаивал национальные интересы России, добился в качестве платы за участие России в победе над Наполеоном создания царства Польского, находившегося в династической унии с Россией. Но в то же время, глубоко проникнувшись мыслью о своей божественной ответственности, он мечтал о новой эре, которая будет основана на братском и христианском согласии монархов Европы. Во французской столице Александр I продемонстрировал стремление к вселенскому миру. В день Пасхи он устроил на площади Согласия торжественное богослужение, которое вели 7 служителей православного культа при участии певчих из императорской капеллы. На том самом месте, где был гильотинирован Людовик XVI, зазвучал гимн «Тебе Бога хвалим». Под влиянием своих экуменических побуждений царь предложил прусскому и австрийскому монархам заключить Священный союз.

Исходя из того, что католическое, протестантское и православное государства принадлежат к одной и той же семье, «христианской нации», документ о создании Священного союза подчёркивал необходимость укреплять братские отношения между ними в согласии с принципом христианской любви к ближнему. Англичане отнеслись к этому документу скептически, а Меттерних встретил его с иронией. Но доминирующее положение России на европейской арене вынудило Австрию и Пруссию пойти на уступки: 14 сентября Франц I Австрийский и Фридрих-Вильгельм III Прусский согласились «во имя Пресвятыя и Нераздельныя Троицы» подписать договор о Священном союзе. Отныне христианская парадигма должна была служить основой любым дипломатическим актам и способствовать согласию между нациями и народами Европы. Нетрудно увидеть, чем Европа, к которой стремился царь, основанная на идее равновесия и мира между великими державами, отличалась от Европы Наполеона I, основанной на французском первенстве и военной силе. Спустя год в письме лорду Каслри Александр I предложил сократить все виды вооружённых сил. Впервые в европейской истории правящий монарх заговорил о том, чтобы начать многостороннее разоружение и снизить оборонные расходы, ставшие ненужными после подписания договора о Священном союзе. Англичане встретили инициативу царя с недоверием, сочтя её утопической и неубедительной. Тем не менее она показывает, как изменилась позиция России: теперь страна уже не считала себя второстепенным действующим лицом международной политики. Ответственность и права, завоёванные в борьбе с Наполеоном, сделали Российскую империю важнейшей европейской державой.

Кроме того, царь сумел добиться более выгодных условий мира для Франции, опять же во имя равновесия между державами.

Весной 1814 года французы волновались, не зная, что их ждёт. Но в первой же публичной декларации от 31 марта Александр провёл чёткую границу – за всё в ответе только Наполеон, а французский народ в его глазах был невиновен и тоже являлся жертвой тирании. Эта умеренность, подчёркнутая поведением русских оккупационных войск (царь требовал от них безукоризненного поведения, предусмотрев суровые кары для тех солдат и офицеров, которые нарушат его приказы), проявилась и на дипломатическом поприще. Александр I считал, что Франция должна быть лишена своей зоны влияния (в первую очередь в Польше и в Османской империи), но она не должна быть уничтожена или потерять часть своих территорий: если бы это произошло, Франция уже не смогла бы являться противовесом Англии и Австрии, что поставило бы под угрозу баланс сил на Европейском континенте. Поэтому царь следил за тем, чтобы Франция получила мир на сравнительно мягких условиях, что и зафиксировал первый Парижский мирный договор, подписанный 30 мая 1814 года. На следующий год, после сокрушительного поражения при Ватерлоо, условия мира стали более суровыми: Франция была вынуждена вернуться к границам 1790 года, а к территориальным санкциям добавились и финансовые, но страна избежала расчленения опять же благодаря вмешательству Александра I.

Наконец, царь считал своим долгом повлиять на форму правления во Франции. Его первые публичные декларации, ещё до прибытия в Париж, подчёркивали, что во Франции необходимо учредить конституционный и либеральный режим, к великой досаде Бурбонов, желавших возрождения абсолютной монархии. Александр I считал, что такой поворот событий будет большой политической ошибкой, и публично заявлял, что Франции нужны либеральные учреждения. Его позиция одержала верх: Людовик XVIII, долго колебавшийся, уступил настояниям царя и его министров, и даровал французам конституционную хартию.

Таким образом, война 1812 года заметным образом повлияла на геополитику и дипломатию, но не ограничились этими двумя сферами, оставив заметный социальный и экономический след.

Масштабные военные действия дорого обошлись Франции в финансовом плане, но также сильно повлияли и на Россию, нанеся сильный удар по российской экономике, которая и без того была ослаблена континентальной блокадой Англии; после войны дефицит казны стал хроническим. Но вопреки всем трудностям уже с конца 1812 года царь при помощи государственного финансирования и поощрительных фискальных мер способствовал восстановлению городов, деревень и сёл, разрушенных во время войны. В первую очередь он уделил внимание священной земле. 5 мая 1813 года он учредил

Комиссию для строений, поставив перед ней три задачи: восстановить разрушенные жилища и лавки, разработать план развития «нового» города и украсить Москву зданиями в неоклассическом стиле, который бы прославлял императорскую власть³. Активно участвуя в проекте восстановления города, Александр считал необходимым воздвигнуть в Москве новые памятники, которые стали бы символом её возрождения после катастрофы. Красная площадь подверглась перепланировке: её оживили новые неоклассические здания, в которых расположились магазины, а в феврале 1818 года на ней был установлен памятник Минину и Пожарскому, увековечивший русское сопротивление польскому нашествию 1612 года. На Театральной площади, превосходившей своими размерами площадь Согласия и римскую площадь Сан-Пьетро⁴, после работ, продолжавшихся с 1821 по 1824 год, расположился новый Большой театр. Спустя несколько лет после ужасов 1812 года, как бы в насмешку над Наполеоном, Москва стала одним из самых красивых городов Европы и единственной столицей, выстроенной в стиле ампир...

Война 1812 года была не менее разрушительной в демографическом и человеческом плане.

Точные цифры погибших и пропавших без вести в настоящее время назвать трудно⁵, но приблизительные данные говорят о многом. От 200 до 250 тысяч солдат Великой армии погибли в бою⁶, 150 тысяч (если не 200 тысяч) попали в плен, а 50–60 тысяч мародёров и дезертиров, став гувернёрами, слугами или батраками у частных лиц, скрылись в России, выжив благодаря помощи местного населения⁷. Русские потери мало отличаются: по оценке Соколова, погибших и пропавших без вести было около 300 тысяч (в том числе 175 тысяч погибших в бою); другие авторы оценивают число погибших и пропавших без вести примерно в 200 тысяч человек⁸. При всей своей приблизительности эти печальные цифры свидетельствуют о том, какими смертоносными были 6 месяцев войны.

Мало для кого из выживших военные испытания прошли бесследно. Для 150–200 тысяч военнопленных мучения продлились и после декабря; лишь малая часть пережила холод, голод и дурное обращение казаков по пути в ссылку. С 1813 года участь тех пленников, которые ещё оставались в живых (по-видимому, их осталось менее половины), немного улучшилась. В письмах, которые они писали домой, сообщается, что на содержание каждого военнопленного теперь выдаётся 12 копеек в день; унтер-офицер Оноре Бёле пишет, что «кроме хлеба и мяса, офицеры имели право на 50 копеек в день, а унтер-офицеры должны были получать по 15 копеек»⁹, что, по его мнению, позволяло военнопленным улучшить свой рацион, добыть одежду и обувь и избавиться от насекомых-паразитов.

В июле 1813 года российское полицейское министерство издало циркуляр, а в ноябре за ним последовал императорский указ. Ещё до окончания войны в мае 1814 года, когда был подписан первый Парижский мирный договор, оба документа предложили военнопленным крестьянского происхождения возможность выбрать статус «иностранцев поселенцев». Желавшие обосноваться в Саратовской и Екатеринославской¹⁰ губерниях получали свободу вероисповедания, освобождение от налогов на 5–6 лет, щедрую субсидию и участок земли. Военнопленные, являвшиеся по профессии ремесленниками и рабочими, получили предложение пойти работать на мануфактуры или фабрики, а то и в строительство – восстанавливать разрушенные дома и здания¹¹, с ними заключались индивидуальные контракты на выгодных финансовых условиях. Наконец, российское правительство предложило военнопленным право натурализоваться, выбрав российское гражданство окончательно или временно – на 2–3 года¹². Эти щедрые меры по отношению как к офицерам, так и к простым солдатам преследовали важную цель: возместить демографический урон от войны и поднять экономику империи, пострадавшую от разрушений. Они были встречены хорошо: к августу 1814 года четверть военнопленных согласилась стать подданными Российской империи, впрочем, большинство из них выбрало временное, а не постоянное гражданство. В 1837 году в Москве насчитывалось 1500 ветеранов Великой армии¹³.

Франция тоже желала вернуть своих детей и тоже в первую очередь по экономическим и демографическим причинам. Летом 1814 года в Россию прибыл барон Морен, назначенный уполномоченным по репатриации, и уже летом началось возвращение пленных по морскому пути¹⁴. Оно длилось до 1816 года, в архивах сохранились упоминания о возвращениях, произошедших в этом году¹⁵. Царь, имевший политические и нравственные причины доброжелательно реагировать на французские запросы, даже распорядился выдать кандидатам на репатриацию деньги, которые им должны были вручить губернаторы. Впрочем, осуществление этого приказа порой оставляло желать лучшего, поскольку некоторые не слишком щепетильные губернаторы спокойно клали себе в карман всю эту сумму или её часть. Вот что рассказывает Оноре Бёльз:

Царь приказал своим губернаторам выплатить сто рублей каждому офицеру, который отделится от обозов с военнопленными и предпримет это долгое путешествие на собственные деньги. Он принял это решение как из гуманности, так и из финансовых интересов. Облегчив французским офицерам возвращение, царь избавлялся от необходимости содержать их на протяжении месяцев и отменял ежедневные выплаты, которые, в конечном счёте, составили бы куда более высокую сумму¹⁶.

Бёлэ и его друг-хирург, кандидаты на возвращение, отправились в Уфу, столицу губернии, чтобы получить причитающиеся им деньги и пропуск, необходимый, чтобы покинуть территорию империи. Губернатор был в отъезде; его супруга, хорошо говорившая на французском языке и обожающая всё французское, согласилась поселить их у себя, взамен попросив читать ей вслух французские романы. Двум бывшим узникам пришлось остаться у неё, что вызывало у них большое сожаление: обоим не терпелось пуститься в путь. Губернатор, вернувшийся почти через месяц, заявил, что указ внезапно отменён: но, увидев отчаяние своих собеседников, он великодушно согласился вручить им по 50 рублей из собственных средств... Бёлэ и его товарищ, преисполненные признательности к своему «благодетелю», через несколько дней узнали от уфимских купцов, как всё обстояло на самом деле:

Эти господа, узнав о нашей беде, посмотрели на нас с насмешливыми улыбками. Если бы царь отменил свой указ, они бы об этом точно знали. А они никогда не слышали ни малейшего намёка на это. Они считали, что князь всё придумал. Вопрос привычки! Как и все функционеры империи, его сиятельство постоянно берёт взятки. Новое нарушение ему казалось совершенно естественным; удержав половину наших подъёмных, он лишь компенсировал приблизительные затраты на нас во дворце в течение месяца¹⁷.

Участь русских военнопленных, оказавшихся во Франции, была ещё более грустной. По оценкам Н. А. Троицкого, в плен попало от 2 до 3 тысяч русских¹⁸, не более нескольких сотен из них попало во Францию, остальные же пребывали в Польше или Пруссии, где их заняли на строительстве дорог и фортификаций¹⁹.

Те солдаты Великой армии, кто выжил – смог бежать из России в декабре 1812 года или, попав в плен, вышел на свободу, – не исцелились от физических и душевных ран. Было много таких, у кого продолжали болеть плохо зажившие раны, увечных с ампутированными из-за обморожения ступнями или кистями рук, а также потерявших слух или зрение. В нескольких регионах Франции сохранились данные о инвалидах этой войны. Так, в Воклюзе, департаменте, который изучала Натали Петито, 12 % солдат, обратившихся за пенсией, страдали от хронического ревматизма, «более серьёзного и более раннего, чем у большинства их сверстников», 16 % вернулись домой без одной части тела... Иногда пострадавшей оказывалась целая семья. Женщина Бо, маркитантка, жена военного, сопровождала армию в русском походе вместе с детьми: её шестилетний сын потерял левую руку (на пути из Смоленска в Витебск его ранили в руку); младшему сыну отрезали обе ступни, обмороженные тогда же²⁰.

К физическим ранам добавились неврозы и психические раны. Невротические состояния, хорошо изученные историками применительно к Первой мировой войне, остались не замечены историками войны 1812 года: поскольку общество не принимало их во внимание, а медики не лечили, нет ни одного исследования, посвящённого этой теме. Но некоторые источники свидетельствуют о девиантном или саморазрушительном поведении солдат, спасшихся из русского ада. Яркий пример приводится в работах Стефана Кальве, посвящённых шарантским офицерам Наполеона²¹. В 1816 году комиссия, осмотревшая офицера, в своё время закончившего военную школу Сен-Сир, заключила, что он «впал в безумие», негоден к дальнейшей службе и должен быть госпитализирован²². Доктор Эскироль, наблюдавший его с конца 1816 года в Шарантонской больнице, заключил, что капитан Жан-Антуан Геден де Шамборан «страдает от неизлечимой душевной болезни, которая, по всей видимости, проистекает от мороза, с которым он столкнулся в России». «В ежегодных докладах психиатра шла речь о его *мизантропии* и паранойе, обострившихся месяц от месяца, о его боязни белого цвета, что врачи связали с русским снегом»²³. И хотя Эскироль, по-видимому, сумел установить природу и происхождение заболевания, он не смог облегчить страдания офицера: тот совершил много попыток самоубийства и, наконец, в августе 1824 года, 38 лет от роду, покончил с собой, бросившись с крыши здания²⁴. Безумие, отчаяние и суицидальные наклонности, по-видимому, встречались и у многих других выживших, вернувшихся в Париж и Авиньон²⁵. У нас нет источников, которые позволяли бы что-то узнать о психических травмах русских, связанных с этой войной; но вполне вероятно, что у солдат были похожие патологии, хотя русские более привычны к суровому климату и лучше к нему приспособлены.

Подобные травмы встречали непонимание, что усложняло их преодоление, тем более что королевская власть во Франции не особо стремилась поддерживать и выслушивать выживших наполеоновских бойцов:

Если общество XX века оказывало большое внимание ветеранам войн, в первые две трети XIX века их почти игнорировали: по отношению к этим людям... которые вернулись к домашнему очагу после того, как рисковали своими жизнями на полях сражений... режим, сменивший империю, не проявлял особой заботы²⁶.

Печальная судьба отставных офицеров после 1814–1815 годов свидетельствует о неблагодарности и подозрительности, жертвами которых стали эти ветераны. Общество не желало прославлять храбрость бойцов империи, а хотело предать забвению 25 лет революции

онных и наполеоновских войн. Они не удостоились ни памятника, ни мемориала. Им оставалось лишь кануть в Лету.

Разумеется, в Российской империи все было по-иному. Александр I вернулся в Россию в ореоле своих побед; бойцы, победители могли законно гордиться тем, что спасли Отечество от «корсиканского захватчика», а некоторые сочли, что храбрость и примерное поведение народа заслуживают конституционной реформы и отмены крепостного права. Но, как это ни парадоксально, при Александре I, как и во Франции, не было ничего сделано для прославления и увековечения победы. Если она и праздновалась, то очень скромно. Хотя в манифесте от 25 декабря 1812 года²⁷ царь отдавал должное храбрости и стойкости русского народа, но ещё больше он прославлял Провидение, которое спасло страну. На памятной медали, отчеканенной в честь победы, он приказал выгравировать фразу «Не нам, не нам, но имени твоему» из псалма 113. Одновременно он стремился связать патриотизм с религиозностью. В 1811 году, когда стало ясно, что война неизбежна, Казанский собор в Петербурге принял чудотворную икону, которая, по народному поверью, помогла Ивану Грозному в завоевании Казани, а затем, в 1612 году, спасла страну от польских захватчиков. Когда всё было позади, Александр I решил восславить подвиги героев Отечественной войны именно в этом храме: там были выставлены более 100 знамён и имперских орлов, захваченных у наполеоновских солдат²⁸, а с весны 1813 года в церкви захоронили прах Кутузова. В том же манифесте от 25 декабря 1812 года Александр I объявил о строительстве в Москве собора, посвящённого Христу Спасителю в знак благодарности «к промыслу Божию». Строительство церкви было поручено архитектору Александру Лаврентьевичу Витбергу. Она должна была быть возведена в неоклассическом стиле, строгом и гармоничном; первый камень заложили в октябре 1817 года, но смерть царя в ноябре 1825 года на время прервала работу над ней. Хотя на первое место Александр ставил религиозные здания, он позаботился о том, чтобы оставить память о победе и в гражданском строительстве. В 1819–1829 годы итальянский архитектор Карло Росси при участии русского архитектора Василия Петровича Стасова полностью перестроил площадь Зимнего дворца в Петербурге, соорудив два неоклассических здания²⁹, которые на древнеримский лад соединялись триумфальной аркой в честь Александра I, прославляющей его победу над Наполеоном. Кроме того, царь приказал создать в Зимнем дворце «военную галерею» с портретами генералов – участников войны 1812 года. Там были выставлены 329 портретов, написанных Джорджем Доу с весны 1819 по зиму 1826 года. Это позволяло национальному сознанию зрительно запомнить своих героев.

Тем не менее, несмотря на эти труды, закрепившие 1812 год в национальном сознании, лишь в правление Николая I (1825–1855)

Отечественная война стала важнейшим ориентиром и основой русского патриотизма.

26 августа³⁰ 1839 года Бородинское поле официально стало местом священной исторической памяти; начиная с этого дня Бородинский монастырь, сооружённый на месте батареи Раевского, каждый год праздновал юбилей сражения, продолжая соединять религиозность с национальной идентичностью. Тем временем в Москве возобновилось сооружение храма Христа Спасителя под руководством другого архитектора, Константина Андреевича Тона, который, придерживаясь русско-византийского стиля, более соответствовавшего актуальным на тот момент национальным идеям, вёл работы более 40 лет, закончив строительство здания в 1881 году. Через 2 года, в мае 1883 года, по случаю коронации Александра III церковь была освящена; в ходе церемонии была сыграна торжественная увертюра «1812», музыкальное произведение, специально написанное по этому случаю П. Чайковским, стало одним из самых красивых памятников 1812 году.

Одновременно начиная со времени правления Николая I память о войне 1812 года понемногу начала приобретать все более светский характер. Ей посвящались картины и гравюры; песни и поэмы прославляли подвиги генералов, а лубки изображали храбрость простого народа в борьбе с врагом; предметы прикладного искусства (кофейные и чайные сервизы, табакерки), делавшиеся в мастерских Императорской Петербургской мануфактуры, прославляли героизм русского народа; наконец, Л. Толстой создал литературный памятник этой войне – роман «Война и мир».

Однако интересно, что память о 1812 годе, религиозная или светская, несколько не уменьшала франкофильство русской элиты. Уже в декабре 1812 года Кутузов призвал царя вновь открыть французский театр в Петербурге и сохранить использование французского языка, чтобы Россия не впала в «невежество и грубость»³¹. А Ростопчин, осуждённый общественным мнением, так и не простившим ему пожара Москвы, отправился доживать свои годы во Францию! В России, как и во Франции, не замедлила родиться золотая наполеоновская легенда. С точки зрения либералов, Наполеон воплотил в себе несостоявшуюся надежду на Россию, свободную от крепостного права; с точки зрения романтиков, грандиозная и трагическая судьба Наполеона стала символом эсхатологических ожиданий, которые, будучи порождены войной, разбились о реальность самодержавного режима, становившегося всё более и более непримиримым и репрессивным. Дело в том, что царь, вместо того чтобы ответить на национальный порыв реформами, быстро отказался от мысли отменить крепостное право и даровать стране конституцию, чем вызвал разо-

чарование и, как следствие, увлечение Наполеоном. Поэт Виссарион Григорьевич Белинский называл императора французов «властителем наших дум»; русская молодёжь хранила дома и тайно любовалась бюстами Наполеона. Для декабристов, офицеров, которые вернулись из французского похода, набравшись духа 1789 года и идей эпохи Просвещения, Наполеон стал священной фигурой, а то и «иконой»³². Простые люди тоже не отставали, и наполеоновский миф прирастал слухами и странными представлениями. В своих мемуарах князь Вяземский рассказывает о своём друге, который однажды на почтовой станции, увидев на стене портрет Наполеона, спросил хозяина: «Зачем держишь ты у себя этого мерзавца?» – и услышал наивный ответ: «А вот затем, ваше превосходительство, что, если неравно Бонапартий под чужим именем или с фальшивой подорожной приедет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству»³³. Даже будучи изгнан на остров Святой Елены, Наполеон играл важную роль в русском воображении...

Конечно, влияние царя и его народа на французские образы и представления было менее значительным, однако и в этом случае создавались свои мифы. Казаки Александра I, расположившиеся лагерем на Елисейских полях, вызывали у парижан ужас; их «нелепые одежды» и «звериные шкуры» укрепили уже сложившийся стереотип азиатских варваров и «пожирающих свечи» дикарей³⁴. Довольно корректное поведение русских оккупационных войск развеяло эти страхи³⁵; эту победу можно записать в актив царя. Тем не менее память о 1812–1814 годах была очень болезненной; потребовалось дожидаться побед армии Наполеона III в Крымскую войну (1853–1856), чтобы у французов на смену ужасающей Березине пришли новые экзотичные и певучие названия – Альма, Севастополь, Малакофф³⁶, закрывшие болезненные воспоминания о 1812 годе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие. Новый взгляд на 1812 год

¹ Гюго В. Возмездие. Искупление. Кн. V / пер. Г. Шенгели. М., Гослитиздат, 1953.

² Впрочем, следует упомянуть великолепный роман П. Рамбо «Шёл снег»: P. Rambaud. Il neigeait. Paris, Grasset, 2000.

³ См.: Троицкий В. Ю. Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX века. М.: РАН, 1998. С. 3.

⁴ Что не мешало им писать масштабные труды. Среди прочих см.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М.: ОГИЗ, 1943; фр. пер.: E. Tarlé. La Campagne de Russie. Paris, Gallimard, 1950.

⁵ D. Lieven. Russia against Napoleon, the Battle for Europe, 1807 to 1814. London, Allan Lane, 2009; рус. пер.: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М.: РОССПЭН, 2012.

⁶ См.: C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Le duel des empereurs, Paris, Tallandier, Bibliothèque napoléonienne, 2006.

⁷ Только в Бородинском сражении убитых и раненых было около 70 тысяч человек: 45 тысяч с русской стороны и 25–28 тысяч с французской. Д. Ливен приводит ещё более высокие цифры потерь: русских – 45–50 тысяч, Великой армии – 30–35 тысяч, см.: D. Lieven. Op. cit. P. 209.

⁸ Взятие Смоленска в августе ознаменовалось грабежами, изнасилованиями, убийствами гражданских лиц, а затем полным разграблением города.

⁹ В числе трудов, постаравшихся дать сбалансированный взгляд на войну, учитывать как французскую, так и русскую точки зрения, следует упомянуть работы А. Замойского (A. Zamoysky. Moscow 1812. Napoleon's Fatal March. Londres, Harper Collins, 2004) и К. Кейта (C. Cate. Op. cit.). Но оба автора оказали предпочтение военным вопросам, уделив мало внимания социальным, человеческим и психологическим аспектам войны.

¹⁰ За два века до этого произошло вторжение в Россию польских католических войск, способствовавшее появлению первых ростков русского национального самосознания.

¹¹ См.: Бутурлин Д. П. Кутузов в 1812 году // Русская старина. 1894. Т. 82 (октябрь–декабрь).

¹² Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года: В 4 т. СПб., 1839.

¹³ Эти тезисы см.: Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: В 5 т. М., 1910–1913.

¹⁴ См. ценный анализ А. Замойского в предисловии к его книге: A. Zamoysky. Op. cit.

¹⁵ См.: Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М.: Олма-Пресс, 2000.

¹⁶ Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года, история темы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991; он же. Александр и Наполеон. М.: Высшая школа, 1994.

¹⁷ См., например: Muhlstein. Napoléon à Moscou. Paris, Odile Jacob, 2007.

¹⁸ См., например, книгу, написанную в весьма агиографическом стиле: J.-C. Damamme. Les Aigles en hiver, Russie 1812. Paris, Plon, 2009.

¹⁹ Я должна выразить мою глубочайшую признательность Хелен Салливан, директрисе славянской коллекции (Slavic, East European and Eurasian Collection) библиотеки Иллинойского университета в Урбана-Шампейне, а также её помощнику, Яну Адамчику, за их ценную помощь. Богатство архивных русских фондов и их доступность заметно облегчили мои исследования.

²⁰ Около сотни «афиш» были составлены графом Ростопчиным на русском языке с 1 июля по 25 декабря 1812 года, двадцать из них сохранились и дошли до нас; они опубликованы на русском языке на замечательном интернет-сайте www.museum.ru/museum/1812, который содержит многочисленные документальные источники, имеющие отношение к войне 1812 года.

²¹ О связи между империей и нацией см.: V. Tolz. *Inventing the Nation, Russia*. Oxford, Oxford University Press, 2001; M.-P. Rey. *De la Russie à l'Union soviétique, la construction de l'empire*. Paris, Hachette, 1994.

²² Многие дневники с русской стороны были опубликованы в рамках издания, на которое можно опираться: 1812 год. Военные дневники / сост. А. Г. Тартаковский. М.: Советская Россия, 1990.

²³ Многие мемуары и тексты воспоминаний были изданы, анализ этих текстов см.: 1812. Воспоминания воинов русской армии. М.: Мысль, 1991; 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М.: Воениздат, 2001.

²⁴ О важности эпистемологической осторожности в отношении этих источников предупреждает предисловие в книге: J. Tulard. *Nouvelle bibliothèque critique des Mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français*. Genève, Ed. Droz, 1991 (nouvelle édition revue et enrichie); N. Petiteau. *Napoléon, de la mythologie à l'histoire*. Paris, Seuil, 2004 (édition revue); B. Ménager. *Les Napoléon du peuple*. Paris, Aubier, Collection historique, 1988; D. Zanone. *Écrire son temps. Les mémoires en France de 1815 à 1848*, Lyon, PUL, 2006.

²⁵ Я позаимствовала эту красивую формулировку у Екатерины II.

²⁶ Один из двух рассказов, написанных в 1812 году, будет прокомментирован ниже.

²⁷ В качестве отправной точки нашего анализа см.: *Napoleon in Russian Cultural Mythology*. New York, Peter Lang, 2001. М. Уэслинг в нём приводит весьма убедительные источники по народной культуре.

²⁸ G. Ducque. *Journal de marche du sous-lieutenant Ducque, suivi de Heinrich von Roos, Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée*, éd. de L. Nagy. Paris, La Vouivre, 2004. P. 44.

Пролог

¹ Выражение фигурирует в воспоминаниях Фёдора Владимировича Акинфова. Посланец Милорадовича, договаривавшийся о перемирии с Мю-

ратом, он впоследствии рассказал о своей встрече с ним. См.: Акинфов Ф. В. Из воспоминаний // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках. Вып. 1. Вильна, 1900. Т. 1. С. 211.

² Там же. С. 207.

³ Михаилу Андреевичу Милорадовичу, по происхождению сербу, был тогда 41 год.

⁴ Акинфов Ф. В. Указ. соч. С. 210.

⁵ H. von Roos. *Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée*. Paris, Perrin, 1913. P. 89. Цит. по: A. Muhlstein. *Napoléon à Moscou*. Paris, Odile Jacob, 2007. P. 141.

⁶ Цит. по: C. de Grunwald. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 185–186. На русском языке см.: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Chicherin/chicherin_1812.html

⁷ Письмо великой княжны Екатерины Павловны своему брату Александру I от 3(16) сентября 1812 года. Цит. по: M.-P. Rey. *Alexandre Ier*. Paris, Flammarion, 2009. P. 325, в рус. пер.: Рэй М.-П. Александр I. М.: РОССПЭН, 2013. С. 281.

⁸ G. Ducque. *Journal de marche du sous-lieutenant Ducque*. Op. cit. P. 26.

⁹ E. Labaume. *Relation complète de la campagne de Russie de 1812* par Eugène Labaume, chef d'escadron, employé à la section historique du dépôt général de la Guerre, chevalier de La Légion d'Honneur et de la Couronne de Fer. Paris, Rey et Gravier libraires, 1816. P. 198–199.

¹⁰ Отрывок из письма Фёдора Ростопчина Александру I, написанного 8(20) сентября в маленькой деревне на Тульской дороге, в 30 верстах от Москвы, процитирован в воспоминаниях дочери Ростопчина Натальи Нарышкиной, отрывки опубликованы в: *L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Mme Narichkine, sa fille*. Paris, Éditions historiques Teissèdre (réed.). 2000. P. 156.

¹¹ В марте 1814 года он станет полковником, а на следующий год генералом и первым ординарцем императора.

¹² Воспоминания французского офицера. Этот текст, автор которого неизвестен, сохранился в Военном архиве (Императорская С.-Петербургская библиотека, отдел рукописей); цит. по: Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Россию*. С. 201.

¹³ Там же.

¹⁴ Согласно подсчётам А. М. Мартина, 2,3 %. См.: A. M. Martin. *The response of the population of Moscow to the Napoleonic occupation of 1812 // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr*. Boston, Brill. 2002. P. 473–474. Те же цифры находим и в книге: Троицкий Н. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. С. 313.

¹⁵ Цит. по: C. de Grunwald, *La Campagne de Russie*. Op. cit. P. 186.

¹⁶ Маевский С. И. *Моя жизнь или история генерала Маевского* // Русская старина. 1873. Вып. 8. С. 143. В 1812 году генералу было 33 года.

¹⁷ Воспоминания Фёдора Ростопчина см.: *L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Mme Narichkine, sa fille*. Op. cit. P. 186.

¹⁸ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812 par le général comte de Ségur, 3e édition. Paris, Baudoin Frères Libraires, 1825. Vol. II. Ch. IV. P. 39.

¹⁹ См. свидетельство Армана де Коленкура, обер-шталмейстера императора французов.

²⁰ Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au RP Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire et curé de l'Église de Saint Louis, à Moscou. Paris, Plancher, libraire. 1825. P. 17.

²¹ Вечером 13 сентября по новому стилю.

²² Письмо Ростопчина Александру I от 8(20) сентября 1812 года, цит. по: L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Mme Narichkine, sa fille. Op. cit. P. 155 (курсив мой. – М.-П. Р.).

²³ Письмо Ивана Тутолмина Александру I от 7(19) сентября, см.: Архив Шильдера. Императорская С.-Петербургская библиотека. Отдел рукописей. Копия в Научном и военном архиве. № 4346. Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 202.

²⁴ Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites... par l'abbé Surrugues. Op. cit. P. 20.

²⁵ Письмо А. И. Тургенева князю П. А. Вяземскому от 27 октября (8 ноября) 1812 года, написанное в Санкт-Петербурге, см.: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812–1819 // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899–1913: В 5 т. Т. 1. 1899. С. 6. Это письмо цитирует М. Губина в своей диссертации: M. Goubina. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les archives, 1812–1827, soutenue à l'université de Paris IV en 2007 (manuscrit). P. 121.

²⁶ Выражение Т. Ленца, см.: T. Lentz. Nouvelle Histoire du Premier Empire. Tome II, L'effondrement du système napoléonien, 1810–1814. Paris, Fayard, 2004. P. 25.

²⁷ Как верно замечает Т. Ленц, в 1812 году Французская империя насчитывала 134, а не 130 департаментов, «но потомки запомнили цифру 130». Ibid. P. 29.

²⁸ Российская территориальная экспансия освещена в: М.-П. Rey. De la Russie à l'Union soviétique, la construction de l'empire, 1462–1953. Paris, Hachette, 1994.

²⁹ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М.: История, Высшая школа, 2003. С. 10.

³⁰ М.-П. Рей. Александр I, *passim*.

³¹ М.-П. Rey. Le Dilemme russe. La Russie et l'Europe d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. Paris, Flammarion, 2002, *passim*.

1. Накануне схватки

¹ Napoléon Bonaparte. Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. Paris, Fayard, 2008. Vol. V. N 11138. P. 869.

² По поводу двойной игры Талейрана в Эрфурте см.: E. de Waresquiel. Talleyrand, le prince immobile. Paris, Fayard, 2003. P. 390–392.

³ Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'Empereur, introduction et notes de J. Hanoteau. Paris, Plon, 1933. T. I. P. 261.

⁴ Письмо Шампаньи Коленкуру от 2 июня 1809 г., цит. по: Рэй М.-П. Александр I. С. 227.

⁵ Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос.

⁶ Галиция, находившаяся в составе Речи Посполитой, стала частью Габсбургской империи в 1772 году, после первого раздела Польши.

⁷ Цит. по: A. Vandal. Napoléon et Alexandre Ier, l'alliance russe sous le Ier Empire. Paris, Plon, Nourrit et Cie, 1896. T. II. P. 284.

⁸ Ibid. P. 241.

⁹ Значительные выдержки из письма см.: S. Tatischeff. Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite, 1801–1812. Paris, Perrin et Cie, 1891. P. 137–138.

¹⁰ Имеется в виду его зять Георг Ольденбургский.

¹¹ Письмо Александра I сестре Екатерине от 26 декабря (ст. стиль) 1810 г. // Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. Изд. вел. кн. Николай Михайлович С. 35.

¹² По поводу важности подобных вопросов для Наполеона см.: G. Arboit. Napoléon et le renseignement. Note historique N 27. Centre Français de Recherches sur le Renseignement.

¹³ Mémoires du Baron Fain, premier secrétaire du cabinet de l'empereur, publiés par ses arrière-petits-fils. Paris, Plon-Nourrit et Cie, 1908. P. 39.

¹⁴ Ibid. P. 39–40.

¹⁵ Correspondance militaire de Napoléon Ier. Extrait de la correspondance générale et publiée par ordre du ministère de la guerre, 9 août 1809, camp de Schönbrunn, см.: histoire-empire.org.

¹⁶ Оно увеличилось с 120 до 150 тысяч франков, см.: T. Lentz. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 243.

¹⁷ Correspondance militaire de Napoléon Ier. Extrait de la correspondance générale et publiée par ordre du ministère de la guerre, 23. Paris, 1876. N 18450. Цит. по: G. Arboit. Napoléon et le renseignement. Op. cit.

¹⁸ Таким образом, уже в 1811 году настоящие рубли разбавляли фальшивыми!

¹⁹ Они фигурируют в архивах Нессельроде.

²⁰ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 135.

²¹ Там же. С. 133.

²² Там же.

²³ Там же. С. 139.

²⁴ Замечательную биографию Барклая-де-Толли см.: M. Et D. Josselson. Le Général Hiver, Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly. Paris, éditions Gérard Lebovici, 1986.

²⁵ Эта записка воспроизводится по: Материалы военно-ученого архива: Отечественная война 1812 г. СПб., 1900–1914: В 21 т. Т. 1. С. 1–6. Очень ин-

тересен комментарий Д. Ливена к этой записке, см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 187–190.

²⁶ Биографию этого важнейшего деятеля эпохи Александра I см.: M. Jenkins. Arakcheev, Grand Vizir of the Russian Empire. London, Faber and Faber, 1969.

²⁷ Он был военным министром с января 1808 по январь 1810 года.

²⁸ Эти цифры см.: M. et D. Josselson. Le Général Hiver, Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly. Op. cit. P. 136.

²⁹ Victor Bezotosnyi. L'organisation de l'armée russe, 1810–1812 // Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. La campagne de Russie (1812). Paris, Fayard, 2012. Т. XII.

³⁰ Ibid.

³¹ Помимо прочего он был личным врачом Александра I.

³² C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 129.

³³ Об этих слабостях русской армии, верно подмеченных Барклаем-де-Толли, см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 85.

³⁴ Там же. С. 170.

³⁵ V. Bezotosnyi. L'organisation de l'armée russe, 1810–1812. Op. cit.

³⁶ Военные реформы 1810–1812 // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 140.

³⁷ Посёлок, в настоящее время находящийся в Черниговской области.

³⁸ Подробное изложение этих дискуссий см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 188–204.

³⁹ L. Czartoryski. Alexandre Ier et le prince Czartoryski, correspondance et conversations particulières, 1801–1823. Paris, M. Lévy Frères, 1865. P. 127–135.

⁴⁰ Несмотря на всю важность этих документов, некоторые историки продолжают игнорировать их и утверждать, что Александр готовился к наступательной войне. См., например: O. Sokolov. La campagne de Russie. Les origines du conflit // Revue Napoléon Ier. 2000 / N 5 (novembre–décembre).

⁴¹ Мемуары Коленкура. Цит. по: C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 62.

⁴² Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 190–191.

⁴³ Там же. С. 193–194.

⁴⁴ Письмо князя Воронцова сыну Михаилу, Лондон, 9 июня 1812 г. // Archives du prince Vorontsov. Vol. 17. P. 208. Не известно, каким календарём пользовался Воронцов. Если склониться в пользу нового стиля (поскольку письмо было отправлено из Лондона), то получится, что оно было написано через две недели после начала вторжения. В нём идёт речь о Северной войне, в которой шведский король Карл XII воевал против Петра I, и о весьма суровой войне 1708–1709 годов, окончившейся победой русских.

⁴⁵ Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9. С. 50. Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. Документальная хроника. СПб.: ЛИК, 2008. С. 38.

⁴⁶ В то время он был простым офицером; впоследствии он стал генералом и главнокомандующим на Кавказе.

⁴⁷ T. Lentz. L'effondrement du système napoléonien, 1810–1814. Op. cit. P. 234.

⁴⁸ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 84.

⁴⁹ Mémoires de Joseph Fouché, Duc d'Otrante, Ministre de la Police générale. T. II / Bruxelles, J. de Mat, 1825. P. 68.

⁵⁰ Ibid. P. 70.

⁵¹ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée. Vol. I. Paris, éd. Houdaille, 1834, L. II. Ch. 1. P. 63–64, рус. пер.: Сергеев Ф.-П., де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск: Русич, 2003. С. 15–17.

⁵² C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 28.

⁵³ Гортензия де Богарне была дочерью Жозефины и женой Луи Бонапарта, королевой Голландии с 1806 по 1810 год.

⁵⁴ Mémoires de la reine Hortense. Paris, 1927. T. II. P. 147, цит. по: T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien, 1810–1814. Op. cit. P. 327.

⁵⁵ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 247.

⁵⁶ Формулировка Т. Ленца, см.: T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien, 1810–1814. Op. cit. Ch.VIII.

2. Силы двух сторон

¹ Протокол заседания Государственного совета. Цит. по: E. Marco de Saint-Hilaire. Napoléon en Russie, Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812 et de la captivité des prisonniers français en Sibérie et dans les autres provinces de l'Empire. Paris, Le Livre chez vous. 2003. P. 32.

² T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 250.

³ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Op. cit. Vol. I. L. III. P. 109.

⁴ Цит. по: T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 353.

⁵ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 134–135.

⁶ Я учитываю австрийский корпус.

⁷ См.: F. Houdecek. La Grande Armée de 1812 // Napoléon Bonaparte. Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. La campagne de Russie. Op. cit.

⁸ Некоторые источники говорят о 450 тысячах солдат. См.: J.-O. Boudon. La France et l'Europe de Napoléon. Paris, Armand Colin, 2006. P. 272–273. Ф. Удесек приводит очень точное число – 448 484 человека. F. Houdecek. La Grande Armée de 1812. Op. cit.

⁹ F. Beaucour, J. Tabour, L. Ivchenko. La Berezina, une victoire militaire. Paris, Economica, 2006. P. 6.

¹⁰ По этой важнейшей и ещё малоизученной теме особенно интересна статья Ж.-Ф. Брэна, см.: J.-F. Brun. Les unités étrangères dans les armées napoléoniennes: un élément de la stratégie globale du Grand Empire // La Revue Historique des Armées. 2009. N 255. P. 22–49.

¹¹ T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 258. Данные о союзных европейских контингентах я взяла у Т. Ленца (на той же странице).

¹² Выражение принадлежит Ф. Удесеку, см.: F. Houdecek. La Grande Armée de 1812. Op. cit.

¹³ Маркиз де Гувьон Сен-Сир станет маршалом в августе 1812 года, сразу же после тяжёлого ранения в битве при Полоцке.

¹⁴ A. Pigeard. Dictionnaire de la Grande Armée. Paris, Tallandier, 2002. Article «conscription». P. 181.

¹⁵ A. Forrest. Napoleon's men, the Soldiers of the Revolution and Empire. London, New York, Hambledon, 2002. P. 79.

¹⁶ Я использую прекрасное выражение Н. Петито, см.: N. Petiteau. Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire // Revue d'histoire du XIXe siècle. 2005. 30.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée, 18 avril 1808 – 10 octobre 1815. De la Beauce à l'Oural par la Berezina et d'Oufa à Ouzouer le Doyen, Honoré Beulay, du 36e de ligne. Paris, Honoré Champion, 1907. P. 60.

¹⁹ Как, например, о соглашениях, связывающих Рейнский союз с Французской империей.

²⁰ Эти польские подразделения позднее увеличили свою численность, поскольку в захваченной Наполеоном Литве был набран ещё один уланский полк (состоявший всего из двух эскадронов) и эскадрон татар, включённый в императорскую гвардию, см.: J.-F. Brun. Les unités étrangères dans les armées napoléoniennes: un élément de la stratégie globale du Grand Empire // La Revue Historique des Armées. 2009. N 255. P. 22–49.

²¹ Mémoires d'Honoré Beulay, du 36e de ligne. Op. cit. P. 21.

²² A. Pion des Loches. Mes campagnes: 1792–1815. Notes et correspondance. Paris, Firmin-Didot. 1889. XXVIII. P. 272.

²³ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes, tome IV (campagne de Russie). Paris, J. Smith, 1817. P. 7.

²⁴ A. Pion des Loches. Mes campagnes: 1792–1815. Notes et correspondance. Op. cit. P. 272–273.

²⁵ Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire, présentés par J. Dif. Paris, Éditions historiques Teissèdre. 2003. P. 13.

²⁶ Солдата звали П. Клöz из Мальмеди. E. Fairon et H. Heuse. Lettres de grognards. Liège-Paris, 1936. P. 289. Цит. по: F. de Callatay. Les problèmes d'argent lors de la campagne de Russie (1812) d'après le témoignage de combattants français // Revue belge d'histoire militaire. 1991. T. XXIX. N 4 (décembre). P. 250–268.

²⁷ Цит. по: F. de Callatay. Les problèmes d'argent. Op. cit. P. 253.

²⁸ Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 16.

²⁹ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Op. cit. Vol. 1. L. III. P. 112.

³⁰ Цит. по: Рэй М.-П. Александр I. С. 260.

³¹ Из записок гр. Е. Ф. Комаровского // Русский архив. 1867. Май–июнь. С. 766. Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 55.

³² Письма Александра Яковлевича Булгакова к его брату // Русский архив. 1900. Май. С. 18.

³³ Письмо П. Л. Давыдова А. Н. Самойлову от 20 февраля (3 марта) 1812 года. С.-Петербург // М. Бойцов. К чести России: из частной переписки 1812 года. М.: Современник, 1980. С. 30.

³⁴ Симанский П. Журнал участника войны 1812 года // Военно-исторический сборник. 1912. № 2. С. 121–122. Цит. по: M. Goubina. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les archives, 1812–1827. Op. cit. P. 110.

³⁵ Армию двенадцати языков Давыдов называет французской. В русской переписке она будет носить это название на протяжении всей войны.

³⁶ Письмо П. Л. Давыдова А. Н. Самойлову от 16(28) апреля 1812 года. Москва // М. Бойцов. К чести России: из частной переписки 1812 года. С. 32.

³⁷ Бакунина В. И. Двенадцатый год // Русская старина 1885. № 9. С. 396.

³⁸ Там же. С. 397.

³⁹ Эти корпуса называли резервными, но они сразу же принимали участие во всех операциях.

⁴⁰ Отечественная война. Энциклопедия. 1812. С. 7. Другие источники указывают, что её численность составляла 150 тысяч солдат.

⁴¹ Доклад Барклая-де-Толли Александру I. 10(22) июня 1812 года // РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 84. Л. 3–6.

⁴² Первоначально она находилась в Житомире.

⁴³ Отечественная война. Энциклопедия. 1812. С. 7. Другие источники указывают, что её численность составляла 60 тысяч солдат.

⁴⁴ Доклады Багратиона и Неверовского Александру I. 13(25) июня 1812 года // РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 84. Л. 13–16.

⁴⁵ Д. Ливен (см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 205) называет следующие цифры: 136 тысяч человек в первой армии, 57 тысяч во второй и 48 тысяч в третьей. Мы придерживаемся данных, приведенных в издании: Отечественная война. Энциклопедия. 1812.

⁴⁶ Доклад Тормасова от 22 июня 1812 года, упомянутый в кн.: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 157. Все эти данные относятся к самому началу войны, позднее они возрастают.

⁴⁷ J.-O. Boudon. La France et l'Europe de Napoléon. Paris, Armand Colin, 2006. P. 256.

⁴⁸ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 162.

⁴⁹ Там же. С. 162.

⁵⁰ Второй свидетель, более молодой, стал солдатом лишь в 1813 году; таким образом, он не принимал участия в войне 1812 года.

⁵¹ Записки солдата Памфила Назарова // Русская старина. 1878. № 8. С. 529–556.

⁵² Там же. С. 541.

⁵³ Там же. С. 530–534.

⁵⁴ Вопросы рекрутского набора см.: J. L. H. Keep. *Soldiers of the Tsar, Army and Society in Russia, 1462–1874*. Oxford, Clarendon Press, 1985. P. 145.

⁵⁵ Ibid. P. 156.

⁵⁶ Ibid. P. 157.

⁵⁷ Табель о рангах была введена указом Петра I в январе 1722 года. Она определила порядок продвижения на государственной службе (военной или гражданской). Табель насчитывала 14 классов, четырнадцатый был нижним. Достигшие восьмого класса получали личное дворянство, достигшие пятого – потомственное.

⁵⁸ Процент неграмотных солдат был выше в русской армии, чем в любой другой армии Европы.

⁵⁹ J. C. Damamme. *Les soldats de la Grande Armée*. Op. cit. P. 57.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Vilna 1812 – Vilnius 2002, les oubliés de la retraite de Russie, sous la direction de M. Signoli, T. Vette, O. Dutour et Y. Ardagna. Paris, Éditions historiques Teissèdre. 2008. P. 84.

⁶² C. Cate. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 146.

⁶³ Согласно Сегюру, запас был на двадцать пять дней, см.: P. P. de Ségur. *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812*. Op. cit. Vol. 1. L. III. P. 112. Но дальше в том же произведении Сегюр говорит о запасе на двадцать дней.

⁶⁴ P. P. de Ségur. *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812*. Op. cit. Vol. 1. L. III. P. 112.

⁶⁵ Некоторые источники называют цифру 180 тысяч лошадей.

⁶⁶ F. Houdecek. *La Grande Armée de 1812*. Op. cit.

⁶⁷ Ливен Д. *Россия против Наполеона*. С. 43.

⁶⁸ *Lettres du Colonel Baron Martin // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Collection du bicentenaire de l'épopée impériale*. Paris, Librairie F. Teissèdre, 1999. P. 90.

⁶⁹ До этого момента военно-медицинская служба в действующей армии находилась в ведении Министерства внутренних дел.

⁷⁰ Структура и организация русской военно-медицинской службы во время войны 1812 года подробно рассмотрена в: Баранов А. А. *Медицинское обеспечение армий в 1812 году // Эпоха 1812. Исследования, источники, историография. Сборник материалов*. М.: Труды Исторического музея, 2003. Т. 1. С. 105–124.

⁷¹ Баранов А. А. *Медицинское обеспечение армий в 1812 году*. С. 110.

⁷² Там же. С. 108.

⁷³ Там же. С. 115.

⁷⁴ *Ведомости*. 1812, № 44, 31 мая. Цит. по: Искюль С. Н. *Роковые годы России*. С. 67.

⁷⁵ D.-J. Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Op. cit. T. IV. P. 6–7.

⁷⁶ Вопросы организации см.: J. Sandeau. La santé aux armées. L'organisation du service et les hôpitaux // La Revue du Souvenir Napoléonien. 2004. N 45 (janvier). P. 19–27.

⁷⁷ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Op. cit. T. II. P. 454.

3. Вторжение

¹ Литвой называли в то время территорию Великого княжества Литовского, соответствующую территориям нынешних Литвы, Беларуси и части Украины; соответственно, Южной Литвой называлась территория Волыни и Полесья.

² В настоящее время Каунас и Вильнюс.

³ В настоящее время деревня Понеман не существует; её территория находится в городской черте Каунаса.

⁴ T. Lentz. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 268.

⁵ Napoléon Ier. Correspondance inédite, conservée aux Archives de la guerre, en huit volumes. Paris, édit. Lavauzelle, 1828. T. V. P. 535–536. Доступна на сайте: www.gallica.bnf.fr. Русский перевод см.: <http://warsonline.info/1812-god/sobitiya-25-iyunya-russkaya-armiya-otchodit-k-vilno.html>.

⁶ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 148.

⁷ G. de Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. Paris, chez Pillet Aîné, 1823. P. 34–36.

⁸ Выражение принадлежит графу де Сегюру. A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 27.

⁹ Мемуары генерала Лежёна, цит. по: J.-C. Damamme. Les Soldats de la Grande Armée. Paris, Perrin, 2008. P. 190.

¹⁰ A. comte de Montesquiou. Souvenirs sur la Révolution, l'Empire, la Restauration et le règne de Louis-Philippe. Paris, Plon, 1961. P. 207.

¹¹ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. Op. cit. Vol. I. L. IV. Ch. II. P. 138. Ф.-П. Сегюр, де. Поход в Россию. С. 34.

¹² A. de Cheron. Mémoires inédits sur la campagne de Russie, présentés par R. de Vaucorbeil, Paris, Éditions historiques Teissèdre, 2001. P. 18.

¹³ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 50.

¹⁴ C. de Grunwald. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 22.

¹⁵ Архив К. А. Военского. I. № 295. Папка: Ковно в 1812 г. Рукопись «Дневник особенных происшествий в уездном ковенском училище» (без подписи). Запись от 12(24) июня 1812 г. Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 50.

¹⁶ Mémoires d'Honoré Beulay, du 36e de ligne. Op. cit. P. 38–39.

¹⁷ F. Beaucour, J. Tabeur, L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 6.

¹⁸ Journal de la campagne de Russie en 1812 par M. de Fézensac. Paris, Dumaine, 1850.

¹⁹ D'Aupias. Mémoire historique, anecdotique et militaire de la campagne de 1812, faite par les Français en Pologne et en Russie jusqu'au 28 septembre de la

même année, 1813. Édité et introduit par A. Mikaberidze // *Napoleonica. La Revue*, 3/2009 (N 6). P. 2–42.

²⁰ Comte R. Soltyk. *Napoléon en 1812*, цит. по: C. de Grunwald. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 23.

²¹ *Journal de la campagne de Russie en 1812* par M. de Fezensac. Op. cit. P. 11.

²² Ibid.

²³ Cinquième bulletin de la Grande Armée, Vilnius, 6 juillet 1812 // *Œuvres de Napoléon Bonaparte*. T. V (Campagne de Russie). Livre septième. Paris, C. L. F. Panckoucke, 1821.

²⁴ A. Muhlstein. *Napoléon à Moscou*. Op. cit. P. 34–35.

²⁵ C. Cate. *La Campagne de Russie*. Op. cit. P. 148.

²⁶ Архив К. А. Военского, цит. по: Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Россию*. С. 50.

²⁷ Дворец в Закрете уже не существует; парк вокруг дворца называется «Вингис» и находится в городской черте Вильнюса.

²⁸ Данные приводятся в кн.: Карлик фаворита: история жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим. Мюнхен, Fink Verlag, 1968. С. 97.

²⁹ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Besançon, Imp. de Bonvalot, 1862. P. 52–53.

³⁰ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 136.

³¹ В мемуарах карлика графа Платона Зубова говорится о растерянности Александра, см.: Карлик фаворита. С. 97–98.

³² Напротив, графиня Шуазель-Гуффье отмечает, что царь смог скрыть свои чувства. В другом источнике, в мемуарах де Санглена, главы секретной полиции (см.: *Memoiren von Jacob Iwanowitsch de Sanglen. 1776–1831. Aus dem russischen übersetzt von L. von Marnitz 1857*. Stuttgart, Cotta, 1894; *Russkij Arhiv*, 1883, N 3. P. 545–546), утверждается, что Александр узнал о переправе через Неман от гонца ещё до начала бала и воскликнул: «Я ожидал этого», а затем предпочел замолчать это событие и устроить бал. Хотя царь был известен своей способностью скрывать чувства, эта версия нам не представляется вероятной.

³³ В 1823 году он станет адмиралом.

³⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского МИД. Серия первая (1801–1815). М., 1960–1967. Т. 6. С. 442–443.

³⁵ Полное собрание законов. Т. 32. С. 354.

³⁶ Comte R. Soltyk. *Napoléon en 1812*, цит. по: G. Bertin. *La Campagne de 1812 d'après des témoins oculaires*. Paris, Flammarion, 1894. P. 17.

³⁷ М. А. Волкова – В. И. Ланской, 24 июня (6 июля) 1812 г. // Частные письма 1812 года от Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской / Каллаш В. В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М.: Типография Сытина. С. 245.

³⁸ Бакунина В. И. Двенадцатый год // *Русская старина*. 1885, № 9 (май). С. 397.

³⁹ Название «Кашира» написано по-русски (остальное письмо – по-французски).

⁴⁰ Раевский Н. Н. Личные письма генерала Н. Н. Раевского // 1812–1814. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии. М.: Терра, 1992. С. 214.

⁴¹ Н. Н. Раевский – А. Н. Самойлову, 28 июня (10 июля) 1812 г. // Бойцов. К чести России: из частной переписки 1812 года. С. 46.

⁴² Леонтьев М. Мои воспоминания или события в моей жизни. Ч. 3 // Русский архив. 1913. № 11. С. 608–609.

⁴³ Тарле. Нашествие Наполеона на Россию Е. В. С. 53.

⁴⁴ Некоторые источники указывают, что встреча произошла не 30 июня, а 1 июля.

⁴⁵ О миссии Балашова см.: Балашёва миссия // Отечественная война. 1812. Энциклопедия. С. 45.

⁴⁶ О роли Михаила Орлова см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 217; а также дневник Николая Дурново, цит. по: Тартаковский А. Г. Военные дневники. С. 79–80.

⁴⁷ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 206.

⁴⁸ Там же. С. 206.

⁴⁹ Ему было 35 лет.

⁵⁰ Цит. по: M. et D. Josselson. Le Général Hiver, Mikhaïl Bogdanovitch Barclay de Tolly. Op. cit. P. 173.

⁵¹ Dictionnaire Napoléon. Op. cit. P. 356.

⁵² Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 213.

⁵³ Поселок Калтаненан в Виленской области, примерно в 100 км на северо-восток от Вильны.

⁵⁴ Тучков П. А. Мои воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1873. № 2. С. 1931–1933.

⁵⁵ Там же. С. 1937.

⁵⁶ Mémoires du général de Caulaincourt. Т. 1. Op. cit. P. 351.

⁵⁷ Первыми в Вильну вошли не французы, а уланы польского эскадрона полковника Доминика Радзивилла.

⁵⁸ Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Op. cit. P. 62–63.

⁵⁹ Дневник Павла Пущина, 1812–1814 / под ред. В. Г. Бортневского. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1987. С. 46–47.

⁶⁰ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 176.

4. В ожидании врага

¹ K. Von Clausewitz. La Campagne de 1812 en Russie. Bruxelles, éditions Complexe, 1987. P. 17, рус. пер.: Клаузевиц К. 1812 год / пер. с нем. А. К. Рачинского и М. П. Протасова, под ред. комдивов А. А. Свечина и С. М. Белицкого. М.: Госвоениздат, 1937, см.: www.militera.lib.ru.

² Ibid. P. 17–18.

³ Ibid. P. 18.

⁴ По свидетельству графини Мостовской. С. Cate. *La Campagne de Russie*, 1812. Op. cit. P. 174.

⁵ 400 км были пройдены за 14 дней.

⁶ L. Gardier. *Un Journal de la campagne de Russie en 1812*. Paris, Librairie Historique F. Teissèdre. 1999. P. 31.

⁷ Цит. по: Е. Marco de Saint Hilaire. *Napoléon en Russie*. Op. cit. P. 173.

⁸ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 220–221.

⁹ Там же. С. 221.

¹⁰ Цит. по: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 191.

¹¹ Данные взяты из: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 637. Другие (французские) источники указывают не на 17 тысяч, а на 20 тысяч человек.

¹² Полтавская битва, в которой Пётр I разгромил Карла XII, состоялась 27 июня (8 июля) 1709 года. Царь составил прокламацию в день годовщины Полтавской битвы – 27 июня (9 июля) 1812 года.

¹³ Фр. пер. см.: *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812 par un officier de l'état-major de l'armée française*. Т. 1er, contenant les mémoires. Londres, J. Deboffre, Nassau Street, T. Egerton, Whitehall, Dulau and C. Soho Square, 1815. Русский оригинал см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3477.

¹⁴ В письме дата не указана.

¹⁵ А. А. Закревский – М. С. Воронцову, конец июня (ст. ст.), место не указано // М. Бойцов. К чести России: из частной переписки 1812 года. С. 44.

¹⁶ Протопресвитер – священник, находящийся во главе церковного округа, в котором множество приходов.

¹⁷ Из дневника И. Г. Скопина, цит. по: Ховянский Н. Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1912. С. 8; Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 98. Дневник также доступен на сайте: <http://old-saratov.ru/?id=381>

¹⁸ А. И. Коновницына – П. П. Коновницыну, 2(14) июля 1812 г., Квярово // М. Бойцов. К чести России: из частной переписки 1812 года. С. 47–48.

¹⁹ K. Von Clausewitz. *La Campagne de 1812 en Russie*. Op. cit. P. 28.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 29.

²² В 1814–1816 годах он будет занимать пост ректора этого университета.

²³ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 187.

²⁴ Речь идёт об ожидаемых прокламациях об отмене крепостного права.

²⁵ Князь, командовавший русскими войсками, боровшимися против польского вторжения в 1612 году.

²⁶ Келарь Троице-Сергиевой лавры, принявший активное участие в борьбе с поляками.

²⁷ Нижегородский мясник, организовавший экспедицию Пожарского на помощь Москве.

²⁸ Отдел манускриптов С.-Петербургской Императорской библиотеки. Ф. 152. Оп. 1. Д. 209. Доступно на сайте: <http://adjudant.ru/1812militia/moscowd1812-02.htm>

²⁹ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 70. Черновик этого письма находится в папке «Факсимиле и фотографии» с пометкой «На Двине, близ Дриссы. Июня 30 дня 1812» в архиве К. А. Военского (Императорская С.-Петербургская библиотека, рукописный архив).

³⁰ Там же. С. 71.

³¹ Фразу вспоминал генерал Владимир Иванович Левенштерн, см.: Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 351.

³² *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Op. cit. P. 63.

³³ Т. Lentz. L'effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 270.

³⁴ J.-O. Boudon. La France et l'Europe de Napoléon. Op. cit. P. 264.

³⁵ *Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'Empereur*. Introd. et notes de Jean Hanoteau. Paris, Plon et Nourrit, 1933. Т. 1. P. 351.

³⁶ 3 июля 1812 года в Вильне был издан императорский приказ, выражавший сожаление: «Ежедневно в тылу армии совершаются преступления отставшими от армии и дурными солдатами, которые бесчестят французское имя, нарушают коммуникации армии и препятствуют прибытию необходимого», цит. по: E. Marco de Saint Hilaire. *Napoléon en Russie*. Op. cit. P. 174.

³⁷ *Courrier lituanien*, 7 июля 1812 г., цит. по: *Relation complète de la campagne de Russie de 1812* par Eugène Labaume, chef d'escadron, employé à la section historique du dépôt général de la Guerre, chevalier de La Légion d'Honneur et de la Couronne de Fer. Paris, Rey et Gravier libraires, 1816. P. 40–41.

³⁸ J.-R. Coignet. *Cahiers du capitaine Coignet*. Paris, Arléa, 2001. P. 256.

³⁹ *Dictionnaire Napoléon*. Op. cit. P. 356.

⁴⁰ Цит. по: E. Marco de Saint-Hilaire. *Napoléon en Russie*. Op. cit. P. 178.

⁴¹ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Op. cit. P. 64–66.

⁴² G. Ducque. *Journal de marche du sous-lieutenant Ducque*. Op. cit. P. 8.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. P. 8–9.

⁴⁵ E. Marco de Saint-Hilaire. *Napoléon en Russie*. Op. cit. P. 182.

⁴⁶ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 314.

⁴⁷ Там же. С. 317.

⁴⁸ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 83.

⁴⁹ Цит. по: *Relation complète de la campagne de Russie de 1812* par Eugène Labaume. Op. cit. P. 192.

⁵⁰ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 318. Этот факт имеет принципиальное значение: он свидетельствует, что Москва была сожжена по личной инициативе Фёдора Ростопчина, а не по приказу Александра I.

⁵¹ Цит. по: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 197.

⁵² Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 85–86.

⁵³ Цит. по: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 193.

⁵⁴ Там же. С. 194.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Яков Виллие – Александру I, Поречье, 17 июля 1812 г. // Архив К. А. Военского, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 86.

⁵⁷ Там же, а также см.: Архив К. А. Военского. I. № 281 (О раненых, находящихся в Смоленской губернии, в городе Вязьме). Папка: Разные сведения по 1812 г. (Императорская С.-Петербургская библиотека, рукописный отдел).

⁵⁸ Согласно X Бюллетеню Великой армии.

⁵⁹ *Journal de la campagne de Russie en 1812* par M. de Fézensac, lieutenant-général. Paris, Galliot, 1850. P. 27.

⁶⁰ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 224.

⁶¹ P. P. de Ségur. *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée*. Op. cit. Vol. I. L. 4. Ch. VIII. P. 204. Ф.-П. Сегюр, де. Поход в Россию. С. 47.

⁶² *Journal de la campagne de Russie en 1812* par M. de Fézensac, lieutenant-général. Op. cit. P. 27–28.

5. Смоленская катастрофа

¹ D.-J. Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Op. cit. T. IV. P. 24.

² C. Cate. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 185.

³ D.-J. Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Op. cit. T. IV. P. 24.

⁴ C. Cate. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 186.

⁵ D.-J. Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Op. cit. T. IV. P. 26.

⁶ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 202.

⁷ *Mémoires de Jakob Walter, 1812, la marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire*. Op. cit. P. 22.

⁸ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 203.

⁹ В особенности из-за дивизии кирасиров Думерка, из которой массово дезертировали иностранные солдаты и молодые рекруты.

¹⁰ F. Beaucour, J. Tabour et L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 8.

¹¹ Цит. по: P. Ganière. *La marche vers Moscou* // *Revue du souvenir napoléonien*. 1987. N 353 (juin). P. 6–23; доступно на сайте: www.napoleon.org.

¹² Как мы можем лишний раз убедиться, Наполеон рассуждал как французский, а не общеевропейский деятель.

¹³ Цит. по: E. Marco de Saint-Hilaire. *Napoléon en Russie*. Op. cit. P. 208.

¹⁴ Эта бригада относилась к 22-й дивизии под руководством генерал-лейтенанта фон Функа, части 7-го корпуса Великой армии под началом генерала Ренье.

¹⁵ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 206.

¹⁶ Там же. С. 207.

¹⁷ Там же. С. 210–211.

¹⁸ См.: Кочетков А. Н. М. Б. Барклай де Толли. М., 1970. С. 36, цит. по: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 211.

¹⁹ Древнегреческое название Днепра. В XIX веке европейцы часто использовали древнегреческие названия рек Восточной Европы и Азии.

²⁰ Имеется в виду Орша.

²¹ E. Marco de Saint-Hilaire. Napoléon en Russie. Op. cit. P. 208.

²² Во французской историографии распространено написание Красное.

²³ Давыдов Д. В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1893. С. 124.

²⁴ Цит. по: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 215.

²⁵ Mémoires du général Griois. Op. cit. P. 36.

²⁶ Он был во главе 7-го пехотного корпуса 2-й армии, при этом будучи генералом от кавалерии.

²⁷ Погодин М. М. А. П. Ермолов: материалы для его биографии. М., 1864. С. 95.

²⁸ Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 216.

²⁹ Там же.

³⁰ F. Beaucour, J. Tabeur et L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 9.

³¹ Исторические записки. Воспоминания Г. П. Мешетича // 1812. Воспоминания воинов русской армии, из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М.: Мысль, 1991. С. 44.

³² Имеется в виду 18-е число.

³³ A. de Cheron. Mémoires inédits sur la campagne de Russie, présentés par R. de Vaucorbeil. Op. cit. P. 20.

³⁴ Mémoires de Jakob Walter, 1812, la marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 25.

³⁵ Другие источники указывают, что Великая армия потеряла до 20 тысяч человек.

³⁶ Beauvillier P.-L. Mémoires sur l'expédition de Russie // Mémoires secrets et inédits pour servir à l'histoire contemporaine, recueillis et mis en ordre par A. de Beauchamp, Paris, 1825. Т. 2. P. 17–18, доступно на сайте www.gallica.fr.

³⁷ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 126–127.

³⁸ Цит. по: Sokolov O. La campagne de Russie, la Moskova // Napoléon Ier. Le magazine du Consulat et de l'Empire. 2001. N 8 (mai/juin). P. 16.

³⁹ Русский архив. 1885. № 9. С. 49.

⁴⁰ Les ennemis s'avancent à grands pas,

Adieu, Smolensk et la Russie!

Barclay évite les combats

Espérant se cacher en Sibérie (см.: Русский архив. 1887. № 2. С. 243).

⁴¹ 12 августа по новому стилю.

⁴² Московские ведомости. 31 июля 1812 г., цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 116.

⁴³ Позже будут организованы другие партизанские отряды.

⁴⁴ См.: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 235.

⁴⁵ Цит. по: Вел. кн. Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. С. 82.

⁴⁶ *Mémoires inédits de Langeron*, цит. в: *Dictionnaire Napoléon*. Op. cit. P. 1008.

⁴⁷ О встрече в Або см.: N. E. Villstrand. Three kisses, two encounters and an unrequited love // *Vanskap Over Granser en Festskrift till Eva Osterberg* (ed. K. Johansson, M. Lindested). Cronberg, Stockholm, Lund, 2007. P. 315–332.

⁴⁸ A. de Cheron. *Mémoires inédits sur la campagne de Russie*. Op. cit. P. 20.

⁴⁹ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 127–128.

⁵⁰ См. также: A. Muhlstein. *Napoléon à Moscou*. Op. cit. P. 81.

⁵¹ D.-J. Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Op. cit. T. IV. P. 31.

⁵² Ibid. P. 32.

⁵³ См. его наблюдения на следующий день после боёв у Витебска: «Все операции, сделанные в первые двадцать четыре часа, обыкновенно успешны; те же, что делаются на 3-й, 4-й или 5-й день, не настолько удачны». Ibid. P. 25.

⁵⁴ Русские начали вновь переправляться через Днепр 17 августа, а последние части корпуса Дохтурова переправились 18 августа и подожгли мост.

⁵⁵ Исторические записки. Воспоминания Г. П. Мешетича в 1812 г. С. 43–44.

⁵⁶ H. Von Brandt. *Souvenirs d'un officier polonais. Scènes de ma vie militaire en Espagne et en Russie*. Paris, 1877. P. 256.

⁵⁷ D.-J. Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Op. cit. T. IV. P. 30.

⁵⁸ *Mémoires de Jakob Walter, 1812, la marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire*. Op. cit. P. 139.

⁵⁹ A. de Cheron. *Mémoires inédits sur la campagne de Russie*. Op. cit. P. 25.

⁶⁰ Цит. по: Троицкий Н. 1812. Великий год России. С. 219.

⁶¹ 19 августа по новому стилю.

⁶² Исторические записки. Воспоминания Г. П. Мешетича в 1812 г. С. 44–45.

⁶³ F. Beaucour, J. Tabeur et L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 9.

⁶⁴ Она относилась к корпусу Даву.

⁶⁵ Она относилась к 3-му корпусу.

⁶⁶ F. Beaucour, J. Tabeur et L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 11.

⁶⁷ J.-O. Boudon. *La France et l'Europe de Napoléon*. Op. cit. P. 262.

⁶⁸ Находившуюся на расстоянии 448 км.

⁶⁹ Этот тезис развил в XVI веке уроженец Пскова монах Филофей. Подобно Византии, «второму Риму», заменившему первый во время варварских вторжений, Москва, ставшая «третьим Римом», имела право и была должна сменить Константинополь в роли столицы христианского мира.

⁷⁰ См. также: Рэй М.-П. Александр I. С. 270.

⁷¹ P. Gronski. L'administration civile des gouvernements russes occupés par l'armée française en 1812 // *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*. Т. III. 1928. N 18 (nov-déc). P. 403.

⁷² 1 пуд – 16,38 кг; 1 четверть – 10 пудов; русский фунт – $\frac{1}{40}$ пуда.

⁷³ P. Gronski. L'administration civile des gouvernements russes occupés par l'armée française en 1812. *Op. cit.* P. 405.

6. Бородино, Москва-река

¹ A. de Cheron. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. *Op. cit.* P. 19.

² Воспоминания Ф. П. де Сегюра, цит. по: C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. *Op. cit.* P. 217.

³ H. von Brandt. *Op. cit.* P. 268, цит. по: A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. *Op. cit.* P. 95.

⁴ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. *Op. cit.* P. 231.

⁵ Ibid. P. 230.

⁶ Письмо Наполеона Бертье, Гжатск, 2 сентября 1812 г., цит. по: A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. *Op. cit.* P. 99.

⁷ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée. *Op. cit.* Vol. I. L. 7. Ch III. P. 337.

⁸ См. глава 2.

⁹ См.: F. Houdecek. La Grande Armée de 1812. *Op. cit.*; P. Brenda. Napoléon et ses hommes. La Maison de l'Empereur (1804–1815). Paris, Fayard, 2011.

¹⁰ E. Marco de Saint Hilaire. Napoléon à Moscou. *Op. cit.* P. 275.

¹¹ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. *Op. cit.* P. 232.

¹² См.: C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. *Op. cit.* P. 237.

¹³ К. фон Клаузевиц, цит. по: Constantin de Grunwald. La Campagne de Russie, 1812. *Op. cit.* P. 104.

¹⁴ Князь Кутузов – графу Ростопчину, 21 августа (2 сентября), монастырь Колоцкий // La guerre de 1812 d'après les lettres des contemporains, édit Doubrovine, 1882.

¹⁵ То есть Тверской и Ярославской (они предоставили по 12 тысяч человек), а также Владимирской, Рязанской, Калужской и Тульской (они предоставили по 15 тысяч человек). См. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 139.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: Троицкий Н. Великий год России. С. 251.

¹⁹ Доклад генерала Вильсона. Цит. по: J. Garnier. 7 septembre 1812, Borodino, sous les murs de Moscou // Napoléon Ier, le magazine du Consulat et de l'Empire, hors-série. 2007. N 8 (octobre). P. 30.

²⁰ A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. *Op. cit.* P. 105; К. Клаузевиц. 1812 год, доступно на сайте www.militera.lib.ru.

- ²¹ Доклад генерала Вильсона, цит. по: J. Garnier. 7 septembre 1812, Borodino. Op. cit. P. 30.
- ²² Доклад генерала Вильсона, цит. по: J. Garnier. 7 septembre 1812, Borodino. Op. cit. P. 30.
- ²³ A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 106.
- ²⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 268–269.
- ²⁵ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Op. cit. T. IV. P. 40.
- ²⁶ Цит. по: A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 106.
- ²⁷ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Op. cit. T. IV. P. 42.
- ²⁸ Ibid. P. 40–41.
- ²⁹ Отечественная война, 1812. Энциклопедия. С. 80.
- ³⁰ Обычно ее возглавлял великий князь Константин, но он отсутствовал при Бородино.
- ³¹ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 268.
- ³² Там же.
- ³³ Её отделили от 1-го корпуса.
- ³⁴ Относившейся к корпусу Тучкова.
- ³⁵ J. Garnier. 7 septembre 1812, Borodino. Op. cit. P. 45.
- ³⁶ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Op. cit. T. IV. P. 43.
- ³⁷ Ibid. P. 41.
- ³⁸ Мемуары Боссе, цит. по: E. Marco de Saint Hilaire. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 291.
- ³⁹ Proclamation de Napoléon à ses soldats à la veille de la bataille de la Moskova. Воспроизведена в: Bulletins de la Grande Armée, цит. по: A. Forrest. Napoleon's Men, the Soldiers of the Revolution and Empire. London; New York, Hambledon, 2002. P. 72.
- ⁴⁰ Цит. по: Sir R. Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Paris, La Vouivre, 1998, T. I. P. 88.
- ⁴¹ Слова Глинки, цит. по: Constantin de Grunwald. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 126.
- ⁴² E. Marco de Saint Hilaire. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 282–283.
- ⁴³ Les Français en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie, par Jean-Just-Etienne Roy. Tours, 1841. A. Mane et Cie Imprimeurs Libraires. P. 39.
- ⁴⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 268.
- ⁴⁵ J. Garnier. 7 septembre 1812, Borodino. Op. cit. P. 66.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 254.
- ⁴⁸ Около 2 км.
- ⁴⁹ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 254; Мой век или история генерала С. И. Маевского // Русская старина. 1873. Т. VIII. С. 136–141.

- ⁵⁰ A. de Cheron. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Op. cit. P. 21.
- ⁵¹ G. Ducque. Journal de marche du sous-lieutenant Ducque. Op. cit. P. 21.
- ⁵² Андреев Н. И. Воспоминания // Русский архив. 1879. № 10. С. 191–192.
- ⁵³ Journal de la campagne de Russie en 1812 par M. de Fézensac. Op. cit. P. 43.
- ⁵⁴ Так выразился Кутузов в письме к Александру I. Троицкий Н. Великий год России. С. 265.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ J. Garnier. 7 septembre 1812, Borodino. Op. cit. P. 45; Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 574.
- ⁵⁷ Ibid. P. 46.
- ⁵⁸ Вскоре он тоже был ранен.
- ⁵⁹ Андреев Н. И. Воспоминания // Русский архив. 1879. № 10. С. 192. Вероятно, следует читать не бежащие, а лежащие.
- ⁶⁰ Троицкий Н. Великий год России. С. 267. Тем не менее некоторые историки, в том числе русские А. А. Васильев и Л. Л. Ивченко, основываясь в первую очередь на дневнике начальника штаба 2-й армии генерала Эмманюэля де Сен-При (который был ранен одновременно с Багратионом), считают, что Великая армия заняла флешы в 10 часов, после третьего нападения, а Багратион был ранен в 9 часов. См. по этой теме: Троицкий Н. Великий год России. С. 267. Эту точку зрения также см.: Отечественная война, 1812. Энциклопедия. С. 85.
- ⁶¹ Это сообщение было неточным. Как мы сказали ранее, Багратион, тяжело раненный, уже не мог сражаться, но он умрёт несколькими днями позже.
- ⁶² Ермолов А. П. Мемуары. М., 1963. С. 195.
- ⁶³ Mémoires du général Griois. Op. cit. P. 49.
- ⁶⁴ Ф. фон Шуберт. Цит. по: C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 262–263.
- ⁶⁵ Во второй половине дня он умер.
- ⁶⁶ G. Ducque. Journal de marche du sous-lieutenant Ducque. Op. cit. P. 22–23.
- ⁶⁷ Этот вопрос является предметом споров и дебатов историков Первой империи, но окончательный ответ на него так и не был дан.
- ⁶⁸ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 166.
- ⁶⁹ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Op. cit. T. IV. P. 46.
- ⁷⁰ Ibid. P. 49.
- ⁷¹ Ibid. P. 57.
- ⁷² Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 178.
- ⁷³ См.: Троицкий Н. Великий год России. С. 292. Некоторые источники (в том числе см.: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 170) называют ещё более высокие цифры, а именно 58 тысяч убитых, раненых и пропавших без вести.

⁷⁴ В том числе 6600 убитых и 21 400 раненых. Русские свидетели (в том числе Ростопчин) очень быстро начали утверждать, что Великая армия потеряла в бою 50 тысяч убитыми и ранеными. Эти данные систематически повторяла советская историография, потому что и для дореволюционной, и для советской историографии было важно раздуть потери Великой армии, чтобы показать героизм русских и преуменьшить на этом фоне русские потери. По этому поводу см.: Троицкий Н. Великий год России. С. 289–293.

⁷⁵ Эти данные приводятся в кн.: Троицкий Н. Великий год России. С. 293–294.

⁷⁶ Как сам Наполеон заявит Бертье и Коленкуру.

⁷⁷ *Mémoires de Caulaincourt*. Op. cit. Т. I. Р. 433.

⁷⁸ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 283.

⁷⁹ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 171.

⁸⁰ Троицкий Н. Великий год России. С. 305.

⁸¹ С полковником Толем.

⁸² Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 179.

⁸³ Записки Л. Л. Беннигсена // *Русская старина*. 1909. № 9. С. 501.

⁸⁴ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 171.

⁸⁵ 400 тысяч тогдашних французских франков.

⁸⁶ Троицкий Н. Великий год России. С. 305.

⁸⁷ E. Marco de Saint Hilaire. *Napoléon à Moscou*. Op. cit. Р. 322.

⁸⁸ 8 сентября по новому стилю.

⁸⁹ 8 сентября по новому стилю.

⁹⁰ Г-жа Волкова – г-же Ланской, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 179–180.

⁹¹ *L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine, sa fille*. Op. cit. Р. 154.

⁹² О составе совета в Филях и о том, как он протекал, см.: Троицкий Н. Великий год России. С. 306.

⁹³ Записки Л. Л. Беннигсена // *Русская старина*. 1909. № 9. С. 501–502; цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 173.

⁹⁴ Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 307.

⁹⁵ Если он не отсутствовал.

⁹⁶ Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 174.

⁹⁷ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 209.

⁹⁸ Этот анекдот см.: C. Cate. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. Р. 289.

7. Великая армия в Москве

¹ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 310.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 311.

⁵ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 183.

⁶ Histoire de la destruction de Moscou en 1812 et des événements qui ont précédé, accompagné et suivi ce désastre par AF de B...ch, ancien officier au service de la Russie, traduit de l'allemand par M. Breton. Paris, chez Ponthieu, éditeur au Palais Royal, 1822. P. 61–62.

⁷ Воспоминания профессора И. М. Снегирева // Русский архив. 1866. № 4. С. 541, цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 184.

⁸ L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine, sa fille. Op. cit. P. 55.

⁹ Эти две афиши, как и 18 других, дошедших до нас, доступны на сайте www.museum.ru/museum/1812.

¹⁰ Другой источник утверждает, что было сослано 74 человека. Histoire de la destruction de Moscou en 1812 et des événements qui ont précédé, accompagné et suivi ce désastre par AF de B...ch. Op. cit.

¹¹ F. Tastevin. Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812. Paris, Librairie Honoré Champion, 1908. P. 154–157.

¹² Ibid. P. 154–155.

¹³ Цит. по: L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine, sa fille. Op. cit. P. 112–113.

¹⁴ Царь написал ему 6(18) сентября 1812 года: «Я бы совершенно был доволен вашим образом действий при таких трудных обстоятельствах, если бы не дело Верещагина, или, вернее, то, как оно окончилось. Я слишком правдив, чтобы говорить с вами иным языком, кроме языка полной откровенности. Его казнь была бесполезна, и притом она ни в каком случае не должна была совершиться таким способом. Повесить, расстрелять было бы гораздо лучше». Цит. по: Шильдер Н. Александр I: его жизнь и его царствование. Т. III. С. 377.

¹⁵ См.: A. Tarsaidze. The Air Blitz of 1812 // The Russian Review. 1942. Vol. 2. N 1 (autumn). P. 89–101.

¹⁶ В русской традиции его имя пишется «Лепших», но на самом деле его фамилия была Липих (Liepich).

¹⁷ Письмо графа Ростопчина Александру I. Москва, 29 августа 1812 г., цит. по: L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine, sa fille. Op. cit. P. 153.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Письмо Ростопчина Михаилу Воронцову, 28 апреля 1814 г. // Archives Vorontsov. Т. XXIX. P. 471.

²⁰ Николай Троицкий, считающий истинным виновником катастрофы скорее Кутузова, чем Ростопчина, скажет, что это было «преступлением против человечности», см. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 318.

²¹ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 286.

²² Les Français en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie. Souvenirs du docteur M, présentés par Just Jean Etienne Roy. Tours, 1903. Mame et Cie, imprimeurs-libraires. P. 44.

²³ L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine, sa fille. Op. cit. P. 108–109.

²⁴ Ibid. P. 66.

²⁵ Вороненко доложил об этом в Московскую управу благочиния, см.: С.-Петербургская императорская библиотека. Отдел рукописей. Ф. 152. Оп. 1. Д. 259; см.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 316.

²⁶ Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 190.

²⁷ Цельное и вместе с тем точное описание пожара Москвы см.: Земцов В. 1812 год: пожар Москвы. М.: Книга, 2010.

²⁸ P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée. Op. cit. T. II. L. 8. Ch. 7. P. 57–58.

²⁹ Relation complète de la campagne de Russie de 1812 par Eugène Labaume. Op. cit. P. 224–225.

³⁰ J.-R. Coignet. Les cahiers du capitaine Coignet. Paris, édition J. Mistler, 1968. P. 333–334.

³¹ R. Bourgeois. Tableau de la campagne de Moscou en 1812 par Bourgeois, témoin oculaire. Paris, Dentu, 1814. P. 59–61.

³² Рассказ Фантена дез Одоар. Itinéraire du contingent wurtembergeois d'après les mémoires du général de Suckow, цит. по: Mémoires de Jakob Walter, 1812, la marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 143.

³³ Письмо Пароди (родился в 1776 году, каптенармус 25-го линейного полка) подруге Женеьеве Бонграс в Олиуль, департамент Вар, из Москвы, 20 сентября 1812 // Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 d'après les pièces communiquées par S.-E.-M. Gorioanow, directeur des Archives de l'État et des Affaires étrangères de Russie, et annotées par Léon Hennet et le commandant Martin avec une introduction par Frédéric Masson. Paris, La Sabretache, 1913. P. 23.

³⁴ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. Op. cit. P. 97–98.

³⁵ Colonel Pion des Loches. Mes campagnes, цит. по: T. Fleischman. En écoutant parler les grognards de Napoléon. Bruxelles, 1962. P. 146.

³⁶ A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 224.

³⁷ Ibid.

³⁸ Baron P. de Bourgoing. Souvenirs militaires du baron de Bourgoing, 1791–1815. Paris, Plon, 1897. P. 126–127.

³⁹ Цит. по: A. Muhlstein. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 224.

⁴⁰ A. J. Schmidt. The restoration of Moscow after 1812 // Slavic Review. 1981. Vol. 40 (spring). P. 42.

⁴¹ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 321.

⁴² Эта эпическая поэма, написанная в конце XII века, рассказывает о военном походе, совершённом в 1185 году Игорем, князем Новгород-Северским. Рукопись, найденная в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле в 1795 году, была куплена графом Алексеем Мусиным-Пушкиным. Первое издание текста состоялось в 1800 году, но оригинал был утерян в московском пожаре.

- ⁴³ История Москвы. Т. 3. С. 109.
- ⁴⁴ Доклад Тутолмина Александру I. 7(19) сентября 1812 г. // Архивы Шильдера. С.-Петербургская Императорская библиотека. Отдел рукописей.
- ⁴⁵ Его внебрачный сын, на тот момент годовалый, станет известен под именем Александр Герцен.
- ⁴⁶ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 326
- ⁴⁷ Письмо от 3 октября (ст. ст.). РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3696.
- ⁴⁸ Sir R. T. Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Т. I: Jusqu'à Moscou. Op. cit. P. 114–116.
- ⁴⁹ В том числе от сэра Вильсона, который рассказал об этом в своей «Реляции о русском походе».
- ⁵⁰ Sir R. T. Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Т. I: Jusqu'à Moscou. Op. cit. P. 116.
- ⁵¹ Цит. по: E. de Waresquiel. Le Général Mouton, comte de Lobau. Lettres à Félicité (1812–1813).
- ⁵² P. P. de Ségur. Histoire de Napoléon et de la Grande Armée. Op. cit. Т. II. P. 100, цит. по: A. Muhlstain. Napoléon à Moscou. Op. cit. P. 226.
- ⁵³ Ibid. P. 200.
- ⁵⁴ Tony Sauvel. Le décret de Moscou mérite-t-il son nom? // Revue historique de droit français et étranger. 1975, juillet. P. 436–440.
- ⁵⁵ Приказ генерального штаба по армии, в императорском московском штабе, 23 сентября 1812 года (Ordre du jour de l'État-Major général, édicté au quartier impérial de Moscou, le 23 septembre 1812), подписанный принцем Невшательским (Бертье) // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3565.
- ⁵⁶ Общим местом всех рассказов про войну 1812 года является рассказ о грабеже погребов московских вельмож.
- ⁵⁷ A.-J.-B.-F. Bourgogne. Mémoires du sergent Bourgogne (1812–1813). Paris, Hachette, 1905. P. 43, доступно на сайте: www.gallica.bnf.fr.
- ⁵⁸ Mémoires du général Griois. Op. cit. P. 75.
- ⁵⁹ Lettres inédites de Guillaume Peyrusse à son frère André, publiées par Léon Pélissier. P. 103, цит. по: Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. Op. cit. P. 109.
- ⁶⁰ Souvenirs d'une actrice, par Louise Fusil. Paris, Dumont éditeur, 1841. Т. II. P. 298–300, рус. пер.: Записки актрисы Луизы Фюзиль // Русский архив. 1910. № 2.
- ⁶¹ Цит. по: F. Tastevin. Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812. Op. cit. P. 112.
- ⁶² Больше о нём ничего не известно.
- ⁶³ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. Op. cit. P. 103.
- ⁶⁴ P. P. Gronski. L'administration civile des gouvernements russes occupés par l'armée française en 1812 // Revue d'Histoire moderne. 1928. Т. 3. N 18 (nov-décembre). P. 401–412.
- ⁶⁵ Бывший французский консул в Петербурге. Он будет дядей Фердинанда де Лессеппа, организатора строительства Суэцкого канала.

⁶⁶ Эту цифру называет П. П. Гронский (P. P. Gronski. *L'administration civile...* Op. cit. P. 407). Н. Троицкий (Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 324) говорит о 67 членах администрации. Однако ни тот, ни другой историк не уточняют источник своих данных.

⁶⁷ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 324.

⁶⁸ P. P. Gronski. *L'administration civile...* Op. cit. P. 407.

⁶⁹ Поскольку даты докладов устанавливали полицейские комиссары на службе французской администрации, можно предположить, что все они указаны по григорианскому календарю.

⁷⁰ Доклад Жоржа Лаланса, комиссара 10-го округа, 2 октября 1812 года // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5387.

⁷¹ Доклад Эмбера Дроза, комиссара 16-го округа, 9 октября 1812 года // Там же.

⁷² Доклад Даниеля Фабра, комиссара 2-го округа, 4–5 октября 1812 года // Там же.

⁷³ Одна верста составляла чуть больше одного километра (1066,8 м).

⁷⁴ Доклад Даниеля Фабра, комиссара 2-го округа, 4–5 октября 1812 года // Там же.

⁷⁵ Цит. по: Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Россию*. С. 211.

⁷⁶ Письмо Екатерины Александру I. 6(18) сентября 1812 // Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. С. 83–84.

⁷⁷ То есть Багратион.

⁷⁸ Письмо Екатерины Александру I. 7(19) сентября 1812 // Переписка императора Александра I с сестрой великой княжной Екатериной Павловной. С. 86–93.

⁷⁹ Михайловский-Данилевский А. Н. *Записки*, цит. по: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 327.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Армия расположилась в Тарутино, а фельдмаршал и его штаб – в деревне Леташёвка, в 5 км к югу.

⁸² Глинка Ф. Н. *Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год*, цит. по: C. de Grunwald. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 249–250, доступно на сайте www.museum.ru/1812/library.

⁸³ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 385.

⁸⁴ F. Beaucour, J. Tabour et L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 20.

⁸⁵ О несправедливом притеснении Барклая со стороны Кутузова и о спорах между Кутузовым и Беннигсеном см.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 334–338.

⁸⁶ К тому же Бородино принадлежало Давыдову, см.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 368.

⁸⁷ Название «партизан» не должно вводить в заблуждение: партизаны 1812 года, по большей части состоявшие из военных и находившиеся под ко-

мандованием кадровых офицеров, не имели ничего общего с советскими партизанами 1941–1945 годов, сражавшимися против нацистского нашествия.

⁸⁸ О составе партизанского движения см.: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 297.

⁸⁹ H. Seton-Watson. The Russian Empire. Op. cit. P. 138.

⁹⁰ Дневник партизанских действий 1812 года. Военные записки / под ред. В. Орлова. М., 1940. С. 253–255.

⁹¹ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 377.

⁹² Староста – выборный представитель крестьянской общины.

⁹³ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 378.

⁹⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 299.

⁹⁵ С.-Петербургская императорская библиотека, отдел рукописей, протоколы заседаний Совета министров, правление Александра I, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 227–228.

⁹⁶ Это было одно из последних выступлений Беннигсена в роли военачальника: в середине ноября он покинул армию из-за нападков Кутузова.

⁹⁷ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 348.

⁹⁸ Stendhal. Correspondance. P. 666, цит. по: N. Boussard. Stendhal, campagne de Russie, 1812. Le Blanc, le Gris et le Rouge. Paris, Éditions Kimé, 1997. P. С. 69.

⁹⁹ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 350.

¹⁰⁰ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 282.

¹⁰¹ Слуга Ростопчиных.

¹⁰² L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine, sa fille. Op. cit. P. 68.

¹⁰³ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 316.

¹⁰⁴ Как напомнила в своей диссертации Майя Губина, опираясь на исследования русского историка А. Г. Тартаковского, версия, обвиняющая французов в пожаре Москвы, стала официально распространяться лишь с конца октября; а в Москве и провинции её узнали лишь в начале ноября.

¹⁰⁵ Петру Боровскому, жившему с семьёй неподалёку от Даниловского кладбища, в момент вступления Великой армии в Москву было 18 лет. Впоследствии он стал отцом Павлом и записал в своих воспоминаниях, что, когда к городу приблизились первые иностранные кавалеристы, «в городе разошелся слух, что подойдут к нам англичане на помощь, и мы вообразили, что явились союзники, и очень обрадовались, а Бонапарта ждали еще нескоро в Москву». См. также рассказ купца Егора Андреевича Харузина: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 199.

¹⁰⁶ Описание, что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812 года // Русский архив. 1891. № 10. С. 266.

¹⁰⁷ Верещагин В. В. 1812. М., 1895, цит. по: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 323.

¹⁰⁸ Цит. по: F. Tastevin. Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812. Op. cit. P. 171.

¹⁰⁹ Письмо Н. М. Лонгинова, цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 216.

¹¹⁰ Так, видимо, и возник этот неологизм. Французы говорили «пардон» («извините»), а их союзники не говорили.

¹¹¹ Рассказ Андрея Алексеева // Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Толычевой. М., 1912. С. 24–26.

¹¹² Цит. по: F. Tastevin. Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812. Op. cit. P. 164–165.

¹¹³ 5 октября 1812 года, доступно на сайте: <http://www.1812db.simvolika.org>

¹¹⁴ Как его называл и Александр I.

¹¹⁵ К. Н. Батюшков – П. А. Вяземскому, 15 октября 1812 г., цит. по: Бойцов М. К чести России. Из частной переписки 1812 года. С. 125–126.

¹¹⁶ Священный союз 1812 года был сильнее священного союза 1612 года, который ограничивался областями, непосредственно подвергшимися польско-литовскому нашествию.

¹¹⁷ Лубки гравировались на липовых, позже кленовых и грушевых досках, а затем раскрашивались от руки.

¹¹⁸ Распространённый сюжет лубков. Нравственный авторитет и справедливость – со стороны русских.

¹¹⁹ Лубок и его новые функции рассматривает Норрис, см.: Stephen Norris. A War of images. Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity. 1812–1945. Dekalb, Northern Illinois University Press, 2006.

¹²⁰ Цит. по: Алявдина Т. Т. Эпоха Отечественной войны 1812 года и русская музыка // Эпоха 1812. Исследования, источники, историография: Сборник материалов. Т. 1. С. 151.

¹²¹ То есть Наполеон.

¹²² Алявдина Т. Т. Эпоха Отечественной войны 1812 года и русская музыка. С. 154–155.

¹²³ Культ Кутузова, великого воина, отважного и храброго, приобрёл ещё большую важность с апреля 1813 года, после его внезапной смерти, сделавшей его героем и мучеником, см.: Stephen Norris. A War of images. Russian Popular Prints, Wartime Culture, and National Identity. Op. cit., passim.

¹²⁴ Термин образован от имени Емельяна Ивановича Пугачёва, который, возглавив казаков и крепостных, восставших против государства и помещиков, в течение трёх лет (1773–1775) сражался с войсками Екатерины II, после чего был выдан, схвачен и казнён. Расширительно это слово применялось к крестьянским восстаниям.

¹²⁵ Парсамов В. С. История России, XVIII – начало XX века. М.: Академия, 2007. С. 198.

¹²⁶ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 224.

8. Освобождение Москвы

¹ Он специально отмечает в записи от 4 октября.

² G. Ducque. Journal de marche du sous-lieutenant Ducque. Op. cit. P. 37.

³ H. von Roos. *Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée*. Op. cit. P. 113–114.

⁴ *Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire*. Op. cit. P. 29.

⁵ C. Cate. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 351.

⁶ G. Bertin. *La Campagne de 1812 d'après des témoins oculaires*. Paris, Flammarion, 1895. P. 151–152.

⁷ Ibid.

⁸ Письмо солдата Куантена матери, Москва, 20 сентября // *Lettres interceptées*. Op. cit. P. 17.

⁹ A. Forrest. *Napoleon's Men, the Soldiers of the Revolution and Empire*. London & New York, Hambledon, 2002, *passim*.

¹⁰ В письме можно разобраться только первую букву его имени.

¹¹ *Lettres interceptées*. Op. cit. P. 175.

¹² Ibid.

¹³ См. A. Forrest. *Napoleon's Men*. Op. cit. P. 77: «Конечно, по мере того как шло время, одной из главных тем их писем стало стремление к миру, ставшее куда более важным, чем стремление к славе».

¹⁴ См. письмо Лами, помощника военных комиссаров, г-ну де Сен-Леже (родственнику), проживающему по адресу: дом 20, улица Фейдо, Париж, – из Москвы, 16 октября в: *Lettres interceptées*. Op. cit. P. 171. «Но чему во Франции едва ли поверят, так это тому, что все, кто участвовал в испанской войне, искренне тоскуют по Испании, оказавшись в этой стране».

¹⁵ Письмо барона де Бомона жене, по адресу: дом 63, улица Вильгельма, Берлин, – написанное в лагере перед Москвой, на расстоянии 18 лье от города, 14 октября, см. в: *Lettres interceptées*. Op. cit. P. 101.

¹⁶ G. Ducque. *Journal de marche du sous-lieutenant Ducque*. Op. cit. P. 36–37.

¹⁷ F. Beaucour, J. Tabour, L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 23.

¹⁸ T. Lentz. *L'effondrement du système napoléonien*. Op. cit. P. 304.

¹⁹ Клаузевиц, цит. по: Е. В. Тарле Е. В. *Нашествие Наполеона на Россию*. С. 285.

²⁰ L. Gardier. *Un Journal de la campagne de Russie en 1812*. Op. cit. P. 59 (19 октября).

²¹ A. de Cheron. *Mémoires inédits sur la campagne de Russie*. Op. cit. P. 23–24.

²² Stendhal. *Correspondance*. P. 680, цит. по: N. Boussard. *Stendhal, campagne de Russie, 1812. Le Blanc, le Gris et le Rouge*. Op. cit. P. 71.

²³ P.-J. Baupré-Moricheau. *Des effets et des propriétés du froid, avec un aperçu historique et médical sur la campagne de Russie*. Montpellier, thèse de médecine publiée chez Jean Martel, 1817. P. 123.

²⁴ *Mémoires du général Griois, 1812–1822*. Op. cit. P. 149–151.

²⁵ P.-J. Baupré-Moricheau. *Des effets et des propriétés du froid*. Op. cit. P. 124.

²⁶ Ibid. P. 125.

- ²⁷ G. Ducque. Journal de marche du sous-lieutenant Ducque. Op. cit. P. 41.
- ²⁸ C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 355.
- ²⁹ Ibid. P. 356.
- ³⁰ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 342.
- ³¹ F. Beaucour, J. Tabeur, L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 25.
- ³² Stendhal. Correspondance. P. 684, цит. по: N. Boussard. Stendhal, campagne de Russie, 1812. Le Blanc, le Gris et le Rouge. Op. cit. P. 79.
- ³³ F. Beaucour, J. Tabeur, L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 25.
- ³⁴ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 403.
- ³⁵ F. Beaucour, J. Tabeur, L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 25.
- ³⁶ Vie de Planat de la Faye, aide de camp des généraux Lariboisière et Drouot, officier d'ordonnance de Napoléon Ier. Souvenirs, lettres et dictées. Paris, Paul Ollendorff éditeur, 1898. P. 95.
- ³⁷ Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 77–80.
- ³⁸ Там же. С. 78.
- ³⁹ Воспоминания профессора И. М. Снегирёва // Русский архив. 1866. № 4. С. 553–554, цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 257.
- ⁴⁰ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 257.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Распоряжения и переписка гр. Ф. В. Ростопчина // Русский архив. 1866. № 5. С. 696.
- ⁴⁴ Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца – штатного служителя Семёна Климыча // Русский архив. 1864. № 4. С. 432–433, цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 256.
- ⁴⁵ То есть грабившим город крестьянам.
- ⁴⁶ Цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 257.
- ⁴⁷ Обер-полицмейстер.
- ⁴⁸ L'incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine. Op. cit. P. 166.
- ⁴⁹ Доклад Тутолмина Иловайскому, начало ноября // Русский архив. 1900. № 11. С. 472.
- ⁵⁰ Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R P Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire et curé de l'Eglise de Saint Louis, à Moscou. Op. cit. P. 44–46.
- ⁵¹ L'incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine. Op. cit. P. 177.
- ⁵² Ibid. P. 91.
- ⁵³ Письмо Ростопчина жене, 13 ноября 1812 г. // Ibid.
- ⁵⁴ Искюль С. Н. Роковые годы России, 1812. С. 274.
- ⁵⁵ L'incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine. Op. cit. P. 167.
- ⁵⁶ Мы намеренно применяем здесь термин «класс», хотя официально российское общество подразделялось не на классы, а на сословия.

⁵⁷ А. Мартин. The response of the population of Moscow to the Napoleonic occupation of 1812». Op. cit.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Он написал свои печальные воспоминания на русском языке, см.: А. Мартин. The response of the population of Moscow to the Napoleonic occupation of 1812. Op. cit.

⁶⁰ L'incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine. Op. cit. P. 169–170.

⁶¹ Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 262–263.

⁶² Histoire de la destruction de Moscou en 1812 par A. F. de B. Ch. Op. cit. P. 206.

⁶³ L'incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Madame Narichkine. Op. cit. P. 167.

⁶⁴ Всемиловейший Манифест от 30 августа 1814 года «Об учреждении крестов для духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях», цит. по: P. Gronski. L'administration civile des gouvernements russes occupés par l'armée française en 1812. Op. cit. P. 411, доступен на сайте: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=2746109>

⁶⁵ Histoire de la destruction de Moscou en 1812 par A. F de B. Ch. Op. cit. P. 214.

9. Возвращение в Смоленск

¹ Температура в конце октября составила минус 4°C.

² Les Français en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie, souvenirs du docteur M. Op. cit. P. 64–65.

³ Sergent A. Bourgogne. Mémoires du sergent Bourgogne, ex-grenadier vélite de la Garde impériale. Edition par L. Saurel, Paris, 1947. P. 70.

⁴ H. Von Roos. Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée. Op. cit. P. 125.

⁵ Записки генерала Крейца // Архив Н. К. Шильдера / Императорская С.-Петербургская библиотека. Рукописный отдел, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 300.

⁶ Письмо, перехваченное казаками, Смоленск, 7 ноября 1812 года // Императорская С.-Петербургская библиотека. Рукописный отдел, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 298.

⁷ A. de Cheron. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Op. cit. P. 24.

⁸ Этот отрывок из Фабера дю Фора цит. по: Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 148.

⁹ Материалы архивов русского штаба, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 299.

¹⁰ Всё письмо написано по-французски, кроме этого выражения на русском языке.

¹¹ Письмо Н. Н. Раевского жене, 9 ноября 1812 г., цит. по: 1812–1814. Из собрания Государственного исторического музея. С. 252.

¹² Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagnes de 1812, 1813, 1814. Paris, Alphonse Picart et Fils. 1902. P. 93; рус. пер. см.: Из записок графа Ланжерона // Русский архив. 1895. № 10. С. 157.

¹³ Цит. по: Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 148.

¹⁴ Письмо Воейкова Державину, 11 ноября 1812 года, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 300.

¹⁵ Sir Robert Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Op. cit. Vol. 2. P. 161. Английский оригинал см.: Sir Robert Wilson. Narrative of Events during the Invasion Of Russia by Napoleon Bonaparte. The Retreat of the French Army, 1812. London, John Murray, 1860. P. 259.

¹⁶ Цит. по: Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 148.

¹⁷ Цит. по: C. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 368.

¹⁸ В первую очередь речь идёт о корпусе Штейнгеля.

¹⁹ F. Beaucour, J. Tabeur et L. Ivchenko. La Berezina, une victoire militaire. Op. cit. P. 28.

²⁰ Мемуары генерала Левенштерна. С. 123 // Русская старина. Т. 105, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 319.

²¹ К этому числу следует прибавить 3 тысячи солдат, попавших в плен.

²² Письмо Н. Н. Раевского жене, Вязьма, 4 ноября 1812 г., цит. по: 1812–1814. Из собрания Государственного исторического музея. С. 248.

²³ Письмо маркиза де Билиотти своей жене, Вязьма, 1 ноября // Lettres interceptées. Op. cit. P. 182.

²⁴ Речь идёт о парижском голоде 1789 года.

²⁵ Письмо Баллара жене, Отен, посреди России, в 5 лье от Дорогобужа, 3 ноября // Lettres interceptées. Op. cit. P. 192.

²⁶ Письмо барона Ларрея жене, Смоленск // Lettres interceptées. Op. cit. P. 301.

²⁷ См. гл. V.

²⁸ Sir Robert Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Op. cit. Vol. 2. P. 162–163. Английский оригинал см.: Sir Robert Wilson. Narrative of Events. Op. cit. P. 262–263.

²⁹ E. Blaze. Souvenirs d'un officier de la Grande Armée. Цит. по: Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 149–150.

³⁰ Journal de la campagne de Russie en 1812 par M de Fézensac. Op. cit. P. 94–95.

³¹ F. Beaucour, J. Tabeur et L. Ivchenko. La Berezina, une victoire militaire. Op. cit. P. 33.

³² Ермолов – Кутузову, 18(30) октября 1812 г.; Матвей Платов – Кутузову, 20 октября (2 ноября) 1812 г., цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 344.

³³ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 345.

³⁴ Милорадович – Евгению Вюртембергскому, цит. по: Eugen. Memoiren. Vol. 2. P. 241–250. Цит. в: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 351.

³⁵ Письмо Александра I Кутузову, 11 ноября 1812 года, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 287–288.

³⁶ Разговор Александра с графом Мишо де Боретуром, 15(27) октября 1812 года, Петербург, цит. по: Шильдер. Александр I: его жизнь и царствование. Т. 3. С. 124.

³⁷ Sir R. Wilson. The French Invasion of Russia, Bridgnorth, 1996. P. 234, цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 343.

³⁸ Там же. С. 348.

³⁹ Бурбон-Гравьер, директор Можайского госпиталя – г-ну де Сетто, посылу Баварии в Париже, 15 октября, Можайск // *Lettres interceptées*. Op. cit. P. 338.

⁴⁰ Письмо П. П. Коновницына жене, 28 октября (9 ноября) 1812 года // Бойцов М. К чести России: из частной переписки 1812 года. С. 167.

⁴¹ Отношение к пленным офицерам порой было более мягким.

⁴² Граббе П. Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. 1812-й год // *Русский архив*. 1873. № 3. С. 473.

⁴³ Цит. по: L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Paris, Christian, 2002. P. 205.

⁴⁴ L. Dubreton. Soldats de Napoléon. Paris, Tallandier, 1977. P. 295.

⁴⁵ Цит. по: L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 206.

⁴⁶ *Mémoires du sergent Bourgogne*. Op. cit. P. 213.

⁴⁷ H. Seton-Watson. The Russian Empire. Op. cit. P. 138.

⁴⁸ Имеется в виду сэр Р. Вильсон.

⁴⁹ Sir Robert Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Op. cit. Vol. 2. P. 158. Английский оригинал см.: Sir Robert Wilson. Narrative of Events. Op. cit. P. 256.

⁵⁰ *Récit du lieutenant Bressoles* // *Revue du souvenir napoléonien*. 1979. N 135, цит. по: L. Bernard. Les prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 215.

⁵¹ Sir Robert Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Op. cit. Vol. 2. P. 161. Английский оригинал см.: Sir Robert Wilson. Narrative of Events. Op. cit. P. 259.

⁵² В своих рассказах выжившие называют Сибирью всю огромную территорию за Уралом и даже до Урала.

⁵³ Искажённое фр. «marchez!» (шагайте!).

⁵⁴ Commandant A. Breton // *Combats et captivité en Russie. Mémoires et Lettres de soldats français*. Op. cit. P. 125.

⁵⁵ L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 196.

⁵⁶ См. дневник капитана Таше, запись от 27 декабря в Пруссии: «Пруссаки открыто выражают ненависть. Власти и частные лица соперничают, кто из них сможет лучше дать нам почувствовать, насколько мы от них зависим. Русские военнопленные на моих глазах получают провизию и помощь, в ко-

торой нам отказывают». M. de Tascher. Journal de campagne d'un cousin de l'impératrice (1806–1813). Paris, Plon, 1933. P. 320, цит. по: L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 197.

⁵⁷ Ibid.; F. Beaucour. Les convois de transport fluviaux organisés de Königsberg à Kovno pour la Grande Armée pendant la campagne de Russie // Études napoléoniennes. T. IV. 1998. P. 465.

⁵⁸ L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 198.

⁵⁹ Journal de la campagne de Russie en 1812 par M de Fézensac. Op. cit. P. 74.

⁶⁰ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 307.

⁶¹ L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 199.

⁶² Ibid. Вестфальский офицер капитан фон Лоссберг, под началом у которого находилась колонна из 1500 русских военнопленных, заявил, что получил приказ расстреливать всех отставших. Этот приказ будет безжалостно выполнен.

⁶³ Цит. по: Ibid. P. 200.

10. В бой вступает «генерал Мороз»

¹ Général Pelet. Carnets sur la campagne de Russie. Paris, Librairie Historique Teissèdre, 1997. P. 67 sq.

² P.-J. Beaupré-Moricheau. Des effets et des propriétés du froid. Op. cit. P. 142.

³ Путь вюртембергского контингента по мемуарам генерала Зукова, цит. по: Mémoires de Jakob Walter. 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 91.

⁴ L.V. Lagneau. Journal d'un chirurgien de la Grande Armée, 1803–1815. Paris, Émile-Paul, 1913, цит. по: Mémoires de Jakob Walter. 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 163.

⁵ Рассказ сержанта Корнике, цит. по: Mémoires de Jakob Walter. 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 160.

⁶ P.-J. Beaupré-Moricheau. Des effets et des propriétés du froid. Op. cit. P. 127.

⁷ Ibid.

⁸ G. Ducque. Journal de marche du sous-lieutenant Ducque. Op. cit. P. 43.

⁹ См. знаменитый лубок «Французский вороний суп».

¹⁰ Давыдов Д. Сочинения. Т. II. С. 108–109, цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 325.

¹¹ Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России. С. 71, цит. по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 268.

¹² Цифры приводятся по: Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 268–269.

¹³ F. Beaucour, J. Tabour, L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 33.

- ¹⁴ Цит. в: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 322.
- ¹⁵ R.A. de Montesquiou. Journal de la campagne de Russie en 1812 par M. de Fézensac. Op. cit., P. 105.
- ¹⁶ Ibid., P. 105–106
- ¹⁷ Цит. по: С. Cate. La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 384.
- ¹⁸ Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 270.
- ¹⁹ Свидетельство капитана Пушина, цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 352.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Цит. по: Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 354.
- ²³ Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe. Op. cit. P. 1–2. Эта часть мемуаров Ланжерона доступна на сайте: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1800-1820/Lanzeron/text26.htm>.
- ²⁴ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 356.
- ²⁵ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 330.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ R. A. de Montesquiou. Journal de la campagne de Russie en 1812 par M. de Fézensac. Op. cit. P. 122.
- ²⁸ F. Beaucour, J. Tabeur et L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 36.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Воспоминания Лебома, цит. по: С. de Grunwald, La Campagne de Russie, 1812. Op. cit. P. 323.
- ³¹ Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe. Op. cit. P. 134.
- ³² O. Sokolov. La campagne de Russie: la Berezina // Napoléon Ier Le magazine du Consulat et de l'Empire. 2001. N 10 (septembre–octobre). P. 45.
- ³³ Ibid. P. 46.
- ³⁴ Как свидетельствует в своих воспоминаниях капитан Куанье.
- ³⁵ Campagne de Russie, 1812 d'après le journal illustré d'un témoin oculaire par C.W. Von Faber du Faure. Paris, Flammarion, 1895. P. 282.
- ³⁶ Под командованием генералов Зайончека, Домбровского и Князевича.
- ³⁷ Убитыми и ранеными.
- ³⁸ Рассказ солдата Жана-Марка Бюсси из 3-го швейцарского полка, цит. по: O. Sokolov. La campagne de Russie: la Berezina. Op. cit. P. 48.
- ³⁹ Campagne de Russie, 1812 d'après le journal illustré d'un témoin oculaire par C. W. Von Faber du Faure. Paris, Flammarion, 1895. P. 282–283.
- ⁴⁰ A. de Cheron. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Op. cit. P. 26.
- ⁴¹ D.-J. Larrey. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Op. cit. T. IV. P. 99–100.
- ⁴² Цит. по: O. Sokolov. La campagne de Russie: la Berezina. Op. cit. P. 49.
- ⁴³ Письмо вюртембергского врача Хубера другу Генриху фон Роосу, цит. по: Mémoires de Jakob Walter. 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 160.

⁴⁴ Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe. Op. cit. P. 93.

⁴⁵ Ibid. P. 71–71.

⁴⁶ Воспоминания русского инженера Мартоца, цит. по: Mémoires de Jakob Walter. 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 159.

⁴⁷ Потери были следующими. В Великой армии: в 9-м корпусе Виктора (кроме дивизии Партуно) – 4500 человек; в войсках, сражавшихся 28 числа на правом берегу, – 5 тыс. человек; в дивизии Партуно – 4 тыс. человек. С русской стороны: в армии Чичагова 24 ноября – 2 тыс. человек, в той же армии в боях 28 числа – 7 тыс. человек; в войсках Витгенштейна во время сражения против Партуно – около 1 тыс. человек, см.: O. Sokolov. La campagne de Russie: la Berezina. Op. cit. P. 49.

⁴⁸ Он умер в Кенигсберге 31 декабря 1812 года.

⁴⁹ Цит. по: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 446.

⁵⁰ Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe. Op. cit. P. 49.

⁵¹ Ливен Д. Россия против Наполеона. С. 365–367.

⁵² Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 448.

11. Могила Великой армии

¹ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 452.

² Имеется в виду шкала Реомюра; по Цельсию: –34° и –36°.

³ R. Wilson. Relation de la campagne de Russie, 1812. Op. cit. T. 2. P. 209–210. Английский оригинал: R. Wilson. Narrative of Events. Op. cit. P. 342–344.

⁴ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию.

⁵ Это была самая низкая температура во время отступления войск Наполеона.

⁶ Цит. по: Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire. Op. cit. P. 167.

⁷ Journal des campagnes et blessures de Charles-François Minod, ancien fourrier au 2e régiment suisse. Цит. по: Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Op. cit. P. 56–57.

⁸ Мемуары Левенштерна. С. 376–377, цит. в: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 338.

⁹ Мемуары Левенштерна. С. 377–378, цит. в: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 338.

¹⁰ Давыдов Д. Сочинения. Т. II. С. 141, цит. в: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 345.

¹¹ F. Beaucour, J. Tabour, L. Ivchenko. La Berezina. Op. cit. P. 98.

¹² Тогдашние французские источники называют её Смогорни.

¹³ Цит. по: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 453.

¹⁴ Наполеон должен был развеять слухи о своей смерти, распространившиеся во время попытки переворота Мале.

- ¹⁵ 29-й бюллетень Великой армии. *Le Moniteur*, 16.12.1812.
- ¹⁶ F. Beaucour, J. Tabeur, L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 99.
- ¹⁷ Цит. в: A. Muhlstein. *Napoléon à Moscou*. Op. cit. P. 254.
- ¹⁸ Цит. по: *Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire*. Op. cit. P. 167.
- ¹⁹ F. Beaucour, J. Tabeur, L. Ivchenko. *La Berezina*. Op. cit. P. 99.
- ²⁰ Статья I указа гласила: «Король Неаполитанский назначается нашим заместителем, и будет в наше отсутствие главнокомандующим Великой армии», цит. по: *Ibid.* P. 100.
- ²¹ *Ibid.* P. 100.
- ²² C. Cate. *La Campagne de Russie, 1812*. Op. cit. P. 402.
- ²³ По словам Р. А. де Монтеस्कью, герцога де Фезенсака, после отъезда Наполеона «каждый делал то, что заблагорассудится, а приказы короля Неаполитанского лишь подрывали его авторитет», цит. по: *Ibid.* P. 409.
- ²⁴ J. B. Ricome. *Journal d'un grognard de l'Empire*. Paris, Presses du CNRS, 1988. P. 65. Цит. в дипломной работе: R. Buclon. 1812, plus loin à l'Est. La perception de l'autre chez les soldats français lors de la campagne de Russie. Mémoire de master 2, Université Pierre-Mendès-France (Grenoble), année universitaire 2007–2008.
- ²⁵ Цит. по: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 455.
- ²⁶ Выражение принадлежит Фаберу дю Фору: *Campagne de Russie 1812 d'après le journal illustré d'un témoin oculaire par C.-W. Von Faber du Faur*. Op. cit. P. 297.
- ²⁷ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 346.
- ²⁸ С.-Петербургская императорская библиотека. Рукописный отдел. Архив К. А. Военского. Ковно в 1812 году» (дневник жителя города), цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 346.
- ²⁹ R. Godart. *Mémoires du général baron Roch Godart (1792–1815)*. Paris, Flammarion, 1895. P. 178–189, цит. в: *Vilna 1812 – Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie*. Op. cit. P. 101.
- ³⁰ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus*. Op. cit. P. 125.
- ³¹ Capitaine Aubry. *Souvenirs du 12e chasseurs*. Paris, Librairie des Deux Empires, 2002. P. 169–170, цит. по: *Vilna 1812 – Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie*. Op. cit. P. 38.
- ³² R. Godart. *Mémoires du général baron Roch Godart (1792–1815)*. Op. cit. P. 101.
- ³³ *Ibid.*
- ³⁴ *Campagne de Russie 1812 d'après le journal illustré d'un témoin oculaire par C.-W. Von Faber du Faur*. Op. cit. P. 298.
- ³⁵ P. P. de Ségur. *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812*. Op. cit. Vol. II. P. 405–410. Серюп П. Ф., де. Поход в Россию. С. 342.
- ³⁶ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus*. Op. cit. P. 134.

- ³⁷ Цит. по: E. Marco de Saint-Hilaire. Napoléon en Russie. Op. cit. P. 563.
- ³⁸ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Op. cit. P. 136.
- ³⁹ Ibid. P. 146–147.
- ⁴⁰ Ibid. P. 138.
- ⁴¹ Старший граф де Сен-При.
- ⁴² Французы называли православные и греко-католические монастыри базилианскими, поскольку их монашеский устав восходит к Василию Великому.
- ⁴³ Vilna 1812 – Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie. Op. cit. P. 138–139.
- ⁴⁴ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Op. cit. P. 138–139.
- ⁴⁵ *Mémoires de Langeron*, цит. по: E. Marco de Saint-Hilaire. Napoléon en Russie. Op. cit. P. 564.
- ⁴⁶ A. Fredro. Sans queue ni tête. Montricher, Noir sur blanc, 1992, цит. по: *Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire*. Op. cit. P. 165.
- ⁴⁷ Vilna 1812 – Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie. Op. cit. P. 30.
- ⁴⁸ Зато на этих скелетах наблюдается наличие застарелых травм.
- ⁴⁹ Vilna 1812 – Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie. Op. cit. P. 32.
- ⁵⁰ *Correspondance inédite de Xavier de Maistre*, éditée par Eugène Reaume. Paris, Alphonse Lemerre, 1897. T. 1.
- ⁵¹ *Mémoires de Langeron*, цит. по: E. Marco de Saint-Hilaire. Napoléon en Russie. Op. cit. P. 563.
- ⁵² Обе цитаты см.: Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 463.
- ⁵³ Там же. С. 466–467.
- ⁵⁴ *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon Ier*, par Mme la comtesse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Tisenhaus. Op. cit. P. 141–142.
- ⁵⁵ Как мы видим, для Александра I война 1812 года была столкновением России и Франции один на один.
- ⁵⁶ Указ царя Александра I от 12(24) декабря 1812 года, Вильнюс, цит. в: E. Marco de Saint-Hilaire. Napoléon en Russie. Op. cit. P. 582. Доступен на сайте: http://www.1812panorama.ru/virtual/manifest12_12.html
- ⁵⁷ A. de Cheron. *Mémoires inédits sur la campagne de Russie*. Op. cit. P. 35.
- ⁵⁸ A. de Mailly-Nesle. *Mon journal pendant la campagne de Russie*. Paris, Imprimerie de J.-B. Gros, 1841. Цит. по: *Mémoires de Jakob Walter, 1812. La marche en Russie des fantassins wurtembergeois au service de l'Empire*. Op. cit. P. 168.
- ⁵⁹ Цит. по: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. С. 353.

⁶⁰ Указ Александра I от 11(23) ноября 1812 г., см.: Казанские известия. 1812, № 48, 40 (ноябрь), а также на русском интернет-сайте «1812», содержащем много неизданных документов Отечественной войны. http://www.museum.ru/museum/1812/War/News_rus/izv121a.html

⁶¹ См.: Рэй М.-П. Александр I. С. 286–288.

Эпилог

¹ Чуть более трети задействованных сил.

² 16 % задействованных сил.

³ Albert J. Schmidt. The Restoration of Moscow after 1812. Op. cit.

⁴ Ibid.

⁵ Этот сложный вопрос см.: T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 319–322.

⁶ Наибольшее число погибших называет Л. Бернар, считающий, что погибло 300 тысяч человек, в том числе 200 тысяч французов, см.: L. Bernard. Les Prisonniers de guerre du Premier Empire. Op. cit. P. 217.

⁷ Эту интереснейшую, но малоизвестную тему см.: V.G. Sirotkin. La campagne de Russie. Le destin des soldats de Napoléon après la défaite // Revue de l'Institut Napoléon. 1991-I / N 156. P. 57–65.

⁸ Отечественная война. 1812. С. 10 (введение).

⁹ H. Beulay. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Op. cit. P. 103.

¹⁰ Ныне Днепропетровск.

¹¹ Искюль С. Н. Роковые годы России. 1812. С. 313.

¹² V. G. Sirotkin. La campagne de Russie. Le destin des soldats de Napoléon après la défaite. Op. cit.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ N. Petiteau. Lendemain d'Empire. Les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. Paris, Boutique de l'Histoire, 2003. P. 115.

¹⁶ H. Beulay. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Op. cit. P. 157.

¹⁷ Ibid. P. 172.

¹⁸ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. С. 455.

¹⁹ T. Lentz. L'Effondrement du système napoléonien. Op. cit. P. 322.

²⁰ N. Petiteau. Lendemain d'Empire. Les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. Op. cit. P. 108–109.

²¹ S. Calvet. Les Officiers charentais de Napoléon au XIXe siècle. Destins de Braves. Avignon, Rivages des Xantons et Université d'Avignon, 2010.

²² Ibid. P. 411.

²³ S. Calvet. La mort des anciens officiers de la Grande Armée à travers l'exemple charentais // Annales historiques de la Révolution française, 2007/2. N 348.

²⁴ S. Calvet. Les Officiers charentais de Napoléon au XIXe siècle. Destins de Braves. Op. cit. P. 412.

²⁵ N. Petiteau. *Lendemain d'Empire. Les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle*. Op. cit. P. 112–113.

²⁶ Ibid. P. 89.

²⁷ Текст, подписанный царем, был написан адмиралом Шишковым.

²⁸ Эти подробности изложены в кн.: W. B. Lincoln. *Sunlight at Midnight, St Petersburg and the Rise of Modern Russia*. New York, Basic Books, 2000. P. 110.

²⁹ В этих зданиях должны были разместиться Сенат, Синод, Военное министерство, Генеральный штаб и Министерство иностранных дел.

³⁰ Дата годовщины битвы по русскому календарю.

³¹ Цит. по: С. Cate. *La Campagne de Russie*. Op. cit. P. 420.

³² M. Wesling. *Napoleon in Russian cultural Mythology*. Brussels, Peter Lang, 2001, см. в особенности гл. 2.

³³ Ibid. P. 19.

³⁴ По этому вопросу см.: G. Kabakova. *Mangeur de chandelles, l'image du cosaque au XIXe siècle* // *Philologiques IV. Transferts culturels triangulaires. France – Allemagne – Russie*. Sous la direction de K. Dmitrieva et M. Espagne, Paris, Éditions de la MSH, 1996.

³⁵ J. Hantraye. *Les Cosaques aux Champs-Élysées. L'occupation de la France après la chute de Napoléon*. Paris, Belin, 2005, *passim*.

³⁶ Улицы, проспекты, мосты и даже целые города во Франции были названы в честь побед, одержанных в Крымской войне: Альма [сражение на реке Альме, 8(20) сентября 1854 года], Севастополь [взят союзными войсками 28 августа (9 сентября) 1855 года], Малакофф [Малахов курган, захвачен французами 27 августа (8 сентября) 1855 года].

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные

Французские архивы

Archives du ministère français des Affaires étrangères. Correspondance diplomatique, Russie, dossiers n° 140 à 167. (Архивы французского министерства иностранных дел. Дипломатическая корреспонденция, Россия, дела №№ 140–167.) (Часть этой корреспонденции, за 1808–1812 годы, была издана великим князем Николаем Михайловичем).

Российские архивы

РГАДА (Российский государственный архив древних актов), Москва:

Фонд № 1. Государственный архив Российской империи. Разряд I. Секретные пакеты. Середина XVIII в. – 1830. Опись № 1.

В частности: *Семейная переписка Александра I, Марии Фёдоровны, Елизаветы Алексеевны, вел. кн. Константина Павловича, Александра Павловича, Екатерины Павловны, Елены Павловны, 1780–1825.*

Фонд № 4. *Переписка лиц императорской семьи.* Опись № 1.

РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив):

Фонд № 846. *Военно-учёный архив.* Опись № 16.

Дела: №№ 3463, 3477–3478, 3495, 3525–3527, 3565–3566, 3569, 3573, 3586–3588, 3628, 3642, 3646, 3648, 3682, 3684, 3686, 3687, 3689, 3690, 3695–3698, 3773.

Опубликованные архивные документы

Архив Нессельроде и архив Воронцовых // Библиотека ENS в Лионе.

Документы во войне 1812 года на сайте www.museum.ru/museum/1812 (в том числе афиши Ростопчина).

Campagne de Russie, 1812: Bulletins de la Grande Armée. Edition établie par Stéphane Le Couëdic. Paris, La Vouivre, 1997.

Les Relations diplomatiques de la Russie et de la France d'après les rapports des ambassadeurs d'Alexandre et de Napoléon, 1808–1812. Edité par le Grand duc Nicolas Mikhaïlovitch, 7 volumes, Saint-Pétersbourg, 1905–1914.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы российского МИД. Серия первая – 1801–1815. М., 1960–1967. Т. 6.

Материалы военно-учёного архива: Отечественная война, 1812. СПб., 1900–1914, 21 том.

Русская старина, Русский архив, passim.

Сборник Императорского Русского исторического Общества. В особенности тт. 2, 6, 11, 54, 70, 77, 82, 89, 112, 119 и 127.

Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами с 1808 года. Составитель Ф. Ф. Мартенс. 15 томов. СПб., 1874–1909.

Мемуары, воспоминания, письма со стороны Великой армии и её солдат

Joseph Abbel. *L'odyssée d'un carabinier à cheval, 1806–1815, présenté par René H. Willems.* Bruxelles, Pierre de Meyère, 1969.

Stanislas d'Arpentigny. *Voyage en Pologne et en Russie par un prisonnier de guerre de la garnison de Dantzig en 1813 et 1814.* Paris, Dupont, 1828.

D'Aupias. «Mémoire historique, anecdotique et militaire de la campagne de 1812, faite par les Français en Pologne et en Russie jusqu'au 28 septembre de la même année, 1813». Edité et introduit par Alexander Mikaberidze // *Napoleonica. La Revue*, 3/2009, n° 6.

Guillaume de Bade. *La campagne de 1812. Mémoires du Margrave de Bade, présentés par A. Chuquet.* Paris, Fontemoing, 1912.

Georges Bangofsky. *Les étapes de Georges Bangofsky, officier lorrain: fragments de son journal de campagne (1797–1815).* Paris, Berger-Levrault, 1905.

Jean-Pierre-Armand Barrau. «Mémoires sur la campagne de Russie de 1812» // *Rivista Italiana di Studi Napoleonici*, 1979, P. 67–123. Отрывок из этих мемуаров был опубликован под названием: «L'incendie de Moscou» // *Histoire Magazine*, n° 11, décembre–janvier 1980 P. 71–76.

Pierre-Jean Beaupré-Moricheau. *Des effets et des propriétés du froid, avec un aperçu historique et médical sur la campagne de Russie. Thèse de médecine publiée chez Jean Martel,* Montpellier, 1817.

Pierre-Louis Beauvillier. «Mémoires sur l'expédition de Russie» // *Mémoires secrets et inédits pour servir à l'histoire contemporaine, recueillis*

et mis en ordre par A. de Beauchamp. Paris, Vernarel et Ténon, 1825. Volume 2.

Alexandre Bellot de Kergorre. *Un commissaire des guerres pendant le Premier Empire. Journal de Bellot de Kergorre (1806–1814), publié par le vicomte Emmanuel Henri de Grouchy*. Paris, Émile-Paul, 1899.

Charles Benard. *Souvenirs de 1812*. «Un prisonnier français en Russie. Préface anecdotique par le comte François de Salle» // *La Giberne*, 1904–1907.

Georges Bertin. *La Campagne de Russie d'après des témoins oculaires*. Paris, Flammarion, 1894.

Pierre Berthezène. *Souvenirs militaires de la République et de l'Empire par le baron Berthezène*. Paris, Dumaine, deux volumes, 1855.

Honoré Beulay. *Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée, 18 avril 1808 – 18 octobre 1815. De la Beauce à l'Oural par la Bérézina, et d'Oufa à Ouzouer-le-Doyen*. Paris, Champion, 1907.

Hubert-François Biot. *Campagnes et souvenirs. Souvenirs anecdotiques et militaires du colonel Biot, aide de camp du général Pajol. Avec une introduction et des notes par le comte Fleury*. Paris, Vivien, 1901.

Guillaume Bonnet. «Journal du capitaine Bonnet du 18e de ligne» // *Le Carnet de la Sabretache*. Paris, 1912. P. 641–672.

Jean-François Boulart (baron). *Mémoires militaires du général baron de Boulart sur les guerres de la Révolution et de l'Empire*. Paris, Tallandier, collection «Bibliothèque Napoléonienne», 1992 (rééd.).

René Bourgeois. *Tableau de la campagne de Moscou en 1812 par Bourgeois, témoin oculaire*. Paris, Dentu, 1814.

Adrien-Jean-Baptiste-François Bourgogne. *Mémoires du sergent Bourgogne, ex-grenadier vélite de la Garde impériale*, édités par L. Saurel. Paris, 1947.

(Другие издания: *Mémoires du sergent Bourgogne, 1812–1813, préface de Jean Tulard*. Paris, Hachette, 1978; *Mémoires du sergent Bourgogne, 1812–1813*. Paris, Arléa, 2006.)

Jean Breaut des Marlots. 1812. *Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie publiée par Leher*. Paris, Chez tous les libraires, 1885.

Louis Bro. *Mémoires du général Bro, 1796–1844*. Paris, Plon, 1914.

Albert du Casse. *Mémoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1812 en Russie*. Paris, Dumaine, 1852.

Armand-Louis-Augustin de Caulaincourt. *Mémoires du général Caulaincourt, duc de Vicence, Grand Écuyer de l'Empereur*. Introduction et notes de Jean Hanoteau. Paris, Plon, 1933, trois volumes.

Pierre Charrie. *Lettres de guerres, 1792–1815*. Nantes, Éditions du Canonier, 2004.

Alexandre de Cheron. «Mémoires inédits d'Alexandre de Cheron sur la campagne de Russie par Robert de Vaucorbeil» // *Revue de l'Institut Napoléon*, n° 140, 1983. P. 27–57.

Jean-Roch Coignet. *Les Cahiers du capitaine Coignet, édition conforme au manuscrit original*. Etablissement du texte et préface de Jean Mistler. Paris, Hachette, 1968; rééd. Arléa, 2001.

Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français, Collection du Bicentenaire de l'épopée impériale. Librairie historique Teissèdre, 1999.

Michel Combe. *Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie en 1812, de Saxe 1813, de France 1814 et 1815*. Paris, Plon, 1896.

Jean-Baptiste Juvenal comte Corbineau. «Passage de la Bérésina» // *Le Spectateur militaire*, n° 3, 1827. P. 43–52.

Pierre-Paul Dénée. *Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812*. Paris, Paulin, 1842.

Armand Domergue. *La Russie pendant les guerres de l'Empire, 1805–1815. Souvenirs historiques d'Armand Domergue, recueillis et publiés par Melchior Tiran*. Paris, Arthur Bertrand, 1835, deux volumes.

Gaspard Ducque. *Journal de marche du sous-lieutenant Ducque, suivi de: Heinrich von Roos, Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée*. Edition de L. Nagy. Paris, La Vouivre, 2004.

Jean-Baptiste Gilbert Dufour (baron). *Guerre de Russie, 1812*. Texte présenté par Jacques Perot. Biarritz, éd. Altantica-Séguier, 2007.

Henri-Pierre Everts. «Campagne et captivité de Russie (1812–1813)» // *Le Carnet de la Sabretache*, 1901. P. 620–638. P. 686–703; 1902. P. 43–62.

Christian Wilhelm von Faber du Faur. *La Campagne de Russie (1812), d'après le journal illustré d'un témoin oculaire, texte explicatif par F. de Kausler, introduction par A. Dayot*. Paris, Flammarion, 1895.

Agathon-Jean-François Fain. *Mémoires du Baron Fain, Premier Secrétaire du cabinet de l'Empereur, publiés par son arrière-petit-fils avec une introduction et des notes par P. Fain, chef d'escadron d'artillerie*. Paris, Plon-Nourrit et Cie, 1908.

E. Fairon et H. Heuse. *Lettres de grognards*, Liège, Bénard et Paris, Courville, 1936.

Louis-Florimond Fantin des Odoards. *Journal du général Fantin des Odoards. Étapes d'un officier de la Grande Armée, 1800–1830*. Paris, Plon, 1895.

Raymond Faure. *Souvenirs du Nord ou la guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage*. Paris, Pelicier, 1821.

Raymond Aymery de Montesquiou, duc de Fézensac. *Journal de la campagne de Russie en 1812, par M. de Fézensac, lieutenant général*. Paris, Dumaine, 1850.

Théo Fleischman. *En écoutant parler les grognards de Napoléon*. Bruxelles, 1962.

Louise Fusil. *Souvenirs d'une actrice*. Paris, Dumont, 1841, deux volumes.

Louis Gardier. *Un Journal de la campagne de Russie en 1812*. Librairie historique Teissèdre, 1999 (rééd.).

Roch Godart. *Mémoires du général baron Roch Godart (1792–1815)*. Paris, Flammarion, 1895.

Lubin Griois. *Mémoires du général Griois, 1792–1822, publiés par son petit-neveu, avec une introduction et des notes par Arthur Chuquet*. Paris, Plon, 1909, deux tomes.

Eugène Labaume. *Relation complète de la campagne de Russie de 1812 par Eugène Labaume, chef d'escadron, employé à la section historique du dépôt général de la Guerre, chevalier de La Légion d'Honneur et de la Couronne de Fer*. Paris, Rey et Gravier libraires, 1816.

La Flize. «Souvenirs de la Moskova par un chirurgien de la Garde Impériale» // *Feuilles d'histoire*, 1912. P. 419–426.

Louis-Vivant Lagneau. *Journal d'un chirurgien de la Grande Armée, par Eugène Tattet, introduction de Frédéric Masson*. Paris, Émile-Paul, 1913.

Dominique-Jean Larrey. *Mémoires de chirurgie militaire. Souvenirs et campagnes, tome IV: Campagne de Russie*. Paris, J. Smith, 1817.

Emmanuel-Augustin comte de Las Cases. *Le Mémorial de Sainte-Hélène; journal de la vie privée et des conversations de l'Empereur Napoléon à Sainte-Hélène*, 2 volumes. Paris, Ernest Bourdin, 1842.

Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 d'après les pièces communiquées par S.E.M. Gorioanow, directeur des Archives de l'État et des Affaires étrangères de Russie, et annotées par Léon Hennet et le commandant Martin avec une introduction par Frédéric Masson. Paris, La Sabretache, 1913.

Adrien-Augustin-Amalric comte de Mailly. *Mon journal pendant la campagne de Russie écrit de mémoire après mon retour à Paris*. Paris, J.-B. Gros imp., 1841.

Jean-Baptiste-Antoine-Marcellin de Marbot. *Mémoires du général baron de Marbot*. Paris, Plon, 1891, trois tomes.

Pierre-Louis Mayer. «Mémoires inédits d'un prisonnier en Russie» // *Soldats suisses au service étranger*. Genève, Jullien, 1908.

Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812 par un officier de l'état-major de l'armée française, anonyme, tome 1er contenant les mémoires. Edité à Londres par J. Deboffre, Nassau Street, T. Egerton, Whitehall, Dulau and C, Soho Square, 1815.

Louis de Mesnage de Gagny. *Ma malheureuse campagne de Russie, 1812–1824. Le passe-temps de ma captivité*. Caen, édition Marquis de Triquerville, 1910.

Comte de Montravel. *Voyage d'un officier français, prisonnier en Russie, sur les frontières de cet empire, du côté de l'Asie*. Paris, Plancher, 1817.

Napoléon Bonaparte. *Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon*. Volume XII: *La Campagne de Russie (1812)*. Paris, Fayard, 2012.

Nicolas Nottat. «Souvenirs du grognard Nicolas Nottat sur la retraite de Russie par le capitaine de réserve Pierre Arnoult» // *La Revue d'Histoire*, 1938. P. 389–419.

Thoran Pagan. *Mémoires d'un prisonnier en Russie, par M. Pagean, ancien chef d'escadron au corps royal d'état-major*. Lyon, Boitel, 1843.

Henri-Joseph de Paixhans. *Retraite de Moscou. Notes écrites au Quartier- Général de l'Empereur*. Metz, Maline imp., 1868.

Amédée-David, marquis de Pastoret. «De Witebsk à la Bérésina» // *La Revue de Paris*, avril 1902. P. 465–498.

Jean-Jacques-Germain Pelet. *Carnets du général Pelet sur la campagne de Russie*. Paris, Librairie historique Teissèdre, 1997.

Antoine-Augustin Pion des Loches. *Mes campagnes: 1792–1815. Notes et correspondance du colonel d'artillerie Pion des Loches, mises en ordre et publiées par Maurice Chipon et Léonce Pingaud*. Paris, Firmin-Didot, 1889.

N.-L. Planat de la Faye. *Vie de Planat de la Faye, aide de camp des généraux Lariboisière et Drouot, officier d'ordonnance de Napoléon Ier. Souvenirs, lettres et dictées recueillis et annotés par sa veuve*. Paris, Paul Ollendorff éditeur, 1898.

Raymond Pontier. *Souvenirs du chirurgien Pontier sur la retraite de Russie, publiés par Jean-Paul Lartigue*. Brive, Imp. Chastrusse et Cie, 1967.

Louis-Guillaume de Puybusque. *Lettres sur la guerre de Russie en 1812, sur la ville de Saint-Petersbourg, les mœurs et les usages des habitants de la Russie et de la Pologne*. Paris, Magimel, 1817.

Jean-Baptiste Ricome. *Journal d'un grognard de l'Empire, présenté par Jacques Garnier*. Paris, Presses du CNRS, 1988.

Pierre-Louis Roederer. «Notes d'un prisonnier en Russie» // *La Revue de Paris*, 1er janvier 1913. P. 116–149.

Heinrich von Roos. *Souvenirs d'un médecin de la Grande Armée*. Édition de L. Nagy. Paris, La Vouivre, 2004 (rééd.).

Anne-Jean-Marie-René Savary duc de Rovigo. *Mémoires du duc de Rovigo, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon*. Paris, A. Bossange, 1828, huit volumes.

Just-Jean-Étienne Roy. *Les Français en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812 et de deux ans de captivité en Russie par J.J.E. Roy*. Tours, Mame, 1856. (Mémoires apocryphes.)

N.J. Sauvage. *Relation de la campagne de Russie*. Dinant, Imprimerie de A. Rosolani, 1827.

Philippe Paul comte de Ségur. *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812 par le général comte de Ségur*. 3e édition. Paris, Baudoin Frères Libraires, 1825.

Philippe Paul comte de Ségur. *Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812 par le général comte de Ségur*. Paris, éd. Houdaille, 1834.

Roman Soltyk. *Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie par le comte Roman Soltyk*. Paris, Bertrand, 1836.

Henry Beyle dit Stendhal. *Journal, 1801–1823, établissement du texte par Henri Martineau*. Paris, Le Divan, 1937, cinq volumes.

Adrien Surrugues. *Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P. Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire et curé de l'Église de Saint-Louis, à Moscou*. Paris, Plancher libraire, 1825.

Maurice Ternaux-Compans. *Le Général Compans (1769–1845) d'après ses notes de campagne et sa correspondance de 1812 à 1813*. Paris, Plon, 1912.

Мемуары, воспоминания, письма с русской стороны: руководители, бойцы и мирные жители

Levin August von Bennigsen. *Mémoires du général Bennigsen*. Paris, Berger-Levrault, 1907–1908, 3 volumes. Volume 3: Campagnes de 1812 et de 1813.

Comtesse de Choiseul-Gouffier, née Sophie de Tisenhaus. *Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre et la cour de Russie, publiés par Madame la Comtesse de Choiseul-Gouffier*. Paris, Leroux, 1829.

Comtesse de Choiseul-Gouffier, née Sophie de Tisenhaus. *Réminiscences sur l'empereur Alexandre Ier et sur l'empereur Napoléon*. Paris, Dentu, 1862.

Karl von Clausewitz. *La Campagne de 1812 en Russie*. Bruxelles, Complexe, 1987.

Adam Czartoryski. *Mémoires et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier*. Paris, Plon, Nourrit et Cie, 1887, deux volumes.

Ladislav Czartoryski. *Alexandre Ier et le prince Czartoryski, correspondance et conversations particulières, 1801–1823*. Paris, M. Lévy Frères, 1865.

Ange-Hyacinthe-Maxence, baron de Damas. *Mémoires du baron de Damas, publiés par son petit-fils*. Paris, Plon, 1922, deux volumes.

Denis Davydov. *In the service of the Tsar against Napoleon. The memoirs of Denis Davydov, 1806–1814, edited by Gregory Troubetskoy*. London, 2006.

Aleksei Ermolov. *The Czar's General: The Memoirs of a Russian General in the Napoleonic Wars*. London, 2006.

Nicolas-Dimitri-Boris Galitzin. *La Bataille de Borodino, par un témoin oculaire*. Saint-Pétersbourg, Kray, 1840.

Nicolas-Dimitri-Boris Galitzin. *Souvenirs et impressions d'un officier russe pendant les campagnes de 1812–1814*. Saint-Pétersbourg, Kray, 1844.

Correspondance de Frédéric-César de la Harpe et Alexandre Ier, suivie de la correspondance de F.-C. de la Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie. Neuchâtel, La Béconnière, trois volumes, 1978–1980.

Histoire de la destruction de Moscou en 1812 et des événements qui ont précédé, accompagné et suivi ce désastre par A.F. de B...ch, ancien officier au service de la Russie. Traduit de l'allemand par M. Breton. Paris, Ponthieu, éditeur au Palais Royal, 1822.

Andrault comte de Langeron. *Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe, campagnes de 1812, 1813, 1814*. Publiés pour la Société d'histoire contemporaine par LGF. Paris, Picard, 1902.

G. Lecointe de Laveau. *Moscou, avant et après l'incendie; ou notice contenant une description de cette capitale, des mœurs de ses habitants, des événements qui se passèrent pendant l'incendie*. Paris, Gide, 1814.

L'Incendie de Moscou raconté par Rostopchine et par Mme Narichkine, sa fille. Paris, Librairie historique Teissèdre, 2000.

Charles-Robert de Nesselrode. *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850*, extraits de ses archives publiés et annotés avec une introduction par le comte A. de Nesselrode. Paris, Lahure, 1904–1912, 11 volumes.

Fedor comte Rostopchine. *La vérité sur l'incendie de Moscou par le comte Rostoptchine suivi de ses mémoires écrits en dix minutes*. Paris, Ponthieu, 1823.

Paul Tchitchagof. *Mémoires de l'amiral Tchitchagof (1767–1849), avec une notice biographique, d'après des documents authentiques*. Leipzig, Franck, 1862.

Boris Uxkull. *Amours parisiennes et campagnes en Russie (1812–1819)*. Paris, Fayard, 1968.

Sir Robert Wilson. *Relation de la campagne de Russie, 1812*. Paris, La Vouivre, 1998, deux volumes.

François-Joseph d'Ysarn. *Relation du séjour des Français à Moscou et l'incendie de cette ville en 1812, par un habitant de Moscou*. Annotés et publiés par A. Gadaruel. Bruxelles, 1871.

1812–1814. *Секретная переписка генерала П. И. Баграциона. Личные письма генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров русской армии*. М.: Терра, 1992.

- 1812 год в дневниках / Под ред. В. И. Харкевича. Вильна, 1900. Т. 1.
1812 год: воспоминания воинов русской армии / Под ред. Ф. А. Петрова. М.: Мысль, 1991.
- Переписка императора Александра I со сестрой великой княгиней Екатериной Павловной, принцессой Ольденбургской, королевой Вюртембергской, 1815–1818* / Изд. Великим князем Николаем Михайловичем. СПб., 1910.
- Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов.* М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Денис Давыдов. *Военные записки.* М.: Воениздат, 1982.
- Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников.* Сост. В. В. Каллаш. М.: Типография Сытина, 1912.
- Дневник партизанских действий 1812 года. Военные записки.* М., 1940.
- «Исторические записки. Воспоминания Г. П. Мешетича в 1812 г.» // *Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея.* М.: Мысль, 1991.
- «К чести России»: из частной переписки 1812 года / Изд. М. Бойцов. М.: Современник, 1988.
- Карлик фаворита: история жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим.* Мюнхен: Fink Verlag, 1968.
- Александр Михайловский-Данилевский. *Мемуары, 1814–1815.* СПб., Российская национальная библиотека, коллекция Рукописные памятники. Вып. 6, 2001.
- «Записки солдата Памфила Назарова» // *Русская старина.* СПб., № 8, 1878, с. 529–556.
- Дневник Павла Пущина, 1812–1814.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Александр Чичерин. *Дневник Александра Васильевича Чичерина.* М.: Наука, 1966.

Библиография

Методология: эпистемологические проблемы, возникающие при использовании дневников, писем и мемуаров

Jean Tulard. *Nouvelle bibliographie critique des Mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français.* Genève, Droz, 1991 (nouvelle édition revue et enrichie).

Bernard Ménéger. *Les Napoléon du peuple.* Paris, Aubier, Collection Historique, 1988.

Natalie Petiteau. *Napoléon, de la mythologie à l'histoire*. Paris, Seuil, 2004 (édition revue).

Natalie Petiteau. «Pour une anthropologie historique des guerres de l'Empire» // *Revue d'histoire du XIXe siècle*, 30, 2005.

Damien Zanone. *Écrire son temps. Les mémoires en France de 1815 à 1848*. Lyon, Presses Universitaires de Lyon, 2006.

Общие труды, подробно или в целом рассматривающие франко-русские отношения

Christopher John Bartlett. *Peace, War and the European Powers, 1811–1914*. London, Macmillan, 1996.

F. R. Bridge, Roger Bullen. *The Great Powers and the European States System, 1814–1914*. London and New York, Pearson Longman, 2^e edition, 2005.

Patricia K. Grimsted. *The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Foreign Diplomacy*. Berkeley, University of California Press, 1969.

Marion Kukieli. *Czartoryski and European Unity: 1770–1861*. Princeton, Princeton University Press, 1955.

Francis Ley. *Alexandre Ier et sa Sainte-Alliance: 1811–1825, avec des documents inédits*. Paris, Fischbacher, 1975.

Dominic Lieven. *Russia against Napoleon. The battle for Europe, 1807 to 1814*. London and New York, Allen Lane, 2009.

Nigel Nicolson. *Napoleon: 1812*. London, Weidenfield and Nicolson, 1985.

Alexander C. Niven. *Napoleon and Alexander I: a Study in Franco-Russian Relations, 1807–1812*. Washington D.C., University Press of America, 1978.

Alan Palmer. *Napoleon in Russia*. London, Constable, 1997.

Henri Pirenne. *La Sainte-Alliance, organisation européenne de la paix mondiale*. Neuchâtel, Éditions de la Baconnière, collection «L'Évolution du monde et des idées», 1946.

André Ratchinski. *Napoléon et Alexandre Ier: la guerre des idées*. Paris, éd. Bernard Giovanangeli, 2002.

Marie-Pierre Rey. *Le Dilemme russe, la Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine*. Paris, Flammarion, 2002.

Nicolas Mikhaïlovitch Romanov (grand-duc). *Les Relations diplomatiques de la Russie et de la France, d'après les rapports des ambassadeurs d'Alexandre et de Napoléon, 1808–1812*. Saint-Pétersbourg, Imprimerie Nationale, 1905–1907.

Félix Tastevin. *Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812*. Paris, Librairie Honoré Champion, 1908.

Serge Tatischeff. *Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite*. Paris, Perrin et Cie, 1891.

Albert Vandal. *Napoléon et Alexandre Ier. L'alliance russe sous le Premier Empire*. Paris, Éd. Plon, Nourrit et Cie, 1898–1903, 3 volumes.

Доминик Ливен. *Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814*. М.: РОССПЭН, 2012.

Очерки министерства иностранных дел России, 1860–1917. Т. 1. М.: Олма-пресс, 2002.

Владлен Сироткин. *Наполеон и Александр I: дипломатия и разведка наполеона и Александра I в 1801–1812 гг.* М.: Алгоритм, Эксмо, 1903.

Владлен Сироткин. *Наполеон и Россия*. М.: Илма-пресс, 2000.

Николай Троицкий. *Александр и Наполеон*. М.: Высшая школа, 1994.

Труды по истории Первой империи, затрагивающие войну 1812 года

Léonce Bernard. *Les Prisonniers de guerre du Premier Empire*. Paris, Christian, 2002.

Jacques-Olivier Boudon. *La France et l'Europe de Napoléon*. Paris, Armand Colin, collection «U», 2006.

David Chandler. *The Campaigns of Napoleon*. London, Weidenfeld & Nicolson, 1995.

Roger Dufraisse et Michel Kerautret. *La France napoléonienne. Aspects extérieurs (1799–1815)*. Paris, Seuil, collection «Points Histoire», 1999.

Thierry Lentz, *Nouvelle histoire du Premier Empire, tome II: L'Effondrement du système napoléonien, 1810–1814*. Paris, Fayard, 2004.

Louis Madelin. *Histoire du Consulat et de l'Empire, t. 3*. Paris, Robert Laffont, 2003.

Natalie Petiteau. *Lendemain d'Empire. Les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle*. Paris, Boutique de l'Histoire, 2003.

Tony Sauvel. «Le décret de Moscou mérite-t-il son nom?» // *Revue historique de Droit français et étranger*, juillet 1975.

Paul W. Schroeder. *The transformation of European Politics, 1763–1848*. Oxford, Oxford History of Modern Europe, 1994.

Vladlen G. Sirotkin. «La campagne de Russie: le destin des soldats de Napoléon après la défaite» // *Revue de l'Institut Napoléon*, 1991–I, no 156. P. 56–65.

Jean Tulard (dir.) *Dictionnaire Napoléon*. Paris, Fayard, 1999.

Jean Tulard. *Napoléon ou le mythe du Sauveur*. Paris, Hachette, collection «Pluriel Histoire», 2e édition, 2005.

**Труды по истории Российской империи,
затрагивающие войну 1812 года**

Maya Goubina. «La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les archives, 1812–1827». Диссертация, защищённая в университете Paris-Sorbonne (Paris-IV) в 2007 г. (не опубликована).

Janet Hartley. «Russia and Napoleon: state, society and the nation» // Michael Rowe (éd.). *Collaboration and Resistance in Napoleonic Europe: State formation in an age of upheaval, c. 1800–1815*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2003.

Janet Hartley. «The Patriotism of the Russian Army in the “Patriotic” or “Fatherland” War of 1812» // Charles J. Esdaile (éd.). *Popular Resistance in the French Wars: Patriots, Partisans and Land Pirates*. Basingstoke, Palgrave, 2005.

Michel Heller. *Histoire de la Russie et de son empire*. Paris, Plon, 1997.

Michael Jenkins, Arakcheev, Grand Vizir of the Russian Empire. London, Faber and Faber, 1969.

Michael et Diane Josselson. *Le Général Hiver, Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly*. Paris, Gérard Lebovici, 1986.

Andreas Kappeler. *La Russie, empire multiethnique*. Paris, Institut d'Études Slaves, 1994.

John P. Ledonne. *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825*. New York and Oxford, Oxford University Press, 1991.

Richard Pipes. *Russia under the Old Regime*. New York, Collier Books, 1992.

Marc Raeff. *Comprendre l'Ancien Régime russe. État et société en Russie impériale*. Paris, Seuil, 1982.

Hugh Ragsdale. *The Russian Tragedy: The Burden of History*. New York, M.E. Sharpe, 1996.

Marie-Pierre Rey. *Alexandre Ier*. Paris, Flammarion, collection «Grandes Biographies», 2009.

Hugh Seton-Watson. *The Russian Empire, 1801–1917*. Oxford, Clarendon Press, 1967.

A. J. Schmidt. «The restoration of Moscow after 1812» // *Slavic Review*, vol. 40, Spring, 1981. P. 37–48.

Leonid Strakhovsky. *Alexander I of Russia: the man who defeated Napoleon*. New York, W.W. Norton & Company, 1947.

Molly Wesling. *Napoleon in Russian Cultural Mythology*, New York, Peter Lang, 2001.

Вадим Парсамов. *История России: XVIII – начало XX века*. М.: Академия, 2007.

Мари-Пьер Рей. *Александр I*. М.: РОССПЭН, 2013.

Николай Троицкий. *Россия в XIX веке. Курс лекций*. М.: Высшая школа, 2003.

Николай Шильдер. *Александр I: его жизнь и его царствование*. СПб.: А. С. Суворин, 1897–1898. В 4 томах.

Труды по Великой армии, её истории, структуре, организации...

Pierre Brenda. *Napoléon et ses hommes. La Maison de l'Empereur (1804–1815)*. Paris, Fayard, 2011.

Stéphane Calvet. *Les officiers charentais de Napoléon au XIXe siècle. Destins de Braves*. Avignon, Rivages des Xantons et Université d'Avignon, 2010.

Jean-Claude Damamme. *Les Soldats de la Grande Armée*. Paris, Perrin, 1998, 2002, 2008.

Jean Lucas-Dubreton. *Soldats de Napoléon*. Paris, Tallandier, coll. «Bibliothèque napoléonienne», 1977.

Alan Forrest. *Napoleon's Men, the Soldiers of the Revolution and Empire*. London and New York, Hambledon, 2002.

Alain Pigeard. *L'Armée de Napoléon (1800–1815). Organisation et vie quotidienne*. Paris, Tallandier, collection «Bibliothèque Napoléonienne», Paris, 2002 (nouvelle édition revue et corrigée).

Alain Pigeard. *Dictionnaire de la Grande Armée*. Paris, Tallandier, 2002.

J. C. Quennevat. *Atlas de la Grande Armée*. Napoléon et ses campagnes, 1803–1815. Paris, Séquoia, 1966.

Труды, посвящённые русской армии

Janet Hartley. *Russia, 1762–1825: military power, the state, and the people*. Westport, Praeger, 2008.

J.H. Keep. *Soldiers of the Tsar, Army and Society in Russia, 1462–1874*. Oxford, Clarendon Press, 1985.

Eric Lohr et Marshall Poe (éd.). *The Military and Society in Russia, 1450–1917*. Leiden, Boston, Brill, 2002.

Elise K. Wirtschafter. *From Serf to Russian soldier*. Princeton. Princeton University Press, 1990.

Труды, посвящённые непосредственно войне 1812 года

Paul Austen. *1812: Napoleon's Invasion of Russia*. London, Green Hill books, 2000.

Fernand Beaucour, Jean Tabeur, Lidia Ivchenko. *La Berezina, une victoire militaire*. Paris, Economica, 2006.

Nicolas Boussard. *Stendhal, campagne de Russie, 1812. Le Blanc, le Gris et le Rouge*. Paris, Kimé, 1997.

Romain Buclon. *1812, plus loin à l'Est. La perception de l'autre chez les soldats français lors de la campagne de Russie*. Магистерская работа, университет Пьер-Мендес-Франса, Гренобль, 2008, не опубликована.

Curtis Cate. *The War between the two emperors: the duel between Napoleon and Alexander*. New York, Random House, 1985.

Curtis Cate. *La Campagne de Russie, 1812. Le duel des empereurs*. Paris, Tallandier, collection «Bibliothèque napoléonienne», 2006.

Arthur Chuquet, 1812. *La guerre de Russie, notes et documents*. Paris, Fontemoing 1912, 3 volumes.

Jean-Claude Damamme. *Les Aigles en hiver, Russie 1812*. Paris, Plon, 2009.

Paul Ganière. «La marche vers Moscou» // *Revue du souvenir napoléonien*, n° 353, juin 1987.

Jacques Garnier, «7 septembre 1812, Borodino, sous les murs de Moscou» // *Napoléon Ier. Le magazine du Consulat et de l'Empire*, hors-série no 8, octobre 2007.

Constantin de Grunwald. *La Campagne de Russie, 1812*. Paris, édition René Julliard, collection «Il y a toujours un reporter», 1963.

Hereford B. George. *Napoleon's invasion of Russia*. London, Empiricus Books, 2002.

Paul Gronki. «L'administration civile des gouvernements russes occupés par l'armée française en 1812» // *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*, tome III, n° 18, nov-déc 1928.

Jacques Hantraye. *Les Cosaques aux Champs-Élysées: l'occupation de la France après la chute de Napoléon*. Paris, Belin, 2005.

Michael et Diane Josselson. *Le Général Hiver, Michel Bogdanovitch Barclay de Tolly*. Paris, Gérard Lebovici, 1986.

Anka Muhlstein. *Napoléon à Moscou*. Paris, Odile Jacob, 2007.

Alexander Mikaberidze. *The Battle of Borodino: Napoleon Against Kutuzov*. London, Pen & Sword, Barnsley, 2010.

Daria Olivier. *L'Incendie de Moscou*. Paris, R. Laffont, 1964.

Émile Marco de Saint-Hilaire. *Napoléon en Russie. Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812 et de la captivité des prisonniers*

français en Sibérie et dans les autres provinces de l'Empire. Paris, Le Livre chez vous (réédition en un volume), 2003.

M. Signoli, T. Vette, O. Dutour, (sous la direction de Y. Ardagna). *Vilna 1812 – Vilnius 2002. Les oubliés de la retraite de Russie*. Paris, Éditions historiques Teissèdre, 2008.

Oleg Sokolov, «La campagne de Russie: les origines du conflit» // *Napoléon Ier. Le magazine du Consulat et de l'Empire*, n° 5, novembre–décembre 2000.

Oleg Sokolov. «La campagne de Russie: la Moskova» // *Napoléon Ier. Le magazine du Consulat et de l'Empire*, n° 8, mai–juin 2001.

Oleg Sokolov. «La campagne de Russie: la Bérézina» // *Napoléon Ier. Le magazine du Consulat et de l'Empire*, n° 10, septembre–octobre 2001.

Jean Thiry. *La Campagne de Russie*. Paris, Berger-Levrault, 1969.

Jean Tranié, Juan-Carlos Carmigniani. *La Campagne de Russie: Napoléon, 1812*. Paris, Lavauzelle, 1981.

Adam Zamoysky. *Moscow 1812, Napoleon's Fatal March*. London, Harper Collins, 2004.

Василий Верещагин. *Наполеон I в России: 1812*. Тверь: Созвездие, 1993.

Павел Жилин. *Отечественная война 1812 г.* М.: Наука, 1988.

Владимир Земцов. *1812 год: пожар Москвы*. М.: Книга, 2010.

Сергей Искюль. *Роковые годы России. 1812. Документальная хроника*. СПб.: ЛИК, 2008.

Александр Михайловский-Данилевский. *Описание Отечественной войны 1812 года*: В 4 томах. СПб., 1839.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004.

Евгений Тарле. *Нашествие Наполеона на Россию*. М.: 1938.

Всеволод Троицкий. *Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX века*. М.: РАН, 1998.

Николай Троицкий. *1812. Великий год России*. М.: Омега, 2007.

Николай Троицкий. *Отечественная война 1812 года. История темы*. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991.

Эпоха 1812. Исследования, источники, историография: Сборник материалов. М.: Труды Исторического музея, 2003. В 3 томах.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Августин, митрополит – 136, 184
Адлер, Иван Антонович – 183
Акинфов, Фёдор Владимирович – 12, 13, 256, 257
Александр I – 8, 10, 13, 17, 18–24, 28–32, 35, 36, 38–41, 46, 48, 49, 58, 59, 63, 69, 70, 72–74, 77, 82–85, 88–90, 103, 105–107, 111, 117, 129, 131, 139, 141, 146, 147, 148, 154, 155, 157, 158, 165, 166, 171, 176, 183–186, 198, 202, 213, 214, 224, 236, 237, 239–242, 245–248, 252, 254, 256–260, 262, 263, 266, 269, 270, 272, 273, 275, 277, 279–282, 287, 292, 293, 295, 303, 305, 307
Александр III – 253
Александр Ярославич Невский – 36
Аллар, Морис* – 138
Алопеус, Давид Максимович – 139, 140
Ангальт-Котен, Август-Христиан д' – 40
Анна Павловна, великая княжна – 23
Аракчеев, Алексей Андреевич – 29, 30, 70, 84, 105
Арман, Жан-Луи* – 138
Армфельд, Густав Мориц – 73
Багговут, Карл Фёдорович – 51, 120, 159, 160
Багратион, Пётр Иванович – 10, 51, 58, 63, 73, 74, 76, 78–83, 92, 99, 100, 101, 103, 105, 110, 116, 120, 123, 124, 125, 129, 155, 167, 263, 267, 275, 280, 302
Бакле д'Альб, Луи Альбер – 25
Бакунина, Варвара – 50, 71, 263, 266
Балашов, Александр Дмитриевич – 70, 72, 73, 84, 105, 116, 267
Бальзак, Оноре де – 6
Барклай де Толли, Михаил Богданович – 9, 10, 28–31, 33, 49–51, 58, 62, 63, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 81, 82, 84, 89, 91–93, 99–101, 103–106, 110, 111, 116, 120, 123, 124, 126, 129, 132, 133, 135, 154, 155, 157, 175, 259, 260, 263, 271, 280
Бартенев, Юрий Никитич – 127
Бассано, герцог де, см. Маре
Батюшков, Константин Николаевич – 165, 282
Бейль, Анри, см. Стендаль
Бекерс, Андреас* – 138
Белинский, Виссарион Григорьевич – 254
Бёлэ, Оноре – 46, 248–250
Бенкендорф, Александр Христофорович фон – 158, 159, 177, 179, 180, 284, 303
Беннигсен, Леонтий Леонтиевич – 69, 70, 73, 82, 105, 117, 130, 132, 133, 148, 157, 159, 201, 276, 280, 281
Бернадот, см. Карл Юхан
Бертье, Луи Александр, князь Невшательский – 25, 72, 87, 97, 127, 147, 152, 176, 177, 196, 209, 229, 230, 235, 273, 276, 279

¹ Звездочкой (*) отмечены имена примерно сорока французов и иностранцев, которые были задержаны в Москве и депортированы.

- Бессьер, Жан-Батист, герцог Истрийский – 42, 127, 176, 177, 235
- Билиотти, Жозеф Жоакин Базиль Режис – 193, 286
- Биньон, Луи Пьер Эдуар – 26, 27
- Богарне, Гортензия де – 261
- Богарне, Евгений – 34, 43, 63, 91, 93 (Евгений - он?), 126, 176, 195, 261
- Бонапарт, Жером, король Вестфальский – 35, 43, 47, 62, 64, 78, 79, 80, 81
- Бопре-Моришо, Пьер – 174, 207
- Бордесуль, Этьен Тардиф Поммеру де – 80
- Бородин, Михаил Михайлович – 52
- Боссе, Луи Франсуа Жозеф де – 121, 274
- Брусье, Жан-Батист – 126, 175, 210
- Брюйер, Жан Пьер Жозеф Брюгьер, известный как – 93
- Булгаков, Александр Яковлевич – 49, 263
- Бургонь, Адриан Жан-Батист Франсуа – 150, 188, 201
- Бюрсе, Аврора – 150
- Валанс, Жан-Батист Сирюс Аделаида де Тенбрюн де Тьембронн де – 80**
- Вальтер, Якоб – 46, 47, 96, 102, 109
- Вандам, Доминик-Жозеф, граф д'Энсбург – 43, 78
- Васильчиков, Дмитрий Васильевич – 80
- Васильчиков, Иларион Васильевич – 156, 157
- Васильчиков, Николай Васильевич – 79
- Вебер, Каспар* – 138
- Венецианов, Алексей Гаврилович – 166
- Виктор, см. Перрен, Клод-Виктор
- Вилле, Яков – 30, 59, 60, 92, 128, 140, 270
- Вилуэн, Жан* – 138
- Вильбланш, Арно де – 112
- Вильсон, сэр Роберт – 117, 118, 148, 189, 198, 201, 202, 204, 227, 273, 274, 279, 287
- Винцингероде, Фердинанд фон – 104, 158
- Вионне, Луи Жозеф, виконт де Маренгон – 190
- Витберг, Александр Лаврентьевич – 252
- Витгенштейн, Луи Адольф Пьер – 51, 98, 111, 156, 157, 190–192, 195, 197, 213, 214, 216–220, 224–226, 232, 234, 290
- Волконский, Пётр Михайлович – 147, 148
- Воронцов, Михаил Семёнович – 60, 81, 125, 140, 267, 268, 277
- Воронцов, Семён Романович – 33, 260
- Вюртембергский, Александр, герцог – 82, 125
- Вюртембергский, Евгений – 95, 101, 191, 197, 210, 287
- Вюртембергский, Фридрих – 40
- Вяземский, Пётр Андреевич – 135, 165, 254, 258, 282
- Гейдер, Георг Христиан* – 138
- Герсони, Генрих* – 138
- Гессен-Дармштадтский, Людвиг – 40
- Глинка, Фёдор Николаевич – 110, 122, 231, 274, 280
- Годар, Рош – 232, 233
- Голицын, Дмитрий Владимирович – 15, 130, 211
- Грабовский, Юзеф – 146
- Граверт, Юлиус Август Рейнгольд фон – 45
- Грессер, Александр Иванович – 80
- Гриуа, Шарль – 100, 126, 150, 174, 207
- Груши, Эммануэль – 43, 78, 99, 101, 120, 124, 163, 191, 216
- Гувьон-Сен-Сир, Лоран де – 43, 98, 111, 157, 190, 191, 262
- Гурго, Гаспар – 14

Гут, Франсуа* – 138
Гюго, Виктор – 6, 255
Гюден де ла Саблоньер, Шарль-
Этьен – 111

Даву, Луи Никола, князь Экмюль-
ский – 38, 43, 62, 63, 68, 69, 72,
78–82, 99, 101, 115, 119, 125, 127,
143, 159, 177, 191–193, 196, 197,
211, 212, 235, 272
Давыдов, Денис Васильевич – 50,
100, 157, 158, 200, 208, 224, 228,
271, 280, 288, 290
Давыдов, Пётр Львович – 49, 263
Дарю, Александрина – 174
Дарю, Пьер Брюно – 15, 97, 160, 230
Дедем, Гисберт фон – 161
Дельзон, Алексис Жозеф – 93, 124,
175
Дендельс, Герман Виллем – 218, 220
Державин, Гаврила Романович –
189, 286
Дессэ, Жозеф Мари – 80, 125
Домбровский, Ян Генрик – 157, 191,
215, 216, 229, 289
Домерг, Арман – 138
Дорохов, Иван Семёнович – 75, 175
Доу, Джордж – 252
Дохтуров, Дмитрий Сергеевич – 51,
101, 120, 132, 133, 135, 175, 272
Дроз, Эмбер – 153, 280
Дунин-Вонсович, Станислав – 231
Дюграво, Пьер* – 138
Дюк, Гаспар – 11, 13, 127, 169, 175
Дюмонсо, Франсуа – 118
Дюрок, Жерар Кристоф, герцог
Фриульский – 97, 127, 231
Дюронель, Антуан Жан Огюст – 14,
152
Дюфриш, Никола Рене, барон
Деженетт – 60

Екатерина II, императрица – 18, 256,
282
Екатерина Павловна, великая княж-
на – 13, 23, 25, 36, 73, 84, 105, 154,
257, 259, 272, 280

Елизавета Алексеевна, императрица
жена Александра I – 21, 91
Ермолов, Алексей Петрович – 73,
74, 92, 93, 100, 101, 125, 126, 132,
133, 159, 196, 239, 271, 275, 286

Жако, Тома* – 138
Жерар, Франсуа – 121
Жерар, Этьен Морис – 126, 239
Жиле, Франсуа* – 138
Жирар, Филипп де – 218–220
Журдан, Жан-Батист – 44
Жювеналь Корбино, Жан-Батист –
216
Жюно, Дан-Андош, герцог Абран-
тишский – 10, 43, 110, 111, 120,
125, 196, 209

Закревский, Арсений Андреевич –
81, 268
Зубов, Платон Александрович – 70,
266
Зуков, Карл фон – 207, 288

Иван III – 18, 178, 182, 223
Иван IV – 252
Иванов, Иван Алексеевич – 166
Изарн, Франсуа Жозеф д' – 164
Иловайский, Иван Дмитриевич –
180, 181, 284
Итасс – 151
Йорк, Людвиг – 43

Кайсаров, Андрей Сергеевич – 83
Камбасерес, Жан-Жак Режи де,
герцог Пармский – 35, 40
Каменский, Сергей Михайлович –
52
Канкрин, Егор Францевич – 73
Карамзин, Николай Михайлович –
135, 229
Карл Юхан – 38, 106, 107
Клапаред, Мишель Мари – 80
Клаузевиц, Карл фон – 77, 78, 117,
173, 267, 273, 283
Кленгель, Генрих фон – 99
Климыч, отец – 284

- Кожина, Василиса – 158
 Козодавлев, Осип Петрович – 92
 Коленкур, Арман Огюстен Луи де,
 герцог Виченцкий – 22, 23, 32,
 35, 40, 66, 97, 126, 129, 142, 145,
 147, 149, 160, 176, 204, 205, 231,
 258–260, 276
 Коленкур, Огюст Жан-Габриель
 де – 126
 Комаровский, Евграф Федотович –
 90, 263
 Компан, Жан-Доминик – 80, 120,
 125, 144
 Коновницын, Пётр Петрович – 82,
 93, 121, 132, 133, 158, 199, 268,
 287
 Констан, Луи – 149
 Константин Павлович – 51, 74, 84,
 147, 274
 Корф, Фёдор Карлович – 51, 73, 120,
 197, 201
 Кочубей, Виктор Павлович – 105
 Крейц, Киприан Антонович фон –
 189, 227, 285
 Крылов, Иван Андреевич – 224
 Куанье, Жан Рош – 87, 143, 289
 Кульнев, Иван Петрович – 98
 Куракин, Александр Борисович –
 28, 39–41
 Кутайсов, Александр Иванович –
 125, 126, 129
 Кутар, Луи Франсуа – 230
 Кутузов, Михаил Илларионович –
 8, 9, 58, 105, 106, 113, 115–117,
 119–127, 129–136, 140, 141, 147,
 148, 154–157, 159, 160, 162, 165,
 167, 168, 173, 175, 176, 191, 192,
 196–199, 208–213, 216, 217, 219,
 224, 226, 239, 242, 243, 252, 253,
 255, 273, 275, 277, 280–282, 286,
 287
 Ла Усе, Арман Лебрен де – 65
 Лабом, Эжен – 188, 190
 Лаво, Шарль де* – 138
 Лавров, Николай Иванович – 73
 Лаланс, Жорж – 153, 280
 Лаллеман – 144
 Ламбер, Шарль де – 52, 215, 216
 Лами – 283
 Ламираль, Жан* – 138
 Ланжерон, Александр Луи Андро
 де – 105, 189, 213, 214, 224, 286,
 289
 Ланской, Дмитрий Сергеевич – 133
 Ларибуазьер, Жан-Антуан Бастон
 де – 123, 142, 177
 Ларрей, Доминик Жан – 46, 60, 61,
 95, 96, 107, 108, 109, 119, 121, 128,
 194, 221, 286
 Латур, Мишель* – 138
 Латур-Мобур, Виктор де – 43, 120
 Левенштерн, Карл Фёдорович – 124,
 191, 269, 275, 286, 290
 Лелорнь д'Идевилль, Франсуа – 26,
 27, 115
 Леонтьев, Михаил Павлович – 72,
 267
 Лепних, Франц – 139, 140, 277
 Леруа, Пьер* – 138
 Лессепс, Жан-Батист – 152
 Лефевр-Денуэт, Шарль – 231, 235
 Лефрансе – 14
 Ливен, Христофор Андреевич – 29
 Лобанов-Ростовский, Яков Ивано-
 вич – 131
 Ложье, Чезаре – 107
 Лоне, Жозеф Карл* – 138
 Лопухин, Пётр Васильевич – 105
 Лористон, Александр Жак Бернар
 Ло, маркиз де – 40, 147, 148, 198
 Луазон, Луи Анри – 230, 235
 Маевский, Сергей Иванович – 15,
 123, 257, 274
 Майи-Нель, Адриан-Огюстен-
 Амальрик – 241
 Макдональд, Этьен, герцог Тарент-
 ский – 43, 62, 63, 98, 157, 226,
 241, 242
 Мале, Клод Франсуа де – 192, 290
 Марбо, Жан-Батист Антуан Мар-
 селлен де – 203, 204

- Маре, Юг Бернар, герцог Бассан-
 ский – 26, 39, 229, 230, 232, 233
 Мария Фёдоровна – 23, 91, 147, 181
 Мария-Луиза – 17, 23, 40, 192, 229
 Марков, Евгений Иванович – 52
 Массон, Василий* – 138
 Массон, Жан* – 138
 Мейер, Конрад* – 138
 Местр, Жозеф де – 238
 Местр, Ксавье де – 238
 Меттерних, Клеменс Венцель,
 князь – 38, 40, 41, 214, 246
 Мешетич, Гавриил Петрович – 102,
 108, 271, 272
 Милорадович, Михаил Андреевич –
 12, 116, 132, 159, 175, 191, 197,
 201, 210, 211, 226, 256, 257, 287
 Мино, Шарль Франсуа – 227
 Миронова, Федора – 158
 Митрофан, брат – 53
 Мишо де Боретур, Александр – 82,
 154, 198, 287
 Монбрен, Луи Пьер де – 43, 78, 97,
 99, 120, 126, 129
 Монтань, Пьер* – 138
 Монтескью, Анатоль де – 65, 229
 Моран, Жозеф, барон де – 101, 126
 Морисо, Лоран* – 138
 Мортемар, Казимир де Рошешуар
 де – 236
 Мортье, Симеон* – 138
 Мортье, Эдуар Адольф, герцог
 Тревизский – 16, 42, 152, 161,
 184, 211, 235
 Муравьёв-Карский, Николай Нико-
 лаевич – 33, 260
 Мусин-Пушкин, Алексей Ивано-
 вич – 146, 278
 Мутон, Жорж, граф де Лобау, мар-
 шал – 148, 231
 Мухин, Семён Александрович – 73
 Мюрат, Иоахим, король Неаполи-
 танский – 10, 12, 13, 43, 62, 69,
 87, 91, 93, 97, 99, 100, 110, 111,
 112, 115, 120, 127, 156, 159, 160,
 175, 176, 177, 209, 217, 223, 230,
 231, 234, 235, 242
 Назаров, Памфил – 53
 Нансути, Этьен Мари Антуан Шам-
 пьон де – 43, 78, 93, 97, 99, 120
 Наполеон I – 8–10, 12, 15–28, 31–33,
 35–42, 45–49, 52, 53, 55–58, 60,
 62–64, 66, 68, 69, 71–73, 75,
 77–79, 81, 85–89, 91, 93–95, 97,
 98, 99, 101, 108–116, 119–122,
 124, 126, 127, 129, 131, 132,
 137–139, 141–144, 146–150, 152,
 154, 155, 160–163, 165, 168, 169,
 171, 173, 175–177, 180, 182, 184,
 186, 187, 190, 192–199, 205,
 208–219, 222–226, 229–232, 236,
 239, 242–248, 251–277, 280–292
 Наполеоновый, Алексей Михайло-
 вич – 184
 Наполеоновый, Василий Михайло-
 вич – 184
 Нарбонн, Луи Мари де – 41, 114
 Нарышкина, Анна Никитична – 156
 Нарышкина, Наталья – 257
 Находкин, Пётр Иванович – 152
 Неверовский, Дмитрий Сергеевич –
 99, 100, 101, 103, 120, 121, 124,
 125, 263
 Ней, Мишель, герцог Эльхинген-
 ский, князь Москворецкий – 10,
 43, 62, 69, 78, 99, 101, 110, 119,
 125, 127, 143, 160, 177, 191–193,
 196, 197, 209, 211, 212, 219, 229,
 235, 239
 Нессельроде, Карл Васильевич – 28,
 259
 Николай I – 6, 53, 252, 253
 Новосильцева, Екатерина Владими-
 ровна – 179
 О'Рурк Иосиф Корнилович, граф –
 239
 Обер-Шальме, Никола* – 138
 Ожеро, Шарль Пьер, герцог Касти-
 льоне – 44, 111
 Оленин, Алексей Николаевич – 189
 Ольденбургский, Георг Петрович –
 23, 24, 259
 Ольденбургский, Пётр – 23

- Опиа, д' (имя неизвестно) – 67
 Опперман, Карл – 118
 Орлов, Михаил Фёдорович – 72, 73, 267
 Орлов-Денисов, Василий Петрович – 111, 159
 Остен-Сакен, Фабиан Вильгельмович – 52, 214
 Остерман-Толстой, Александр Иванович – 93, 99, 120, 126, 132, 133
 Павел I – 36
 Пален, Павел Петрович, граф – 51, 73, 94, 215, 217
 Паоли, Филипп* – 138
 Партуно, Луи – 218, 219, 224, 290
 Паскевич, Иван Фёдорович – 126, 191
 Пейрюс, Гийом – 151
 Перрен, Клод-Виктор, известный как Виктор, герцог Беллунский – 43, 64, 111, 114, 190, 191, 192, 194, 195, 213, 214, 215, 218, 221, 229, 290
 Перси, Пьер-Франсуа – 60, 61
 Пётр I Великий – 18, 54, 91, 260, 264, 268,
 Пивер, Андре* – 138
 Пино, Джакомо (брат генерала, убит в бою) – 176
 Пино, Доменико – 176
 Пион де Лош, Ангуан – 46
 Плана де ла Фей, Никола Луи – 177
 Платов, Матвей Иванович – 51, 73, 76, 79, 115, 120, 129, 132, 133, 136, 167, 191, 195, 196, 212, 220, 222, 226, 229, 230, 234, 235, 239, 286
 Платон, митрополит – 90
 Плозонн, Луи Огюст Маршан, барон де – 124
 Понятовский, Юзеф, князь – 43, 63, 78, 87, 119, 159, 191, 192, 196, 209, 235
 Прадт, Доминик Дюфур де, аббат – 89
 Прасковья – 158
 Прозор, Карл – 85
 Пфуль, Карл Людвиг – 31, 73, 76–78, 82
 Радзивилл, Доминик – 75, 267
 Раевская, М. А. – 104
 Раевский, Николай Николаевич – 51, 71, 80, 101, 102, 103, 118, 120, 126, 127, 132, 133, 135, 175–176, 189, 193, 253, 267, 285, 286
 Разу, Луи Никола – 111
 Рамбах, Фридрих Эберхард – 83
 Рапп, Жан – 125, 176
 Рей-Жолли, Жак* – 138
 Рено, Никола Франсуа* – 138
 Ренье, Жан-Луи-Эбенецер – 43, 63, 99, 111, 157, 192, 214, 270
 Риком, Жан-Батист – 231
 Ришельё, Арман дю Плесси, герцог де – 116
 Роге, Франсуа – 210
 Роз, Пьер* – 138
 Розен, генерал – 200, 201
 Роос, Генрих фон – 13, 170, 187, 289
 Росси, Карло – 252
 Ростопчин, Фёдор Васильевич – 10, 15, 16, 33, 36, 90, 91, 116, 129, 132, 133, 136–142, 155, 161, 162, 179–185, 242, 253, 256–258, 269, 273, 276, 277, 281, 284
 Рошешуар, Луи-Виктор-Леон де (Леонтий Петрович) – 236
 Румянцев, Николай Петрович – 23, 72, 91, 139
 Рустам – 231
 Савари, Анн-Жан-Мари, герцог де Ровиго – 27, 40
 Салтыков, Николай Иванович – 48, 70, 105
 Сапега, Александр – 85
 Себастиани, Бастиан Оноре Франсуа, граф де Ла Порта – 99, 156, 160, 216
 Сеген, Луи* – 138
 Сегюр, Филипп Поль де – 36, 47, 94, 100, 188, 261, 264, 265, 270, 273, 291

- Семан, Огюст Рене* – 138
 Сен-Венсан, Пьер де* – 138
 Сен-Жермен, Антуан Луи Декре де – 93, 216
 Сен-При, Гийом Эммануэль Гиньяр деПьер де – 129, 236, 237, 275, 292
 Сент-Агат, Бенжамен* – 138
 Сераковский, Юзеф – 85
 Серапион, митрополит – 49
 Сергей Радонежский, святой – 90
 Сиверс, Карл Густав фон – 52, 120
 Скопин, И. Г. – 81, 268
 Сонье, Луи – 68
 Сперанский, Михаил Михайлович – 28, 36, 70
 Стасов, Василий Петрович – 252
 Стендаль – 160, 161, 174, 176
 Сюррюг, Адриан – 16, 162, 171, 181
- Талейран, Шарль Морис де – 20, 22, 23, 28, 259
 Тельский, Франциск – 85
 Тербенев, Иван Иванович – 166
 Толстой, Лев Николаевич – 6, 8, 253
 Толь, Карл Фёдорович (Карл Вильгельм фон) – 73, 116, 117, 130, 132, 133, 159, 160, 276
 Тон, Константин Андреевич – 253
 Тормасов Александр Петрович – 52, 63, 71, 73, 98, 99, 105, 111, 157, 185, 192, 211, 214, 263
 Тубо, Доминик Жозеф* – 138
 Тургенев, Александр Иванович – 17, 258
 Тутолмин, Иван Васильевич – 16, 146, 147, 180, 181, 258, 279, 284
 Тучков, Александр Алексеевич – 51, 74, 120, 129
 Тучков, Павел Алексеевич – 74, 110, 111, 274
 Тучков Николай Алексеевич – 129
- Уваров, Фёдор Петрович – 51, 73, 120, 132, 133
 Удино, Никола Шарль, герцог Реджо – 43, 62, 68, 78, 98, 111, 157, 190, 191, 195, 215–219
- Фабер дю Фор, Христиан Вильгельм фон – 188, 285, 291
 Фезенсак, Раймон Эймери Монте-скью, герцог де – 67, 93, 94, 291
 Фейе, Людвиг* – 138
 Фигнер, Александр Самойлович – 200
 Филофей, монах – 272
 Флажак, Норман де – 238
 Франциск I – 85
 Франчески, Жан-Батист – 230
 Фриан, Луи, граф – 101
 Фридрих-Вильгельм – 40
 Фридрих-Вильгельм III – 244, 246
 Фуше, Жозеф – 27, 34
 Фюзиль. Луиза – 279
- Чайковский, Пётр Ильич – 253
 Чарторыйский, Адам Ежи – 31, 32, 48
 Чернышев, Александр Иванович – 28, 48, 62
 Чичагов, Павел Васильевич – 52, 157, 189, 192, 196, 213–219, 224–226, 229, 232, 234, 290
 Чичерин, Александр Васильевич – 13
 Чуйкевич, Пётр Андреевич – 32
- Шамборан, Жан-Антуан Гедеон де – 251
 Шампаньи, Жан-Батист де Номпер де – 22, 259
 Шасселу-Лоба, Франсуа – 217
 Шварценберг, Карл Филипп фон – 44, 45, 62, 63, 99, 111, 157, 192, 214, 226, 241, 244
 Шерон, Александр де – 65, 113, 188, 220, 241
 Шишков, Александр Семёнович – 70, 84, 242, 294
 Штейнгель, Фаддей Фёдорович – 286
 Шуазель-Гуффье, Софья де, урождённая Тизенгаузен – 69, 85, 239, 266
 Шувалов, Павел Андреевич – 51, 104

Эбле, Жан-Батист – 64, 99, 102, 215,
217, 218, 222, 224

Эвертс, Анри Пьер – 200, 201

Эртель, Фридрих – 213, 214

Эртлу, Никола – 60

Эскироль, Жан-Этьен Доминик -
251

Этьен, Никола* – 138

Яковлев, Иван Алексеевич – 147

Ямниц, Самуэль* – 138

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Современное название	Страна	Название в XIX веке
Алитус	Литва	Олита
Вилкавишкис	Литва	Вилковишки
Вильнюс	Литва	Вильна
Гагарин	Россия	Гжатск
Даугавпилс	Латвия	Двинск/Динабург
Елгава	Латвия	Митава
Калининград	Россия	Кёнигсберг
Калтаненай	Литва	Колтыни
Ковно	Литва	Ковно
Львов	Украина	Лемберг
Марьямполе	Литва	Мариенполь
Пилиуона	Литва	Пилоны
Советск	Россия	Тильзит
Тарту	Эстония	Дерпт
Турку	Финляндия	Або

СОДЕРЖАНИЕ

К французскому читателю	5
Предисловие. Новый взгляд на 1812 год	6
 Пролог.....	 12
1. Накануне схватки	20
2. Силы двух сторон	40
3. Вторжение	62
4. В ожидании врага	77
5. Смоленская катастрофа	95
6. Бородино, Москва-река	113
7. Великая армия в Москве	135
8. Освобождение Москвы	169
9. Возвращение в Смоленск	187
10. В бой вступает «генерал Мороз»	206
11. Могила Великой армии	226
Эпилог	244
 Примечания	 255
Источники и библиография	295
Указатель имен	310
Географические названия	318

Научное издание

Эпоха 1812 года

Рэй Мари-Пьер

СТРАШНАЯ ТРАГЕДИЯ

Новый взгляд на 1812 год

*Перевод с французского языка
Алексей Юрьевич Терещенко*

Ведущий редактор *Н.А. Волынчик*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректор *Е. Л. Бородина*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.10.2014.

Формат 60х90/16. Усл.-печ. л. 20.

Тираж 2000 экз. Заказ 6714

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс),

8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

Ату! ату! б'го — проклятый.
 дозину, так милою достану!
 это лакастник, шаловлив
 какъ кошка, а трусливъ какъ
 заецъ! сваятъ разтерять,
 да и самъ чгнать! за дъ
 остракился и вороти
 лся — ач! б'ратчи си
 садчущи, берегите по
 не прозевайте вы его!

э п о х а

Avec le soutien du

www.centrenationaldulivre.fr

